ISSN 0201-470X

Альманах библиофила XIX

Всесоюзное добровольное общество любителей книги

Величайшее из чудес, созданных человеком,— книга воплощает в себе все знания о жизни мира, всю историю мирового разума, весь исторический труд и опыт народов земли,— книга самое мощное орудие дальнейшего развития духовных сил человечества.

МАКСИМ ГОРЬКИЙ

Альманах библиофила

Выпуск 19

МОСКВА «КНИГА» 1985

76.11
А 57

Главный редактор
Е. И. Осетров

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

И. В. Абашидзе, К. С. Айни, В. И. Буйлов,
О. М. Виноградова *(заместитель главного редактора),*
В. И. Десятерик,
Н. Х. Еселев, Е. А. Исаев, А. И. Калашников,
Е. П. Кирилюк, В. В. Кожинов, А. М. Кузнецов,
В. Я. Лазарев, Д. С. Лихачев, А. Э. Мильчин,
Ю. П. Некрошюс, Е. Л. Немировский, А. И. Овсянников,
Л. А. Озеров, П. В. Палиевский, В. А. Петрицкий,
В. Г. Утков, В. В. Чикин

Художник
В. В. Вагин

А $\frac{4501000000-106}{002(01)-85}$ Изд. ВОК.

© Всесоюзное добровольное общество
любителей книги, 1985 г.

Книга
и
жизнь
DIE SCHONE SCHW
MOSC

Друг книги! Это самое емкое, самое простое и широкое, самое понятное и человечное выражение всей темы или области, в которой работают библиотекари и читатели, библиографы и статистики, книгопродавцы и покупатели книг, собиратели и посетители выставок книжной графики, издатели и художники... Особость Друга книги — это его приверженность к книге — как к *слову*.

А. А. СИДОРОВ

Николай Грибачев

НАШЕ ЖИЗНЕННОЕ КРЕДО

Беседу вела К. Хромова

Сегодня гость «Альманаха библиофила» — кандидат в члены ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, секретарь Правления Союза писателей СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, главный редактор журналов «Советский Союз», издаваемого на двадцати языках, «Советский спорт», выходящего на шести языках, и детского журнала «Миша» — на семи языках, автор более пятидесяти книг Николай Матвеевич Грибачев. Видный писатель и общественный деятель только что перешагнул свой 75-летний рубеж, но по-прежнему сохраняет высокую творческую активность.

— Николай Матвеевич, при множестве общественных нагрузок, вы в первую очередь — литератор, который полвека служит отечественной словесности. Прошу вас, давайте немного вернемся в прошлое. В 1934 году вам посчастливилось быть участником Первого съезда советских писателей. Поделитесь своими впечатлениями об этом событии. Какое значение оно имело в вашей творческой судьбе?

— На Первом съезде я был делегатом от писательской организации Карелии. В ту пору мне шел двадцать четвертый год. Съезд — одно из самых ярких впечатлений моей молодости. Это было огромное событие в нашей жизни: ведь съезд сплотил ряды советских литераторов, продемонстрировав всему миру богатство духовной культуры молодой страны Советов... А несколько раньше я присутствовал на Ленинградской писательской конференции, общался с В. Саяновым, Н. Тихоновым, А. Толстым, Г. Фишем, А. Прокофьевым. Это были интереснейшие встречи. И в Москве я познакомился со многими литераторами. На съезде же ошеломляющее впечатление произвел доклад Горького. Жаль, что наша критика редко возвращается к этому докладу в своих работах. Весь зал замер, когда на трибуне появился Алексей Максимович. Сутулая, но при всем том исполненная спокойного достоинства фигура, неторопливая, глухая, окающая речь — слова, перед тем как прозвучать во внимательно настороженном зале, будто задерживались на миг в

Н. М. Грибачев

седеющих висячих усах писателя. Ничего трибунного, проповеднического — просто бывалый человек рассказывает о том, что повидал и передумал в дальних дорогах. Отмахивался от фоторепортеров, ослеплявших его вспышками ламп. Это был не просто доклад, а блестящее по эрудиции и знанию, глубокое исследование о взаимоотношениях труда и искусства, жизни и литературы. Горький поставил важнейшие задачи перед писателями, работающими для народа и рука об руку с народом. В какой-то момент забылись и скромность, и простота оратора — мы увидели в нем великого гражданина, давно предвидевшего приход нового мира и отдавшего торжеству его все силы. Потому

мы и сегодня можем с полным правом сказать: Горький — с нами. В трудах и борьбе, в трудностях и надеждах, в планах и свершениях наших. С нами — как художник и гражданин!

— Горький и сейчас остается одним из самых любимых ваших писателей. Что же главное для вас в его наследии?

— Говорить о творчестве А. М. Горького — все равно, что пытаться вычерпать океан чайной ложкой. Его творческая сила, его неиссякаемость, как и сила и неиссякаемость других колоссов русской литературы, феноменальны, даже загадочны — он создал огромный, неукротимо тяготеющий к светлому будущему мир, мир со своим поразительно разнообразным «населением», со своей «твердью» и «высью», со своими особыми красками. Нужно было обладать необыкновенным зрением художника, чтобы в стремительном мелькании событий, лиц, судеб увидеть то, что он так проницательно увидел; нужно было обладать очень острой силой зрения, чтобы прозревать как человеческие характеры, так и целые явления жизни с их глубинами. Наконец, нужно было обладать невероятной работоспособностью, чтобы столько написать. Пожалуй, его самозабвенный труд можно сравнить только с трудом Льва Толстого.

Стоит особо вспомнить о душевной широте Горького, о его готовности служить людям любым способом. Подумать и поразмыслить всем нам об этом стоит еще раз не ради того, чтобы стать новыми Горькими или Маяковскими — в литературе каждый может быть самим собой и никем другим,— а для того, чтобы стараться так же, как делали это корифеи нашей литературы, исходя из своих талантов и способностей, максимально обогащать ее воинствующей революционной мыслью — как можно богаче, разнообразнее. Следуя блистательным примерам великих людей, мы должны утверждать жизненное кредо строителей коммунизма.

— Горький, мы это знаем со школьной скамьи,— родоначальник советской литературы. Какие черты Горького-художника считаете самыми яркими?

— Горький был в числе тех строителей нового, кто, выражаясь образно, насыпал полотно и укладывал рельсы нового пути жизни. Для него не было проблемы выбора: он знал, куда идет поезд истории и кто в нем машинист. Его по праву называют Буревестником революции и духовным отцом советской литературы. Почему? Потому ли, что много скитался по жизни и хорошо ее знал? Скитались и другие... Потому ли, что с детства знал тяжкий труд? Это было не только его участью... Потому, считаю, что, любя человека, он до конца поверил в преобразующую силу труда. Он понял: главным содержанием нашей эпохи, ее движущей силой является бескомпромиссная революционная

борьба труженика, создающего своими руками все ценности цивилизации, против эксплуататора, беззастенчиво накладывающего на них свою лапу: «Это — только мне!»

Художник нуждается в компасе духовном не меньше, чем путешественник нуждается в обыкновенном. Компасом для Горького была борьба за раскрепощение человека от мерзостей того, что прежде называлось «властью от бога», а ныне на Западе провозглашается «системой свободного предпринимательства». Именно из ненависти к буржуазии родились его гражданские чувства, сформировалось художественное творчество и не уступающая ему в значительности публицистика.

— *Актуальность горьковской публицистики не снижается сегодня?*

— Вот ведь что интересно — статьи, выступления, письма Горького настолько широко и глубоко охватывают проблемы времени, волнующие и литераторов и политиков современности, что так и кажется: замени во многих из них одни фамилии на другие, и они покажутся написанными сегодня... В чем же дело? Не изменился мир? Нет, мир изменился. Жизнь продвигалась вперед, политическая карта земного шара приобрела во многих регионах другую, радующую приверженцев социализма окраску, но не изменилось главное содержание эпохи — борьба угнетенного против угнетателя, труженика — против эксплуататора. Чем глубже вникает художник в судьбы своего народа, в главные идеи времени, с чем большей страстью и беззаветностью служит им, тем дольше, в перспективе — на века, остается он живым в сознании людей. Таким остается для нас Алексей Максимович Горький.

— *Другим выдающимся современником, с которым вам приходилось общаться, был Александр Фадеев. Каким запомнился автор «Разгрома» и «Молодой гвардии»?*

— О Фадееве я вспоминаю как об одном из самых разнообразно и неистощимо интересных людей. Это был признанный талант, имя его рано прославилось. Он жил очень напряженной внутренней жизнью, в вечном поиске, а роль руководителя Союза писателей дополнительно влияла и на его творческую работу, и на его отношения с людьми. И хотя у Фадеева были не только друзья, как и у всякого человека, он всегда обладал мужеством быть доброжелательным, честным и открытым со всеми. Мягко, однако неуклончиво высказывал он свои мнения другим и о других, но никогда не боялся с подкупающей откровенностью говорить и о своих ошибках.

— *Расскажите, пожалуйста, о первой встрече с Фадеевым.*

— Разумеется, я давно знал Фадеева по книгам, в первую очередь по «Разгрому», потом по «Молодой гвардии»,— знал

заочно многие годы, но встретиться с ним впервые мне пришлось только осенью 1948 года. В ту пору он был руководителем Союза писателей и, по моему мнению, находился в расцвете своих духовных сил. За ним прочно установилась репутация крупнейшего таланта, еще не остыло читательское возбуждение от его последнего романа, а в самой близкой перспективе уже виделся новый. Энергия кипела в нем, а направлял ее богатый опыт трудной жизни.

Первая встреча произошла, но не так, как я себе до того представлял — не в Союзе писателей, а на его даче в Переделкине, куда меня пригласил для делового разговора. Был поздний осенний вечер — черный от самых небес до земли, без единого огонька вокруг. Мокрый, зябкий ветер тяжело протекал по елям с глухим, тревожным шумом. Даже дорожки в роще были еле различимы — опавшая листва, еще неделю назад желтая и красная, быстро темнела от сырости, сливаясь с черной мокрой землей. Именно о погоде были первые слова Фадеева, которые я услышал, пока раздевался: «Ночь для Эдгара По, а? Или для лириков-влюбленных. Надо думать, и не замечают, что черт луну съел!.. Вы, кажется, были командиром на фронте?» — «Был».— «За языком по такой поре ходить — не видно, не слышно... А то и самого утянут! Тяжелое дело...»

После нескольких общих фраз мягко, но настойчиво Фадеев стал интересоваться, как я смотрю на те или иные книги и статьи последнего времени. Обстановка и тон беседы располагали к доверчивой откровенности... Позже мне стало ясно: это были своего рода «смотрины» перед выдвижением моей кандидатуры на пост секретаря партийной организации. Тот разговор, помню, на общих пожеланиях и кончился — к Фадееву пришли другие товарищи.

— Первое впечатление оказалось самым сильным? Или были потом такие же?

— Были. Запомнился разговор о романе «Молодая гвардия», который как-то начал он сам. Роман, как вы знаете, подвергся суровой критике. «Сначала я очень обиделся,— признался А. Фадеев.— Очень! Но... Жизнь — она штука такая, возьмет и всыпет нашему брату за амбицию по первое число. Правильная была критика...» И тут предстал передо мною тот Александр Фадеев, каким я его видел потом почти всегда,— увлекающийся, открытый, правдивый и доверчивый к товарищам. Для него во сто крат дороже писательского самолюбия, поначалу уязвленного критикой, была истинная мера партийности и человечности, перед которой все остальное отодвигалось на второй план. Поражала искренняя естественность Фадеева. Я знал, как далеко шагнула его известность, и, кстати, знал это и сам он, но при

всем том был совершенно чужд рисовки, подчеркивания своей особости. И дело тут вовсе не в том, что он опускался до уровня своего собеседника,— не так он был наивен! — а в том, что он поднимал собеседника до уровня своего, чем и создавалась атмосфера непринужденности и дружественности. Не только в домашних условиях, но даже на заседаниях. Мне кажется, объясняется это тем, что он каждому старался быть прежде всего товарищем. Я не знаю причин, которые привели к трагедии, но для меня он навсегда остается таким, каким я его знал. Я люблю его за то, что он очень любил людей, люблю как писателя, который творчеством своим обогащал нашу литературу и культуру и с доброжелательной правдивостью души помогал росту многих талантов. Говорят, каков человек — таково и творчество. Мы не всегда в достаточной степени осознаем эту истину и еще меньше умеем ее применить в деле воспитания молодой смены, но истина эта несомненна. Жизнь и творчество Фадеева целиком, с величайшей силой убедительности ее подтверждают — ясный человеческий характер и правдивый талант, его оставили нам ясные и правдивые книги, которые навсегда пребудут художественным памятником бурному прекрасному времени.

— *Хотелось бы услышать от вас и о других встречах с выдающимися людьми. Вам приходится много путешествовать по свету. В Соединенных Штатах вы когда-то встретились с удивительной женщиной — Этель Лилиан Войнич. Как это произошло?*

— У писателей, как и у их произведений, бывают удивительные судьбы, но то, что случилось с легендарным автором романа «Овод», вообще трудно представить. Когда в 1954 году мы, группа литераторов, ехали в такси на 24-ю улицу Манхэттена, то не верили в реальность происходящего. Сказать по правде, некоторые из нас тогда вообще считали, что автор «Овода» жил давно, и удивились, что он — наш современник. Было известно, тоже немногим, что лет 20 назад Этель Лилиан Войнич переехала в Америку. На этом всякие следы ее обрывались, а так как ей тогда было около семидесяти лет, то предположения можно было строить какие угодно... В Америке ее роман не издавался — пришелся слишком не ко двору. О том, какой жизнью живет «Овод» в Советском Союзе, Войнич почти не знала — у нее сохранилась только одна маленькая, пожелтевшая и растрепанная книжка, изданная на русском языке тридцать с лишним лет назад до нашего визита. Сама писательница думала, что книга ее умерла, что она, как и ее молодость, осталась далеко в прошлом.

— *Как же удалось вам «напасть на след» писательницы?*

— Сотрудник ООН Борисов учился английскому языку у

англичанки, тоже работавшей в ООН, обучал ее русскому языку, попеременно попадая в положение учителя и ученика. Однажды, находясь в роли учителя, он попросил свою ученицу прочитать напечатанную в журнале «Огонёк» статью о Войнич. «Но я знаю эту женщину,— с удивлением сказала та.— Я знаю, где она живет». Счастливый случай помог читателю романа найти автора. Борисов сопровождал нас...

Помню холодное утро в Нью-Йорке. Дул резкий порывистый ветер с океана. Прохожие поднимали воротники пальто. 24-я улица почти безлюдна, довольно унылое место. На всей планете трудней найти угол, который бы так мало подходил для жизни писателя в старости. В тихоходном лифте поднялись на семнадцатый этаж. Мы, восемь человек, с трудом разместились в небольшой комнате, в которой — старый диван, потертые, с вдавленными спинками кресла, покрытый простой скатертью четырехугольный стол. Из окна открывался вид на крыши, красные кирпичные стены соседних домов..

— *Как писательница отнеслась к вашему визиту?*

— Помню, как вошла Войнич — худая, выше среднего роста женщина с белыми волосами и очень простым материнским лицом. Переводчика не потребовалось — она, хотя медленно, подбирая слова, но все же говорила по-русски. Мы рассказали ей о том, что ее книга не только многократно издавалась у нас, но является одной из любимых у молодежи и что по роману «Овод» поставлен фильм. Войнич сидела на диване, опираясь на палку, с которой, очевидно, ходила, иногда поправляла на плечах темный вязаный платок. «Видишь,— сказала она тихо находившейся здесь знакомой,— я не зря тебе говорила, что в России не забыли моей книги».

Мы попросили писательницу рассказать, как была написана эта книга. Войнич поведала, что в молодости была в Париже и увидела в Лувре портрет итальянского юноши, который поразил ее благородством и глубокой задумчивостью лица. Сейчас писательница, которой шел девяносто второй год, не в состоянии последовательно припомнить все обстоятельства создания книги, восстановить их может только ее архив. Беседа текла медленно, с паузами,— чувствовалось, что Войнич очень взволнована и что она устала. Мы просим ее написать несколько слов для советской молодежи. Она села к столу и написала в чей-то блокнот: «Всем детям Советского Союза — прекрасного будущего в мире Мира!» Как мы ни старались сдерживаться, все-таки были слишком шумной и слишком неожиданной компанией в этой комнатке, новым поколением из нового мира. Чтобы не утомлять окончательно Войнич, пробыли у нее лишь немногим больше часа и поднялись. На прощание я сделал несколько снимков.

— *Видела ли Войнич изданные в Советском Союзе свои книги, кроме той, которую вы упомянули?*

— Впоследствии, когда мы выступали с рассказами о поездке в Америку, читатели настойчиво спрашивали, посланы ли Войнич наши издания ее романа и даже — отправлен ли ей... гонорар. В этом проявилась искренняя и трогательная забота о старой писательнице, которая подарила людям удивительную книгу. Разумеется, ответ наш был: да, Войнич посланы советские издания ее романа, гонорар, копия фильма «Овод» и узкопленочный киноаппарат для его демонстрации. Знаю, что для писательницы это было настоящим счастьем, равнозначным возвращению давно ушедшей молодости!

— *Николай Матвеевич, вы издали много книг всех жанров: стихи и поэмы, очерки и рассказы, эссе, литературно-критические статьи, памфлеты, фельетоны, рецензии, путевые дневники, басни, песни, рассказы и стихи для детей, переводы... Есть ли у вас любимый жанр?*

— На ваш длинный вопрос отвечу коротко: я всегда любил экспериментировать, а потому-то и увлекался разными жанрами. Все они мне дороги, хотя не знаю, какой из них удавался больше.

— *Но вы так часто обращаетесь к жанру рассказа...*

— Люблю этот жанр. Рассказ в сжатой форме позволяет о многом поведать. Но даже в нем далеко не все удается исчерпать.

— *Вы росли на Брянщине — в краю, где сам воздух пропитан поэзией. Много знаменитых писателей жили и творили по соседству с вашим родным селом. Впечатления детства, знание деревни и народа, по-видимому, имели немалое значение для вашей литературной работы. С чего началось ваше знакомство с миром поэзии?*

— С частушки. Без нее не обходилась у нас ни одна вечеринка. Село очень большое, даже делилось на части, в каждой — своя гармонь. Вечерами выходили на гулянки парни с гармонями, и надо было что-то петь под гармонь. Я начал «поставлять» частушки. В ходу особенно были злободневные. И никто не заботился об авторстве. Кто бы ни сочинил частушку, ее запоминали сразу и широко разносили.

— *Итак, от частушек вы перешли к поэзии? Некоторые утверждают, что пора для писания стихов — юность. Так ли это?*

— Пора — когда пишется. Начинать надо в юности, когда свежо воображение, не сковано сознание, а заниматься — всю жизнь. Без остановок. Надо рассчитывать на работу, не боясь трудностей, а иногда и «шишек». В моей жизни так и было. В 1934 году я приехал в Смоленск из Карелии, был принят в газету

«Рабочий путь». М. Исаковский и А. Твардовский жили уже в Москве, но в коллективе остались Н. Рыленков и другие хорошие поэты, сильные критики. Критиковали за промахи крепко. Эта хорошая школа запомнилась навсегда. В Смоленске научили меня не обижаться на критику, без которой невозможен подлинный литературный процесс.

— *Мне, читателю, очень нравятся ваши фронтовые стихи. Но не только они — люблю рассказы «День и две ночи», «Белый ангел в поле», повесть «Здравствуй, комбат!» Так пронзительно о войне мог писать лишь ее очевидец и участник. Вернетесь ли вы еще к теме войны?*

— Не знаю. По плану в литературе не работаю — не хватает времени, которое забирают три журнала. Начинал писать «Записки комбата» — не закончил, все по той же недостаче времени. Но, конечно, материалов о войне в памяти накопилось много.

— *Николай Матвеевич, в год 40-летия Великой Победы вы, наверное, не раз мысленно обращались к суровым военным годам... Какие фронтовые награды вам особенно дороги?*

— Из десяти моих орденов самыми дорогими считаю медали «За оборону Сталинграда» и «За взятие Берлина».

— *Мне недавно довелось побывать у вас на родине, в селе Лопушь. Еще была жива ваша мать, о которой всегда с теплотой говорили односельчане. Ефросиния Дорофеевна и в старости, я узнала, старалась сама работать в доме, в саду, в огороде. Вы получили трудовую закалку, конечно, с детства, в семье, где мать была примером?*

— Моя мать умерла на 102-м году. Она слыла в селе и трудолюбивым и мудрым человеком — до последних дней сохранила ясность и широту ума. Помню, когда мне было десять лет, я отказался ходить в церковь. Соседки меня осуждали, а мать заступилась, сказав им так: «Ему, молодому, жить — пусть сам и решает!» Потом из нашего дома исчезли иконы. Прошло какое-то время, и мать сама перестала ходить в церковь. Язык ее был по-настоящему народным — она пересыпала речь свою присловьями, пословицами, поговорками. Любила людей, оживлялась, когда я приводил с рыбалки товарищей. А я гордился тем, что моим гостям в обществе матери не было скучно.

— *Вы не забываете родных мест?*

— Наверно, для любого человека нет краше мест, чем те, где он рос в детстве. В Лопушь приезжаю обычно летом. Это как раз та пора в июне, когда к полуночи день еще не кончается. А вечером все вокруг окрашено в серые, коричневые, фиолетовые, синие, оранжевые и розовые тона. У художников для изображения этого часа, по-моему, просто не хватает красок — я не часто встречал на выставках картины, передающие великолепие русс-

кого предвечерья... Еще гудят пчелы, но уже как-то глуховато, устало. Стремительно растут тени от лип, все дальше протягиваются и притихшие поля, розовым лаком покрыта вода на середине пруда, а возле берега густеет синева, из которой вдруг серебряной стрелкой выскочит верхоплавка или разведет у самого камыша чернильные круги небольшая щука... А раннее утро?.. Какая-то неотвратимая сила поднимает солнце над далеким круглоголовым холмом с двумя березками на вершине, а сосновые леса за рекой на рассвете становятся темно-синими, даже скорее черными, с дымчатым отливом... Чудесная пора!

— В селе Лопушь для вас многое было впервые: первая в жизни школа, первая прочтенная книга и, конечно, первая учительница. Кто она была?

— Мария Васильевна Зверева. Она прожила в Лопуши всю свою девяностолетнюю жизнь. Удивительно, но она для всех односельчан была первой учительницей. У нее учился мой отец. В нашем селе учительница пользовалась непререкаемым авторитетом. Помню такой случай. Во время обеда кто-то из приезжих спросил старого колхозника дядю Ваню, кто старше — он или сидевшая рядом Мария Васильевна. Она бросила на дядю Ваню лукавый взгляд: «Кто же из нас старше, Ванечка, ты?» Дядя Ваня поспешно встал: вытянул по швам свои большие руки с узловатыми пальцами и удивительно мягко ответил: «И рад бы стать старше, Мария Васильевна, да никак это невозможно. Вы моя дорогая учительница, я ваш ученик, еще в 1907 году сдавал вам выпускной экзамен». 65-летний дядя Ваня продолжал стоять перед ней. «Садись, Ванечка»,— сказала Мария Васильевна, как, наверное, давно говорила Ване-ученику, и тот послушно сел.

Из записок нашей учительницы мы узнали историю села. Помню до сих пор эти сведения: «На тридцать шестой версте от Брянска к Трубчевску, на высоком берегу Десны раскинулось село Лопушь, как раз на большаке, по которому когда-то из Москвы в Тавриду ехала царица Екатерина. Напротив села, за рекой, была дубрава, постепенно переходящая в хвойный лес, смыкалась с бесконечными помещичьими и царскими лесами. В них водилось множество зверей. Оттуда нападали на лошадей во время выпаса волчьи стаи, резали жеребят. Край был красив, но мрачен».

— Мария Васильевна Зверева, как я слыхала, не просто первая учительница, но и организатор первой в Лопуши школы?

— Село тогда было небольшим. По крутому берегу стояли табунками, по пять-шесть рядом, хатки, словно сговариваясь убежать куда-нибудь на поиски счастливых мест. Но бежать было некуда: все здесь находилось в клещах помещичьих усадеб Репиных, Брусиловых, Поршняковых. Особняком на круче беле-

ла маленькая церковь. Часто на колокольне церковный сторож бил в набат, оповещая о пожаре. После этого женщины с детьми ходили просить на погорелое. Из церковной пристройки выходила дочь опального в царское время священника, Маша, подавала хлеб, огурцы. Зверева рассказывала, как ее отец поучал дочь: «Это хорошо — подать кусок хлеба ближнему... Только разве по-настоящему это людям нужно? Нужны им книжка, бумага, карандаш... Обучившись, хлеб они добудут сами...» Так стала Маша — Мария Васильевна — учительницей. Кончив гимназию, подготовилась, выдержала экзамен экстерном, получила аттестат на звание сельской учительницы.

Но кого учить? И где? В то время была одна земская школа в Кокине, верст за пятнадцать, да две церковноприходские школы на всю волость. Вот Мария Васильевна и ходила по хатам, уговаривала крестьян построить хотя бы маленькую школу. В ответ слышала: «Нам оглоблю срубить негде, а вы — школу строить. Курица залетит на помещичью землю — штраф. Грибов баба наберет в лесу, мужик бредень затянул — к ответу зовут». Прошел год — сдвигов никаких. И решила Мария Васильевна отдать под школу одну комнату своего маленького жилья. Потребовалось и разрешение начальства и ходатайство крестьян. Она ездила за 60 километров в Трубчевск в телеге — другого транспорта не было, уговаривала, доказывала, добивалась.

Крестьяне сколотили парты, сбили доску, выкрасив ее черной краской. Осенью 1897 года впервые в истории села Лопушь крестьянские дети сели за парты учиться грамоте! Три года просуществовала школа в той комнате. Неожиданно помогла беда: ураган повалил строевой лес. Помещик поставил условие: деревья убрать, а в оплату за это выделит лес на строительство школы. Подняли ее сельские плотники. За чистотой следили ученицы Марии Васильевны. Сторож, местный крестьянин, топил печь. Помещик разрешал возить из леса валежник, но учительница сама должна была сопровождать подводы и при этом следить, чтобы мужики не рубили деревья.

Свои воспоминания Мария Васильевна записала, когда ей было уже 80, закончила она их так: «Я так счастлива, что вокруг меня нет ни одного неграмотного человека! За это я благодарна советской власти, потому что широко открыта дорога ко всеобщему знанию, а это высшее счастье народа, его могучая сила, которой он сокрушит все преграды и добьется такого прекрасного будущего, которое трудно представить даже в мечтах!..»

— *Николай Матвеевич, знаю, вы с двенадцати лет пасли лошадей, пахали, сеяли гречиху. И это не мешало вам пристраститься к чтению. Кто направлял ваши литературные вкусы?*

— В селе своей библиотеки не было. Мария Васильевна Зверева старалась доставать книги для школы, давала и свои. Профессор Бобров, житель нашего села, позволял пользоваться его библиотекой. Мне любая книга была интересна. Подрос, стал ходить на станцию, менял молоко на книги.

— *Запомнилась ли первая прочитанная в детстве книга?*

— Да. Было мне шесть лет. Зимой все подходы к хате заметало, и я едва пробирался через сугробы к дому своих родных. Двоюродный брат Семен учился в первом классе. Чтение ему давалось с трудом. Пока он водил пальцем по строчкам и произносил буквы и слоги, я запоминал. Так и учился читать. Своего букваря у меня тогда не было. В гостях у своего дяди я увидел произведения Гоголя, стал читать все подряд. Прочитанное меня просто потрясло.

Любовь к книгам пронес через всю жизнь и мой отец. Когда я уже был журналистом и возвращался из отпуска от родителей, то он ничего, кроме книг, не просил привозить.

— *Раннее детство—лучшая пора для приобщения к чтению?*

— Думаю, да. Только не принуждать надо, а заинтересовывать. Лично я сужу по своей шестилетней внучке. С детьми надо говорить даже тогда, когда взрослым кажется, будто они вообще ничего не понимают,—в их сознании все равно что-то откладывается. Катя рано научилась читать. В четырехлетнем возрасте знала буквы, гуляя со мною по лесу, проявляла, я бы сказал, острую наблюдательность. Не было ей еще и шести лет, когда я застал ее утром с раскрытым учебником ее брата—это была «Ботаника».

«Разве тебе интересно?»—удивился я.—«Да, тут про растения написано».

— *Вы пишете рассказы и стихи для детей. Скажите, какие книжки нужны детям?*

— Умные и занимательные. Дети довольно разборчивая публика. Внучка мне заявляет прямо: «Эту книжку мне больше не читай». Или: «Это мне не интересно». По моему мнению, надо отбирать из детской литературы самое лучшее, шире переиздавать, ставить заслон литературе скучной, «пластмассовой».

— *В чем вы, Николай Матвеевич, видите преимущество читающего человека?*

— Тот, кто не читает книг, проживает всего одну жизнь, ограниченную личным опытом. Читающий проживет со своими героями, думаю, сотни жизней.

— *Книга сейчас «в моде». Как вы относитесь к этому явлению?*

— Если книга покупается для чтения, это можно только

приветствовать. Книга — лучший подарок для души человеческой.

На Западе издатели, по существу, безразличны к книге, которую им лишь бы сбыть, получить прибыль. У нас принципиально иное отношение, и потому даже к моде я отношусь скептически, к моде всякой, в том числе в одежде. Человеку нужны удобные, красивые, практичные вещи. Пестрота — для попугаев, подражательство — для обезьян. Погоня за модой очень часто означает рабство у чужой прихоти.

Мода на книги имеет несколько граней. С Запада пришло такое явление: сделать книги обстановкой квартиры. Ради «престижности», для хвастовства перед гостями. Это — новомодное мещанство. Но есть другая грань, более устойчивая — любовь к книге за то богатство, которое она дарит уму, воображению, душе.

Думаю, дурная мода на книгу обязательно пройдет, а спрос на нее непременно возрастет! Кстати, у нас книг издается намного больше, чем в любой другой стране мира. И все равно их не хватает! Особенно трудно достать книги для детей. На детскую литературу никогда не было и не будет моды — это спрос! У меня, да и не только у меня, выходили детские книги тиражом в 100 и 200 тысяч экземпляров, а через день-два их раскупали.

— *Николай Матвеевич, книги, разумеется, соучастники вашего писательского труда. Многие ли из них вам помогают?*

— В работе мне помогают все книги. Все! Но никакой системы «работы над книгой» нет. Читаю литературу всякую: советскую и русскую классику, политическую, техническую, детскую... Читаю вперемешку И. Бунина и Л. Толстого, Н. Некрасова и А. К. Толстого. Недавно с удовольствием перечитал Ж. Верна, вновь переживал судьбу 15-летнего капитана. Вспомнились прошлые времена. Словом, я читаю книги только тогда, когда они интересны. Но заглядываю во многие из них снова — для уточнения каких-то сведений.

— *Много ли надо иметь книг писателю?*

— Как можно больше, но все же столько, чтобы книги не выживали хозяев из дома...

— *Как вы собирали свою библиотеку?*

— Перед войной в смоленской квартире у меня собралась солидная и интересная библиотека. На фронт я уходил из Смоленска с полевой сумкой и фотоаппаратом. Вся библиотека погибла... В мирные годы мне удалось собрать другую. Многое есть, но кое-что отсутствует. До сих пор не могу найти «Историю Государства Российского» Н. М. Карамзина. Собрал русскую классику, иностранную, много детских книг. Покупаю миниатюрные издания.

— *А есть ли книги, которые вам особенно дороги?*

— Любая книга мне дорога по-своему. Специальной «коллекционной гордостью» не обзавелся. Наверное, для этого нужно много времени, которого недостает.

— *Что бы вы могли пожелать тем, кто оформляет ваши книги?*

— Наверно, мечта каждого писателя — видеть свои книги как можно лучше оформленными.

— *Николай Матвеевич, вопрос обычный для библиофила: как вы относитесь к современным букинистическим книжным магазинам?*

— У нас, к сожалению, развелось много маленьких книжных магазинов, где продавцам даже негде выложить томики. Думаю, немного толку от подобных «торговых точек». Часто покупатели не знают их адресов. И вот что получается: с одной стороны, мы жалуемся на нехватку книг, а с другой — у нас не всегда налажена торговля ими. «Книгообращение» во многом зависит от букинистической торговли. Чтобы открыть новые каналы для книги, мне кажется, необходимо в каждом райцентре открыть букинистический магазин, а в областных городах — и не по одному. Если заинтересованные организации серьезно возьмутся за это дело, откроется дополнительный доступ читателя и покупателя к книге.

— *Николай Матвеевич, движение книголюбов пользуется большим авторитетом. В чем вы видите его основную задачу?*

— Мы находимся на такой высокой ступени развития духовной культуры, когда проблема пропаганды книги встает в один ряд с заботой о «хлебе насущном». Хочется надеяться, что организации книголюбов в еще большей степени будет отличать творческий дух, поиск новых форм и путей для того, чтобы книга лучше находила настоящего читателя, а читатель — интересующую его книгу.

Павел Куприяновский

«ХВАЛИТ ГОРЬКИЙ»

28 января 1921 года после встречи и беседы с А. М. Горьким Владимир Ильич Ленин направил библиотекарю Кремля записку следующего содержания:

«Прошу достать (комплект) *«Рабочий Край»* в Ив.-Вознесенске. (Кружок *настоящих* пролетарских поэтов.)

Хвалит Горький { Жижин
Артамонов
Семеновский» [1].

Процитированный документ — свидетельство пристального внимания вождя революции к росткам новой культуры, проявившимся после Великого Октября. Возникают вопросы: что это за кружок поэтов, которым заинтересовался Ленин? Что представляют собой упомянутые в записке поэты, которых хвалил Горький? И естественным становится желание знать о «родословной» этого кружка — что предшествовало ему в пролетарской поэзии Иваново-Вознесенска, этого крупного промышленного и революционного центра России?

* * *

Начнем с исторического экскурса.

Иваново (до 1932 года город назывался Иваново-Вознесенском) принято считать текстильной столицей нашей страны. Здесь и в окружающих его городках, поселках, деревнях издавна занимались ткацким и ситцепечатным производством. Во второй половине XIX века текстильная промышленность особенно бурно растет, происходит концентрация капитала, на фабриках формируется пролетариат.

Иваново-Вознесенск в то время стали величать русским Манчестером. Но город, несмотря на развитую промышленность, значительное население и сильное экономическое влияние в регионе, оставался вплоть до Октября на положении заштатного в составе Шуйского уезда Владимирской губернии. В городе не

Д. Н. Семёновский, М. Д. Артамонов, И. И. Жижин. 1921

было казенных и земских учреждений, поэтому население резко делилось на две антагонистические категории — кучка фабрикантов и десятки тысяч рабочих. Этот разительный контраст, обнаруживавшийся во всем облике города, был его первой характерной приметой. Вторая примета — невыносимый социальный гнет, исключительно тяжкие условия труда на фабриках и крайняя нужда рабочих. Все это объясняет, почему в Иваново-Вознесенске и тяготеющей к нему округе так мощно развернулось революционное движение пролетариата. В эпоху первой русской

революции здесь разразилась грандиозная забастовка, продолжавшаяся 72 дня. В ходе ее был создан первый в России общегородской Совет рабочих депутатов — прообраз советской власти. Об иваново-вознесенской стачке В. И. Ленин писал, что она «показала неожиданно высокую политическую зрелость рабочих»[2].

Политическое сознание рабочих формировалось на почве борьбы труда с капиталом, идея социализма все более и более внедрялась в их мировоззрение. Революционное движение тех лет, говорится в постановлении ЦК КПСС «О 80-летии революции 1905—1907 годов в России», «обогатило массы большим политическим опытом, подняло их к сознательному историческому творчеству»[3]. Выражением этого процесса стало, в частности, создание революционной поэзии пролетариата, которая представлена в истории литературы Е. Нечаевым, Ф. Шкулевым, М. Савиным, Е. Тарасовым, А. Белозеровым, И. Садофьевым, А. Поморским и многими другими именами.

Иваново-вознесенский пролетариат, стоявший в авангарде революционно-освободительной борьбы, также не мог не породить своих певцов. Классовое самосознание, чувства и переживания, связанные с борьбой за свои права, вызвали к жизни стихи и песни, зачастую полуфольклорные по происхождению, далеко не совершенные по форме, но весьма характерные для того времени. Эти стихи и песни, как правило, не записывались, и лишь некоторые дошли до нас, главным образом в позднейших воспоминаниях.

Сергей Павлович Шестернин, один из основателей марксистских кружков в Иванове-Вознесенске, общавшийся в 90-е годы с В. И. Лениным, воспроизводит в книге «Пережитое» (Иваново, 1940) песенку, которую сложили и распевали местные фабричные и заводские рабочие:

Лето красное приходит,
Зима морозна настает.
Зима морозна настает,
У фабричных сердце мрет.
С полуночи встает,
На работу поспеет.
На машине задремал,
Праву ручку оторвал.
Праву ручку оторвал,
К отцу-матери послал.
Отец с матерью идут,
Слезы в три ручья текут.
А в народе говорят,
Фабрикантов все бранят.

В его мемуарах приведены также стихи фабричного поэта Ивана Фролова о найме с Покрова, когда заканчивались в

деревне сельскохозяйственные работы и в городах скапливалось много свободных рабочих рук:

* * *

Жмет фабричная контора,
Как в тюремном замке вора...

* * *

Кто не хочет подчиниться,—
Надо с фабрикой проститься.

Естественно, рабочий люд искал выход из создавшегося положения, тянулся к просвещению, к осознанию своих классовых интересов.

Все популярней в народе становились марксистские кружки, книги, в которых разъяснялись смысл борьбы с капиталом, идеи социализма. Большое влияние оказывала вольнолюбивая русская поэзия. Рабочий Никифор Махов, вступивший в марксистский кружок в 1895 году, рассказывает в своих воспоминаниях, что увлечение этой поэзией натолкнуло его на мысль самому складывать стихи: «Иногда после чтения Пушкина, Лермонтова, Некрасова у меня обнаруживался поэтический зуд, но стихи не формировались: в голову лезли и толкались в ней, как комары летним вечером, иностранные термины и, сцепляясь, складывались только на темы социально-политические...» Конечно, в тех стихах еще нет поэзии, но показательно стремление найти место в ней новым словам, близким духовному миру пролетария. В стихотворении «На новый год», посвященном встрече 1896 года, Н. Махов заявляет себя уже «членом славной партии — социальной демократии», осознавшим:

Мы — гроза купцов, царей,
Мы — враги такого строя,
Где бездельники царят,
А рабочих, все создавших,
Страшным голодом морят.

Стихотворение заканчивалось бодрым призывом:

Итак, друзья, вперед! Смелее!
Вот новый год, друзья, вперед!
Нам нужны силы молодые,
На дело в этот новый год.

Стихотворение молодого революционера «На новый год» было отобрано при обыске и сохранилось в жандармском «деле», откуда и перепечатано после Октября в «Иваново-Вознесенском губернском ежегоднике на 1921 год».

Весьма примечательно, что и профессиональные революционеры-ивановцы сочиняли стихи и песни. Находясь во Владимир-

ской тюрьме после поражения первой русской революции, занимались литературным творчеством М. Фрунзе, П. Постышев, П. Симонов. Постышев увлекался поэзией, его любимой песней была «Смело, друзья, не теряйте бодрость в неравном бою». Найдено его стихотворение «1 мая», опубликованное журналом «Радуга» (1967, № 9).

Рассказы Постышева о дореволюционной рабочей жизни, о событиях 1905 года в Иванове-Вознесенске («Горе Марфы», «Телка») вошли в его книгу «Из прошлого», которая неоднократно переиздавалась.

Известно несколько стихотворений и песен Фрунзе. В книге, посвященной его жизни и деятельности, сообщается, что, находясь в ссылке в селе Манзурке Иркутской губернии, он организовал хор, участники которого «подобрали музыку к стихам, написанным Фрунзе в тюрьме. Одно стихотворение было написано в тюремной камере, в те дни, когда он ожидал смертной казни. «Северный ветер» — назвал его Михаил Васильевич. Другое было написано позже. Оно проникнуто бодростью и жизнерадостностью:

Свободная юность бурлит вся потоком
И мчится куда-то вперед, все вперед.
Чего-то все ищет прозорливым оком,
Чего-то от жизни так жадно все ждет[4]».

М. В. Фрунзе — идейный руководитель ивановских рабочих — был широко образованным человеком, прекрасно знал русскую литературу. Революционно-романтическое воспевание свободы в его стихах, безусловно, связано с традициями вольнолюбивой русской поэзии. Эти традиции отчетливо чувствуются в стихотворении «Свобода, свобода!», которое вошло в антологии революционной поэзии (см., напр., сб.: Поэзия в большевистских изданиях. М., 1967).

Легендарной фигурой среди профессиональных революционеров был Р. М. Семенчиков, известный под именем Громобой, которое он позаимствовал из одной баллады Василия Жуковского.

Его судили, он сидел в тюрьмах, в Шлиссельбургской крепости. За подготовку вооруженного восстания был приговорен в мае 1906 года к смертной казни, замененной пятнадцатью годами каторги.

В письмах из неволи, в дневниковых записях, которые вел Семенчиков, ярко раскрывается личность передового русского рабочего, избравшего путь борьбы. «Мне нужна жизнь-подвиг»[5], — писал он. Автобиографически звучит его стихотворение «Путь жизни».

Известно около десяти опубликованных стихотворений Семенчикова.

Стихи и песни, сочиненные рабочими и профессиональными революционерами, широко использовались в агитационных целях — на митингах, нелегальных собраниях, сходках, они попадали на страницы листовок. Так, в листовке «Красные московские дни», выпущенной Иваново-Вознесенским комитетом РСДРП в январе 1906 года, разъяснялись итоги Московского вооруженного восстания и внушалась мысль о грядущей победе; при этом цитировались стихи:

Эй, рабочий люд, дружнее
Поднимайся всюду враз.
И врагам своим покажем,
Что настал свободный час[6].

* * *

Зачинателем пролетарской поэзии в текстильном крае следует по праву считать Авенира Евстигнеевича Ноздрина (1862—1938). Гравер по профессии, он около тридцати лет проработал на фабриках. Много занимался самообразованием, находился под негласным надзором полиции, идейные его искания были связаны с народничеством, марксизмом, даже толстовством. В ранних стихах Ноздрина заметны две струи: обличительная, направленная против фабричных порядков, и лирическая, не лишенная философских мотивов. В. Я. Брюсов называл стихи Ноздрина «очень оригинальной поэзией» и в 1896 году отобрал для издания 32 его стихотворения, озаглавив сборник «Поэма природы». Рукопись, подготовленная к печати, не была опубликована. В настоящее время неизданный сборник вместе с другими стихами Ноздрина хранится в архиве В. Я. Брюсова и ждет своего исследования[7]. Ноздрин и Брюсов встречались, активно переписывались.

Стихотворение «Моя дежурка», переписанное рукой Валерия Брюсова, после смерти Ноздрина публиковалось как брюсовское. Вот это стихотворение:

Я у природы как дежурный.
За всем слежу, на все смотрю.
Люблю я дня покров лазурный,
На нем вечернюю зарю.
Моя дежурка — мир громадный.
О, я величие люблю...
И только смерти беспощадной
Свой пост любимый уступлю.

Звездным часом в жизни и творчестве Ноздрина была революция 1905 года. Еще в 1898 году в стихотворении «У грозного порога» он высказывал предчувствие революции:

А. Е. Ноздрин — председатель Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов

Ждать надо паводка, волны,
Грозы народного подъема...

Под влиянием революционных событий 1905 года в Иванове-Вознесенске Ноздрин написал поэму «Ткачи», которую затем потерял во время скитаний. Восстановленные по памяти фрагменты в виде отдельных стихотворений вошли в изданные позднее сборники поэта «Старый парус» (1927) и «Избранные стихотворения» (1935).

Заглавия стихотворений дают представление об отдельных этапах революционной борьбы ткачей: «9-е января», «Накануне

мая», «Забастовка», «На другой день забастовки», «С Уводи на Талку», «На митинге», «У кроваво-роковой грани». Ноздрин не был сторонним наблюдателем героических событий 1905 года. Еще ранее он завоевал себе большой авторитет среди рабочей массы и с одобрения большевиков его, беспартийного поэта-рабочего, единогласно избрали в ходе стачки председателем Иваново-Вознесенского Совета рабочих депутатов. С мая и до конца 1905 года он находился в гуще событий, работал в контакте с такими идейными руководителями Совета и стачки, как Ф. А. Афанасьев, М. В. Фрунзе, А. С. Бубнов, Н. И. Подвойский, Е. А. Дунаев, С. И. Балашов и др. В долине реки Талки, где ежедневно собирались бастовавшие рабочие, они прошли настоящий «университет» революционной борьбы, закалили свою стойкость и мужество. Вспоминая об этом «университете», Ноздрин писал в стихотворении «В долине Талки» (1933):

Социализм читали в нем:
Товарищ Бубнов — наш нарком;
Всегда одетый скромно, в блузе,
Блистал на кафедре сам Фрунзе;
Был ряд таких профессоров —
Дунаев, Лакин, Балашов...

С наступлением реакции на поэта обрушились преследования. Чудом удалось ему спастись от расправы черносотенцев, которые приговорили его самосудом к смерти. Все его имущество во время погрома погибло. «Книги, накопленные за двадцать лет, рукописи, письма, дневники — все разом превратилось в добычу самых разнузданных, безотчетных страстей», — писал Ноздрин в мемуарной статье «Как мы начинали» [8]. В ней автор подробно и красочно рассказал о том, как в условиях тяжелого рабочего быта и полицейских гонений вызревало и осуществлялось желание передовых рабочих выразить в стихах себя, свои чувства, настроения, идеалы, как они пытались объединяться в творческие кружки, с каким трудом попадали их произведения на страницы печати.

Сам Ноздрин впервые напечатался в 1898 году в прогрессивной газете «Северный край» (Ярославль). До Октябрьской революции он не смог напечатать книгу своих стихов, но сумел организовать два других издания. В 1906 году вместе со своим земляком-ивановцем С. М. Проскурниным он выпускал в Рыбинске сатирический журнал «Дубинушка» (вышло 7 номеров). Чтобы обмануть цензуру, издатели прибегали, в частности, к такому приему — печатали будто бы переводы с новогреческого языка. Так была представлена «Песня кузнеца», а в ней строки:

Куй, разбей ударом молота
Поскорее царство золота.

После Февральской революции Ноздрин издал в Иваново-Вознесенске сборник «Зеленый шум». В нем, кроме Ноздрина, выступившего под псевдонимом С. Полозов, напечатали свои произведения Д. Фурманов («Кавказ»), Д. Семёновский («Песня») и др.

Издатель призывал пишущих «отречься от старых, овеянных духом царизма и полицейского участка слов и найти новые, светлые, свободные»[9].

Почти одновременно с Ноздриным на поэтическую стезю вступил Иван Абрамович Назаров (1878—1962). Сын суздальского каменщика, он перепробовал много профессий. Боевое крещение и закалку получил среди иваново-вознесенских и тейковских рабочих.

В книге «Встречи и письма», вышедшей в 1957 году во Владимире с предисловием Е. Осетрова, Назаров писал: «В течение восьми лет я прошел разные ступени работ и хорошо изучил житье-бытье фабричных рабочих, среди которых пользовался уважением»[10]. В Тейкове он участвовал в известной забастовке 1895 года на фабрике Каретникова. Живя там, установил связь с московским кружком писателей из народа, учредителями которого были Ф. Шкулев и Е. Нечаев. Печататься начал с 1898 года, особенно активно сотрудничал во «Владимирской газете».

В июне 1903 года газета была закрыта. Возвратившись в Суздаль, в 1908 году Назаров выпустил сборник стихов и рассказов «Жизнь и песни».

Читая его произведения, отчетливо можно видеть, какую эволюцию проделал автор: от жалоб на тяжкую рабочую долю («За станком», «В проборной», «Чесальщики», «Дума ткача», «Труженица» и др.) к активному протесту («Братья», «Под знамя боевое», «Нет, я не раб, не раб!» и др.). Цикл «Из песен о свободе», стихотворение «Агитатор» и ряд других произведений явно навеяны событиями революции 1905 года:

Чтоб священную свободу
Угнетенному народу
Всеми силами добыть...

Точную характеристику поэзии Назарова дал в свое время Э. Казакевич в предисловии к книге поэта «Стихи и песни» (Владимир, 1951): «В простых и бесхитростных стихах, полных подлинного чувства, перед нами как бы проходит вся жизнь поэта. Это — жизнь рабочего человека, делившего горести и радости простых людей...»

В 1910-е годы Назаров предпринял издание альманаха «Пробуждение», в котором стремился объединить поэтов —

выходцев из народных низов. Всю жизнь он собирал материал для словаря о писателях-самоучках, идея которого была одобрена А. М. Горьким, К. А. Фединым и рядом других писателей. К сожалению, словарь так и не был издан.

Если Ноздрина и Назарова можно отнести к старшему поколению рабочих поэтов-ивановцев, то А. Н. Благов, М. Д. Артамонов, И. И. Жижин, Д. Н. Семёновский — это уже поколение, вступившее в пролетарское литературное движение после революции 1905 года и активно заявившее о себе на волне нового революционного подъема.

У них есть некоторые объединяющие черты: при сохранении общего революционно-романтического пафоса они более многогранно, чем поэты старшего поколения, раскрывают образ человека; они ориентируются не только на традиции классической поэзии, поэтов-суриковцев, но и стремятся опереться на современную им стиховую культуру. При этом выявляются, конечно, и их индивидуальные пристрастия. Жижин, например, признается в автобиографии, что его любимые поэты — Бунин и Бальмонт[11]; на Семёновского большое влияние оказал Блок, его поэтические искания во многом близки новокрестьянской поэзии (С. Есенин, С. Клычков и др.); Артамонов погружен в стихию фольклора; более традиционен Благов («Пушкин, Лермонтов, Некрасов — мои домашние друзья»).

Александр Николаевич Благов (1883—1961) с 14 лет работал на текстильных фабриках Писцова и Иванова-Вознесенска. Первую политическую закалку получил в забастовках 1905 года, на митингах рабочих, проходивших на Талке, «где волною жаркой речи большевистские лились». Автобиографически звучит «Песня старого ткача» (1935):

Помню я, ребята,
Год великий Пятый —
Встали мы грозою на господ.
Время это славное,
Время это давнее
Никогда в народе не умрет.

Около 30 лет проработал Благов на фабриках, был ткачом, отбельщиком, машинистом, испробовал еще несколько профессий. Поэтому и писал о жизни товарищей по труду как человек, знающий ее изнутри, живущий одними думами с рабочими:

Товарищ рабочий, я знаю
Тяжелую долю твою.
Я сам в этой доле страдаю,
Об ней я и песни пою.

Поэт верил, что «жизнью счастливой, другою рабочий народ заживет».

Оба эти мотива — тяжелая доля народа и вера в грядущую свободу, счастье — составляют содержание дооктябрьских стихов Благова, вошедших в первую его книгу «Песни рабочего» (1919), которая была издана с теплым напутственным словом И. Горбунова-Посадова. Идея борьбы с угнетателями, высокое политическое сознание отличают поэму «Десять писем», созданную накануне Октября.

В советскую поэзию Благов вошел преимущественно как певец рабочей темы, выраженной задушевно, по словам Э. Багрицкого, «без громких фраз и трескотни», в чем он видел коренное отличие ивановского поэта от пролеткультовских певцов молота, наковальни, железа и т. п. (предисловие к сборнику «Ступени», 1932).

До революции Благов публиковался главным образом в мелких столичных журналах. В Иваново-Вознесенске издавалась тогда единственная газета «Ивановский листок», которая придерживалась монархического направления. Естественно, местные поэты стремились держаться подальше от «Ивановского листка». Сначала В. Клюнин предпринял издание журнала «Иваново-вознесенская жизнь», который вскоре прекратил свое существование. Затем М. Артамонов стал выпускать еженедельный журнал «Дым» (окт. 1913 — янв. 1914).

При всей пестроте, присущей этому изданию, у него было два положительных качества: во-первых, вокруг него сгруппировались поэты, связанные с рабочим движением: А. Ноздрин, И. Назаров, А. Рязанов, Я. Лепилов, М. Горбатов и др.; во-вторых, одной из задач редакции, как явствовало из программной статьи «Первый номер», было осветить темные стороны жизни, «среди которых живет народ,— тот народ, который назван великим, могучим, славным русским народом»[12]. Последнее обстоятельство — сатирический уклон — и явилось причиной того, что местные власти закрыли издание на 14-м номере.

В 1913 году Михаил Дмитриевич Артамонов (1888—1958) издал на родине две книжки своих стихов: «Когда звонят колокола» и «Улица фабричная». Если в первой преобладают чисто лирические темы, зачастую навеянные народно-песенными мотивами, то во второй значительное место занимают мотивы социальные. Обращаясь к своей лире, поэт восклицал:

Лира моя, лира,
Лира горемычная,
Спой мне про Иваново,
Про житье фабричное.

Судя по объявлению на обложке книги «Когда звонят колокола», должен был выйти еще третий сборник — «Ворота заперты». В нем, как и в «Улице фабричной», обещаны «главным образом,

стихи из фабричной жизни, из жизни трудящихся масс Иваново-Вознесенска». Но третий сборник так и не вышел. Правда, большое стихотворение под заглавием «Ворота заперты» появилось в журнале «Дым» (№ 10).

Потерпев неудачу с изданием журнала, Артамонов переехал в Петербург, где установил связи с газетой «Правда» и поэтами-правдистами, выполнял задания редакции. На страницах «Правды» опубликовал несколько стихотворений и корреспонденций. Печатался также в близких к «Правде» изданиях — журналах «Работница», «Вопросы страхования» и др. Стихи Артамонова были заменены Горьким и отобраны для первого (1914) и второго (1917) сборников пролетарских писателей. В 1922 году Артамонов сообщал: «В «Правде» я работал с конца 1913 года и до июля 1914 года, когда попал на войну»[13]. Работа в «Правде» была для поэта большой школой, что отразилось после Октября в его журналистской и литературной деятельности.

С газетой «Правда» был связан и другой ивановский поэт — самый даровитый и известный — Дмитрий Николаевич Семёновский (1894—1960). На ее страницах состоялся его литературный дебют: 5 августа 1912 года в газете «Невская звезда» (одно из названий «Правды») было напечатано стихотворение «Брызги, яростные лязги». Знаменательно, что среди героев его дореволюционных стихов мы видим и пахаря-богатыря, и кузнеца, способного выковать «век золотой на земле из века железного». С ними поэт связывает революционное переустройство мира, грядущую свободу и процветание народа, родины, которая становится на долгие годы главной лирической темой его поэзии.

— Тебе — вся жизнь моя и мысли
И песни робкие мои! —

писал Семёновский в 1913 году.

Чему бы ни посвящал свои стихи поэт, они всегда оставались нежной лирикой сердца — чуткого, отзывчивого на все доброе и прекрасное. В послеоктябрьских стихах слышится поистине горьковское любование человеком:

Удивляйтесь друг другу, как дивному диву,
Восхищайтесь друг другом светло!

Его стихи воспринимаются как благовест обновленной свободной отчизне. Первый его сборник так и называется «Благовещание» (Иваново-Вознесенск, 1922).

Высокую оценку творчеству Семёновского дали Блок и Горький. В 1919 году Блок отмечал: «Много рассеяно в этих стихах признаков живого дарования; многое поется, — видно, что

многое и рождается из напева»[14]. В предисловии к книге поэта «Земля в цветах» (М., 1930) Горький писал: «Не многие из современных поэтов могут похвастаться таким знанием русского языка, каким обладает Семёновский... Он — поэт настоящий, «от земли»,— поэт, которого должен знать наш массовый читатель»[15].

Кстати, Горький сыграл большую роль в поэтической судьбе Семёновского. Исключенный в 1912 году с «волчьим билетом» из последнего класса Владимирской духовной семинарии за участие в забастовке, Семёновский был поддержан Горьким. Почти четверть века продолжалось их близкое общение, длилась переписка, о чем превосходно рассказал поэт в книге «А. М. Горький. Письма и встречи» (1938), успешно выдержавшей несколько изданий.

Как мы знаем, в беседе с Лениным Горький хвалил еще одного поэта-ивановца — Ивана Ипатьевича Жижина (1892—1933).

Выходец из крестьян, детские и юношеские годы Жижин провел в Шуе в крайней бедности. Рано начал работать писцом в земской управе, одновременно занимался самообразованием, вошел в кружок поэта А. Д. Сумарокова. Вместе с ним уехал в 1913 году в Петербург, где работал и в то же время учился на общеобразовательных курсах А. С. Черняева. На следующий год в Петербурге состоялся литературный его дебют — в «Новом журнале для всех» и «Дамском журнале» появилось несколько его стихотворений, которые были подписаны псевдонимом Ив. Строганов.

Стихи Жижина 1911—1922 годов вошли в сборник «Мое» (Иваново-Вознесенск, 1922), который открывался посвящением: «Взлелеявшему дух мой — пролетариату Манчестера Красного — посвящаю эту книгу». Горький находил стихи Жижина талантливыми. Они отличались смелостью образов, разнообразием тематики.

С гордостью писал Жижин после Октября о своем городе, где, по существу, сформировался как поэт.

* * *

После Великой Октябрьской революции на ивановском Парнасе произошли разительные изменения.

Иваново-Вознесенск стал центром «красной губернии». Его первые руководители (М. В. Фрунзе, Д. А. Фурманов, И. Е. Любимов, О. А. Варенцова и др.), несмотря на громадные трудности, связанные с военной разрухой, уделяли большое внимание развитию в крае науки и культуры. Деятельность сложившегося при губернской газете «Рабочий край» кружка поэтов была ярким показателем наступившей творческой весны.

Газета сыграла огромную роль в объединении местных литературных сил. По свидетельству секретаря редакции М. Артамонова, она собирала вокруг себя новых авторов из числа рабочих и крестьян, «подбадривала, вела литературные беседы и читки раз в неделю еще в 1919—1920 годах, когда нигде это не наблюдалось» [16]. Вспоминая тяжелые и героические годы гражданской войны, Семёновский писал: «Не до литературы, казалось, было в те дни... В это время голода, холода, разрухи ивановский писательский молодняк, поднявшийся из рабоче-крестьянских низов, черпал силы в художественном творчестве, грелся в творческой среде общих литературных интересов. К «Рабочему краю» упрямо потянулись писатели-самоучки с новым мировоззрением, часто малограмотные, но почти всегда талантливые... Под умелым и опытным руководством тогдашнего редактора «Рабочего края» А. К. Воронского, писателя с прекрасным литературным вкусом, молодежь сомкнулась в крепкое литературное ядро» [17].

Александр Константинович Воронский, приобретший впоследствии широкую известность как редактор первого советского литературно-художественного журнала «Красная новь» (на этот пост он был выдвинут Лениным) и как выдающийся критик, редактировал газету «Рабочий край» с июня 1918 по январь 1921 года. Он много сделал для творческого развития местных литераторов. На страницах газеты были введены рубрики «Пролетарские поэты» и «Поэты „Рабочего края“». В заметках под названием «Литературная хроника», «Литературные новости» газета широко информировала о выходе новых книг, журналов. Хорошо был налажен отдел библиографии. Статьи редактора, а также других авторов направляли творчество поэтов в определенное идейно-художественное русло. В помощь начинающим печаталась серия статей о ритмах, образах, звуковой организации стиха. Учеба продолжалась и на «литературных вторниках».

Существенное значение имело то, что в редакции «Рабочего края» трудились шесть поэтов: Д. Н. Семёновский, М. Д. Артамонов, И. И. Жижин, А. Е. Ноздрин, С. А. Селянин, А. А. Баркова. По словам Селянина, редактор часто обращался к ним с предложением давать стихи для очередного номера; а правили поэты материалы так, что в газете «не было места сухим, казенным заметкам... Каждая заметка была литературной, рисовала живую картину» [18]. Все это придавало газете «литературный уклон», хотя, конечно же, в первую очередь она оставалась газетой общественно-политической. Да и сами поэты активно включались в общественную работу. «Кружок «Рабочего края»,— отмечал Семёновский,— всегда принимал самое живое участие во всех политических кампаниях города. Писатели выступали со своими

СНОП

СБОРНИК
СТИХОВ И РАССКАЗОВ.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ТРЕТЬЕЙ
ГОДОВЩИНЕ ОКТЯБРЬСКОЙ
РЕВОЛЮЦИИ.

Иваново-Вознесенское Отделение
Государственного Издательства
1920

Г. КИНЕШМА.
3-я Государственная Типография
Г. С. Н. Х.

Сборники произведений пролетарских писателей, изданные в Иванове-Вознесенске

произведениями на митингах, публичных лекциях, в рабочих клубах, в красноармейских театрах...» (Рабочий край, 1928, 5 мая). Бурную общественную деятельность в это время вел будущий автор «Чапаева». На страницах «Рабочего края» и его предшественницы — газеты «Рабочий город» (ноябрь 1917 — март 1918) Фурманов опубликовал несколько стихотворений, очерков, «Легенду об унглах», но ярче всего писатель проявил себя как публицист. Уехав в начале 1919 года на фронт, он регулярно посылал оттуда статьи и очерки; некоторые из них вскоре станут источниками романов «Чапаев» и «Мятеж».

Кружок поэтов и писателей «Рабочего края» не был изолирован от «большой литературы». Преодоление узкопровинциальных рамок в литературе достигалось разными путями. Во-первых, на страницах самой газеты — и прежде всего в статьях Воронского — ставились и обсуждались проблемы, имевшие магистральное значение для формировавшейся советской литературы: отноше-

ние к классическому наследию, литература и революция, вопрос о пролетарской литературе и др. Во-вторых, в «Рабочем крае» публиковались не только произведения местных авторов, но и М. Горького, А. Серафимовича, Д. Бедного, В. Маяковского, С. Есенина, Р. Ивнева, С. Городецкого и др. В-третьих, с произведениями ивановцев знакомились и давали оценку выдающиеся художники слова А. Блок, В. Брюсов, А. Луначарский. Все это не могло не сказываться благоприятно на идейно-художественном развитии членов кружка.

Нельзя не отметить активность ивановских литераторов в установлении творческих контактов. Задумав в 1920 году издание журнала «Светлая явь», они намеревались обратиться с просьбой о сотрудничестве к Горькому, Блоку и другим писателям[19]. Редактором альманаха «Начало» И. Жижиным в 1922 году было послано письмо-приглашение В. Брюсову[20]. Начиная со сборника «Крылья свободы», привлекались к участию в изданиях столичные поэты. Особенно представителен был альманах «Начало» (1921, № 1; 1922, № 2-3). В альманахе печатались произведения А. Неверова, П. Низового, В. Казина, С. Клычкова, С. Городецкого, В. Нарбута, Н. Мещерякова, А. Воронского, Н. Бельчинова и др. Первый номер «Начала» был послан В. И. Ленину, он имеется в его кремлевской библиотеке.

Исключительное значение для ивановских литераторов имело общение с ними Горького и Луначарского, поддержка, которую они оказывали.

При встречах с Семёновским и в письмах к нему Горький живо интересовался творчеством ивановцев, просил присылать их произведения, помогал продвижению в печать. Именно через Горького стихи местных поэтов попали на отзыв к Блоку. Горький получал отдельные номера газеты «Рабочий край», сборники «Крылья свободы» (1919), «Красная улица» (1920), «Сноп» (1920) и др. Деятельность кружка поэтов при газете «Рабочий край» представлялась ему настолько значительной, что он заинтересовал ею В. И. Ленина.

Большую заботу о поэтах-ивановцах проявил нарком просвещения А. В. Луначарский, который познакомился с некоторыми из них во время приезда в Иваново в апреле 1919 года. Он оказывал помощь в издании сборника стихов М. Артамонову; книга А. Барковой «Женщина» (1922) вышла с его предисловием. Критик одобрительно отозвался о первом коллективном сборнике стихов ивановских поэтов «Крылья свободы» (Новая поэзия.— Известия, 1919, 27 нояб.). По инициативе Луначарского Наркомпрос республики выделил в 1921 году иваново-вознесенским поэтам десять специальных пайков.

В письмах тех лет Горького к Семёновскому и Луначарского

к Барковой затрагивались важные вопросы социалистического искусства. Их советы становились достоянием не только адресатов, но и других членов кружка, что не могло не оказывать на них благотворного влияния.

Творчество поэтов «Рабочего края», разумеется, не было свободно от того, что впоследствии Семёновский назвал «сором». Но в целом им было чуждо пролеткультовское представление о литературе. В центре их внимания стоял человек с его земными радостями, чувствами, переживаниями. В лучших стихах проявились искренний революционный пафос, любовь к обновленной родине, близость к природе, народному творчеству, естественное объединение мира деревенского и мира городского. На последнюю черту творчества иваново-вознесенских поэтов указывал А. Воронский в статье «Песни северного рабочего края», опубликованной в журнале «Красная новь» (1921, № 2). Причину такого объединения критик видел в особенностях жизни ивановских ткачей, зачастую еще не порвавших связей с деревней. Он так писал о кружке поэтов, которых хорошо знал по совместной работе в газете «Рабочий край»: «Это подлинный рабоче-крестьянский демос... Это большой поэтический выводок, вскормленный полями, рабочей околицей и гулом фабрик. Факт примечательный, о котором нужно знать всей мыслящей Советской России.

Он свидетельствует еще раз, что в нашем народе, в недрах его, таятся большие духовные богатства и что не напрасны наши надежды, что на смену литературе старых господствующих классов трудящиеся смогут выдвинуть своих поэтов, романистов, художников...» [21]

Статью «Песни северного рабочего края» можно рассматривать как прямой отклик Воронского на беседу Ленина и Горького о «кружке настоящих пролетарских поэтов» при иваново-вознесенской газете. Содержание цитировавшейся записки Ленина ему было, безусловно, известно. Не случайно главное внимание в статье уделено именно тем поэтам, которые названы в ленинской записке,—Жижину, Артамонову, Семёновскому.

Эти поэты были самыми значительными в кружке. Всего в него входило свыше 20 человек, среди них, кроме упоминавшихся поэтов—сотрудников «Рабочего края»,—старый газетчик Василий Алексеевич Смирнов (заместитель редактора), поэтическая молодежь: комсомольский работник С. Огурцов, журналист Н. Смирнов, участники гражданской войны Н. Колоколов, Е. Вихрев и др. Со временем некоторые из кружковцев стали известны в литературе. В их творчестве слышатся голоса той суровой эпохи, когда был низвергнут старый мир и шла борьба за мир новый, дотоле неведомый. Каждый из них мог бы подписать-

ся под стихами своего товарища — бывшего пастуха, окопного бойца, безвременно скончавшегося поэта Сергея Сёмина, который писал, обращаясь к современникам и потомкам:

Живите, чувствуйте, горите,
Во имя радости, любви.
Любя, сгорайте, жизнь творите,
Жизнь засевайте на нови.

Творческая активность поэтов-ивановцев была настолько значительна, что о них, как примечательном литературном явлении, не раз писали на страницах столичной печати. Первым включил их достижения во всесоюзный литературный поток А. Воронский. В упомянутой нами статье он возвестил, что в одном из видных пролетарских центров страны создается новая литература, рожденная Октябрьской революцией. С. Городецкий в «Обзоре областной поэзии» (Печать и революция, 1922, № 2) отметил Иваново-Вознесенск как «крепкое гнездо» лирики, а более развернуто написал об ивановских поэтах в статье «Деревенские соловьи» (Город и деревня, 1923, № 2), подчеркнув, что они подошли «к главной теме наших дней — к теме смычки деревни с городом»[22]. В учебной литературе 20-х годов творчество ивановских поэтов выделяется особо. Так, в хрестоматии «Книга для чтения по истории новейшей русской литературы», составленной А. В. Львовым-Рогачевским (Л.: Прибой, 1926, ч. 1, с. 471—485), есть раздел: «Лирика. Иваново-Вознесенский ткацкий район».

Следует отметить и такой факт. По данным библиографа Н. П. Рогожина, по числу выпущенных альманахов и сборников в первые годы революции Иваново-Вознесенск занимал третье место в РСФСР — вслед за Москвой и Петроградом[23]. Кроме упомянутых выше, назовем сборники «Взмах» (1921), «Живописное слово» (1921), «Коробейник» (1922). В первую половину 20-х годов начинают также издаваться журналы «Новый быт», «Ткач», «Красный ткач» и др. Правда, их существование было непродолжительным, но они по-своему обозначили новый этап в развитии литературы текстильного края.

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 52, с. 58.
2 Там же, т. 11, с. 314.
3 Коммунист, 1985, № 2, с. 4.
4 Гамбург И. К., Хорошилов П. Е., Санович Г. А. и др. М. В. Фрунзе: Жизнь и деятельность/Под общ. ред. Ф. Н. Петрова. М., 1962, с. 63.
5 Рябинин А. Н. Материалы для биографии Р. М. Семенчикова (1877—1911). М., 1922, с. 19.
6 Листовки Иваново-Вознесенской большевистской организации 1900—1917 годов. Иваново, 1957, с. 128.

[7] ГБЛ, ф. 386, карт. 58, ед. 9.
[8] Лит. наследство. М., 1934, т. 15, с. 185.
[9] Зеленый шум. Иваново-Вознесенск, 1917, с. 11.
[10] Назаров И. А. Встречи и письма. Владимир, 1957, с. 171.
[11] ЦГАЛИ, ф. 1624, оп. 1, ед. 64.
[12] Дым, 1913, № 1, с. 1.
[13] Цит. по ст.: Бережной А. Воспитанный «Правдой».— Рабочий край, 1962, 15 мая.
[14] Блок А. Собр. соч.: В 8-ми т. М.; Л., 1962, т. 6, с. 344.
[15] Горький М. Собр соч.: В 30-ти т. М., 1953, т. 25, с. 266—267.
[16] ЦГАЛИ, ф. 1698, оп. 1, ед. 32.
[17] С. <Семеновский Д.> Писатели «Рабочего края».— Рабочий край, 1928, 5 мая.
[18] Селянин С. Поэзия в «Рабочем крае».— Рабочий край, 1924, 5 сент. См. также: Артамонов М. В редакции.— В кн.: Ловцы новостей: Сб./Под ред. П. Краснова. М.; Л., 1930, с. 164.
[19] Жижин И. Первый журнал.— Рабочий край, 1920, 27 нояб.
[20] ГБЛ, ф. 386, карт. 85, ед. 57.
[21] Воронский А. Литературно-критические статьи. М., 1963, с. 54.
[22] Городецкий С. Жизнь неукротимая: Статьи. Очерки. Воспоминания. М., 1984, с. 207.
[23] См.: Рогожин Н. П. Литературно-художественные альманахи и сборники. 1918—1927 годы. М., 1960, с. 7.

С. Шувалов

ОБЩЕСТВО ПРОПАГАНДИСТОВ КНИГИ

Одна из главных духовных ценностей, которыми богато советское общество,— книга. В условиях развитого социализма она не просто свидетельство нашего непрерывного культурного роста, она органично вошла в социалистический образ жизни, стала его неотъемлемой составной частью. Устойчивый, можно сказать, жадный интерес к чтению у советского человека, в чем мы постоянно убеждаемся, меняет и отношение к книге тех, кто занимается её популяризацией, ее распространением.

Книга — действенное средство коммунистического воспитания. Этим девизом руководствуются те, кто занят живой, увлекательной, в то же время ответственной работой по пропаганде книги.

В идейно-политической работе пропагандистов книги руководящими стали задачи пропаганды советской литературы по всем отраслям знаний, дальнейшего повышения сознательности читательских масс, приобщения их с помощью книги к активной трудовой и общественно-политической деятельности.

Большую роль в решении задач по коммунистическому воспитанию подрастающего поколения, всех трудящихся играет Всесоюзное добровольное общество любителей книги. О работе книжного общества написано и сказано немало. Хотелось бы рассказать о деятельности ВОК на современном этапе, когда члены Общества — пропагандисты книги, как и вся страна, мобилизуют свои усилия, чтобы достойно встретить XXVII съезд КПСС.

Всесоюзное общество любителей книги было создано более десяти лет назад. Сегодня это массовая организация, насчитывающая в своих рядах 16 миллионов любителей книги. Основанное на принципах демократического централизма, оно объединяет 15 обществ союзных республик, отделения которых существуют во всех автономных республиках, областях, краях. На предприятиях и стройках, в колхозах и совхозах, учреждениях и учебных

заведениях действует 194 тыс. первичных организаций ВОК.

Действенность и жизнеспособность Всесоюзного книжного общества, созданного по инициативе учредителей — Госкомиздата СССР, Центросоюза, Министерства культуры СССР, Министерства просвещения СССР, ВЦСПС, ЦК ВЛКСМ, Союза писателей СССР,— подтвердились его полезной десятилетней деятельностью, широкой популярностью среди книголюбов. Общество заняло свое достойное место в жизни страны.

Усилия Общества книголюбов направлены не просто на развитие эстетических вкусов и расширение литературного горизонта массового читателя. Участие членов Общества в пропаганде книги способствует выработке у рабочих, колхозников, интеллигенции активной жизненной позиции, коммунистического мировоззрения. Сами же распространители книги приобретают ценнейшие навыки — навыки агитационно-пропагандистской работы в массах.

Работа пропагандистов-книголюбов имеет и обратную связь. Систематически изучая читательский спрос, анализируя его, организации Общества оказывают воздействие и на формирование издательских планов; издатели учитывают замечания относительно полиграфического качества, художественного достоинства выпускаемых книг.

Книга — народное богатство, и для членов ВОК не безразлично, как используются читателями два миллиарда экземпляров издающейся ежегодно в стране общественно-политической, художественной, научно-технической, сельскохозяйственной и другой литературы. «Каждой книге — свой точный адрес» — этот принцип взят на вооружение работниками ВОК.

Без книги сегодня нельзя представить досуг советского человека, несмотря на то, что в отдых трудящихся существенные коррективы вносят телевидение и кино. Помочь найти интересную, необходимую для плодотворного труда и отдыха литературу и призвано Всесоюзное общество любителей книги, особенно его первичные организации.

С этой целью улучшается система заказов на литературу в трудовых коллективах, расширяется сеть народных книжных магазинов и киосков, которых сейчас насчитывается более 12 тысяч. Стабильно работают на фабриках, заводах, стройках, в колхозах и совхозах миллионы энтузиастов — членов Общества. Большой популярностью пользуются встречи с издателями и писателями, проводимые пропагандистами-книголюбами: диспуты о прочитанных новинках, читательские конференции и т. д.

Многолетний опыт показал: там, где партийные организации оказывают Обществу книголюбов должное и постоянное внимание, высок и авторитет актива пропагандистов книги. Книголю-

бы здесь стали верными помощниками партийных комитетов и руководителей предприятий в организации идейно-политического, трудового и нравственного воспитания трудящихся.

Замечательным примером всемерной поддержки начинаний Общества является участие в них руководящих партийных работников Москвы, Ленинграда, Грузии, Молдавии, Украины, других союзных республик, многих областей и районов. Сотни организаций возглавляют партийные работники, члены партийных комитетов.

На счету книголюбов немало хороших дел. В Тернополе, например, открыт методический центр по пропаганде книги; в Латвии, Литве, Эстонии, Азербайджане, Москве, Ленинграде стали традицией праздники книги. Летом 1984 года 12 тысяч книголюбов Ленинграда собрались во Дворце спорта на встречу с писателями и издателями, весь сбор от которой передан в Фонд мира. Перечень полезных дел книголюбов можно было бы продолжить...

ВОК — это одно из многочисленных звеньев социалистической демократии, активно влияющих на развитие высших духовных ценностей советского общества, укрепляющих связь партии с массами. Работая под началом партийной организации, Общество книголюбов совершенствует формы и методы своей деятельности. Оно всецело руководствуется постановлениями ЦК КПСС. Меры, осуществляемые партией и государством по улучшению стиля, форм и методов работы, укреплению трудовой дисциплины в коллективах, благоприятно сказываются и на деятельности книголюбов. Благодаря этим мерам совершенствуется структура Общества, расширяется связь актива с читательскими массами, улучшается работа каждого звена в структуре ВОК, повышается ответственность штатных работников и многотысячного актива Общества за порученный участок работы и общественной деятельности.

Общественные научно-методические советы, созданные при нем и при краевых и областных правлениях, способствуют повышению эффективности пропаганды, совершенствованию стиля работы Общества. Сами они опираются на прочную методическую базу литературных музеев, библиотек, кабинетов и домов политического просвещения. Руководящий орган ВОК — Центральное правление, избираемое на Всесоюзных съездах сроком на пять лет. За прошедшие годы, как показала отчетно-выборная кампания 1984 года, Общество книголюбов не только пополнилось количественно — выше стала ответственность пропагандистов книги за выполнение задач, возложенных на них.

Конференции и съезды в областях и краях Российской

Федерации, в других союзных республиках, III Всесоюзный съезд ВОК подтвердили, что организационные формы книжных обществ, традиции литературных объединений, существовавших в прежние годы, на нынешнем этапе стали принципиально иными и получили свое дальнейшее развитие в деятельности ВОК. Вступление в ряды ВОК рассматривается прежде всего как желание внести свой вклад в дальнейшее совершенствование общества развитого социализма.

Сегодня, когда международная обстановка остается напряженной по вине агрессивных кругов Запада, а империализм прибегает ко все более изощренным методам идеологических диверсий, ВОК считает своим первейшим долгом разоблачение лжи и клеветы классовых врагов. Непосредственный вклад членов ВОК — это наступательная пропаганда коммунистических идеалов, воспитание политической бдительности с помощью книги. Сюда входит прежде всего изучение первоисточников марксизма-ленинизма, материалов съездов КПСС, важнейших решений партии и правительства, книг, наглядно раскрывающих преимущества социалистической системы, справедливость внутренней и внешней политики Советского государства.

Как показывают статистические данные, потребность в книге непрерывно растет. У нас ежегодно выпускается около восьми экземпляров книг на душу населения, число постоянных читателей в СССР превышает 95% взрослого населения и школьников.

В настоящее время при активном содействии Госкомиздата СССР улучшается обеспечение библиотек, им оказывается методическая помощь со стороны Министерства культуры СССР независимо от ведомственной принадлежности — одним словом, делается все необходимое, чтобы книга пришла в каждый дом, причем книга не случайная, а необходимая.

Но массовость книгочтения не должна скрывать недостатки в организации книжного дела. Изучение работы многих библиотек показывает, что значительная часть книг в них ни разу не выдавалась читателям. Плохо посещаются библиотеки Армении, Туркмении, Узбекистана, ряда областей РСФСР. Организации ВОК призваны способствовать активному использованию общественных книжных фондов. С помощью книголюбов надо сделать библиотеку местом притяжения читателей, добиться того, чтобы вокруг книги кипела жизнь, объединяющая библиотекаря и читателей на основе глубокого интереса к ней.

Два года назад Верховным Советом СССР был принят Указ о совершенствовании библиотечного дела в стране. Читательские конференции, встречи с авторами, вечера устного чтения, библиографические обзоры новых поступлений, лекции по книговедению, выставки, праздники книги, работа по реставрации книг —

вот далеко не полный перечень форм деятельности книголюбов, радетелей за совершенствование отечественного библиотечного дела. Принимаемые государством меры по улучшению использования библиотечных фондов призывают книголюбов еще активней способствовать приходу книги в каждый дом, к каждому человеку.

Изучая опыт работы первичных организаций, ВОК одной из самых удачных форм признало объединение читателей по интересам. Популярными стали народные читательские клубы и университеты «Книга». «Клуб — одна из важнейших позиций для просвещения»,— отмечал В. И. Ленин (Полн. собр. соч., т. 45, с. 273). Можно с удовлетворением отметить, что с каждым годом увеличивается число тех, кто посещает читательские клубы, занимается в университетах «Книга». В последних можно хорошо изучить основы книговедения, приобщиться к азам библиофилии, то есть научиться пользоваться библиографическими источниками, что немаловажно при работе с книгой. К сожалению, несмотря на массовость слушателей университетов, возможности их используются далеко не в полной мере. В некоторых из них учеба сводится к прослушиванию лекций. В то же время уровень лекций не всегда высок, так как многие лекторы и преподаватели пока не получают необходимую научно-методическую помощь от Общества книголюбов. Программа обучения разработана слабо, учебных пособий недостаточно. Не в полной мере используются в работе университетов «Книга» возможности кино, радио и телевидения.

Между тем университеты «Книга», повторю,— одна из важнейших форм идеологической работы в массах. Поэтому, думается, областным, городским, районным организациям Общества следует принять меры по совершенствованию учебно-воспитательной работы университетов, дальнейшему развитию их по отраслям знаний, используя активные формы занятий: семинары, подготовку рефератов, конференции, диспуты, экскурсии и т. д. Особое внимание надо уделять обучению практическим навыкам работы с книгой. И разумеется, самая неотложная задача — обеспечение учебно-методической литературой. Народным университетам следует теснее взаимодействовать с секцией «Книга» при Центральном совете народных университетов общества «Знание».

Пропаганда произведений классиков марксизма-ленинизма, пропаганда политики КПСС, как известно, одна из основных функций кабинетов политпросвещения. Естественно, она находит свое продолжение в работе существующих при Обществе клубах по пропаганде общественно-политической литературы, а также в деятельности научно-методических советов правлений обществ,

действующих на базе Домов политического просвещения, их библиотек. Повысить библиографическую культуру пропагандистских кадров, библиотекарей, слушателей системы партийной учебы, экономического образования — задача, совместно решаемая сегодня кабинетами политпросвещения и Обществом книголюбов.

Клубы книголюбов, созданные на предприятиях, стройках, учебных заведениях, объединяют широкую аудиторию и способствуют удовлетворению самых разных читательских интересов. Разумеется, и здесь работа членов Общества книголюбов тесно смыкается с деятельностью партийных организаций. В клубные дни, посвященные роли книги в идеологической борьбе, проходят встречи с писателями — с ветеранами Великой Отечественной войны, политическими обозревателями, с коллективами издательств, выпускающих общественно-политическую литературу. Центральное правление ВОК разработало и выполнило широкую программу для проведения таких клубных дней. К 40-летию Великой Победы, например, повсеместно проходили вечера на тему «Сражающаяся книга». Это были вечера, в сущности, посвященные идейно-патриотической роли книги в жизни советского народа.

Особое значение Общество придает пропаганде книги среди школьников. Реформа общеобразовательной школы требует от него еще большей помощи учителям, пионервожатым, библиотекарям. Общество книголюбов воспитывает культуру чтения, бережное отношение к книге с самых ранних лет. Чем раньше прививается ребенку почтение к книге, тем больше мы получаем нравственной отдачи от будущего гражданина. Вот почему такое большое значение придается Обществом, казалось бы, сугубо практическому делу — школьным мастерским по реставрации книг.

В отличие от Всесоюзного общества «Знание», пропагандирующего с помощью лекторов широкий круг знаний, ВОК ведет свою общественную работу только через книгу. В этом и своеобразие и сложность его работы, ведь на Обществе лежит ответственнейшая задача — прививать детям и молодежи серьезный и устойчивый интерес к ней.

«Книжкины больницы», где ребята своими руками продлевают жизнь учебникам, школьным библиотечным фондам, помимо трудовых навыков, прививают детям любовь к книге как к культурной ценности. Забота юных книголюбов о книге, занимающихся столь полезным делом в свободное время, дает и немалый экономический эффект в условиях бесплатного обеспечения школьников учебниками. Чуткий учитель найдет возможность рассказать школьникам о профессии полиграфиста, затра-

тах на создание книги. Существование «книжкиных больниц», как видим, имеет большое воспитательное значение.

Книголюбы сегодня — это пропагандисты, которые с классовых позиций доносят через книгу до каждого читателя все острые проблемы современности.

Книголюб на производстве — это человек, обладающий большим запасом политических и экономических знаний, знакомый с путями совершенствования форм и методов социалистического хозяйствования. Такой книголюб может по-настоящему способствовать дружбе с экономической книгой и рабочего, и колхозника, тем самым содействуя воспитанию добросовестного, подлинно коммунистического отношения к труду, сознательной дисциплины и нетерпимости к недостаткам.

Книги, пропагандирующие решения партии и правительства по вопросам совершенствования экономики, повышения эффективности труда, ускорения научно-технического прогресса, находятся в центре внимания энтузиастов Общества — распространителей книжной продукции на производстве. Опыт передовиков благодаря книге становится достоянием миллионов людей, а сама книга — мощным средством экономического образования масс.

Дальнейшее совершенствование деятельности первичных организаций Общества — главная задача Центрального и республиканских правлений ВОК, которые развивают инициативу рядовых членов, находят пути поощрения творческого отношения к делу пропаганды книги. Актив Общества составляют лучшие люди производства — новаторы, ударники коммунистического труда, наставники молодежи, ветераны труда. Многие из них отмечены за бескорыстный вклад в дело коммунистического воспитания Почетными грамотами и дипломами Центрального правления ВОК. Это, например, известный поэт, депутат Верховного Совета СССР, председатель правления Общества книголюбов РСФСР Е. А. Исаев, заслуженная учительница РСФСР Е. Б. Волынец, рабочий типографии «Коммунист» города Таллина О. О. Элланди и многие другие.

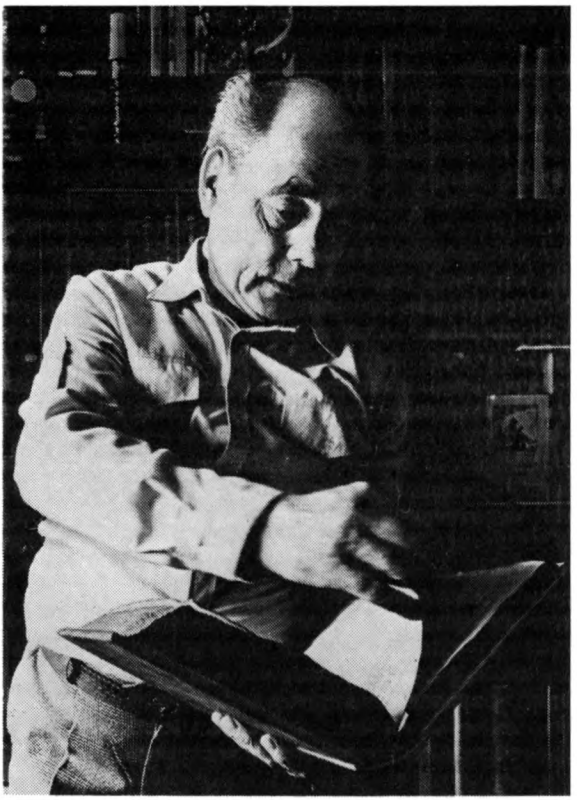
Многие годы бессменно, на общественных началах руководят Центральным правлением Всесоюзного общества любителей книги его председатель Герой Социалистического Труда, академик И. В. Петрянов-Соколов, писатели В. И. Ардаматский, Е. И. Осетров, ученый секретарь редакционно-издательского совета АН СССР Е. С. Лихтенштейн, дважды Герой Советского Союза, космонавт П. Р. Попович. Общество книголюбов Грузии возглавляет поэт, Герой Социалистического Труда, академик И. В. Абашидзе. В Азербайджане руководит деятельностью книголюбов министр культуры З. Н. Багиров. Эти люди постоянно будят творческую

Академик И. В. Петрянов-Соколов на I Всесоюзном празднике юных книголюбов в Москве

мысль, вносят чувство нового в деятельность организации, по достоинству представляют ее в советских и государственных органах и творческих союзах.

Книга раздвигает духовный горизонт каждого человека. Ее можно сравнить с кораблем, устремленным в заманчивые дали. Но направление «корабля-книги» зависит от позиции, выбранной автором. К сожалению, например, не все книги фантастического жанра, которыми так увлекается молодое поколение, отвечают высоким идейно-художественным требованиям. Особенно это относится к переводам произведений писателей капиталистических стран.

В оценке их Общество книголюбов рассчитывает на помощь критиков, на авторитетные читательские суждения. Раскрыть



Ю. Н. Вобликов — активный пропагандист книги в Рязани

поднятые автором в книге проблемы, указать на достоинства и недостатки произведения — такова задача пропагандиста-книголюба.

Социологические исследования последних лет, проведенные с участием ВОК, показали, что слепая погоня иных «книголюбов» за так называемой дефицитной литературой уже снижает темп. На первое место выходит избирательность, связанная с конкретными интересами читателя. Отношение человека к книге — это форма его поведения в быту, а значит, и форма его общественного бытия. Над преодолением разрыва между потребностью в книге и формой ее использования работают организации ВОК.

Какой контраст истинным книголюбам представляют книжные плюшкины, сделавшие книги предметом купли-продажи, накопительства. Один из способов борьбы с таким явлением —

популяризация открытых личных библиотек. Тысячи граждан нашей страны, как показал Всесоюзный смотр личных собраний, готовы открыть свои книжные собрания другим людям, товарищам по работе, по месту жительства. Сам факт такого общения — значительное социально-политическое явление, которое говорит о подлинном коллективизме советского общества. Так, библиотека москвича-библиофила рабочего В. Н. Кирпичкова, увлеченного поиском материалов о Героях Советского Союза (его собрание насчитывает две тысячи томов по этой теме), открыта для школьников, учащихся ПТУ, любого гражданина. Библиотекой преподавателя Мозырского пединститута Гомельской области М. А. Палкина пользуются студенты и молодые рабочие. В школьных библиотеках Вильнюса, Таллина, Кишинева, Минска есть представительные списки личных библиотек, из которых книги выдаются читателям. И таких примеров множество...

По неполным данным, в домашних библиотеках сейчас сосредоточено свыше 35 миллиардов томов, гораздо больше, чем в фондах коллективного пользования. Громадные домашние запасы литературы должны найти дорогу к широкому читателю, и пропаганда этого начинания приобретает большое социально-политическое значение. Центральное правление ВОК совместно с Государственной библиотекой СССР имени В. И. Ленина готовит научно-методическую разработку «Место личных собраний в системе обслуживания населения книгой».

В последнее время Общество книголюбов организует движение трудящихся по сбору и передаче книг новостройкам, сельским, школьным и судовым библиотекам, детским домам, пограничным заставам, стройкам БАМа, санаториям инвалидов Великой Отечественной войны. Создаются мемориальные комплексы писателей, музеи книг, строятся Дома книги. Совсем недавно в Полтавской области при участии ВОК был восстановлен мемориальный комплекс, посвященный жизни и деятельности Н. В. Гоголя. Регулярно устраиваются выставки редких изданий, которые привлекают внимание библиофилов, издательств, работников книжной торговли. Постоянно действующие музеи книги, как и другие выставки, стали местом учебы, обмена опытом.

Особым вниманием в книжном обществе пользуются молодежные объединения. Книга несет юным читателям первое знакомство с творческим наследием К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина. Так, молодые украинские книголюбы выдвинули лозунг: «Сочинения Владимира Ильича Ленина — в каждую семью». Это начинание следует активно поддерживать книголюбам всей страны. Участники молодежных объединений знакомятся с историей нашей Родины, коммунистической партии, познают богатства мировой культуры.

В каждом трудовом коллективе, где создана первичная организация ВОК, привычным стало обсуждение прочитанной книги из личного собрания. Живой обмен мнениями о достоинствах и недостатках произведения становится приметой повседневной жизни трудящихся. Большие возможности таит в себе метод бригадного абонемента.

ВОК — общество, символизирующее дружбу народов нашей многонациональной страны. Книга сплачивает людей. Многим пришлась по душе инициатива книголюбов Днепропетровска — собрать новые библиотеки для пострадавших от землетрясения жителей города Газли. Призыв этот нашел горячую поддержку во всех уголках нашей Родины.

Книжное общество СССР играет заметную роль в международном культурном сотрудничестве. ВОК — непременный участник Московской международной книжной выставки-ярмарки. Пропагандисты книги участвовали в подготовке и проведении XII Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве, на котором рассказали о вкладе советской молодежи в борьбу за мир, демонстрировали литературу по вопросам международного молодежного движения.

ВОК сотрудничает с книголюбами, издателями, общественными учреждениями социалистических стран. Контакты эти плодотворны: они помогают совершенствовать формы работы с книгой, методы пропаганды общественно-политической литературы, еще эффективнее вести наступательную идеологическую работу. Мы изучаем опыт работы с книгой в Болгарии, Венгрии, ГДР, Румынии, Чехословакии, делимся своими достижениями.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» определены важные задачи: «...воспитание всех трудящихся в духе высокой идейности и преданности социалистической Родине, делу коммунизма, коммунистического отношения к труду и общественной собственности, полное преодоление пережитков буржуазных взглядов и нравов, всестороннее гармоническое развитие личности, создание подлинного богатства духовной культуры» *. На выполнение этих задач каждодневно нацелено многомиллионное Общество любителей книги.

---

* О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы: Постановление ЦК КПСС от 26 апр. 1979 г. М., 1979, с. 3.

П. Буковецкий

СССР—НИКАРАГУА: СТРАНИЦА ДРУЖБЫ

Истоки дружбы и солидарности советского и никарагуанского народов уходят в далекий 1919 год, когда по инициативе А. М. Горького Никарагуа была включена в список стран, с культурой которых следовало в первую очередь ознакомить трудящиеся массы молодой Советской республики. Предполагалось осуществить перевод и издание на русском языке произведений великого поэта этой страны Рубена Дарио. Из-за экономических трудностей намерение это не было осуществлено. (Творчество Р. Дарио, как и других никарагуанских писателей, ныне хорошо известно нашему читателю.)

В трудный для народа Никарагуа 1927 год советская печать постоянно откликалась на события, происходившие в этой стране. В многочисленных публикациях выражалась поддержка никарагуанским патриотам, разоблачался американский империализм. Тогда же вышла первая советская книга о далеком латиноамериканском государстве (В. Иванович. Почему Соединенные Штаты воюют с Никарагуа. М.; Л., 1927). Надо вспомнить, что в это время в Советском Союзе проводился режим строжайшей экономии бумаги, а потому издавалась только самая необходимая литература. Документом подлинного пролетарского интернационализма следует рассматривать эту книгу.

О чем же говорится в ней? Она носит отпечаток тех суровых лет, когда культурная революция в СССР делала первые шаги. В книге даются сведения о географическом положении и природных условиях Никарагуа. Автор описывает тяжелое положение никарагуанского народа, рассказывает об изнурительном труде на кофейных, каучуковых и банановых плантациях, в рудниках, портах, о безграмотности населения, о полной недоступности образования для негров, индейцев и метисов. Книга анализирует экономическую и политическую жизнь страны, которая находилась в подчинении американских компаний; по существу, хозяевами маленькой республики были североамериканские импери-

алисты. Но народ ее оставался непобежденным. Не один раз рабочие, крестьяне, батраки оказывали успешное сопротивление американским наемникам. Борьба была тяжелой: для ничем не прикрытой интервенции правительство Соединенных Штатов всегда находило «подходящий» предлог, то заявляя, что выборы президента проходили с нарушением конституции, то «беспокоясь» о жизни и собственности американских граждан, проживавших в Никарагуа,— ухищрения, используемые империалистами и в наши дни.

Автор с восхищением писал об успехах повстанцев, подчеркивая, что героическая борьба никарагуанцев «есть один из ярких эпизодов гигантского освободительного движения колониальных и полуколониальных народов», и объяснял успех вооруженного сопротивления тем, что интервенты встретились лицом к лицу с целым народом, готовым идти на смерть, но отстоять независимость. Книга напоминала читателю о том, что та самая морская пехота, которая вторглась в Никарагуа, ранее побывала на территории нашей страны с аналогичной целью — задушить народную революцию.

Заканчивается книга текстом принятого в Москве 30 января 1927 года специального воззвания Исполкома Коминтерна «Против хищнического империализма Соединенных Штатов», значительная часть которого посвящена положению в Никарагуа. В воззвании отмечалось, что североамериканский империализм сбросил маску демократии и обнаружил циничное намерение превратить Латинскую Америку в свою колонию. Выражалась уверенность, что борьба народа Никарагуа найдет поддержку у трудящихся всего мира. Актуальны и в наше время слова воззвания, заключающие первую советскую книгу о Никарагуа: «Рабочие и крестьяне всего мира должны демонстрировать свою солидарность с маленьким народом Никарагуа. Долой алчный и хищнический империализм Соединенных Штатов! Долой подлых душителей маленького народа Никарагуа! Да здравствует борьба за независимость угнетенных народов против империализма! Да здравствует международная солидарность пролетариата, крестьянства и порабощенных народов в их борьбе с общим врагом!»

Знакомясь с книгой «Почему Соединенные Штаты воюют с Никарагуа», мы еще раз убеждаемся, что эстафету солидарности со страной Сандино нам передали те, кто боролся за дело социализма в первое десятилетие Октября.

Олег Шестинский

В МИРЕ КНИГИ РУССКОЙ И БОЛГАРСКОЙ

Беседу вела Елена Андреева

Олег Шестинский принадлежит к поколению, чье отрочество пришлось на годы войны. Романтика созидания, чистота идейных и нравственных устремлений — основные мотивы его творчества, звучащие в поэтических сборниках «Позиция», «Полемика», «Блокада», в книгах рассказов «Звезды над крышей», «Люди вокруг тебя». По-новому зазвучала тема героической защиты Родины в книге «Вечное эхо войны», в которой сочетаются стихи и проза.

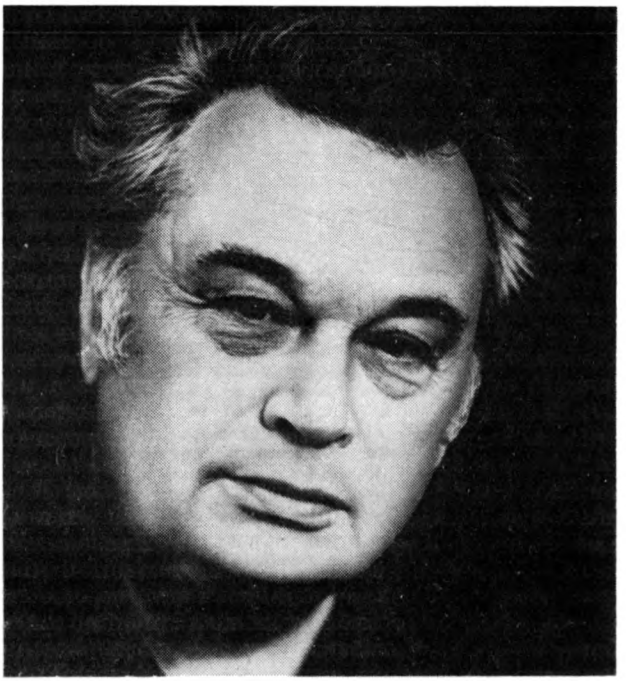
Филолог-славист по образованию, Олег Шестинский в совершенстве владеет болгарским языком, и благодаря его переводам советские читатели смогли познакомиться с прекрасными образцами болгарской поэзии. За плодотворную работу в этой области поэт награжден болгарским орденом Кирилла и Мефодия I степени; недавно он стал лауреатом международной премии имени Н. Вапцарова.

Как председатель Совета по работе с молодыми литераторами при Союзе писателей СССР О. Шестинский уделяет много времени и внимания нуждам и проблемам нового поколения писателей.

— Всегда интересно знать, какие книги сформировали вкус человека, стали отправными точками в познании необъятного мира. Для меня, например, очень много значили книги Сергея Михалкова, Агнии Барто, Самуила Маршака. Как хорошо, что некоторые сборники этих писателей оказались с нами в эвакуации в Казани (мое детство пришлось на годы войны). Может быть, благодаря светлому миру стихов мы, дети тех лет, понимали, что война — это ненормальное состояние, что не всегда бывают бомбежки, что не должны приходить похоронные, что отцы должны быть рядом, а не далеко, на фронте... Может, это странно звучит, но детям военной поры пришлось привыкать к мирной жизни. И многим так же, как и мне, в этом помогли книги — стихи и сказки. Олег Николаевич, а когда в вашу жизнь вошла книга?

— С первых лет моей жизни, как только я начал осознавать себя. Мне повезло, у меня была няня Вера Михайловна Каравацкая, родившаяся в Новгородской области. Она приобщила меня к Пушкину, Лермонтову... У нее были тетради, куда Вера Михайловна выписывала любимые стихи, многие помнила наизусть. Я до сих пор больше всего люблю стихи, которые услышал из ее уст.

О. Н. Шестинский



Как сейчас вижу — она стоит посреди своей комнатки и читает отрывок из «Евгения Онегина»: «На грудь кладет тихонько руку...» И я, маленький мальчик, закрываю глаза, представляю умирающего Ленского, и у меня сжимается сердце... Уже тогда я постигал величие классики. Любимые стихи Веры Михайловны: «Казак», «Черная шаль». Отрывок из «Евгения Онегина» я выучил наизусть еще в детстве. Мне хочется сказать и о другом. Очень важно, чтобы с детства ребенок с глубоким уважением относился к родному языку. Помню, родители как-то подарили мне книгу одного современного детского поэта. Там были строки, повергшие всех в недоумение. Отец обращается к дочери с такими словами: «Ловко сварганила, умница-дочка!» Родители так и не сумели объяснить мне значение глагола «сварганить». Прошло много лет, а я все помню это нелепое слово.

— *У каждого художника слова — свой книжный мир. Поэзию питает не только жизнь, но и мир книги. Он был у Пушкина, Есенина, Пастернака. А как относитесь к книге, книжному миру вы?*

— Когда у писателя спрашивают об отношении к книге, вопрос кажется порой наивным, потому что отношение всегда пристрастно, заинтересованно, оно сродни отношению к хлебу и воде. Если твоя жизнь связана с книгой, то в ней берешь неисчерпаемую силу для своего духовного мира. Я мог бы многое сказать о роли русской книги для меня как русского поэта. Но вместо этого припомню случай, когда книга оказала исцеляющее воздействие.

В 1955 году я ждал выхода своего первого сборника стихов. И неожиданно заболел тяжелым воспалением легких. Болезнь прогрессировала. Наступил кризис. В это время пришел мой товарищ, он принес десять авторских экземпляров моего сборника «Друзья навеки», пахнувшего типографской краской. И вот — я поднялся с постели, взял у него из рук книги, глянул на них, как на диво-дивное, не веря, что это написано мной... Душевное потрясение помогло мне быстро выздороветь. Чудесное выздоровление поразило тогда и мою мать, крупного врача, и других докторов.

Это счастье, что с детских лет живу в мире русской книги, а с юношеских — и в мире книги болгарской. Убежден, что каждый русский писатель, независимо от жанра, особенно поэт, должен непременно выучить еще хотя бы один славянский язык, чтобы полнее черпать из сокровищницы славянской культуры. Для моего духовного становления и гражданского мужания огромную роль сыграло освоение сопредельных славянских литератур. Я часто говорю об этом молодым поэтам.

Когда я начал заниматься болгарским языком, еще был жив патриарх славяноведения академик Николай Севастьянович Державин. И мы, студенты первого курса Ленинградского университета, говорили: «Старик Державин нас заметил!» Мы были одними из первых студентов-болгаристов послевоенных лет. Христо Ботев, Иван Вазов, Алеко Константинов — вот мои первые болгарские учителя, чьи книги пришли ко мне через болгарских друзей. Я прочитывал их от корки до корки, постигая мир писателей, изучая язык.

Возможно, то обстоятельство, что в сороковых годах болгарских книг было у нас еще мало, породило во мне трепетное отношение к ним. Я был одержим любовью к болгарскому языку. Большую роль сыграло и то, что мой дед в молодости был участником русско-турецкой войны, в нашей семье бытовало много рассказов о Болгарии...

Я стал ходить в Ленинградскую Публичную библиотеку, делал выписки из словаря И. А. Бодуэна де Куртенэ, научной заслугой которого было не только переиздание «Толкового словаря живого великорусского языка» Вл. Даля, который он тщатель-

но отредактировал, значительно пополнил и снабдил предисловием, но и составление первых болгарских словарей в восьмидесятых годах прошлого века.

Я выучил уйму слов, но когда заговорил с первым болгарином — он меня не понял. Я владел устаревшими словами. Однако благодаря им лучше узнал болгарский фольклор, народные песни. Болгарские книги стали почвой для моего эстетического и духовного роста.

— Мой путь к болгарской литературе был иным. В московской средней школе № 705, где я училась, часто устраивались интернациональные вечера. Болгарские студенты были нашими постоянными гостями. Они читали стихи Христо Ботева, Николы Вапцарова, Христо Смирненского... Но мы почти не понимали их. И тогда я перевела наиболее полюбившиеся стихи. Конечно, переводы получились несовершенными, но именно тогда я впервые испытала муки творчества. Тогда пробудился во мне интерес к болгарскому языку, литературе. В живом общении язык дается в юности легко... За год я почти выучила его, во всяком случае, научилась понимать разговорную речь, могла сама складывать несложные предложения. Позднее, работая на заводе и руководя агитбригадой, я читала эти переводы, вошедшие затем в книгу «Габровские уловки». Раннее увлечение болгарской литературой очень помогло мне через годы в серьезной работе... А когда вы начали переводить болгарских авторов?

— Со студенческих лет. Моя первая публикация — переводы Николы Вапцарова. До сих пор храню студенческие тетради, куда записывал переведенные болгарские стихи. Многие из них еще не опубликованы. Помню бессонные ночи, которые проводил, перекладывая стихи с болгарского на русский. Решил опубликовать один из переводов тех лет — поэму «Доклад». Со странным чувством поставил дату работы: 1948—1983... Всего двести строк, а столько времени не решался вернуться к ним, напечатать:

Я мукою полон,
и бью я
словами
по совести вашей,
напомнив о честном,
высоком и гневном,
которое слух наш
ласкает напевно
и учит сурово
нас мужеству в жизни,
оно умирает,
рождается снова
и носит прекрасное имя
Отчизна!..

...Я знаю,
когда в боях мировых
я первую кровь пролью,—
кровь отдана будет
за братьев моих
и за Отчизну мою!
Не может быть ничего другого.
И ты не пытайся спорить даже.
Я слышу Ленина горячее слово:
«Прав товарищ Ващаров»,— скажет.

— Моя работа над болгарскими переводами нередко носила просветительский характер. Важно, чтобы советский читатель составил объективное представление о литературной ситуации в Болгарии. Со временем у меня появилась возможность выбора, и я стала работать над переводом стихов таких авторов, как П. Пенев, П. Вежинов, Н. Радичков. Стихи о Болгарии входят во все мои книги. Расскажите, по какому принципу отбираете авторов вы, кого переводите? Много ли у вас оригинальных стихов о Болгарии?

— Я перевожу болгарскую поэзию по велению сердца. Перевожу стихи тех, кого люблю и ценю. Павла Матева, например, перевожу со студенческих лет, с сороковых годов. Перевожу, словно свои стихи пишу. И в этом — высшая награда переводчика.

Немало перевел стихов Любомира Левчева, Георги Джагарова, Лучезара Еленкова, Евтима Евтимова, Слава Хр. Караславова и многих других. Я вижу в них своих духовных друзей, дружим мы и в жизни. Не мыслю свою творческую судьбу без переводческой деятельности. Есть и другая сторона вопроса. Оригинальные стихи каждый день не пишутся, а поэт не должен терять формы, должен работать в своем жанре. Переводы помогают находиться в состоянии постоянного творческого поиска.

Что касается моих собственных стихов о Болгарии, то первое свое стихотворение (оно так и называется — «Болгария»), я написал в 1948 году. Оно открывает мой двухтомник.

К 100-летию освобождения Болгарии от османского ига вышла моя книга «Эпический разбег», она целиком об этой стране, написана на основе болгарских народных песен, болгарского фольклора. Впрочем, у меня нет ни одной книги, куда бы не входили болгарские циклы.

— Нередко книга — отправная точка в создании собственного произведения. Порой это старые лоции или записки знаменитых путешественников, мемуары — произведения авторов, духовная жизнь которых созвучна с твоей собственной. Правда, существует мнение: когда пишешь собственную книгу,

не надо читать никого другого. С этим трудно согласиться, хотя относительную истинность этого суждения я испытала на себе. В моей книге «Родные корни» воплотилось все то, что хранила память. Комсомольская юность отцов, о которой я знаю по рассказам, письмам, воспоминаниям, ставшим частью моей жизни. День победы, тот, первый, который память сохранила во всех подробностях. Жизнь крохотной деревушки Лагино, с которой для меня начинается Родина, потому что там родился отец, там жили деды и прадеды; туда я приезжала каждое лето из Москвы после войны. Однажды я привезла в Лагино своего шестнадцатилетнего сына и была удивлена тем, что он узнавал дома, местность, даже людей — по моим рассказам. И я поняла, что ему эта скупая тверская земля, земля наших прадедов, тоже близка и дорога, для него Родина тоже начинается здесь...

Во время работы над книгой «Родные корни» я сознательно ничего не читала, чтобы повествование шло за памятью, не смущаемое никакими побочными влияниями. При этом я, бесспорно, понимаю, что надо всю жизнь учиться у больших мастеров, много читать, так как книги помогают писателю.

— Для меня нередко источником творческого вдохновения становятся старые книги, купленные в букинистических магазинах. Несколько лет назад я приобрел ветхую, неказистую на вид книгу неизвестного автора «Похождения Ваньки Каина», вышедшую в середине XIX века. Меня привлек безыскусный язык повествования. Фантазия так разыгралась, что я увидел за строками много больше того, что было написано, и сам написал повесть «История Ваньки Каина, известного пройдохи».

И когда читаешь сильные, яркие стихи, вокруг тебя словно образуется высоковольтное поле, чувствуешь прилив сил, желание писать. Убежден, что настоящая поэзия, как зелень лесов, создает озон для творчества. Зависть у поэта должна быть атрофирована, для него сильная поэзия собрата — питательная среда, атмосфера для творчества. А поэзия серая похожа на туман, сквозь который приходится пробиваться, чтобы обрести собственный голос. От горящей хворостинки зажигается вторая, третья — так и книги: одна порождает другую. Но это никоим образом не умаляет великого фактора жизненного познания.

Что касается моей переводческой работы, то тут я работаю в основном с болгарской книгой.

— Сейчас выходит много новых книг. Все мы стремимся следить за новинками, хотя это и очень сложно. Порой даже книги друзей остаются вне поля зрения. В юности мне довелось много поработать в каталогах крупных библиотек, и тогда я составила для себя программу-минимум — от древних филосо-

фов, таких, как Сократ, Платон, Аристотель, до современных авторов. Прочла сотни книг — философских, поэтических, прозаических. Мне надолго хватило накопленного запаса знаний, и остается только пожалеть, что сегодня нет возможности так же планомерно и последовательно обновлять и пополнять этот запас. А вам удается следить за современной литературой?

— К сожалению, хронически не хватает времени. Многое из того, что хочется прочесть, остается непрочитанным. Я стремлюсь следить за современной болгарской поэзией. И, конечно, за русской, особенно за поэзией молодых. Читаю и прозу, но здесь у меня пробелов больше.

— Сейчас много спорят о том, какой должна быть домашняя библиотека. Одни покупают книги современных авторов, другие собирают классику. Что касается писателей, то тут дело обстоит несколько иначе. Многое покупаешь в книжной лавке, многое дарят сами авторы. Некоторые пытаются приобрести редкие издания, в то время как их можно взять в библиотеке. Какой видится библиотека писателя вам?

— Прежде всего — полезной для него, его духовной жизни. Распыляться, я думаю, нельзя. Я, например, в силу своих интересов, собираю уже несколько десятилетий болгарскую поэзию, книги о русско-турецких войнах. Неплоха библиотека русской поэзии. Но причислить свое собрание к библиофильским не могу. Главное для меня то, что в любой момент нахожу у себя на полках книгу, которая соответствует моему душевному состоянию.

— Во время поездок по разным городам нашей страны нередко приходится наблюдать, как писатели покупают самые разнообразные книги — и художественные альбомы, и мемуары, и классику, и книги местных издательств. Странно представить все это в одной библиотеке. Когда-то я тоже приобретала все, что удавалось купить,— лишь бы книга была интересной. Позднее подарила кондровскому детскому дому все книги и альбомы, рассказывающие о городах и республиках. Подарила, чтобы ребята, познакомившись с этими красочными, нарядными изданиями, смогли лучше узнать нашу страну. Может быть, кому-то эти книги помогут выбрать профессию и место жительства. Сейчас я ограничила свои новые покупки классикой и книгами любимых авторов. А какие книги собираете вы?

— У меня есть все — от авантюрных романов до книг о живописи, которую очень люблю. Специальной тематической заданности в моем собрании нет. Среди редких книг особенно дороги два тома «Церковно-славянского русского словаря» под редакцией П. А. Алексеева. Первый том вышел в 1797 году,

второй — в 1816-м. Читаю его, как роман. Я даже стихи об этом словаре написал, они опубликованы в «Литературной России». Была у меня редкая книга о болгарском Возрождении «Денница новоболгарского образования» В. Априлова, выпущенная в Одессе в 1841 году. Но я подарил ее своему другу, замечательному болгарскому поэту Павлу Матеву.

— У меня тоже много друзей среди болгарских поэтов. В числе учителей — Лучезар Станчев и Георгий Авгарский, которые научили меня доброму взгляду на мир, стремлению лучше узнать и понять человека. Их книги — а они присылают немало из того, что у них выходит, — мне очень дороги. Бережно храню книги с автографами болгарских авторов.

Бытует мнение, что есть поэты истинные, а есть случайные. Мне всегда казалось странным, что можно давать столь категоричные оценки творчества своих современников. Маяковский говорил, что поэты нужны «хорошие и разные», время становится единственным и беспристрастным судьей. И недопустимо, когда мнение одного поэта зачеркивает творчество другого, особенно, когда этот другой еще только обретает свой голос. Прогнозы делать сложно. Не все принимаешь, не все понимаешь, вкусы у людей разные. Я лично храню все книги собратьев по перу, когда-либо подаренные мне. Есть в моей домашней библиотеке книги с автографами С. Михалкова, Р. Рождественского, Е. Осетрова, В. Левика, В. Луговского. Но не менее дороги и книги с автографами Р. Романовой, Л. Шикиной, Г. Доколиной. А у вас есть книги с автографами?

— Книг с автографами у меня много. К самым дорогим отношу автографы тех, кого уже нет среди нас. Они приобретают особый смысл. Порой посвящения обжигают сердца. Чистые, полные любви, они похожи на живой голос. Они дают силы для жизни и творчества.

— Не утихает книжный бум. Некоторые объясняют его тем, что возросла культура людей, появились новые потребности, жажда приобщения к прекрасному. А как вы относитесь к книжному буму?

— Отрицательно, как ко всякому буму. Он в основе своей носит обывательский характер. Когда книгу покупают по принципу: «Я должен ее иметь, так как она есть у Марьи Ивановны», — это безнравственно. Может, я несколько утрирую, но к книге нужно относиться только как к явлению мысли, как к сокровищнице знаний.

— Какой должна быть книга? Недавно на заседании творческого бюро поэтов Эдуард Балашов предложил выпускать книги стихов малым тиражом, объемом в один-полтора печатных листа, но красочные, богато иллюстрированные, тща-

тельно составленные из лучших стихов. Цену таких изданий предложил сделать высокой. Многие возразили, предпочитая иметь скромно оформленную книгу, но более полную. Я тоже сторонница этого взгляда, хотя, конечно, приятно видеть свой сборник хорошо изданным. Ведь работа поэта и труд художника должны дополнять друг друга, стать единым целым, чтобы форма соответствовала содержанию. Что думаете по этому поводу вы?

— Раньше я мало обращал внимания на то, как моя книга оформлена. Считал, что не важно, как она выглядит, важно, как она написана. Со временем понял, что глубоко заблуждался. Здесь действительно необходимо единство формы и содержания. Мою последнюю книгу оформлял прекрасный художник Владимир Медведев. Эту книгу приятно держать в руках, радостно дарить. Сейчас этот же художник оформляет мою новую книгу стихов «Материк» в издательстве «Советский писатель».

Мне нравится, как оформляют книги в Болгарии. Возьмешь поэтический сборник — и зависть берет. Поэзия — особый жанр, она требует тщательного оформления.

— Некоторые писатели, ученые, артисты дарят свои личные библиотеки, завещают их библиотекам общественным. Так, например, сделал ученый Пиотровский. Это вызывает уважение. Но нередко можно услышать, что личные библиотеки вообще стоит сделать общедоступными. Что вы думаете по этому поводу?

— Я собирал библиотеку не для общеобразовательных целей, а для творческой работы. Если я распахну свои ворота, то вряд ли набежит много народа. Мало кто, например, сможет прочитать болгарские книги. Мне кажется, что личная библиотека, как дневник...

— Как, по-вашему, что такое книжность в стихах? Иногда в прессе как обвинение звучит: это книжные стихи. Но, если взять, к примеру, «Городок» Пушкина, где много имен, названий книг, книжных реалий, эти стихи не назовешь книжными, в них — духовный мир поэта.

— Мне кажется, книжность тогда пагубна для писателя, когда она не сопряжена с реальными жизненными впечатлениями, когда собственный творческий голос подменен воспроизводством мира книг, искусства. Думаю, понятие «книжность» тождественно понятию «культурные ценности», если таковые осмыслены на основе современного жизненного материала. Я принимаю и даже приветствую книжность, но только в сочетании с жизненными наблюдениями, собственным голосом.

Владимир Бахтин

«И СВЯЗЬ ВРЕМЕН НЕРАСТОРЖИМА...»

Беседу вела Елизавета Захарова

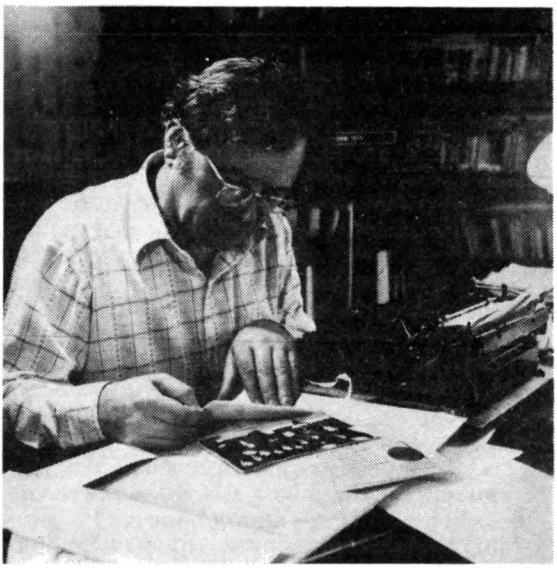
Без малого сорок лет фольклорист-литературовед и критик Владимир Соломонович Бахтин собирает образцы народного творчества — частушки, песни, сказки, былины, пословицы и поговорки; собирает те бесценные сокровища, мимо которых мы, не замечая, нередко проходим.

Когда попадаешь в кабинет Владимира Бахтина, то поражаешься не столько обилию редких книг в старинных переплетах с золотым тиснением и диковинными названиями, сколько царящей здесь атмосфере, явно ощутимому «тайному действу», в которое вовлечены все эти фолианты, старинные рукописи, лоскуты полуистлевшей бумаги с едва заметными на них, выцветшими буквами и... современные школьные тетрадки. Одни материалы — я их вижу на письменном столе ученого — находятся в стадии исследования (дары собирателей, тетради и письма рабочих, колхозников, школьников); другие уже изучены, описаны и распределены по папкам, а то и начали свою новую жизнь в рукописи, над которой трудится Владимир Бахтин; третьи уже готовятся к изданию.

В повседневных занятиях ученого сплавляются воедино самые разные эпохи и события народной жизни, поэтому в книгах В. С. Бахтина не чувствуется никакой «кабинетности», поэтому и читатель у них самый широкий: они одинаково любимы и школьниками, и профессорами, сельскими книголюбами и городскими и всегда расходятся в одночасье.

Какие же это труды?.. «Русский лубок XVII—XIX вв.» (1962), «Господин леший, господин барин и мы с мужиком» (1965) — обе подготовлены в содружестве с Д. Молдавским, антология русской частушки в Большой серии «Библиотеки поэта» (1966), «1000 частушек Ленинградской области» (1969), «Сказки Ленинградской области, серьезные и несерьезные, озорные и не очень, байки, народные анекдоты и прибаутки» — совместная работа с П. Ширяевой (1976), «Песни Ленинград-

В. С. Бахтин



ской области» (1978), «Песни донских казаков, напетые А. И. Каргальским» (1979), «Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области» (1982), детская книга «От былины до считалки» (1982) и другие.

Книг издано ученым много, но хорошо известны и его выступления в периодической печати, его острая публицистика, направленная против фальсификаторов народного искусства, его статьи о поэзии... Все это — часть той огромной работы, которая не прекращается ни на день и готовит радостные встречи с песнями, сказками, частушками, пословицами — с тем, что каждый из нас любит с детства.

Поскольку в книгах Бахтина так или иначе ставятся проблемы происхождения, развития и, главное, современного состояния фольклорных жанров, я и решила коснуться их в своем первом же вопросе.

— Владимир Соломонович, вы как-то сравнили труд фольклориста с работой археолога. Наверное, можно провести и другие параллели... И все же фольклорист делает не совсем то, что делает археолог. Фольклор традиционен, часто архаичен, но в то же время он включен в непрерывный исторический процесс, постоянно обновляется, возрождается. Каким образом

фольклорное произведение, храня в себе черты древности, становится документом современности?

— Да, повторю: труд фольклориста можно сопоставить с трудом и археолога, и палеонтолога, и... даже метеоролога. По кости или зубу динозавра палеонтолог может восстановить облик животного, существовавшего миллионы лет назад. Археолог по кускам бревен, комкам глины определит, что это был за строительный материал, что из него сооружали, а значит, и как жили в то время люди. Метеоролог по годовым кольцам деревьев устанавливает, каким был и как менялся климат на протяжении сотен лет. По древним надписям языковеды реконструируют грамматическую систему исчезнувшего языка. А фольклористы, историки, этнографы с помощью песни и сказки путешествуют в такие времена, о которых не упоминается даже в самых первых летописях, и могут рассказать о событиях, не зафиксированных ни в одном документе. Звучащее слово оказывается прочнее камня и металла.

Занимаясь историей острова Пасхи, Тур Хейердал поначалу опирался на рассказы местных жителей, настолько фантастические, что в них трудно поверить. И лишь поверив невероятному, ученый раскрыл многие тайны острова: рассказы, оказывается, обладали документальной точностью. В устном творчестве запечатлен весь исторический опыт народа, героика труда, борьба со стихиями и врагами. Фольклористы имеют дело с необычным объектом — духовным накоплением народа, материализованным зачастую только в звуковую форму.

Реконструкция далекого прошлого — удивительно увлекательное занятие, потому что удовлетворяет главную человеческую потребность: знать.

«Дождик, дождик, перестань! — выкрикивают и сегодня ребята на улице.— Я поеду в Арестань (или в Эривань, или в Астрахань)». В давние времена было «в Иордань». Но Иордан — река, в которой крестили первых христиан,— в общем-то, тоже новация. Дело в том, что эта детская песенка во всех своих вариантах не что иное, как древнейшая, дохристианская еще, языческая закличка, заклинание земледельцев-славян, одухотворявших, очеловечивавших силы природы: «Дождик, дождик, пуще, наварю я гущи!» Гуща — это ритуальная каша из ячменя и гороха, которую выставляли для угощения богов, олицетворявших стихии природы. Слово «гуща» (подлинный смысл его позабыт и поется «гуще») недаром присутствует почти во всех закличках...

Вы правы, фольклор приспосабливается к новым обстоятельствам, развивается, и вы так же верно подметили: он традиционен, вечен. Поди скажи, сколько столетий помнят все эти

заклинания — обращения к дождю, радуге, солнцу? В «Слове о полку Игореве» Ярославна заклинает ветер. Это XII век. Но заклинается ветер и в песне-причитании, которую я записал недавно: «Вы повейте, ветры буйные,// Разнесите пески желтые...» На наших глазах произошло чудо рождения искусства. Но попробуйте провести границу между реальным обращением к солнцу или ветру и метафорой, олицетворением, поэтическим образом. Это было бы ошибкой.

Кстати, помните, Ярославна называет своего милого «ладой»? И в моей записи плача по мужу встречается тот же образ:

Закатилось красно солнышко,
Затуманились окошечки,
Не сидит да не беседует
Еще мой-то милый ладушка...

Для того, чтобы показать, как сильны, прочны традиции, я в своей занимательной фольклористике проследил историю школьных стишков типа «Сия география моя, кто возьмет ее без спросу, тот останется без носу» или «Кто писал не знаю, а я, дурак, читаю»... за две тысячи лет. Такие стишки записаны на корешке книги XVIII века, хранящейся у меня, встречались они и на бересте, их выцарапывали на стенах античных школ. Занимаясь всем этим, как-то особенно остро чувствуешь связь всех людей, живших когда-либо на земле. У меня есть такая рабочая формула: «Все проходит, все исчезает — ничто не проходит, ничто не исчезает...»

Да, фольклор меняется, а точнее сказать, меняются, дополняются, осовремениваются отдельные произведения — каждая сказка, былина известны во многих, порой далеко расходящихся записях, и все они равноправны, все «правильны». А вот сами фольклорные жанры малоподвижны, и каждый из них нерасторжимо связан с эпохой, породившей его. Эпоха и объясняет коренные особенности жанра. К примеру, традиционной волшебной сказке неизвестна идея любви к Родине. Почему? Да потому, что этот жанр складывался в условиях догосударственных, а значит, и определенного отношения к ним не существовало. Былинный жанр, наоборот, формировался в период становления русской государственности. И потому идея служения Родине пронизывает все былины. Илья Муромец, Алеша Попович, Добрыня Никитич — верные защитники Руси.

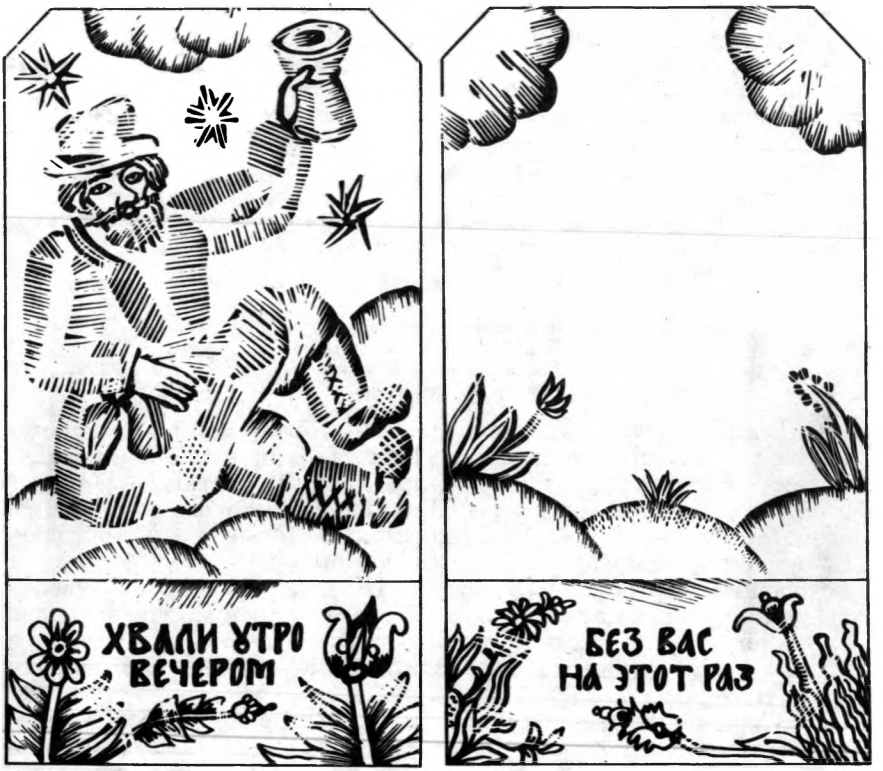
— Мы заговорили о сказках и былинах... В чем, по-вашему, секрет долголетия этих древних жанров?

— Вы коснулись одной из главных тайн фольклора. Напомню прежде всего слова Карла Маркса о том, что произведения, возникшие на заре человеческого общества (Маркс имел в виду греческий эпос), сохраняют для потомков свое обаяние и являют-

Иллюстрации художника С. Острова к составленному В. Бахтиным сборнику

ся во многом недостижимыми образцами. Сказанное Марксом целиком относится и к былинам. Обобщения, заложенные в фольклорном произведении, так широки, что способны воздействовать на сердца и умы людей разных исторических эпох.

И сегодня сказка занимательна для нас: ее фантастика восхищает, побуждает работать наше воображение. Иван-Зорянин — богатырь среди богатырей, он забросил на гору камень, который едва приподнимали другие богатыри. Но крохот-



«Сказки, песни, частушки, присловья Ленинградской области»

ный мужичок с ноготок — борода с локоток (прообраз пушкинского Черномора!) сажает Зорянина к себе на ладонь и одним дуновением переносит на другой край земли. Не правда ли, есть тут чему восхищаться и над чем подумать?

Нынешние врачи говорят, что сказка (народная сказка!) — одно из немногих средств, которые снимают стрессовое состояние ребенка, перегруженного информацией. И при этом — все время урок, учеба, нравственное воспитание. «Так сложилось историче-

ски, что о любви мы говорим с малышами языком сказок»,— писала недавно газета «Правда» в одной из педагогических статей. Действительно, только сказка имеет смелость говорить с ними о любви героев, о их свадьбе («стали жить-поживать, да добра наживать»), прославляет верность любящих. Пусть это даже будут Иван-царевич и Василиса Премудрая! Во всяком случае, школа далеко не всегда способна вести на должном уровне разговор на эти темы с детьми такого возраста.

Раз уж речь зашла о детях, нельзя не сказать о колыбельных песнях, гениально приспособленных для исполнения своего главного назначения, а вместе с тем создающих и у певца и у слушателя особое состояние покоя, душевного уюта и совсем уж незаметно поучающих: уважай всякий труд — пахаря, пастуха, няньки. Всякий труд — нам же на благо...

Баю-баю-баиньки,
Я скатаю валенки,
Я скатаю валенки,
Небольшие, маленьки —
Вовоньке по ноженьке,
Бегать по дороженьке.

Потягусеньки — та же зарядка и массаж, о которых хлопочут нынче. А детские дразнилки: «Плакса — три копейки вакса...», «Ябеда соленая...», «Воображуля первый сорт...», «Жадина-говядина, соленый огурец...» С помощью векового или тут же сработанного острого словца дети помимо педагогов и родителей (а порой и вопреки им) сами воспитывают себя, осуждают нехорошие черты друг в друге. И когда маленький человек твердит с утра до вечера «Ехал грека через реку...», не мешайте ему учить звуки родной речи, осваивать поэтический ритм и просто веселиться — это тоже необходимо для его нормального развития.

В общем, что я хочу сказать: фольклор не только великое искусство слова, в нем отложился народный педагогический опыт. Фольклор — в целом — не устарел. Мы просто не всегда умеем использовать его в современных условиях, в интересах нашего общества.

Разве патриотизм былин устарел? Разве он не современен, не воспитывает нас, прославляя подвиги богатырей?

Хочу подчеркнуть важность жанровой каноничности фольклора. В этой связи мне не раз приходилось выступать против тех, кто вольно или невольно искажал его формы, кто пропагандировал образцы современных сказок и былин, весьма искусственных, художественно бестактных, педагогически вредных. Каждый жанр фольклора способен вместить в себя определенное историческое содержание, каждая фольклорная форма всегда

была гениально сотворена для определенных героев, обстоятельств, ситуаций...

— *Занимаясь собиранием фольклора, вы, видимо, опирались на опыт предшественников?*

— Конечно, я учился у них, но, думаю, начал учиться раньше, чем познакомился с их трудами, даже раньше, чем впервые сел за парту. Учился уже тогда, когда слушал первую в жизни песню, первую сказку. Есть какое-то необъяснимое духовное родство между человеком и его профессией. Фольклористом, так же как и поэтом, наверно, может стать не всякий — нужна особая духовная организация.

Поэтому к собирателям фольклора у меня особое отношение. Ведь они тихо, незаметно (особенно престижным и тем более доходным это занятие никогда не было) закладывали фундамент русской национальной культуры. Когда была напечатана рукопись Кирши Данилова, все говорили: вот остатки некогда великого славного наследия! Как жаль, что оно безвозвратно утрачено! А треть века спустя несметные сокровища русского эпоса — сотни былин — открыли П. Н. Рыбников и А. Ф. Гильфердинг. Попробуйте представить русскую культуру без томов П. Н. Рыбникова и А. Ф. Гильфердинга, А. Н. Афанасьева и Е. В. Барсова, П. В. Киреевского и П. В. Шейна, без сборников П. И. Якушкина, В. И. Даля, Д. Н. Садовникова, В. И. Симакова... И все они были подвижники, бескорыстные, беззаветные, а часто и безвестные — признание приходило потом, после смерти. Собирание фольклора, старых рукописей, поиски, поездки были их внутренней нравственной потребностью. Они рассматривали свой труд как служение народу, и это служение было поистине героическим. Замечательный энциклопедический сборник П. В. Шейна «Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках и т. п.» для меня не только памятник мировой фольклористики, но и торжество человеческого духа. Представьте болезненного, едва владеющего руками, передвигающегося на костылях человека, постоянно нуждающегося, но то, что он совершил, под силу только богатырю. Он и был богатырь. Он не только до конца своих дней жил любовью к народной поэзии, служил ей самоотверженно всю жизнь, он втягивал в орбиту своего служения новых помощников среди знакомых и вовсе незнакомых людей. Подвигом служения Слову была и жизнь Владимира Ивановича Даля, составителя поразительного сборника «Пословицы русского народа» и бессмертного «Толкового словаря живого великорусского языка». Словарю В. И. Даль отдал всю свою жизнь.

Почти сорок лет работы в фольклористике дали мне не только опыт и материал, но и моральное право напомнить

читателю о замечательных фольклористах прошлого. Мы пользуемся их трудами и не должны забывать о них самих. Я бывал в тех местах, где собирали произведения устного народного творчества известные фольклористы...

— *А как вы начали собирать фольклор?*

— Не знаю, чем это объяснить, может быть, влиянием матери, новгородки, любящей народное слово, но я очень рано почувствовал тягу к устной поэзии. С детства хорошо знал ее. А первые поговорки записал в блокаду, когда мне было 18 лет. Вот одна из них: «На горе болото сделает такое, что утонуть можно» (о врунах). Потом, уже солдатом, когда наша полуторка застряла в грязи недалеко от деревни Смердовицы, я услышал, как молоденькая зенитчица запела частушку: «Девушки, во поле жито, девушки, во поле рожь, девушки, не наша воля, не полюбишь, кого хошь». Этот листок с записью 1944 года сохранился. В студенческие годы фольклорными материалами меня страстно увлек мой учитель, профессор Марк Константинович Азадовский.

— *За много лет работы в фольклористике вы составили, наверное, карту наиболее «урожайных» мест?*

— Студентом первого курса университета в свою первую фольклорную экспедицию я побывал в Псковской области. Там есть несколько русских деревень, которые некогда входили в состав Латвии и Эстонии. В таких замкнутых регионах фольклор хорошо сохраняется... Это и натолкнуло меня на мысль поискать русские поселения в иноязычном окружении. Я разыскал их в Финляндии, Польше, Румынии, Болгарии, Монголии.

— *А как возникали эти русские поселения за рубежом?*

— Во-первых, этому способствовал раскол православной церкви, который произошел более трехсот лет назад. Как известно, сторонников старых обычаев, старообрядцев — последователей протопопа Аввакума — официальная церковь жестоко преследовала. Из центральных губерний староверы, или, как их уничижительно называли, раскольники, бежали на окраины, а небольшая часть попала в пограничные с нами государства Европы и Азии. В Румынии первые поселения и мужской старообрядческий монастырь появились, как мне сказал настоятель этого монастыря Амвросий, ныне покойный, в конце XVII века. Много позднее две тысячи русских людей обосновались в глухих местах Пруссии. А в Финляндию целая русская деревня, состоящая из потомственных гончаров, была переселена по приказу Петра I. После подавления восстания Кондратия Булавина остатки повстанцев, ведомые атаманом Игнатом Некрасовым, долго скитались в основном по Кавказу, и в конце концов часть их поселилась в устье Дуная. Потомки некрасовцев до сих

пор живут там. Во всех этих деревнях я периодически бываю и привожу оттуда много интересного.

Записывал я фольклор и на Урале, в Сибири, в Карелии, где он сохранился лучше всего. Духовную песню о братьях, не веривших ни в бога, ни в черта, собирал по частям в трех странах. А за уникальной песней о женах богатырей дважды ездил за тысячи километров к устью Дуная.

Но главное поле деятельности — мой родной Северо-запад — Новгородчина, Псковщина, Ленинградская область. Фольклор Ленинградской области опубликован в четырех моих книгах, а записи псковские и новгородские, к сожалению, в основном еще остаются в папках. Ничего пока не напечатано и из зарубежных материалов.

— Встречаете ли вы в других районах уже известные вам произведения фольклора? Записываете ли их?

— Обязательно! Делать это необходимо. Новые записи не просто подтверждают, что старые песни или сказки живы,— по частоте записей ученые определяют их популярность, составляют карты распространения того или иного сюжета, жанра. Так, по схеме распространения былин на территории нашей страны удалось установить, что былины записаны на путях, по которым в старину ездили и расселялись новгородцы. Что это значит? То, что былины были распространены в древнем Новгороде. Некоторые исследователи даже считают: все былины, ныне известные нам,— былины новгородского извода. Былины киевского извода и других культурных центров феодальной Руси не сохранились после татарского нашествия, а также по ряду иных причин. Вопрос требует дальнейшего изучения.

— Еще в древности говорили: «Буква мертвит, а дух животворит». Магнитофон, радио, телевидение дают возможность послушать песню «с голоса», в живом исполнении. Но существует мнение, что современная техника вредит развитию устного народного творчества.

— В 1946 году мы с Дмитрием Мироновичем Молдавским прожили месяц в селе Заозерье Новгородской области, чтобы установить, что знает одна деревня. Записали сотни частушек, песен, сказок, частично вошедших потом в книгу «Господин леший, господин барин и мы с мужиком». Через 19 лет я вновь побывал в тех местах, но уже почти ничего не удалось записать. На мои просьбы спеть предлагали пластинки, приносили книги — сейчас и семилетний ребенок может начать читать сказки. Сами крестьяне жалуются: раньше мы и пели, и плясали, а теперь только кино и телевизор смотрим. Хотя, надо сказать, потребность выражать себя в активном творчестве совсем иссякнуть не может. Рождаются новые формы и способы этого выражения:

туристские, студенческие песни самодеятельных поэтов. Что же касается традиционного фольклора, то полвека назад каждый второй знал репертуар деревни или даже округи — то, что знает сейчас едва ли каждый пятидесятый. Бывает, что этот пятидесятый хранит в памяти чуть ли не весь фольклорный репертуар! В ту же поездку мне рассказали о некоем Трохе (Трофиме) Любытинском. Этот Троха с малых лет ходил по людям (дом сгорел, родители вскоре умерли) и не просто обращался за помощью, а развлекал людей — пел, рассказывал сказки, плясал. Профессиональный древнерусский скоморох, живущий в 1967 году! С моих слов Троха полюбился прозаику Виктору Лихоносову, и он сделался персонажем одного из его произведений. Детский писатель Радий Погодин ездил со мной, слушал Троху — и тоже вывел его в своей книге. Я и сам хочу написать о нем! Тексты его, голос (а для меня и образ) — на магнитной ленте.

— *То, что народная поэзия ныне звучит реже, наверное, связано с изменением условий жизни. Когда-то каждый обряд, каждый трудовой процесс сопровождался пением. Ещё Гоголь отмечал, что под песни рубятся дома на Руси, из рук в руки мечутся кирпичи, под песни рождается, женится и умирает русский человек.*

— Все правильно. Жизнь меняется, ломает быт и наши привычки. Да только не так все просто, а главное — не так быстро.

Как-то мы поспорили с Федором Абрамовым. Вообще он неплохо относился к моей работе, но тут в какую-то минуту сказал: зачем ты ездишь — бесполезно; ничего уже в деревнях старого, русского не осталось, и старики прежние перевелись. Я возразил: а кто эти старики, которые, даже по-твоему, еще прежние — в валенках с галошами летом, с палкой в руках сидящие на завалинках? Это ведь безбожники, комсомольцы двадцатых — тридцатых годов, первые колхозники, первые трактористы, солдаты Отечественной. Когда-то они немало повоевали с сохой, со старым бытом, со всяким другим старьем, в том числе и не таким уж плохим. За свою жизнь напитались они русским духом, и теперь именно они — носители, знатоки традиций. Около них внуки. Потрутся среди дедов — и речь их, и припевы, и многое-многое другое бессознательно переймут. Конечно, приобретая новое, каждое поколение что-то утрачивает. Но многое и сохраняет.

Федор Александрович несговорчивый был собеседник. Но вроде бы и согласился отчасти.

Я помню полемику о современном народном искусстве, когда раздавались голоса, что оно, это искусство, вообще устарело, что в условиях поголовной грамотности не может быть фольклора. Но

время опровергло это суждение. Все-таки выходят книги современных записей. И хочу особенно подчеркнуть: несмотря ни на что, фольклор и сейчас остается фактом живой культуры, жизни, и мы владеем этим художественным богатством не только как культурным наследием. Фольклор существует в естественных, веками сложившихся и поныне бытующих формах. Мы не всегда представляем, как прочна и многообразна связь поколений и времен. Из учебника древнерусской литературы я еще студентом запомнил поговорку, оставленную псковским дьяком Козьмой на полях рукописи: «...что кун (денег), то все в калите (суме, кошельке), что порт (одежды), то все на себе». А недавно похожую поговорку записал для меня второклассник Витя Кривушенков из деревни Спирово Ленинградской области: «Хлеба — что в животе, одежды — что на себе».

Каждый день я с надеждой подхожу к почтовому ящику: мои корреспонденты присылают новые варианты песен, пословиц, поговорок.

— Кто они, хранители народной культуры?

— Самые разные люди. П. К. Тимофеев — машинист городской водонасосной станции, М. Н. Тихонова — колхозница, Э. П. Бердников — инженер... От гардеробщицы Лениздата и своей матери я записал варианты песни XVIII века, от крестьянки Клавдии Ивановны Притыкиной — целых 15 кассет самых разных жанров. От Андрея Ивановича Каргальского, кадрового рабочего-литейщика, участника литературного кружка, которым я руководил,— множество песен, не зарегистрированных в фольклорных сборниках, редкий вариант былины о Садко, песни о сыне Степана Разина, об адмирале Ушакове, о Петре I, о Платове, о других казачьих атаманах. Сборник песен, напетых А. И. Каргальским, выпустило ленинградское отделение издательства «Советский композитор».

— Приходилось ли вам записывать фольклор от писателей?

— Да, я записал много фольклорного материала от поэтов. Четверть века я дружил с Михаилом Васильевичем Исаковским. В 1959 году бывал на его родине, привез много частушек и песен. Свои фольклорные записи — более ста частушек — прислал мне сам поэт. У меня сохранилось много писем Исаковского, в которых встречаются подлинные перлы народной мудрости. Записывал я фольклор от Николая Брауна, Марии Комиссаровой, Майи Борисовой, Ильи Фонякова, Александра Прокофьева, с которым я проехал тысячи километров по Сибири. Бывал на родине Прокофьева, где замечательным знатоком фольклора была его тетка. Поэты особенно чутки к игре словом и звуковой орнаментовке. Они сберегают лучшее из того, что слышат.

— Когда вышла ваша антология «Частушка», критики отмечали новаторство ее построения: впервые жанр был представлен в развитии, во всем многообразии форм... Одна из основных проблем фольклористики — датировка произведений устного народного творчества...

— Давно идет спор: одни ученые считают частушку поздним жанром, возникшим во второй половине XIX века, другие относят ее зарождение на сто и больше лет назад. Я сторонник ее позднего происхождения. Я обошел и объездил немало русских сел за рубежом. В поселениях, возникших в XVIII — начале XIX века, частушек не знают, а вот в Монголии, где деревни возникли позднее, их море разливанное.

— Интересная и сложная проблема — взаимоотношение фольклора и художественной литературы. Вы, Владимир Соломонович, занимались изучением фольклора применительно к творчеству наших классиков, и в частности к Пушкину?..

— Всю свою жизнь обдумываю эту тему — «Пушкин и фольклор», так и хожу вокруг нее. Это огромное поле деятельности фольклориста, поле, содержащее множество тайн, а тайна, сами знаете, тревожит воображение, заставляет думать, искать. Великий поэт сам собирал фольклор. В библиотеке Пушкина были все лучшие сборники тех лет: «Древнерусские стихотворения Кирши Данилова», «Собрание разных песен» М. Чулкова, «Собрание старинных русских сказок» и «Русские пословицы» И. Богдановича, сборник «Старая погудка на новый лад» и другие.

В 1826 году А. С. Пушкин задумал совместно с С. А. Соболевским издать народные песни, но этот замысел не осуществился. В бумагах поэта сохранился только план издания и план предисловия к предполагаемому сборнику. Все свои материалы Пушкин передал П. В. Киреевскому со словами: «Вот тут, среди этих песен есть и мои. Попробуйте на досуге определить, какие сложил народ, а какие смастерил я сам». Рассказ Петра Киреевского записали П. И. Бартенев и Ф. И. Буслаев. «П. Киреевский говорил, что, как он ни бился, ничего найти не смог, и его всегда очень волновало, что, когда эти записи будут напечатаны, стихи Пушкина пойдут за народные» (П. Бартенев).

Пушкинские записи давно напечатаны, но тайна их до сих пор не раскрыта, хотя немало было попыток разобраться в ней. Я тоже понемногу занимаюсь этим, листаю пушкинские книги, книги о Пушкине, фольклорные тексты, сравниваю, сопоставляю. Треть века работы с фольклором натренировали мое ухо, кажется, я что-то нашел и надеюсь скоро предложить в печать.

Неожиданная для меня находка — Пушкин и детский фольклор. Заинтересовавшись его эпиграммой «Жив, жив, курилка!», направленной против М. Т. Каченовского, я с помощью В. И. Да-

ля и П. В. Шейна установил, что образ курилки, само заглавие Пушкин взял из распространенной в то время детской игры и приговорки к ней: «Жил-был курилка, жил-был душилка! Уж у курилки, уж у душилки ножки тоненьки, душа коротенька!» И когда читатель знает, что курилка — это тлеющая лучинка, он по-иному, чем прежде, воспринимает ответ на содержащийся в стихотворении вопрос: что делать с курилкой? «Как уморить курилку моего? Дай мне совет».— «Да... плюнуть на него».

И еще одна радостная встреча с Пушкиным... Как-то по совету старожилов я навестил в деревне Холоповицы Марию Николаевну Тихонову, лучшую песенницу округи. Она запела известную песню «Ты река ли моя, реченька». В свое время ее вариант записал Пушкин. Но все дело в том, что Мария Николаевна родом из Елизаветина, в соседстве с которым — в деревне Кобрино — родилась и долго жила, напиталась песнями и сказками Арина Родионовна. Пушкин собирал фольклор на Псковщине, в Болдине. Но няня-то пела ему свое, кобринское! «Спой мне песню...» — это Пушкин написал о своей няне.

Пришел ко мне один литератор: «Пишу о Пушкине. Дайте послушать, хоть примерно, то, что мог он слышать...» — «А почему примерно,— говорю,— можно и точно — вот „Реченька“».

— Владимир Соломонович, поскольку вы сочетаете столь редко и удачно занятия критика, литературоведа и фольклориста, мне хотелось бы узнать, как относитесь к использованию фольклора и мифологии в творчестве современных писателей.

— Как-то в полемическом задоре я написал: «Не знаешь частушки — не станешь настоящим поэтом». Но если говорить серьезно, то, действительно, истинно великая литература так или иначе опирается, не может не опираться на фольклор. Литературное и народное творчество неразделимы. И чем выше произведение, тем полнее в нем дыхание народной жизни. Использование мифа, эпоса, легенд, сказок на протяжении веков ускоряло прорыв народного духа к высоким идеалам. Литература этот прорыв точно выражала...

— Записи фольклора, ваши и других собирателей, вы периодически публикуете. Какие новые сборники вы готовите?

— Готовлю книгу «Живет в городе песня...» — это сборник народных песен, записанных в Ленинграде. Давно мечтаю выпустить сборник «Русское застолье» — здесь столько находок, народного юмора, ярких красок, национального веселья и удальства! Хочу издать книгу «Шедевры русской песенной лирики». Такую, чтобы ее можно было читать не торопясь, читать и наслаждаться, перечитывать. Надо вернуть словам «народная поэзия» их первоначальный смысл: «народная» и «поэзия». В

задумке — издать наши совместные с Дмитрием Молдавским записи новгородских и других сказок. Собрал несколько папок по детскому фольклору — много лет дружу со школьниками Спировской и нескольких ленинградских школ. Надеюсь опубликовать зарубежные фольклорные записи. Но это все мечтания. А реально — завершил книгу совсем иного плана: «Ленинградские писатели-фронтовики», в которой собрано около 250 писательских автобиографий и около 50 биографий писателей, погибших в блокированном городе; есть библиография, впервые публикуются тексты, созданные поэтами Ленинграда для воинских мемориалов. К этой теме я пришел, работая над биобиблиографическим справочником «Писатели Ленинграда. 1934—1981 гг.», который вышел в 1982 году.

— Этот справочник — значительное событие в советской библиографической литературе. Расскажите, пожалуйста, как вы работали над ним.

— Опыт создания справочника о писателях Ленинграда у нас уже был — в 1964 году вышло подобное издание В. Абрамкина и А. Лурье. Но оно оказалось неполным, около 400 ленинградских писателей в него не вошло. Справочник устарел и нуждался в дополнении. Приступая к работе, я понимал, что библиография — это большое завоевание науки, но в глубине души относил ее к вспомогательным дисциплинам. Очень быстро я почувствовал, что и эту отрасль можно считать в полном смысле гуманитарной наукой, в которой переплетены писательские судьбы, судьбы книг и история страны. Я открыл для себя, что это занятие близко мне, как и фольклористика, что дело это очень увлекательное, я бы сказал,— даже азартное. Занятия фольклором и составление биобиблиографического справочника имеют одну основу: нерасторжимую связь времен и поколений.

— А как вы вели поиски материалов?

— Списки членов ленинградской писательской организации, к сожалению, полностью не сохранились,— погибли в годы войны. Листал уцелевшие протоколы, даже выписывал фамилии из списка должников Литфонда, расспрашивал старых писателей. Разослал анкеты здравствующим литераторам, начал поиски родственников умерших.

На мои запросы стали поступать интереснейшие материалы. Ко мне попало письмо Демьяна Бедного к Константину Константиновичу Журавлеву от 13 ноября 1940 года. Вдова Л. С. Фридланда, автора известной книги «За закрытой дверью», передала несколько ценных документов, письмо вдовы А. П. Чапыгина о последних днях мужа (Л. С. Фридланд — один из основателей поликлиники Литфонда). У меня оказался выданный А. Г. Лебеденко мандат участника III конгресса Интернационала и множе-

ство других документов, которые были использованы при составлении справочника.

— *Удалось ли вам узнать что-либо новое из жизни писателей и их книг?*

— Очень много нового и интересного! Конец тоненькой ниточки, какая-либо небольшая зацепка — и клубок распутывался. Как бы нечаянно приходилось сталкиваться с удивительными судьбами! Я вспомнил как-то, что литературовед А. Л. Дымшиц, по его рассказу, до войны навестил в Детском Селе столетнюю писательницу, которая маленькой девочкой сиживала на коленях у Лермонтова, гостившего в ее семье в Анапе. Оказалось, это Екатерина Ивановна Новикова-Зарина, родившаяся в 1835 году. Свою литературную деятельность она начала еще в «Современнике». Ее рассказ «Питомцы», напечатанный без подписи в декабрьском номере журнала за 1863 год, был одобрен Некрасовым и Салтыковым-Щедриным. Но от сотрудничества в «Современнике» ее заставил отказаться второй муж, либеральный литератор Е. Ф. Зарин. В тридцатые годы нашего века Екатерина Ивановна, помнившая Горького еще молодым (она была старше его на 33 года!), бывало, спрашивала у других о нем: «Как поживает Алеша?» С Е. И. Новиковой-Зариной связан анекдотический случай. Когда писательница почти в столетнем возрасте написала пьесу о крепостном праве, в редакции ей посоветовали: «Пишите лучше о том, что знаете, что сами видели!» В 1935 году литературная общественность отпраздновала ее юбилей, получивший широкий резонанс и в печати. Умерла Е. И. Новикова-Зарина в возрасте 105 лет.

Не менее интересна судьба Варвары Дмитриевны Комаровой (урожденной Стасовой), сестры известной общественной деятельницы Елены Дмитриевны Стасовой. Она подписывалась литературным псевдонимом Владимир Каренин. Статс-дама, жена генерала, она серьезно занималась литературой: с 1912 года работала научным сотрудником, а потом ученым хранителем Отдела рукописей Пушкинского Дома. Ученица М. А. Балакирева, она опубликовала переписку своего дяди В. В. Стасова с композитором, писала о деятелях музыки, печатала сказки, романы, историко-литературные статьи. Самый фундаментальный труд Варвары Дмитриевны — трехтомное исследование «Жорж Санд. Ее жизнь и произведения», написанное по-французски и изданное на русском и французском языках (третий том на русский не переведен). Монография была удостоена премии Французской академии в 1927 году и считается самым полным и лучшим исследованием жизни и творчества Жорж Санд не только у нас, но и во Франции.

— *Несколько поколений воспитывалось на книгах Эмилии*

Карловны Пименовой (1855—1935). Сейчас она почти забыта. Расскажите о ней...

— Переводчик, публицист, автор популярных книг для детей и юношества, Э. К. Пименова провела детство в Польше, на родине матери. Окончила женские курсы при медико-хирургической академии и получила звание врача. Сначала занималась переводами трудов по медицине, а потом стала профессиональным литератором. Она — автор 119 книг, таких, как «Среди австралийских дикарей» (1896), «В стране вечных льдов» (1901), «Страна сфинксов и пирамид» (1906), «Мир животных в очерках и картинах» в трех томах (1896—1897), и других.

Сведения о Пименовой есть в архивах, в ее собственных книгах, а вот о внучке известного детского писателя, профессора М. Б. Чистякова, Евгении Ивановне Фортунато по крохам узнавал от ленинградских писателей старшего поколения. Самыми разными путями (когда ищешь, помогает случай) удалось очень многое выяснить о ее жизни и восстановить облик этого человека и писателя. Мать моей соседки по коммунальной квартире была подругой Евгении Ивановны Фортунато (это обнаружилось, когда я, потеряв всякую надежду что-то узнать о ней, решил в последний раз позвонить одному пожилому литератору — соседка услышала мой разговор).

В доме М. Б. Чистякова собирались выдающиеся писатели, композиторы, художники (сохранились воспоминания Фортунато о встречах с П. И. Чайковским, С. В. Рахманиновым, Н. Фигнером и другими). Начав свою литературную деятельность в 1896 году, она опубликовала в газете «Петербургский листок» восемь «уголовных романов» (детективов!), писала повести, рассказы. Человек увлекающийся и азартный, Фортунато проиграла в карты три состояния. Но это так, штрих. Жена знатного итальянца, она оставила мужа и вела жизнь журналистки-поденщицы. Она была первой женщиной-журналисткой, которая спустилась в шахту и рассказала о жизни шахтеров. Многие ее рукописи погибли в бомбежку в августе 1941 года вместе с записными книжками ее деда, в которых были зафиксированы его разговоры с Пушкиным (!), и письмами А. М. Коллонтай — с ней Е. И. Фортунато дружила.

— Читателям «Альманаха библиофила» небезынтересно будет узнать об одном из основателей и первых председателей Русского библиографического общества Владимире Феофиловиче Боцяновском. Удалось ли собрать о нем новые биографические данные?

— Драматург, критик, публицист, Владимир Феофилович Боцяновский — тоже один из литераторов, соединивший прошлый

век с нынешним, родился он в 1869 году, умер в 1943-м. Когда в 1885 году в провинциальной газете «Волынь» появился очерк Боцяновского «Живые мощи», его автору едва исполнилось 16 лет. С тех пор он и трудился на литературной ниве. Автор первой книги о Горьком (сохранилась корректура книги с горьковскими пометками), книг о А. Грибоедове, Н. Полевом, Л. Андрееве, В. Вересаеве, Т. Шевченко. Им создано несколько десятков пьес, эссе, других публикаций. В 1891—1904 годах он участвовал в работе по составлению известного словаря русских писателей и ученых С. А. Венгерова и «Энциклопедического словаря» Брокгауза и Ефрона. В 1943 году, вконец обессиленный, он приехал из блокадного Ленинграда в Москву. 80-летний И. Я. Айзеншток, незадолго до кончины уделивший мне целый вечер, дал номер телефона родного племянника В. Ф. Боцяновского, который снабдил новыми сведениями. Ниточка жизни, преемственности — такая тоненькая! Вот-вот оборвется, и нарушится связь времен и поколений, но нет — каждый раз обязательно приходит чудо... Ничто не исчезает!

— *Владимир Соломонович, в серии книг, посвященной истории фабрик и заводов, основанной А. М. Горьким, особое место занимает «История Путиловского завода». Не могли бы вы подробнее рассказать о ее авторе — Ульянском?*

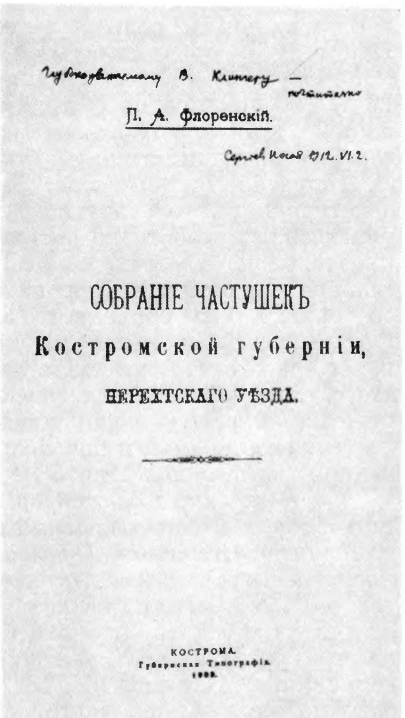
— К сожалению, не все о нем еще известно, но уже сейчас можно утверждать, что это был человек необычайной судьбы. Антон Григорьевич Ульянский, настоящее имя — Владимир Николаевич Свинцов (1887—1935), окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В 1915 году попал в плен к немцам, бежал, был схвачен в Австрии, снова бежал. На Украине оказался среди белых, перешел к красным. В Красной Армии служил кашеваром, санитаром, писарем, переводчиком. Пять раз был под расстрелом у белых, в последний раз спасло чудо: раненный, выполз из рва, воспользовался документами расстрелянного А. Г. Ульянского и жил под его фамилией. К. Федин, отмечая достоверность описанных Ульянским военных событий, говорил, что это писатель, которого давно пора бы уже заметить. Истории Путиловского завода Ульянский отдал последние годы жизни. Чтобы ближе быть к своим героям, он даже поменял хорошее жилье в центре города на девятиметровую комнату в районе Путиловского завода.

Он записал более двух тысяч бесед с рабочими.

Как видите, работа над биобиблиографическим справочником послужила источником многих историко-литературных открытий.

— *Не только у писателей, но и у книг бывают свои необычайные судьбы. Как феникс из пепла, возрождалась руко-*

Редкое издание частушек из личной библиотеки В. С. Бахтина с автографом П. А. Флоренского


Глубокоуважаемому В. Клингеру — почитателю

П. А. Флоренскій.

Сергиев посад 19.12.VI.2.

СОБРАНІЕ ЧАСТУШЕКЪ

Костромской губерніи,

НЕРЕХТСКАГО УѢЗДА.

КОСТРОМА.
Губернская Типографія.
1908.

пись книги Андрея Николаевича Лескова об отце — писателе Н. С. Лескове. Ее автор оказался человеком большого творческого мужества.

— Судьба книги, действительно, необычна. Ее истоки — первые публикации «Н. С. Лесков в воспоминаниях сына», относящиеся к 1920 году (Вестник литературы, 1920, № 4—7). Систематически собирать материал, связанный с жизнью отца, Андрей Николаевич Лесков начал в 1931 году после демобилизации и выхода на пенсию. К середине тридцатых годов А. Н. Лесков завершил обширную рукопись об отце, которую одобрил Горький. Пять глав из нее было напечатано в «Литературном современнике» (1937, № 3). В блокаду погибли оба экземпляра рукописи, которыми располагал писатель, 60 авторских листов в каждом. В 1943 году Андрей Николаевич стал активно восстанавливать текст утраченной книги, и к концу сороковых годов работа была завершена.

— Новый биобиблиографический справочник о ленинградских писателях в годы войны предъявил к вам особые требования как к автору — ведь он приурочен к 40-летию Великой Победы.

— Поколение писателей, мужественно сражавшееся на передовой и в тылу, жившее в осажденном Ленинграде,— героическое поколение. Особого рассказа заслуживает их подвиг. Я занимался архивами писательской организации Ленинграда военной поры. Меня, тоже пережившего блокаду, поражают документы того времени: дневниковые записи, докладные записки, протоколы заседаний. Документы, свидетельствующие о том, что ни на минуту не прекращалась творческая работа, что твердым был дух людей, неколебимо их мужество, крепка уверенность в победе. В первые же дни войны перестроилась творческая работа, требовавшая оперативности, мгновенного выхода слова писателя к бойцам. Буквально за два дня издательство «Советский писатель» выпускало серийные книжечки объемом в 0,5 печатного листа, рассказывавшие о героической обороне Ленинграда. Одной из первых в этой серии вышла брошюра Д. Бродской и А. Голубевой «Разъезд 105», ее разбрасывали с самолетов как листовку.

В тяжелейшие декабрьские дни 1941 года директор Гослитиздата П. Ф. Герасимов информировал читателей, что в Ленинграде печатаются «Война и мир» Толстого, книги Салтыкова-Щедрина, Добролюбова, Шекспира, Шиллера. Невосполнимы были потери: только за период блокады около пятидесяти писателей погибло от голода и на дорогах эвакуации. Но не снижался, выше становился духовный потенциал ленинградцев.

— Расскажите, Владимир Соломонович, о круге вашего постоянного чтения, о любимых книгах.

— Постоянно листаю оба тома «Великорусса...» П. Шейна, книга имеет авторскую надпись — подарена академику В. Н. Перетцу, вдова которого — член-корреспондент АН СССР В. П. Адрианова-Перетц — с ней я дружил много лет,— передала его мне. Очень люблю книгу М. Чулкова «Собрание разных песен», которая была настольной книгой А. С. Пушкина и многих русских писателей конца XVIII — начала XIX века. Это одна из первых книг в России, в которой собраны подлинные народные песни. Узнаю там многие строчки, интонации, мотивы, вошедшие в русскую поэзию. Люблю сборники песен П. И. Киреевского, Я. Ф. Головацкого, собрание песен, подготовленное А. И. Соболевским, редкий сборник костромского фольклора П. А. Флоренского. С большим интересом знакомлюсь с новыми собраниями фольклора, хотя приобрести удается не все. Любимое занятие — чтение книг забытых писателей, этнографов, бытопи-

сателей, ищу у них крупицы живой образной речи, записи песен (даже в отрывках), баек, поговорок.

Увлечения выходят за рамки литературы. Понемногу собираю любые репродукции картин старых художников, на которых запечатлены жизнь, быт, обычаи народа. Ну вот, скажем, картина В. Максимова «Приход колдуна на крестьянскую свадьбу». Мне в ней все интересно: и одежда молодых, и обстановка избы, и порядок сидения за столом, а главное — лица крестьян. Или картина И. Маковского «Причесывание невесты», или «Празднество свадебного договора» М. Шибанова (это 1777 год) — они как комментарии к свадебным песням. Особенно, конечно, ценны в этом отношении работы мастеров XVIII — начала XIX века И. Аргунова, В. Боровиковского, А. Венецианова, Г. Сороки. Несмотря на условность, идеализацию, в них масса любопытных реалий. Мне интересны работы палешан, федоскинцев. Принимаю, люблю их в традиционных темах и далеко не всегда — в современных. Тут нужно искать новые художественные средства и формы. Тут есть о чем спорить (то же самое я говорил о новых былинах и современных сказках).

Как видите, любимая книга и любимое занятие для меня понятия тождественные. А поскольку все, что мы любим, живет дольше нас, то я надеюсь, что и мое любимое занятие послужит добром не только настоящему, но и будущему.

П. Почтовик

НОВАЯ ОТРАСЛЬ БИБЛИОФИЛЬСТВА

О собирательстве миниатюрных книг

Начало собирательства рукописей и книг в нашей стране книговеды относят к XVI веку. Тогда впервые появились, как известно, частные библиотеки, получившие позднее широкое распространение.

Количество издаваемых книг увеличивалось, тематика их становилась все более разнообразной и поэтому интерес к ним все более возрастал.

Если на первых порах в личных собраниях большое место занимали рукописные книги и зарубежные издания, то несколько позднее к ним добавлялись уже первопечатные отечественные книги, затем многие книги, запрещенные царской цензурой, и так далее.

В советский период, например, широкое распространение получило собирательство произведений классиков марксизма-ленинизма, материалов о Великой Отечественной войне, прижизненных изданий классиков художественной литературы, книг одного автора, серии «Жизнь замечательных людей» и других изданий.

Собирательство книг сейчас стало массовым явлением: простое перечисление всех видов коллекционирования заняло бы много времени и места.

При всем этом многообразии историки советского библиофильства не могут не заметить зародившуюся во второй половине XX века новую отрасль собирательства, которая в дальнейшем стала широко известна как движение любителей миниатюрных книг.

Этот вид библиофильства не имел аналогов в дореволюционное время. Известна лишь одна коллекция, состоящая из 33 русских и 72 зарубежных миниатюрных книг, принадлежавшая М. Толстому, описание которой в виде каталога было составлено и издано в Лейпциге на немецком языке в 1926 году А. Тюнеевой. Хранится эта коллекция ныне в Одесской публичной библиотеке.

В литературных источниках встречаются также упоминания о том, что маленькими по формату изданиями интересовались Пушкин, Гоголь, Бестужев-Рюмин и другие. Вполне возможно, что они знали о существовании миниатюрных книг, может быть, даже имели отдельные издания, но никаких данных о целевом собирательстве, тем более о существовании у них коллекций подобных книг, пока не обнаружено.

Вряд ли следует в связи с этим принимать во внимание любопытный факт, о котором вспоминал В. А. Нащокин (см.: Вацуро В. Э. А. С. Пушкин и книга. М., 1982, с. 169). Он писал, что Пушкин «постоянно держал при себе в карманах одну или две книги и в свободное время, затихнет ли разговор, разойдется ли общество после обеда, принимался за чтение». Конечно, в карман может быть спрятана книга (тем более две) только небольшого размера, но была ли она обязательно миниатюрной, следует доказать.

Что касается Н. В. Гоголя, то, действительно, в его переписке с друзьями неоднократно употребляется термин «миниатюрные книги». Однако фактически большинство этих книг, за исключением двух-трех названий, были не миниатюрными, а малоформатными, так как превышали размер 100×100 мм, который и в те времена во всех странах мира считался предельным для данного вида печатных изданий. К сожалению, этого не учел автор послесловия к книге «Н. В. Гоголь и миниатюрная книга» У. М. Спектор (М., 1983). По сути дела, он предлагает читателю принять за истину то, чего на самом деле не было.

Движение советских собирателей миниатюрных книг, как и всякое явление, нельзя рассматривать вне развития книгоиздательского дела страны в целом: новая отрасль библиофильства могла возникнуть и возникла только тогда, когда для нее появились соответствующие условия.

В самом деле, о какой библиофильской организации любителей миниатюрных книг можно было вести разговор, если миниатюрные книги — сам предмет собирательства — издавались в небольшом количестве.

Первая советская миниатюрная книга — «Конституция РСФСР» — вышла в 1921 году в Кинешме. С тех пор по 1960 год выпущено всего лишь 64 миниатюрных книги: 20-е годы — 7 названий; 30-е — 14; 40-е — 39 и 50-е — только 4 названия! Естественно, что на такой базе создать библиофильскую организацию было трудно.

В 1967—1970 годах, когда отмечались две важнейшие общественно-политические даты: 50-летие Великого Октября и 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, по всей стране было издано большое количество миниатюрных книг.

Массовое издание советских миниатюрных книг явилось решающим толчком для объединения любителей миниатюрных изданий в особую организацию. У первой в нашей стране библиофильской организации любителей миниатюрных книг — Московского клуба — не было предшественников, все нужно было начинать с нулевой отметки. Идея его создания вынашивалась книголюбами не один год, и, когда будущие члены организации собрались 2 июня 1971 года на свое первое заседание, уже была готова четкая программа, которая и до сегодняшнего дня является основой этого движения (программа опубликована в московском сборнике «С книгой по жизни». М., 1977).

Однако только наличие программы еще не решало бы вопроса. Без единомышленников организация не возникла бы. Но каким образом выявить их? Не останавливать же каждого встречного вопросом: «Скажи, друг, не коллекционируешь ли ты миниатюрные книги?» Не взывать же с трибун собраний: «Собиратели миниатюрных книг, отзовитесь!»

Здесь нужна была какая-то изобретательность. И вот еще 24 июня 1970 года в приложении к газете «Вечерняя Москва» появилось объявление: «Меняю, куплю миниатюрные книги». Далее следовал номер телефона и указывалось время для разговоров. Как читатель уже, вероятно, догадался, такой детективный метод был применен с целью выявления будущих членов клуба.

Спустя почти месяц, 20 июля 1970 года, в той же газете была опубликована заметка под названием «Библиотека-малютка». В ней корреспондент рассказывал о миниатюрных изданиях, которые для абсолютного большинства читателей были совершенно неизвестны, а если кто-либо и имел о них какое-то представление, то самое смутное, поскольку практически они были «невидимками»: строго хранились в крупных библиотеках в стальных сейфах и даже специалистам выдавались на руки с большой неохотой, а в личных собраниях и вовсе находились «под семью замками». Эти книги были «белым пятном» и для многих журналистов, что выяснилось на персональной выставке автора данной статьи 19 октября 1970 года во время встречи редакции еженедельника «Книжное обозрение» с читателями в московском Доме журналиста.

Кроме желания объединиться, для создания клуба надо было иметь (и это оказалось тогда самым трудным, так как Общества книголюбов еще не существовало) организацию, которая согласилась бы взять клуб «под свое крыло». Идея собирательства таких изданий не всем внушала доверие, поэтому прошло еще более полугода, пока «хозяин», наконец, нашелся, и клуб официально начал свою деятельность со 2 июня 1971 года под эгидой Москов-

ского книготорга («Москнига»), у которого уже было в то время при книжных магазинах несколько клубов, правда, совсем иного направления.

Отдавая должное инициативе москвичей, нельзя, однако, не отметить, что впервые разговор о миниатюрных книгах всерьез начали ленинградцы, и было это 5 сентября 1924 года на заседании Ленинградского общества библиофилов (ЛОБ), где художница Т. Ф. Белоцветова сделала сообщение «Русские миниатюрные издания». Почти три года спустя ЛОБ вновь возвращается к этой теме — профессор Л. К. Ильинский на 55-м заседании 5 апреля 1927 года делает доклад на тему «Миниатюрные издания». К этому времени в миниатюрном формате выходит библиографический указатель его коллекции. И наконец, после сорокадвухлетнего перерыва, в 1969 году, с сообщением «Миниатюрные издания» выступил в городе на Неве преподаватель Ленинградского издательско-полиграфического техникума Е. Ф. Капланский.

Мы высоко ценим этот вклад ленинградских товарищей в общее дело, особенно потому, что идею создания нашей организации долгое время не принимали всерьез многие книговеды страны, а некоторые из них даже выступали по этому поводу в печати. Всем нам до сих пор памятны высказывания одного московского профессора-книговеда, который писал так: «Миниатюрные издания, с точки зрения современного книгоиздания, не больше, чем любопытный казус; массовый выпуск таких книг — дело трудное и ненужное». Надо ли говорить, что жизнь начисто опровергла это утверждение. Выпуск миниатюрных книг в нашей стране и за рубежом неуклонно растет быстрыми темпами, будет расти и дальше, для чего есть весьма серьезные основания: эти книги дают большую экономию бумаги, они удобны для хранения, транспортировки, их можно читать в любых условиях, они имеют очень привлекательный вид и являются хорошим примером для повышения качества всей книжной продукции страны.

Еще в 1947 году тогдашний президент Академии наук СССР С. И. Вавилов писал: «Если внимательно и серьезно подумать о нашей культуре, то станет ясно, что дальнейшая разработка техники микрокниги и ее широкое внедрение составят очень важную и исключительно благодарную задачу, которая должна произвести революцию в книжном деле».

Мы законно гордимся тем, что ни в одной стране мира не уделяется миниатюрным изданиям столько внимания со стороны государства, сколько это делается в последние годы у нас. Достаточно сослаться на приказ Госкомиздата СССР № 224 от 9 июня 1977 года, согласно которому миниатюрные издания,

выход в свет коих раньше во многом зависел от случайностей или от энтузиазма отдельных издателей и полиграфистов, теперь строго планируются. Этим же приказом впервые в мире созданы и полностью себя оправдали специальные редакции по выпуску миниатюрных книг в двух издательствах: центральном — «Книга» (Москва) и Пермском книжном издательстве.

В соответствии с этим приказом НИИ полиграфии разработал, а Госкомиздат утвердил (также впервые в мировой практике) особые технические условия по выпуску миниатюрных изданий. Все это вместе взятое положительно сказалось на качестве отечественных миниатюрных книг, которое за последнее время значительно повысилось.

Приятно отметить, что на этой благодатной почве неуклонно растут и ширятся ряды советских собирателей миниатюрных книг. Но для того чтобы движение миниатюристов росло и дальше, необходимо всемерно содействовать укреплению базы, на которой оно выросло, то есть всячески способствовать появлению новых книг, особенно — местной тематики. Ведь она таит в себе много интересных проблем, а ее раскрытие способствовало бы взаимному проникновению национальных культур народов СССР, их всестороннему обогащению.

Рост движения миниатюристов важен еще и потому, что формы пополнения тематических коллекций миниизданий через торговую сеть сегодня неэффективны. Такое пополнение происходит главным образом благодаря обмену книгами — имея два-три местных миниатюрных издания, можно получить за них издания других городов. Труднее, конечно, собирателям там, где нет собственных местных изданий, но, поскольку книжные издательства обслуживают несколько областей, география собирательства расширяется.

70-е годы XX века войдут в историю советских миниатюрных книг как высокая ступень их развития. Если за первую половину XX века у нас было 64 названия таких книг, то только за 1975—1977 годы их напечатано 115, а теперь, начиная с 1978 года, ежегодно в стране публикуется от 80 до 100 и более названий, что как нельзя лучше создает богатейшую живительную почву для роста на местах новых библиофильских организаций — секций любителей миниатюрных книг.

Сейчас в стране более сорока таких секций, они объединяют свыше семисот собирателей, которые активно предоставляют миниатюрные книги из личных собраний в широкое общественное пользование. Они организуют тематические выставки, проводят лекции и беседы на предприятиях, в школах, общежитиях рабочей и студенческой молодежи, выступают в печати, по радио, по телевидению. Такую же работу среди книголюбов

проводят и индивидуальные собиратели миниатюрных книг, живущие в небольших городах и в сельской местности.

В 1976 году по решению президиума Центрального правления ВОК на базе Московского клуба создана секция миниатюристов, которая оказывает методическую помощь собирателям миниатюрных книг. Бюро этой секции, работающее на общественных началах, направляет на места различного рода методические пособия. Так, за последние годы местные секции получили методическое пособие-лекцию «Миниатюрная книга вчера, сегодня, завтра»; в сборнике ЦП ВОК «С книгой по жизни» были опубликованы статья о работе Московского клуба и перечень тематики его заседаний за первое пятилетие; разослана на места методическая разработка об организации и проведении выставок миниатюрных книг.

Огромную помощь собирателям оказывает библиографический указатель «Миниатюрные книги СССР», о котором известный советский книговед Е. С. Лихтенштейн писал: «Выпуск указателя миниатюрных книг предпринимается в нашей стране впервые. Он, несомненно, представляет собой серьезное событие в библиографии и книговедении» (Наука и жизнь, 1976, № 11, с. 120—123). Вышло уже 7 томиков этого уникального издания, в которых дается описание книг до 1982 года.

Большое оживление в работу секций и отдельных собирателей миниатюрных книг внес проведенный в 1981—1983 годах научно-методической секцией миниатюристов ЦП ВОК конкурс на лучшую секцию и на лучшего собирателя миниатюрных книг, по использованию личных библиотек в общественных целях. Условия этого конкурса представляли собой прекрасный методический материал, показывающий, как и чем должны заниматься секции миниатюристов, в чем состоит суть их работы.

В ходе конкурса в ряде республик и областей были организованы новые секции, выявлены многие собиратели, ранее не принимавшие активного участия в работе Общества книголюбов.

Что ждет миниатюристов впереди? Перспективы самые благоприятные: число миниатюрных книг ежегодно растет, география их выпуска, как было сказано, постоянно расширяется. Пришло время более строго относиться к тематике и качеству выпускаемых миниатюрных книг. Местные секции миниатюристов, на наш взгляд, могут активней участвовать в формировании издательских планов и всячески помогать издателям, рекомендуя новые актуальные темы, рецензируя рукописи и популяризируя вышедшие издания. В помощь книголюбам на селе было бы хорошо совместно с издательством «Колос» и Коопкнигой Центросоюза разработать соответствующую тематику миниатюрных книг и способствовать организации в колхозах и совхозах опорных

секций любителей миниизданий. Во всех секциях миниатюристов хотелось бы видеть больше рабочей молодежи и студенчества. Многие мероприятия следует проводить с участием комсомольских организаций, шире использовать молодежную прессу.

Большое значение имеют контакты с коллегами из стран социалистического содружества. Настала пора подумать о проведении международной выставки миниатюрных изданий совместно с братскими социалистическими странами.

Александр Трофимов

* * *

Смотрю душой внимательной вокруг —
Наивен мир,
Как в первый день творенья.

...Мой предок камень выронил из рук —
И слово родилось от удивленья.

Олег Ласунский

ЭТОТ НЕУГОМОННЫЙ ПОЧТОВИК...

Научные и популярные работы, посвященные разнообразным аспектам миниатюризации типографской продукции, в наши дни регулярно появляются на страницах самых различных изданий, хотя не так давно все было по-другому. В какой же именно период произошел сдвиг в отношении к миниатюрной книге? На этот вопрос довольно четкий ответ дает библиографический указатель соответствующей отечественной литературы, составленный Е. Л. Немировским (М., 1977). Хронология вырисовывается такая: с середины 1960-х годов намечается пока еще робкий интерес к миниатюрной печати, но уже с самого начала 70-х годов налицо своеобразный взрыв общественного внимания к этой проблеме.

Как раз в эту пору и выдвигается на авансцену фигура Павла Давыдовича Почтовика, создателя и бессменного председателя Московского клуба любителей миниатюрных книг.

Существует ли какая-нибудь связь между этими двумя явлениями — резким возрастанием всеобщего интереса к миру изданий-малышек и рождением в столице клуба, кстати, долгое время остававшегося единственным в СССР объединением подобного профиля? Такая связь, безусловно, имеется — и притом самая тесная.

Конечно, вовлечь в свою «веру» библиофилов не составляло особого труда: они всегда готовы расширить границы собирательских пределов. Спустя какой-то срок в разных уголках страны стали возникать кружки, секции, ячейки, сплотившие вокруг себя поклонников новой коллекционерской страсти. На страницах газет и массовых журналов замелькали сообщения о библиотечках, умещаемых в чемоданах, портфелях, на ладони, в кармане и даже в спичечном коробке. О мини-книгах как особом феномене, заслуживающем подробного изучения, заговорили исследователи (О. С. Чубарьян, А. Г. Шицгал и другие).

Количество так называемых сувенирных книг стало заметно

увеличиваться, появились редакции, специализировавшиеся на их выпуске. Теперь, в наши дни, миниатюрные книги превратились, кажется, в привычную деталь издательского быта.

Весь этот свершившийся на наших глазах переворот во мнениях и отчасти в самой практической деятельности в значительной степени обязан Павлу Давыдовичу Почтовику, его твердой воле, его неистощимой энергии и способности заражать окружающих любимым делом.

Мне не забыть одной из ранних наших встреч. Дело было весной 1974 года. Шла вторая Всесоюзная книговедческая конференция. Секция теоретических проблем библиофильства — ею руководил А. И. Маркушевич — заседала среди витрин со всевозможными раритетами в Отделе редких книг Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Из-за стекла глядели титульные листы, обложки, переплеты, способные «насмерть» сразить любого из нас. Пришло, помню, какое-то странное ощущение книжной пресыщенности. Казалось, ничто на свете не в состоянии нас удивить. Мы воспринимали очередное выступление как нечто должное, а демонстрируемые докладчиками экземпляры созерцали с эпическим спокойствием. Признаться, мы крепко устали от долгих сидений.

Заседание успешно подвигалось к своему финалу, когда из задних рядов поднялся пожилой, сутуловатый человек, бережно держа обеими руками плоский чемоданчик-дипломат. С решительным видом, будто преодолевая незримое сопротивление, он прошел к круглому столу и, не говоря ни слова, щелкнул замком своего чемоданчика. Створки распахнулись, присутствовавшие увидели, что он наполнен пестрыми, крошечного формата книжечками. Сколько их было? Несколько десятков? Сотня? Больше сотни? Словом, невероятно много.

Было бы смешно думать, что никто из нас не видел раньше подобных малышек. Но в таком количестве? Нет! Впрочем, главное заключалось, пожалуй, в другом: почти никто из присутствовавших не был внутренне готов к тому, чтобы увидеть на серьезном научном форуме этакое... как бы помягче выразиться... этакое легковесное зрелище.

Подогрев общее внимание, докладчик, не сбавляя наступательного порыва, обрушил на аудиторию шквал сведений. Ему было тесно в границах чистой истории. Даже настоящее миниатюрных изданий, в сущности едва зачинавшееся, не стало пределом для максималиста Почтовика. Он уже требовал от нас заглянуть в их завтрашний день. Нам показался тогда сильно наигранным и преувеличенным оптимизм Павла Давыдовича. А теперь приходится признать, что нарисованные им перспективы были отнюдь не беспочвенны...

Имя П. Д. Почтовика давно уже пользуется в библиофильских кругах авторитетом. Его опыт перестал быть достоянием сугубо личным. Думаю, рассказ о трудах и днях ветерана имеет педагогический характер: молодой поросли книжников есть чему у него поучиться!

Павел Давыдович нашел свое призвание не сразу: фортуна не баловала, а порой и вовсе отворачивалась от него. Долго ему пришлось сопротивляться напору неблагоприятных внешних обстоятельств. Так складывался в нем бойцовский темперамент, крепла духовная твердость...

Родился П. Д. Почтовик 4 (по новому стилю 17) апреля 1905 года в семье ссыльнопоселенца, в глухой сибирской деревушке Суровской Иркутской губернии — все двадцать дворов стояли прямо на берегу таежной реки Лены. Что такое город, узнал лишь в шестнадцать лет. В Якутске экстерном сдал экзамены за среднюю школу второй ступени. Паренька заметили, ободрили, включили в состав коммунистического отряда по борьбе с контрреволюцией. Однажды попал в самое пекло: участвовал в аресте главарей бандитской шайки. Мог ли тогда Павлик Почтовик предположить, что в далеком Якутске спустя более полувека откроется первая в автономной республике выставка миниатюрных книг и что он будет причастен к этому событию!

Из Сибири партийная организация откомандировала его для работы на производстве под Москвой, в Мытищах. Был токарем. Потом редактировал многотиражную газету на вагоностроительном заводе. В 1934 году перешел в политотдел Московско-Казанской железной дороги, руководил газетой «Большевик Казанки». Через два года стал работать в Трансжелдориздате (ныне издательство «Транспорт»), которому и отдал почти сорок лет жизни.

Многие годы провел Павел Давыдович в увлекательном книжном мире. Рукописи, корректуры, макеты, иллюстрации — все это ему знакомо профессионально. И хотя он выпускал не роскошные художественные альбомы, а специальную техническую литературу, ему доставляло это не меньшее удовольствие...

Начальной грамоте его обучили «политические» в Суровской. Они ходили из дома в дом и прививали местным ребятишкам любовь и вкус к печатному слову. Там, на Лене, он впервые ощутил в руках приятную тяжесть книг. Запомнилось и такое: с обложки журнала глядел на мальчугана из траурной рамки бородатый человек с густыми бровями — сообщалось о смерти Льва Толстого.

Уроки добровольцев-наставников не пропали зря. Подросток все более втягивался в чтение. В Якутске попались сборники

современных прозаиков. Пытался сочинять и сам. Завершилось это все тем, что в 1935 году Почтовик поступил заочно в Литературный институт имени А. М. Горького. Занимался в семинаре, который вел Константин Паустовский. Павел Давыдович институт окончил перед войной. Правда, литератора из него, увы, не получилось, но годы учебы обогатили ум и сердце, еще крепче привязали его к книге.

Библиотека никогда не была у него большой. Подбирал то, что хотелось в свободную минуту снять с полки, перечитать. Тома потихоньку множились, но это была вполне заурядная семейная библиотека труженика-интеллигента. Библиофильский «червячок» еще мирно дремал в нем, не заявляя ничем о себе. Чтоб пробудить его, нужно было свершиться чему-то не совсем обыкновенному.

В 1957 году в подарок участникам и гостям Всемирного фестиваля молодежи и студентов в Москве Гослитиздат подготовил книжечку, куда вошли горьковские «Песня о Соколе» и «Песня о Буревестнике». И вот она очутилась в ладонях Павла Давыдовича — до невероятного малюсенькая, исполненная какой-то завораживающей тайны, заставляющая вспомнить бессмертного лесковского Левшу. Эта встреча многое изменила в биографии Почтовика. Потянуло узнать побольше о миниатюрных изданиях: когда они возникли, сколько и какие типы их существуют, кто выпускал? Кинулся Почтовик в авторитетную библиотеку. Но, как ни странно, тамошние библиографы смутились его вопросами, не могли внятно на них ответить. Оказалось, что отсутствует даже элементарный каталог старых и новых отечественных «карликов». Пришлось выискивать нужные сведения по крупицам.

Много сил отдал Павел Давыдович, чтобы объединить участников развивавшейся области собирательства. В июне 1971 года по инициативе П. Д. Почтовика в Москве организуется специальный клуб. Предшественников у него не было, все приходилось начинать с нуля.

Вместе со своими помощниками — Маргаритой Николаевной Кузнецовой, Ниной Викторовной Сафоновой, Владимиром Филипповичем Некрасовым, Ашотом Львовичем Бадаловым и другими — Почтовику удалось создать устойчивый коллектив, который продолжает успешно существовать и поныне. На заседаниях клуба — на редкость теплая и дружественная атмосфера.

После создания клуба пришла пора выставок миниатюрных книг. П. Д. Почтовик любит возиться с ними, ибо уверен: велика будет отдача. Трудно было готовить в 1972 году первую такую выставку: много было скептиков, пришлось обратиться за поддержкой к министру культуры СССР. Экспозиция разместилась в

главном корпусе Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Сотрудники ее сомневались в успехе предприятия. Каково же было их искреннее изумление, когда в отдельные дни выставку осматривало до 500 человек: такого в библиотеке не помнили! В городе были развешаны красочные плакаты: рука бережно держит книжку-малышку. Рисунок быстро превратился в своеобразную эмблему клуба, да и всего движения советских миниатюристов.

А потом была грандиозная международная выставка. В Москву привезли свою лучшую продукцию ведущие зарубежные фирмы. Глаза разбегались от обилия обложек и переплетов. Воистину парад типографского искусства! Но где собралось посетителей более всего? На пятачке возле экспозиции миниатюрных книг. 400 томиков блистали своим великолепием. Посетителей прошло тут — ни много, ни мало — 700 тысяч человек.

Однажды пришел сюда и Михаил Иванович Жаров. Популярный артист был, оказывается, по-детски неравнодушен к мини-изданиям и даже охотно вступил в «почтовиковский» клуб. В сутолоке никто Михаила Ивановича не заметил, и он, довольный этим чрезвычайно, мог спокойно рассмотреть экспозицию. А вскоре радиослушатели страны узнали знакомый тембр жаровского голоса. Нет, на этот раз артист не разыгрывал сцену из спектакля. Он восторженно рассказывал о достоинствах миниатюрных книг.

Выставки следовали одна за другой. В старинном актовом зале Московского университета, в витринах, расположенных меж колонн, выстроились сотни изящных экспонатов. И опять поток посетителей. Теперь он никого не удивлял.

П. Д. Почтовик добился своего: миниатюрные книги явились в свет, перестали быть сокровищами за семью печатями, унылыми жильцами библиотечных сейфов. Как выразился Павел Давыдович в одной из своих статей, мини-книга освободилась от заточения. Была одержана первая крупная победа.

Но разве библиофил удовлетворится созерцанием желанного экземпляра? Ему хочется поставить малютку себе на полку. Значит, надо попробовать склонить издательства резко увеличить количество выпускаемых мини-книг. Павел Давыдович с цифрами в руках доказывает заинтересованным организациям, что в век, когда проблема бумаги становится крайне острой, уменьшение книжных форматов до разумных пределов имеет прямую экономическую выгоду. Он говорит, что расширенное производство мини-изданий способно стать своего рода «испытательным полигоном», где могли бы оттачивать свое мастерство полиграфисты. В конце концов мини-книги — это памятники духовной и

материальной культуры, по которым потомки будут судить о состоянии нашего издательского дела.

П. Д. Почтовик и его соратники по клубу предлагали издателям конкретные темы и названия. Результаты были налицо. Так, по инициативе москвичей в Сухуми появился сборничек одного стихотворения (1974). На 43 языках народов СССР было напечатано произведение основоположника абхазской литературы Дмитрия Гулиа «Наша партия». Немало прекрасных работ по предложению клуба подарило библиофилам издательство «Книга», которое, несомненно, лидирует сейчас в сфере выпуска отечественных миниатюрных книг.

Чем чаще библиографическая служба фиксировала рождение очередной новинки, тем настойчивее вставал вопрос о сводном указателе миниатюрных книг. Павел Давыдович Почтовик вместе с сотрудницей Библиотеки им. В. И. Ленина Софьей Ивановной Захаровой подготовил сначала «Предварительный перечень миниатюрных изданий» (1974), который затем неоднократно корректировался. Карликовые книжки нелегко было выявлять. Мало того, что они не всегда хранились в государственных библиотеках отдельным фондом. Подчас они просто терялись в массиве разноликой печатной продукции. Слепо доверять сведениям, полученным от коллекционеров, тоже было нельзя. Все просматривалось самолично. Зато какую неподдельную радость доставляли минуты, когда совершалось открытие — обнаруживалось неизвестное прежде изданьице!

Работа библиографа только неискушенным людям представляется сухой и скучной бухгалтерией. На самом деле она исполнена высокой романтики, эмоционально насыщена. Павел Давыдович по-настоящему был взволнован, когда на ладонь мягко легло мини-издание «Искусство быть забавным в беседах». Он обмерил линейкой блок: 60 миллиметров на 75! Книжка не самая маленькая, зато одна из старейших в России: вышла в Петербурге в 1788 году. А вот записные редкости, о которых с таким пиететом повествовал в своих рассказах Н. П. Смирнов-Сокольский: «Басни» И. А. Крылова размером с почтовую марку (1855), набранные микроскопическим шрифтом «диамант», пушкинский роман в стихах «Евгений Онегин», выпущенный в год смерти автора (1837), «Райская птичка», украшенная тиммовскими иллюстрациями (1841), поэтические сборники из «Библиотеки-крошки» киевского издателя Ф. А. Иогансона, появившиеся в конце XIX века. Все это были вещи, заставлявшие трепетать библиофильское сердце.

Двухтомничек «Миниатюрные книги СССР», составленный П. Д. Почтовиком и С. И. Захаровой (1975), не претендовал, естественно, на исчерпывающую полноту содержания. Ныне в

разных городах страны найдено более полусотни дореволюционных изданий, не учтенных в нем. Но труд, уникальный по своей сущности, сыграл важную роль. Он позволял, во-первых, строить научную концепцию, давал простор для исследовательских обобщений, а во-вторых, был незаменим по соображениям чисто прикладного свойства. Например, на основе двухтомника Павел Давыдович разработал особую схему-сетку, с помощью которой удалось провести регистрацию собирателей-миниатюристов по всему Союзу, а заодно определить географию распространения тех или иных раритетов. Итогом этой работы явилось учреждение многих самостоятельных секций подчас «далеко от Москвы». Теперь их насчитывается уже около сорока (Пермь, Одесса, Ленинград, Рига, Таллин и др.), в деятельность каждой из них вложена Павлом Давыдовичем частичка его души.

За библиографической «дилогией» 1975 года последовала серия указателей-ежегодников, значение которых состояло в том, что они наглядно демонстрировали рост миниатюристского движения в СССР. Вклад советских библиографов по достоинству оценили и видные зарубежные специалисты, такие, в частности, как Янка Дьюла (Будапешт), Тадеуш Гуссак (Варшава), Карл Вигель (Берлин). Томики, облаченные в темно-зеленый балакрон (сто нумерованных экземпляров одеты в переплеты нежного светлого тона), конкурируют с аналогичными зарубежными трудами. Следует при этом отметить: сходного опыта, когда каталогизировался бы весь наличный национальный фонд миниатюрных изданий с момента их возникновения, в мировой практике не было.

При участии П. Д. Почтовика в сентябре 1984 года был открыт Музей миниатюрной книги при издательстве «Книга». Будет глубоко не прав тот, кто решит, что это — подобие кунсткамеры, где накоплены курьезные своими размерами книжки. Нет, новый музей призван стать живой, творческой издательской лабораторией. Представленные здесь шедевры современной полиграфии самим фактом своего существования стимулируют работу редакторов, художников, полиграфистов.

Многие вопросы, касающиеся книжек непривычно малого формата, стекаются к Почтовику. То «Пионерская правда» перешлет «каракули» какого-нибудь вундеркинда, которого весьма занимает вопрос, бывают ли книжки меньше, чем пуговица. То позвонят из редакции журнала «Здоровье»: подписчики спрашивают, не вредно ли для зрения читать чересчур мелкий шрифт. И каждому надо дать точный ответ. Со школьником, понятно, проще. А вот насчет мелкого шрифта — разговор посерьезнее. Есть так называемые микроиздания — здесь надо вооружать глаз дополнительной оптикой, иначе ничего не разглядишь.

Но ведь и цели там иные: показать предельные возможности технического мастерства. Другое дело — собственно миниатюрная книга. Ее следует печатать так, чтобы любой человек с нормальным зрением мог с интересом ее прочитать.

Почтальон то и дело доставляет в дом по улице 26-ти Бакинских комиссаров внушительную пачку корреспонденции — это отовсюду обращаются к Павлу Давыдовичу начинающие собиратели, просят ответа. Маститый коллекционер не оставляет без ответа ни одной весточки. Библиофилов как в «центре», так и в глубинке всенепременно надобно поддержать, поощрить!

Существуют, конечно, и проблемы, которые требуют публичного освещения. П. Д. Почтовик как знаток и популяризатор миниатюрных изданий часто выступает в прессе со статьями и заметками, которые в своей совокупности образуют обширный свод сведений о миниатюрных книгах...

В 1985 году П. Д. Почтовику исполнилось 80 лет. Несмотря на почтенный возраст, Павел Давыдович полон энергии, а замыслов у него хоть отбавляй. Тут и проведение конкурсов, и выпуск справочника, где были бы учтены наиболее примечательные домашние библиотеки миниатюрных изданий, и подготовка бюллетеня «Советские миниатюрные книги» — вполне реальные и, главное, диктуемые жизнью планы, претворение которых даст библиофильству новые импульсы.

Библиофильству нужны сегодня не одни лишь обладатели исключительных коллекций, неистовые искатели, готовые отправиться за дезидератами хоть на край света. В неменьшей степени нужны и те, кто озабочен прежде всего не пополнением собственных стеллажей, а совершенствованием путей и форм книголюбительства в целом, кто своей неугомонностью мешает ему застыть, закостенеть.

Владимир Лесовой

ПУТЕВОДНЫЕ КНИГИ

В одном из рассказов Уильяма Сарояна маленький мальчик впервые попадает в публичную библиотеку. Он с восторгом осматривается вокруг и говорит такие слова: «Книг-то, книг сколько, и в каждой что-то написано!»

Помню себя семилетним мальчиком. Я заканчивал первый класс начальной школы в тихом селе Калининском близ Липовой Долины. Село утопало в вишневых садах, воспетых еще Тарасом Шевченко, а вокруг, в синеющей дали, до самого горизонта желтели строчки хлебов. Старший брат Шурик — совхозный тракторист — взял меня за руку и повел в клуб. Там, в углу, стоял железный сейф. В нем и помещалась вся библиотека совхоза имени М. И. Калинина. Раз в неделю, перед началом кинофильма, заведующий клубом Иван Ананьевич открывал этот сейф. Брали в основном книги про шпионов и про любовь...

Несгораемый сейф не сравнить с публичной библиотекой, но в моих глазах был, наверное, такой же горячечный блеск, как и у юного героя американского писателя.

«Книг-то, книг сколько...» — шепталось в душе.

Детской литературы в сейфе не оказалось, и завклубом вытащил пыльную тоненькую книжку — «Сорочинскую ярмарку» Н. В. Гоголя. Это и была первая книга, которую я прочитал в своей жизни.

Читал с удивлением и интересом: не верилось, что все описанное могло случиться в местах, географически близких. Ведь и Сорочинцы, и Решетиловка, и Гадяч, и Ромны — рядом с Липовой Долиной...

Потом мне стали выдавать другие книги. «Бери потрепанные, они интересней»,— советовал брат. Об этом же свидетельствовали лаконичные надписи на полях: «Книга очень интересная, советую прочитать». Невидимый оппонент с ходу вступал в спор. Дискуссию завершал обычно кто-то из старших: «Да разве можно писать на книгах?» Прочитаешь все это — и сразу видно,

кто брал до тебя книгу. Ведь читателей на селе по пальцам можно перечесть. Угадывал по почерку и интонации, кто бы это мог быть: Гриша Санчин или Галя Кармиза, а может, сама Гапка Сущиха — одинокая семидесятилетняя старуха, которая вечерами ходила в клуб и брала душещипательные повести. Во всяком случае, было приятно сознавать, что кто-то уже перелистывал до тебя страницы. Так что задолго до того, как прочесть Белинского, я познакомился с творчеством наших деревенских доморощенных критиков.

Повзрослев, стал читать запоем. Ведь книг на свете много, а жизнь человеческая так коротка... Читал на отдыхе, в выходные, будни, вечером после работы.

Вслед за Володей Сафоновым из «Дня второго» Ильи Эренбурга готов повторить: «Я не могу теперь жить без книг».

Трудней было найти время для чтения, когда проходил службу в армии. Но все же находил. И был в курсе многих литературных событий, потому что в походном ранце вместе с котелком и запасом провизии во время учений была книга. Ее я читал в самолете перед выброской воздушного десанта, в окопе перед атакой условного противника, на кухне в наряде, когда казалось, что не сможешь выбраться из груды немытых алюминиевых тарелок и недоеденной каши... Книга помогала служить, как песня, которую всегда поют солдаты, когда им очень нелегко. Литературные герои учили мужеству, преодолению трудностей. Не скрою, иногда доставалось от командира за неуставную, оттопыренную от книг гимнастерку, но теперь не жалею об этом...

Страсть собирания книг пришла вместе со страстью чтения. Не хотелось, чтобы уходила прочитанная тобой книга. Хотелось, чтобы она, как праздник, всегда была с тобой.

Я работал уже в большой газете в Москве, а в хате над тихим озером оставалась старая мать и наши с ней книги: Пушкин, Чехов, Коцюбинский, Леся Украинка, Шолохов, Марко Вовчок, Диккенс, Скотт, Горький... Все, кого я так любил. Потом пришла телеграмма. Мать я застал в больнице. А дома все оставалось по-прежнему. В нетопленой комнате с вышитыми рушниками источали нежный запах душистые пироги с калиной, испеченные к моему приезду, и книги, книги вдоль стен... Они будто согревали холодные зимние дали, простиравшиеся за наледью окон.

Домой мать уже не вернулась, и, уезжая, я взял в дорогу самое дорогое, самое памятное — книги, связанные с детством. Эти книги могут рассказать о многом.

Вот небольшая книжечка в мягкой обложке — «Высоко над землей» — о легендарном перелете Валерия Чкалова в Северную Америку. Помню, лютой зимой мы, пятиклассники, ходили по

деревне из дома в дом, предлагали колхозникам книги (была такая общественная нагрузка — распространять литературу). Время тяжелое: хлеба не всегда купишь, а тут книги... Но у нас покупали охотно, может быть, из сострадания к нам, детишкам, промерзшим до костей в коротких, не по сезону, зипунах. Книгу о Чкалове я, не раздумывая, взял себе, отогрел ее под пальто, на груди, и уже больше с ней не разлучался.

«Знаменосцев» Олеся Гончара подарили в школе за хорошую учебу.

Над судьбой Шуры Ясногорской плакал я тихими слезами в копне сена (чтоб никто не увидел), когда «пас гусей в деревне под Ромнами». Будто обо мне написал эти строчки Маршак в своем стихотворении «Быль-небылица». Я и сейчас перечитываю его с волнением.

А вот «Борьба за огонь» Ж. Рони-старшего. Увлекательная история о юном охотнике Нао, которому ценою тяжелой борьбы с природой удается добыть огонь и спасти свое племя уламров. Книга досталась от друга детства Коли Дьячкова — русского парнишки, недолго жившего в нашем селе. Его мать, одинокая женщина, прибилась к нам после войны, да так и осталась в селе навсегда. Она умерла от тяжелой болезни, и оба ее сына отправились в детдом. Так наши пути разошлись. Частенько перечитываю я и другую книгу нашего отшумевшего детства — томик стихов Алексея Недогонова, с которым прошел всю армию:

Взглянул солдат вокруг окопа:
В траве земля,
В дыму трава.
Пред гребнем бруствера —
Европа,
За гранью траверса —
Москва!

Книги, книги...

По-разному приходили книги в мою библиотеку. Однажды услышал от кого-то такие стихи:

Лишь грянет бой и пушки загрохочут —
На линию огня я с братьями пойду.
Не отступлю, Отчизна, дом мой отчий,
Но, смертью скошенный, быть может, упаду.

Меня взволновали эти строчки, и я стал искать автора. Потом оказалось, что мы вместе с ним работали в одном и том же райкоме комсомола. Только с интервалом в тридцать лет: он в 30-е годы, а я — в 60-е.

Война позвала секретаря райкома, поэта, коммуниста, на линию огня, на ту самую, о которой он писал задолго до страшного лихолетья. Он стал подпольщиком-партизаном; не

только винтовкой и гранатой, но и стихами боролся против ненавистного врага. Потом немцы схватили поэта, долго пытали, мучили в той самой, воспетой им, Липовой Долине. Он чудом спасся, опять ушел на линию огня. И снова плен. Его звонкоголосая юность сгорела в фашистских застенках. Как Муса Джалиль, Микола Шпак, Елена Ширман, как сотни других из мужественного поколения поэтов-бойцов, встретил он смерть с песней на устах. Он ушел, но остались его стихи. И вот я держу в руках маленькую книжечку с отсветами багряных пожарищ на обложке. Она называется «Грозовая юность». Издательство ЦК ЛКСМ Украины «Молодь» издало ее в 1957 году немалым для республики тиражом в шесть тысяч экземпляров, но сборник стихов быстро разошелся и стал библиографической редкостью. Перелистываю страницы дорогой находки, и мне кажется, что это не книга, а письмо от близкого человека. Я долго и упорно собирал материалы о поэте. О нем я написал в журналах «Юность» и «Дружба народов». Так всесоюзному читателю впервые открылось имя Федора Швиндина, открылась его героическая судьба, короткая, как поэтическая строка.

Помните, юный герой романа Дж. Сэлинджера «Над пропастью во ржи» Холден Колфилд говорит: «А увлекают меня такие книжки, что, как их дочитаешь до конца, так сразу подумаешь: хорошо, если бы этот писатель стал твоим лучшим другом и чтоб с ним можно было поговорить по телефону, когда захочется».

Вот такое ощущение испытал я недавно, прочитав книгу молодого украинского прозаика Владимира Кезли «Июнь, начало лета», которая вышла в 1980 году в издательстве «Молодая гвардия» (серия «Молодые голоса»). Позвонить автору, правда, я не смог, он живет в скромном селе Сибереж, что в Репнинском районе Черниговской области, где есть один телефон в сельсовете, а другой — в правлении колхоза, но написать я ему написал. Поверьте, такое бывает не часто. Сколько хороших книг выходит у нас ежегодно в различных издательствах! Радуешься, восхищаешься, негодуешь вместе с автором. Но чтобы писать?.. Такого не припомню.

Владимир Кезля... Имя прозвучало впервые на русском языке, но прозвучало полновесно. Книга — о послевоенном детстве, не всегда сытом, но богатом интересными событиями; это волнующий рассказ о матери, что положила молодую свою силу на сельские заботы и хлопоты. Есть в книге повесть в новеллах «Синий ветер Родощи». Она пронизана горькой печалью опаленного войной детства. Юные герои повести — сельские дети — играют в войну. Им «повезло»: в поле за селом они нашли настоящую большую мину, ведь возиться с обычными патронами, бросать их в костер давно надоело. И кто знает, чем бы

кончилась эта «игра», если бы не дядько Тимко, прибежавший на костылях и отнявший у ребятишек смертельную игрушку. А как перекликаются между собой дети, играющие в войну:

— Настин?
— Есть!
— Варькин?
— Есть!
— Любин?
— Есть!
— Соломиин?
— Есть!
— Параскина? Па-рас-ки-на?
— Да вот же стою!..

Сцена потрясает своим драматизмом. Дети перекликаются не по фамилиям, не по именам отцов, а по именам своих матерей, потому что отцы не вернулись с той, настоящей, войны.

То, о чем написал В. Кезля, близко и дорого мне. Так что я мог бы по примеру героя Сэлинджера назвать писателя своим другом. И если бы мне довелось с ним встретиться в обстановке, располагающей к спокойной неторопливой беседе, например, в его Сибереже или в моем Калининском, я бы его спросил, как, из чего рождается слово. Рождается ли оно «из ветра», как утверждают некоторые поэты, или «из сгустков тишины».

Настоящая литература — та, что никогда не пряталась от трудностей, которых немало в нашей жизни и истории. Для меня это книги таких замечательных писателей, как Виктор Астафьев, Василий Белов, Федор Абрамов, Юрий Бондарев, Василь Быков, Борис Можаев, Василий Шукшин... У нас есть что читать. И это — большое счастье. Особо хочется сказать о публицистике. Публицистике на Руси уготована особая судьба. Ее история, как известно, восходит к знаменитому «Путешествию из Петербурга в Москву» Александра Радищева, очеркам Глеба Успенского и Леонида Решетникова. Публицистика — это активное отношение к действительности. Увлеченно читаются сегодня книги Ефима Дороша, Георгия Радова, Анатолия Злобина, Юрия Черниченко, Ивана Васильева, Леонида Иванова. Это лучшие книги в моей библиотеке, на многих из них — автографы писателей. Книги эти ставят вопросы, будят мысль.

Давно, еще в школе, прочитал я обзорную статью одного критика о современной литературе. Там анализировались произведения, о существовании которых я не подозревал. Повторяю, это было в школе, в классе восьмом или девятом, когда по программе «проходили» классическую литературу, а современная была для нас неведомым материком. В специальный блокнот выписал имена «неизвестных» писателей. В этот список вошли

те, кого теперь бесконечно люблю, читаю, слежу за их творчеством. Тогда-то и появился мой «золотой список», который все время пополняется новыми изданиями.

Книг сейчас не море — океан. Критика для многих из нас, собирателей и читателей,— надежный компас в этом океане. Она способна указать не только «адрес» чтения, но и существенно повлиять на читателя. Вот классический пример. Однажды молодой человек прочитал две статьи Добролюбова — о романе Гончарова «Обломов» и о романе Тургенева «Накануне». Они «ударили, как молния,— сказал он потом.— Я, конечно, и до этого читал „Накануне", но вещь была прочитана рано, и я отнесся к ней по-ребячески. Добролюбов выбил из меня такой подход. Это произведение, как и „Обломов", я вновь перечитал, можно сказать, с подстрочными замечаниями Добролюбова. Из разбора „Обломова" он сделал клич, призыв к воле, активности, революционной борьбе, а из анализа „Накануне" — настоящую революционную прокламацию, так написанную, что она и по сей день не забывается. Вот как нужно писать!»

Этим читателем был Владимир Ильич Ленин*.

Много книг поселилось на полках моей библиотеки в Москве. Ее не сравнить с той, что была в селе близ Липовой Долины, в крестьянской хате над озером. Книга открыла новые дали. Повела за собой. И продолжает вести.

---

* Ленин о литературе. М., 1971, с. 257.

Людмила Букина

ВОСТОЧНАЯ КАРТИНА

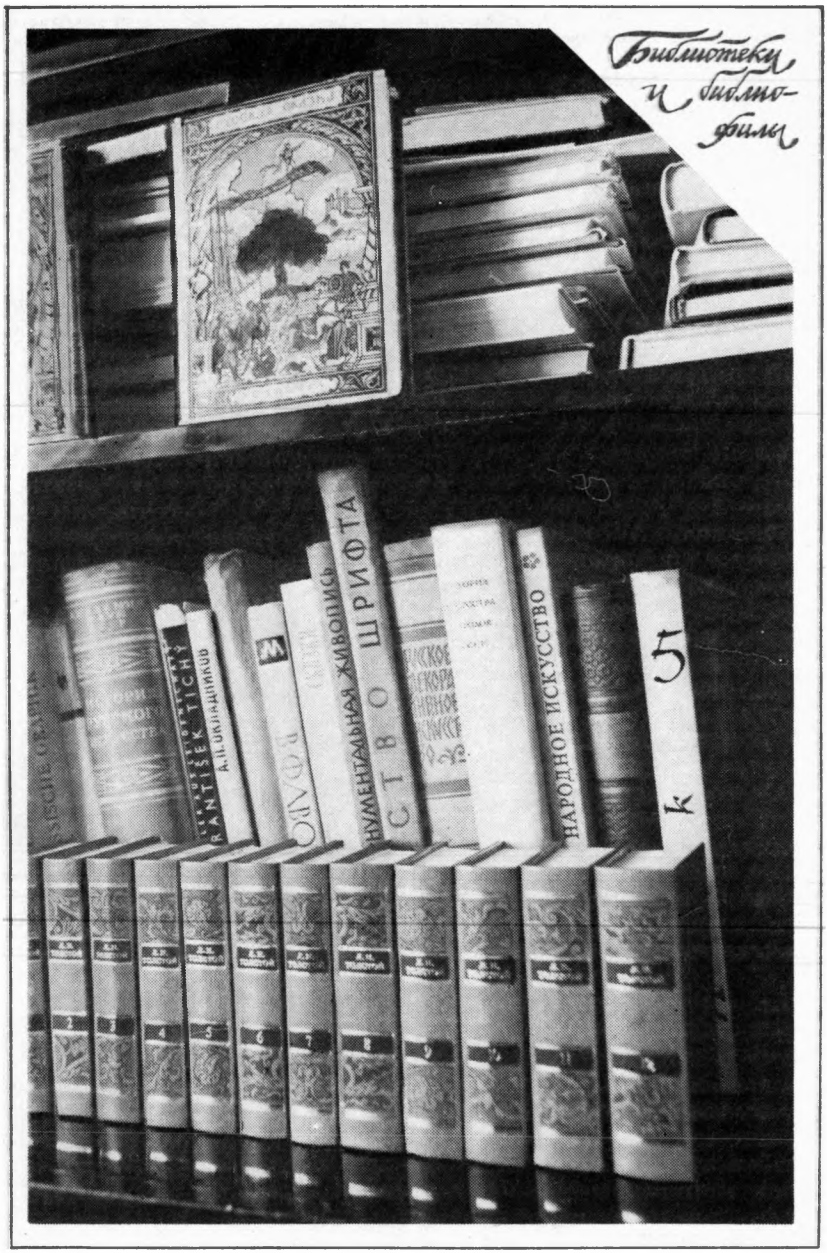
Стихотворенье, как больной ребенок,
Всю ночь кричало, не давало спать.
Шагает слон... За ним идет слоненок...
И в теплый мир вступает благодать.

И кропотливо-синей мышью море
Дорогу роет в сонной глубине,
И журавли в развернутом просторе
Летят к еще невидимой Луне.

А на слоне, увенчанном цветами,
Лежит ковер, как на хребте земном.
И наверху, с поджатыми ногами,
Индусы восседают вчетвером.

Самозабвенно дудочка играет.
Звенят литавры... Барабан звучит...
Младенец вновь спокойно засыпает,
А пирамида шествует в ночи.

Стихи и дети — две стихии эти
На лучшее надеются во сне,
Пока идет слоненок по планете
И музыка летает в тишине.


Библиотеки и библиофилы
ШРИФТА
НАРОДНОЕ ИСКУССТВО

Кто прочитает со вниманием и в систематическом порядке всех древних и новых авторов, тот узнает самую важнейшую историю — историю человеческого разума.

Н. М. КАРАМЗИН

Г. Маркова

ТИХООКЕАНСКАЯ КАРТОТЕКА СЕРГЕЯ МАРКОВА

1.

В аннотации издательства «Художественная литература» к двухтомнику Сергея Николаевича Маркова говорится:

«В первый том избранной прозы Сергея Маркова вошли широкоизвестный у нас и за рубежом роман „Юконский ворон“ — об исследователе Аляски Лаврентии Загоскине. Примыкающая к роману „Летопись Аляски“ — оригинальное научное изыскание истории Русской Америки. Представлена также книга „Люди великой цели“, которую составили повести о выдающемся мореходе Семене Дежневе и знаменитых наших путешественниках Пржевальском и Миклухо-Маклае.

Во второй том избранной прозы Сергея Маркова вошла повесть „Идущие к вершинам“ — о национальном герое казахского народа Чокане Валиханове, а также рассказы о Средней Азии и Казахстане — „Арабские часы“, „Голубая ящерица“, „Цыганский узел“ и другие».

Аннотация дает представление о масштабе творчества Сергея Маркова, но ведь перечисленными произведениями оно не исчерпывается. При жизни писателя трижды издавалось его монументальное научно-художественное повествование «Земной круг», которое видный советский ученый Д. Щербаков оценил так: «Книга С. Н. Маркова — это кладезь географических знаний о Сибири, Средней Азии и Дальнем Востоке, кладезь смелых научных предположений, интересных, заманчивых, увлекательных. Книга написана так, что для любого читателя она окажется полезной, каждому даст много нового: начавшему изучение истории географических исследований — хорошую, подробную картину этой истории, а специалисту — новые материалы, архивные находки и, наконец, догадки автора».

После выхода книги «Земной круг» «Молодая гвардия» издала, а «Современник» переиздал книгу «Вечные следы». Доктор исторических наук А. И. Алексеев в предисловии к книге пишет: «...В новой книге Сергея Маркова действие русского

народа, который является героем произведения, происходит на территории многих стран и нескольких континентов на протяжении столетий, от средних веков до нашего времени. Приходится только удивляться тому, как такой громадный историко-географический материал мог быть переработан и художественно изложен одним человеком. Впрочем, я удивляюсь творениям С. Н. Маркова не первый раз. Я знаю, что С. Н. Марков долгие годы скрупулезно собирал свою знаменитую картотеку, долгие годы «копался» во многих архивохранилищах страны...»

К последней книге писателя, которую ему, к счастью, довелось увидеть и подержать в руках, к книге «Летопись», вышедшей в 1978 году в «Молодой гвардии», дал предисловие академик А. П. Окладников: «Я счастлив, что имею возможность сказать читателю несколько слов перед тем, как он откроет первую страницу новой книги замечательного советского писателя, следопыта истории сибирской и дальневосточной Сергея Николаевича Маркова».

Для тех, кто не знает, скажу еще, что Сергей Николаевич Марков — автор стихотворных сборников. Высоко оценили стихи Сергея Николаевича Маркова П. Антокольский и И. Сельвинский — рецензенты первого стихотворного сборника «Радуга-река», вышедшего в издательстве «Советский писатель» еще в 1946 году.

«...Эти стихи великолепны,— писал Антокольский.— Другого определения не подберешь».

«...Должен сознаться, что они произвели на меня очень сильное впечатление»,— вторил Антокольскому И. Сельвинский.

Таков итог жизни писателя, если говорить о написанных им книгах.

Но и другие следы, вечные следы, как и герои его книг, оставил на земле Сергей Николаевич Марков. Это — открытие мемориальных музеев, памятников, привлечение внимания широкой общественности к забытым славным именам и как результат — сбор и упорядочение их архивного наследия. Так были открыты памятник-маяк Семену Дежневу на мысе Дежнева, памятники первому исследователю Тибета Г. Цыбикову в Бурятском национальном округе, Чокану Валиханову — в Казахстане...

Литературная работа С. Маркова была неотделима от общественной, весьма обширной и масштабной. Это он привлек всенародное внимание к заброшенным золотым приискам в Северном Казахстане. Узнав, что река Нура изменила русло и оставила Карагандинский угольный бассейн без воды, он написал большую статью «О подземных морях, убегающих реках и плацдармах социализма», которую напечатали «Известия». Статья обсуждалась при участии Госплана, после чего средства для спасения реки были выделены.

О многих других делах, подобных этим, могут поведать папки писательского архива. Но сейчас моя задача — рассказать о картотеке Сергея Маркова, картотеке, которая дала возможность Сергею Николаевичу написать его книги, создание которой ныне оценивается специалистами как научный подвиг.

2.

В одной из папок архива Сергея Маркова лежат два пожелтевших листа, на которых напечатан следующий текст:

Тихоокеанская картотека Сергея Маркова

(Схематическое описание)

1. Первые сведения об Америке в Европе.
2. Первое плавание европейцев в Америку.
3. Первое кругосветное плавание.
4. Начало колонизации Америки.
5. Создание мировых торговых компаний.
6. Плавание и походы русских на восток.
7. Укрепления русских в Сибири, на Камчатке, Чукотке.
8. Первые сведения о Беринговом проливе.
9. Походы Дежнева, Хабарова, Зиновьева и др.
10. Хронология по истории Амура.
11. Ранняя экспансия Японии в странах Южных морей.
12. Первое русское посольство в Японии.
13. Первые европейцы в Японии.
14. Ранние связи русских с Китаем.
15. Основание Кяхты.
16. Начало русской торговли с Китаем.
17. Открытие Алеутских островов.
18. Первые русские на Аляске.
19. Первые русские кругосветные путешествия.
20. Основание русского укрепления в Калифорнии.
21. Русские на Гавайских островах (неопубликованные материалы).
22. История Российско-Американской компании; параллельно ей — Ост-Индская компания, компания Гудзонова залива, компания Астора и др.
23. Быт русских на Аляске в XVIII — XIX веках.
24. Исследования материка Америки русскими.
25. Общая хронология по истории стран Тихого океана в XIX — XX веках.

26. История городов и поселений в странах Тихого океана в XIX—XX вв.
27. Библиография стран Тихого океана за XVIII—XIX века.
28. Сумароков, Державин, Пушкин, Рылеев и др. русские писатели.
29. Участие декабристов в делах Российско-Американской компании.
30. Декабристы и оборона Камчатки в 1854 году.
31. Русские на Суматре, Яве, Индо-Китае и Индии в XIX веке.
32. Следы русской культуры на Аляске, в Калифорнии и на некоторых островах Тихого океана.
33. Этнография народов Тихого океана.
34. Новые архивные источники по истории Тихого океана и Российско-Американской компании, выявленные мною в ряде городов СССР.
35. Судьба архива Русской Америки в хранилищах Калифорнии и Аляски.
36. История Сахалина, Амура, Охотского моря в XIX веке.
37. Русский сенатор Гавайских островов Руссель.
38. Русские основатели города Санкт-Петербурга во Флориде.
39. Путешествия Миклухо-Маклая.
40. История германской и японской экспансии на Тихом океане с середины XIX века по 1942 год.
41. Война на Тихом океане в 1941—1942 годы (учет основных событий).
42. Данные по истории Филиппин, Малакки, Сингапура, Новой Гвинеи с XVIII века по 1941 год.
43. Биография деятелей Тихого океана, как русских, так и иностранных (путешественники, исследователи, политики, писатели и т. д.).

После 43-го пункта Сергей Николаевич добавил:

«Данным схематическим обзором дается лишь краткая характеристика скопленного за последние годы материала Тихоокеанской картотеки».

И еще:

«В картотеке — свыше 3 тыс. хронологических карточек. 12 ноября 1942 г. Сергей Марков».

Составлено это описание Сергеем Николаевичем еще в то время, когда его картотека, едва не утраченная им, была привезена мною в пункт, где находилось Управление 33-й запасной стрелковой бригады, в штабе которой состоял на службе «красноармеец Сергей Николаевич Марков» (так было указано в выданной ему справке). Шла война, и Сергей Николаевич находился в рядах тех, кто с оружием в руках защищал Родину. Но не забывал о стихах, в которых воспевал великих патри-

отов — Александра Невского, Кузьму Минина, Суворова, Багратиона... Стихи были приподнятыми. Врезались в память строки:

Как при Петре, орудия гремят!
Небесные раскаты величавы.

Много лет прошло с тех пор. В картотеке, которая хранится в кабинете Сергея Маркова, сейчас около шести тысяч карточек. Каждое событие, зафиксированное в карточке, датировано. Первая из карточек помечена 65-м годом новой эры. На ней сделаны три записи:

«1. Умер Луций Анней Сенека.

В его трагедии «Medea» содержатся следующие строки: «Настанет некогда время, когда океан расторгнет свои оковы, и земной шар раскроется отовсюду, и море разоблачит новые области, и Тулэ не будет уже окраиной света...»

«Это «пророческая хоровая песня» в «Медее».

О. Пешель *, стр. 281.

2. В предисловии к книге Сенеки — утверждение, что пространство между Испанией и восточной окраиной Азии при попутном ветре может быть пройдено в несколько дней.

О. Пешель, стр. 87.

3. Лучшее описание моря тьмы (Mare tenebrosum) дает Сенека, философ. См. «Liber Suasor»: «Там тихое море, словно бесконечная неподвижная громада... Перед глазами расстилается туман и день заменяется сумраком... Не видать звезд, исключая некоторых неизвестных...»

О. Пешель, стр. 29».

Это самые первые сведения о Великом океане...

Но как же, когда она началась — Тихоокеанская картотека?

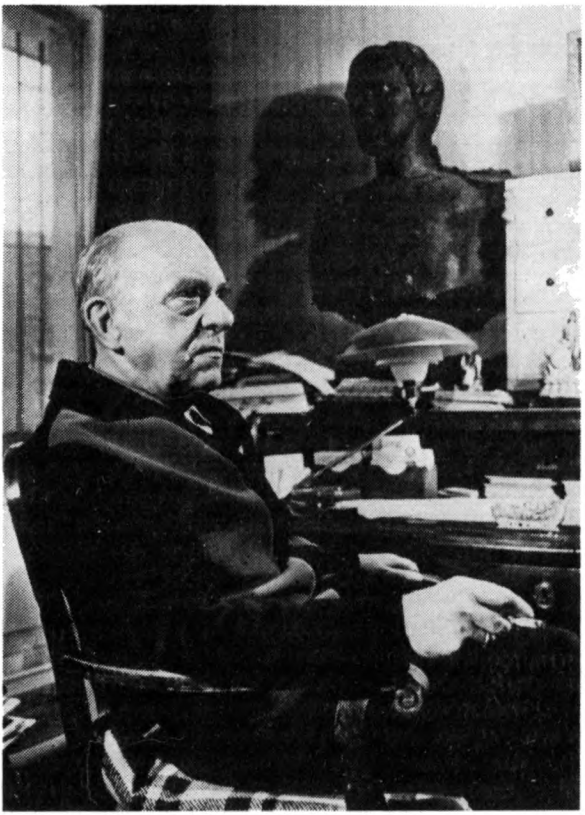
Сергей Николаевич принялся за нее в 1934 году. Этому предшествовали следующие обстоятельства: работая в Архангельске в газете «Правда Севера», Марков регулярно освещал темы, связанные с научными открытиями и с краеведением. Однажды в газету пришло сообщение из Вологды о том, что там, в заброшенном месте, обнаружен архив Российско-Американской компании. Архивы «Р. А. К°» считались утраченными с 1867 года — года продажи Аляски.

Из Архангельска в Вологду выехал уполномоченный базы Академии наук.

В архиве оказались бумаги М. М. Булдакова, первого директора компании, великоустюжского купца и прогрессивного по тем временам деятеля, родственника основателя компании Г. И. Ше-

* Оскар Пешель (1826—1875) — известный немецкий географ, автор трудов по истории географии.— *Ред.*

С. Н. Марков. Фото Н. Кочнева. Публикуется впервые



лехова. Обнаружилось огромное количество материалов по первичному заселению Аляски и Калифорнии — деловые бумаги, отчеты путешественников. Бесценной оказалась переписка Булдакова с Шелеховым, и не меньший интерес представляли письма первого крупного деятеля «Р. А. К°» Александра Баранова, посылавшего начиная с 1790 года отчеты о своем пути на Аляску и пребывании там.

«Через меня,— писал Баранов,— впервые Северная страна разведана и описана с перешейком, приведена в подданство Российское поднесь пять жил народов, надеюсь и далее под матерой землей сделать открытие. Чугацкая губа приведена также мною впервые под державу Российскую и до самой бухты Бкутами и за оную».

Сергей Николаевич дал в Северный отдел ТАСС сообщение о находке архива Российско-Американской компании.

В 1935 году он открыл в фондах Северо-Двинского краеведческого музея в Великом Устюге библиотеку Булдакова — собрание очень редких книг XVIII века. Дал серию статей о поисках забытых архивов. И вскоре были сделаны новые находки.

Архив деятелей Российско-Американской компании привезли в Архангельск в неразобранном виде. Сергей Николаевич начал его разбирать и, для того чтобы не сбиться, стал в левом углу копии каждого документа проставлять год его составления или год события, о котором говорится в бумаге. Когда он сложил эти вещи воедино, то поразился. Потому что невольно получился целый хронологически стройный свод, своего рода летопись. Вот тут он и начал дело усовершенствовать: на одной карточке излагал один определенный эпизод, относящийся именно к этому году. Если эпизод имел продолжение в будущем, то отмечался год, под которым нужно было искать и более раннюю карточку. Это мог быть или интересующий факт истории, или, предположим, вышедшая книга, или дата смерти какого-нибудь деятеля, или, наоборот, год его рождения, или время свершения чьих-то деяний, походов в некие страны. Обязательно указывался источник.

Таким образом исследовательские темы оказались разделенными на эпизоды, хронологически связанные между собой. Предположим, мы берем 1814 год, но тогда смотри и другие, указанные на карточке даты, смотри годы 1813-й, 1830-й и т. д., пока не исчерпается весь источник. Короче говоря, взяв одну карточку, выдергиваешь всю цепь. Из пересекающихся событий складываются определенные исторические циклы.

Если материал вызывал сомнение, хотя бы в датировках событий или в самой их достоверности, то карточки откладывались, год не проставлялся, но поиск продолжался. Шли годы, и вдруг откуда-то с периферии приходила в ответ на давний запрос официальная справка о том или ином событии или его участнике, удостоверенная местными историками. Сергей Николаевич в этом случае сопоставлял новые данные с прежними, а, убедившись в точности справки, проставлял дату и водружал карточку на полагающееся место в картотеке.

На протяжении жизни у него возникало много труднейших вопросов, например, об «исчезнувших» на чужих материках русских людях, которых он упорно разыскивал. И так бывало, что через несколько лет они действительно «находились», не они сами, конечно, а следы их пребывания в далекой стране.

3.

Картотека Сергея Маркова получила настолько большую известность, что и сейчас, когда писателя уже нет с нами, я получаю письма с просьбами найти в ней сведения о том или ином историческом деятеле. Каждому человеку хочется знать как можно больше об истории своей Родины. Но есть такие люди, которые всю свою жизнь посвящают поискам документов и прочих свидетельств о замечательных людях прошлого. Их привычно называют краеведами. Они-то охотно, даже радостно, делились с Сергеем Николаевичем своими находками, и в свою очередь сами получали ответ на любой интересующий их вопрос.

В январе 1985 года председатель Комиссии по литнаследию С. Н. Маркова Е. И. Осетров получил письмо из Великого Устюга. Н. М. Куркин пишет:

«Глубокоуважаемый Евгений Иванович!

В ряде статей писателя С. Н. Маркова, напечатанных в Великоустюжской газете «Советская мысль» за 1936—1937 гг., а также и в его рассказах, в различных изданиях, встречается упоминание о большой библиотеке устюжского купца Булдакова Михаила Матвеевича. Упомянутый Булдаков был не простым купцом — он был 27 лет первенствующим директором Российско-Американской компании, являлся членом-корреспондентом Академии наук России. Был весьма просвещенным человеком своего времени. Имел в Великом Устюге дом, а точнее усадьбу, где и находилась библиотека, которая, пройдя долгий и сложный путь, в 1927 году поступила в краеведческий музей Великого Устюга, где в 1935-м или 1936 г., ныне покойный С. Н. Марков знакомился с содержанием этой библиотеки и написал об этом статьи. В то время библиотека насчитывала около 900 экз. разных изданий. Книги, имевшиеся в библиотеке (что очень бы характеризовало интересы и взгляды Булдакова), ныне отсутствуют. Поэтому, вспомнив о статьях Маркова, я позволил себе обратиться к Вам с большой просьбой: не откажите в любезности посмотреть в архиве писателя, есть ли список книг библиотеки Булдакова? Я работаю над книгой об интереснейших устюжанах, к каким относится Мих. Мат. Булдаков».

С подобными просьбами обращались к Сергею Николаевичу и зарубежные историки. 4 июня 1976 года Сергей Николаевич отвечает американскому ученому:

«Глубокоуважаемый мистер Пирс!

По Вашей просьбе посылаю Вам надпись на памятнике Н. П. Резанова в Красноярске, занесенную в мою Тихоокеанскую картотеку. Буду рад, если текст надписи окажется Вам полезен:

...«„Лета 1831, августа 16 дня воздвигнут сей памятник

иждивением Р. А. К.° в ознаменование незабвенных услуг, оказанных действительным камергером Николаем Петровичем Резановым, который, возвращаясь из Америки в Россию, скончался в городе Красноярске 1 марта 1807 г., а погребен 13 числа того же месяца“ — надпись на массивной чугунной, окруженной венком, овальной доске, на мавзолее над могилой Резанова. Могила — в ограде Красноярского Воскресенского (старого) собора. Могила — за алтарем; огромный гранитный куб, на нем — чугунная коринфская ваза. На западной стороне куба — доска. Памятник существовал до 1935 года».

(Из письма красноярского краеведа)
Сергей Марков».

Картотека даже с эстетической стороны привлекательна — карточки заполнены красивым почерком Сергея Николаевича. Писал он черной тушью, но те слова, которые надо было выделить, он выводил красной тушью.

Послевоенная картотека далеко не похожа на те ящики-«чемоданы», которые во время войны я увозила из Можайска, спасая картотеку от приближающихся фашистов. Был мне тогда 21 год, недолго я еще прожила с мужем, но успела, к счастью, понять, что самое важное — это спасти его картотеку! Ценность ее поняли и солдаты той части, с которой я эвакуировалась. Они откуда-то достали прорезиненные мешки и вытащили из завалов разбитых вагонов исписанные черной тушью карточки. И в Муроме оценили ее добрые люди, у которых в силу сложившихся обстоятельств осталась картотека, и работники «Комсомольской правды», разыскавшие и привезшие ее писателю в Москву. И Юрий Александрович Жуков понял ее громадное значение, он, всю жизнь так близко принимавший к сердцу судьбу писателя Маркова!

И кто знает, если бы не все эти люди, смогли бы мы читать книги Сергея Николаевича?..

4.

Еще в начале нашей совместной жизни Сергей Николаевич много раз говорил о том, что мечтает работать не за письменным столом, а за старинным бюро. Сразу же после войны мы наклеили объявление: «Куплю бюро... прошу сообщить по такому-то адресу».

Вскоре нам написали, что бюро продается, и мы его купили. Это было наше первое приобретение, и сделано оно было на деньги, полученные за сборник «Радуга-река». Сергей Никола-

С. Марков, К. Федин, Н. Тихонов на III съезде советских писателей. Фото Н. Кочнева. Публикуется впервые

евич всегда работал за этим бюро, и теперь оно еще стоит в его рабочем кабинете, как бы ожидая своего хозяина...

Так и вижу его, склонившегося над карточкой то ли из плотной бумаги, то ли из картона, размером 13 на 11 сантиметров. Они были самых разных цветов и оттенков. Доставать их всегда было трудно, но, думается, Сергею Николаевичу нравилось, что карточки были разноцветными.

Еще когда мы жили в Можайске, работники районной библиотеки самоотверженно добывали для Сергея Николаевича из московских больших библиотек нужные ему книги, а потом, в Москве, безотказно для него доставали их из Ленинской, Исторической и других библиотек сотрудники Центрального Дома литераторов. Со стороны этих людей Сергей Николаевич встречал удивительное понимание и желание ему помочь. Особенно запомнилась мне Елена Ивановна Авксентьевская, которая много лет проработала в писательской библиотеке и была для Сергея Николаевича, как, думается, и для других писателей, неоценимым помощником в их труде.

Из библиотеки ЦДЛ нам приносили как старинные, так и

только что вышедшие книги. Кроме того, Сергей Николаевич постоянно покупал их в книжных магазинах и у букинистов, и все это прочитывалось им, а интересное заносилось в карточку. Он постоянно записывал на отдельных листках названия нужных ему книг — готовил новые заказы библиотеке.

Что в первую очередь фиксировал Сергей Николаевич в карточках? Это — разнообразные сведения о странах и континентах, их истории, ландшафте, исследователях. Если можно так выразиться, в этих карточках была сосредоточена жизнь всего земного шара — Чукотка, Сахалин, Аляска, Гавайские острова... В любой момент писатель мог «побывать» там, где захотел, и «поговорить» с ученым, путешественником, полководцем, писателем любой эпохи. Не выходя из своей комнаты, мог оказаться то под жгучим неаполитанским солнцем, то в морозном сибирском мареве. И все эти сведения Сергей Николаевич черпал не только из книг. Много ценного материала дали ему архивы Красноярска, Великого Устюга, Костромы и других городов. Массу сведений прибавили те люди, с которыми ему приходилось встречаться и беседовать.

Сергей Николаевич разыскал, например, матроса, на руках которого умер Георгий Седов. Этот человек, по фамилии Пустошный, рассказал ему много интересного о знаменитом исследователе Севера. События, связанные с жизнью Г. Седова, описаны Сергеем Марковым в книге «Вечные следы». На Урале он нашел Менухова, одного из спутников замечательного путешественника Пржевальского. Его рассказ помог Сергею Николаевичу живо представить события тех лет... Он всегда находил нужных ему людей. В архиве писателя хранятся папки с огромным количеством писем, где ему сообщали об интересных находках, как архивных, так и музейных, просьбы приехать на место, посмотреть этот материал.

5.

В журнале «Наука и жизнь» Сергей Николаевич обнародовал собранные им материалы о разыскании архивов Российско-Американской компании, архивов русских мореходов, которые открывали страны, соседствующие с Россией и омываемые Тихим океаном. Это было, кажется, в 1944 году.

Неожиданно в нашей квартире на Тверском бульваре появился адъютант адмирала Исакова и попросил Сергея Николаевича приехать для личной беседы с адмиралом. Сергей Николаевич потом рассказывал:

— Адмирал Исаков, потерявший ногу на войне, встретил меня стоя. Он сказал, что мои материалы имеют значительную

ценность для истории страны, что он отдаст распоряжение журналу «Морской сборник» печатать мои материалы. Беседа продолжалась около двух часов, я отвечал на вопросы очень интересные, очень любопытные. Я видел, что это знаток своего дела и безусловно историк. Это вызвало во мне большое к нему уважение. Уважение к человеку, так страшно пострадавшему во время Отечественной войны и, несмотря на это, уверенно ведущему свой корабль.

Я через некоторое время представил рукопись, причем мне дали целую группу консультантов для уточнения источников. Они сверяли мой материал в Ленинской библиотеке. Особых замечаний не было, были только уточнения. Все эти материалы были напечатаны в «Морском сборнике» в номерах восьмом, девятом и десятом за 1944 год. Это мои статьи об архивах Аляски, Калифорнии, Камчатки и т. д.

Адмирал Исаков не оставлял меня без своего внимания и потом. Время от времени справлялся обо мне и всячески помогал в моих поисках материалов о русских мореходах.

Тихоокеанская картотека помогла Сергею Николаевичу написать адмиралу флота И. С. Исакову интересное письмо о русских воинских реликвиях, находившихся в Японии.

«Так, например,— писал С. Н. Марков адмиралу,— еще в 1854 году в руки японцев попали морские орудия с русского фрегата «Диана», погибшего на рейде Симода. В 1880 г. они хранились, как об этом свидетельствуют современники, при Арсенальном музее и частью — в порту Токио и при Морском училище (Токио?). Любопытно, что орудия «Дианы» послужили образцами для отливки первых японских пушек местного производства. Такими орудиями были вооружены первые японские береговые батареи».

«Можно предполагать,— писал он дальше,— что в музеях Японии могут находиться образцы русского вооружения с Сахалина, попавшие в Японию после ликвидации Муравьевского поста (1854).

Следует учесть, что на о. Цусима, в бухте Посадник, в 1861 г. существовала русская морская база близ г. Фачу (Ицзузар, Ицзугахара) с верфями, угольным складом и укреплениями. Русские реликвии могут находиться на о. Цусима или в самой Японии.

В 1878 г. на Курилах (о. Уруп) японцы разрушили строения Р. А. К°. в гавани Кобуне и, видимо, вывезли в Японию пушки и др. русское вооружение.

В 1905 г. японцы разграбили музей на Сахалине и целиком увезли его, даже большой скелет кита, стоявший у входа в музей. Особенно ценны были коллекции Штернберга. Одновременно был

похищен и увезен в Японию ценный архив Командорских островов...» Много еще пунктов содержал этот своеобразный счет.

В то время, в конце войны, большой очерк Сергея Николаевича «Русские на Курильских островах» перепечатали многие газеты — более двух десятков. И для этой работы дала материал его Тихоокеанская картотека.

Конечно, в процессе работы привлекались и дополнительные материалы, особенно связанные с открытиями в архивах,— картотека все время пополнялась.

Сергей Николаевич, помню, подчеркивал, что Тихоокеанская картотека — это свод знаний о странах Тихого океана (он всегда сознавал ценность своего труда, дела всей его жизни). Хотя картотека и называлась Тихоокеанской, но в нее приходилось включать сведения и о других районах земного шара, о разных странах, казалось бы, далеких от зоны Тихого океана. Так, например, в картотеку были вписаны сведения о Восточном Туркестане, потому что Шелехов, занимаясь перед смертью составлением проектов развития торговли, кроме стран Тихого океана включил в сферу своей предполагавшейся деятельности Восточный Туркестан. В картотеке собраны уникальные данные об открытиях, сделанных русскими первопроходцами на огромных территориях — от Новгорода до Чукотки, от Дона до... Мексики, а также в Индии, Китае и Тибете.

6.

Тихоокеанские занятия Сергея Николаевича пересекались с подобными же интересами других писателей. Здесь ему приходилось изучать и Лескова, и Гончарова, и Чехова, и Сергея Максимова, и других писателей. Работа А. С. Пушкина о Камчатке вся расписана в его картотеке. Часть этих наблюдений, касающихся интереса русских литераторов к географии и истории, отражена в книге С. Маркова «Летопись».

Встречается, например, такая запись о Грибоедове: автор «Горя от ума» оценил скитания Д. И. Цыкулина по земному шару как «удивительный пример ума и решительности простого русского народа».

В работе «Обманутые скитальцы» Сергей Николаевич считает особо важными те страницы труда С. В. Максимова «Сибирь и каторга», в которых тот доказывает, что чужестранцы часто присваивали себе славу русских открытий.

После поездки с группой писателей на Дальний Восток Сергей Николаевич рассказывал: «Будучи в 1971 году во Владивостоке и познакомившись с внучатым племянником Достоевского Сергеем Алексеевичем Ивановым, я с удивлением увидел

в его библиотеке один из томов Прево, посвященный описанию Японии.

Аббат Прево, автор «Манон Леско», был в то же время и автором огромного 22-томного собрания о путешественниках. Он создал историю путешествий в XVIII столетии.

И я рассказал Сергею Алексеевичу, как мне удалось отыскать некоторые сведения о русском переводчике Прево Михаиле Ивановиче Веревкине.

Я знал, что Веревкин был связан с городом Дмитровом Московской области. Я организовал поиски материалов о Веревкине, и вскоре сотрудник Дмитровского музея Хохлов обнаружил неопубликованную биографию Веревкина. Она принадлежала, как выяснилось ныне, умершему дмитровскому краеведу Ивану Смирнову.

Фигура Веревкина сама по себе интересна, ведь он современник и близкий знакомый Державина и Фонвизина.

Кроме перевода знаменитого, но мало известного сочинения Прево, Веревкин, сидя в своей деревне под Дмитровом, перевел Коран, «Записки китайские» и другие сочинения. Он писал, что он перевел 168 томов. Веревкин умер в 1795 году, могила его находится в селе Покровском ныне Дмитровского района.

Розыски материалов о Веревкине повлекли за собой первые публикации в печати. Так например, Хохлов, производивший поиск материалов, выступил в 1968 году в местной газете «Путь Ильича» со статьей, посвященной Веревкину.

«В 1782 г. мичман Веревкин — герой нашего рассказа — выпустил „Сказание о мореплаваниях, как оное началось и возрастало, какое время от времени приносило пользы, какие находимы были помощию оного неизвестные до того земли с присовокуплением краткого описания жизни адмирала Алексея Нагаева“ в Москве, книга 4-я называется „История о странствованиях вообще по всем краям Земного круга, сочиненная господином Г. Прево, сокращенная новейшим расположением через Ла-Гарта, члена французской Академии, содержащая в себе достойнейшие примечания, самая полезнейшая и наилучшим доказанное образом в странах света, до коих достигали европейцы. На российский язык переведена Дмитровского уезда сельце Михалеве“.

В этом томе Прево собраны выписки из заметок различных путешественников в Китай начиная с XIII века. Описаны русские посольства Избрандта Идэса, Ланга и других дипломатов; описаны 15 областей Китая, нравы, обычаи, торговля и искусство китайцев. Интересен словарь по азбуке всех китайских слов по произношению французскому, английскому и португальскому.

Китайская поэма Цына Гуана была переведена в 1785 году

Веревкиным. Приходится удивляться, что он остался вне поля зрения русских исследователей, и только академик Крачковский упоминает о нем с признательностью, как о переводчике Корана».

Хохлов пишет, что он не мог отыскать его могилу.

Сочинения Прево и Веревкина стали достоянием картотеки Сергея Николаевича. Это одно из последних его подмосковных изысканий.

7.

Помню, как к нам на Тверской бульвар пришел главный редактор издательства Главсевморпути М. Б. Черненко. Состоялся долгий разговор об издании романа «Юконский ворон», рукопись которого перед самой войной была принята к публикации в журнале «Знамя», а потом, до 1946 года, считалась утраченной, пока один ее экземпляр все же не отыскался.

Книга эта, по счету первая, в издательстве Главсевморпути была выпущена сказочно быстро и до сих пор остается лучшим из всех изданий «Юконского ворона». Но тогда разговор окончился тем, что Сергея Николаевича попросили написать своего рода научный комментарий к роману. Объемом его не ограничивали, и в результате Марков создал «Летопись Аляски» — 10 печатных листов за две недели! Сергей Николаевич потом долго об этом говорил, как бы удивляясь, а я была этому чуду свидетелем. Книга, ставшая необходимой многим советским историкам и географам, книга, по которой американские ученые на Аляске и в Калифорнии восстанавливали забытые географические русские названия,— эта книга была написана молниеносно.

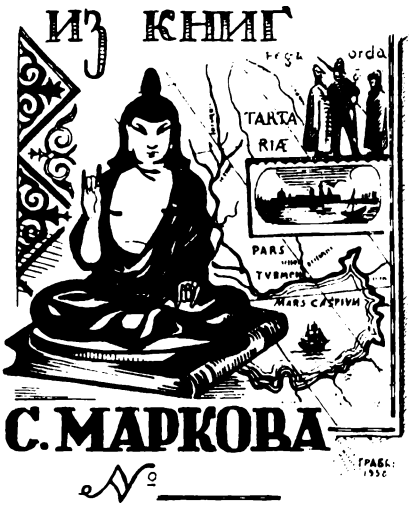
«Летопись Аляски», как свидетельствовал Н. И. Рокитянский, историк Русской Америки, живущий в США, помогла ему уточнить русские названия, бытовавшие в Калифорнии в прошлом веке. Было установлено, например, что скалистые гряды в устье реки Русской, впадающей в Тихий океан южнее форта Росс, назывались Славянскими Воротами.

Существует большая картина В. Гарина, на которой изображены эти скалистые гряды, Тихий океан и впадающая в него река. Большую цветную фотографию картины можно увидеть в кабинете Сергея Николаевича. Ее прислал Н. И. Рокитянский.

Свою книгу «Летопись Аляски» Сергей Николаевич начинает так:

«В течение десяти лет я занимался поисками и изучением архивных материалов о русских открытиях в странах Тихого океана. Мне приходилось работать в архивах и музеях Великого Устюга, Вологды, Сольвычегодска, Каргополя, рассылать множе-

Экслибрис С. Маркова



ство писем в Нежин и Кяхту, Кострому и Иркутск, Рыльск и Красноярск, Курск и Владивосток, Пензу и Кунгур и другие города, где родились, жили и умирали, возвращаясь из далеких и опасных походов, русские мореходы. Я читал их сочинения, разглядывал их карты. Краеведы, архивные и музейные работники, местные историки и старожилы, пытливые и любознательные люди, которыми так богата наша страна, помогали мне.

Старые, давно забытые книги и пожелтевшие от времени документы рассказали мне о людях большой судьбы, о жизни и странствованиях русских людей, что «не щадя живота своего» шли в неведомые земли Нового Света, обуреваемые страстной жаждой познать мир, окружающий их. Так родилась моя Тихоокеанская картотека.

Люди преклонного возраста с сердцами юношей и молодые люди, любящие нашу страну, помогали мне разыскивать следы жизней, терявшиеся в тиши архивохранилищ и библиотек. Поиски не всегда приводили к открытиям. Но я шел вперед, как рудознатец, которого манят блестки благородного металла в речных песках. Я переживал с моими новыми друзьями горечь забвения и радость обретения. Жизни славных землепроходцев и первооткрывателей воскресали рядом со мной, как жизни наших современников.

Я приглашаю читателей перелистать вместе со мной мою Тихоокеанскую картотеку, совершить путешествия через Каменный пояс к легендарному Аниану, в далекую Ситхку (Ново-Архангельск), форт Росс, на берега великого Юкона...»

Об этих людях, героях «Летописи Аляски» и других своих прозаических книг, Сергей Николаевич написал стихи:

Вставали с плачем от ржаной земли,
Омытой неутешными слезами,
От Костромы до Нерчинска дошли
И улыбались ясными глазами.

Просторы открывались, как во сне.
От стужи камни дикие трещали.
В Даурской и Мунгальской стороне
Гремели раскаленные пищали.

Тревожно спали у глухой воды.
Им снег и хвоя сыпались на спины,
Им снились богдыханские сады,
Кричали златогорлые павлины.

Шли на восход... И утренний туман
Им уступал неведомые страны,
Для них шумел Восточный океан,
Захлебывались лавою вулканы.

Могилы неизвестные сочти!
И не ответят горные отроги,
Где на широкой суздальской кости
Построены камчатские остроги.

Хвала вам, покорители мечты,
Творцы отваги и суровой сказки!
В честь вас скрипят убогие кресты
На берегах оскаленных Аляски...

В земле не тлели синие глаза,
Что были глубоки и величавы;
Из них росла упругая лоза,
Их выпили сверкающие травы.

И наяву скитальцы обрели
Перо Жар-птицы в зарослях сандала.
Мне чудится —
на гряды из коралла
Холщовые котомки полегли!

«Радар, атомная бомба, ракетный снаряд...— пишет в 1946 году в конце „Летописи Аляски“ Сергей Николаевич.— Но поджигатели войны бряцают и другим оружием. Американские историки и этнографы в своих работах по Аляске замалчивают

славную деятельность русских открывателей на земле Нового Света. Все чаще и чаще упоминаются имена второстепенных ученых США, которые впервые появились на Аляске перед самой продажей Русской Америки царским правительством.

Но нельзя замолчать, невозможно очернить имена русских героев Нового Света, освоивших дикое побережье от мыса Барроу до горы Счастье.

Словами о счастье я заканчиваю свое повествование. Велико счастье открытия. Это чувство испытывали многие русские храбрецы — и Семен Дежнев, увидевший впервые белые зубцы Большой Земли по ту сторону туманного пролива, и Лаврентий Загоскин, когда он шел по ледяному щиту Юкона. Счастье было нераздельно с людьми русского мужества — плыли ли они на кораблике, сшитом китовым усом, или летели на светлом, как серебро, воздушном корабле, пользуясь усовершенствованным прибором — солнечным указателем курса.

Обзор моей Тихоокеанской картотеки далеко не полон. Слишком огромна задача — рассказать о подвигах русских людей в Новом Свете».

8.

Девять раз в нашей стране издавалась книга Сергея Маркова «Летопись Аляски». Как правило, она выходила вместе с романом «Юконский ворон». Во всех изданиях, за исключением одного, на обложке указывалось только название романа. Для многих читателей, стремившихся познакомиться с «Летописью Аляски», это обстоятельство затрудняло поиски книги. Поэтому, наверное, будет правильнее, если в новых переизданиях «Юконского ворона» и «Летописи Аляски» на обложку будут выноситься названия обоих произведений.

Мне часто задают вопрос: какова судьба Тихоокеанской картотеки Сергея Маркова?

Мне думается, не совсем справедливо, что ею могут пользоваться лишь отдельные люди, пусть и специалисты. Если ее издать, она стала бы важным подспорьем многих и многих, как умудренных знаниями ученых, так и тех, кто делает первые шаги в изучении истории географии. В своих поисках они пошли бы вперед, по выражению Сергея Николаевича, «как рудознатцы», взяв на вооружение то, что уже сделал он — писатель, поэт и ученый.

Н. Иващенко, Н. Коршунова

СОБИРАТЕЛЬ

(Окончание) *

«СТАРАЯ МОСКВА»

В общество «Старая Москва» Михаила Ивановича Чуванова привел давний интерес к истории столицы — интерес, еще более подогретый книжным собирательством.

Секция под таким названием при Государственном Историческом Музее, организованная в 1924 году Аполлинарием Михайловичем Васнецовым, была вскоре преобразована в самостоятельное Общество. Сам А. М. Васнецов с 1918 года возглавлял Комиссию по изучению старой Москвы, проводившую археологические раскопки в центре города.

Члены Общества «Старая Москва» под руководством знатока древней истории города П. Н. Миллера, а позже его преемника — М. И. Александровского совершали экскурсии по городу, осматривали и регистрировали памятники старины, делали обмеры и фотографии.

На заседаниях Общества обсуждались только что вышедшие книги и статьи о Москве, а позже, когда его деятельность получила большой общественный резонанс, стали обсуждаться и рукописи.

Из многочисленных экскурсий по городу особенно запомнилась Михаилу Ивановичу одна — на Крутицкое митрополичье подворье, расположенное на высоком берегу Москвы-реки. Въездные ворота подворья венчает знаменитый Крутицкий теремок, построенный в 1694 году мастером Осипом Старцевым,— жемчужина русской архитектуры. Его украшают замечательные цветные изразцы, до наших дней сохранившие свежесть красок. В XVII веке здесь некоторое время содержался в заточении глава русского раскола протопоп Аввакум.

Реставрацией Крутицкого теремка впоследствии занимался с помощью студентов Архитектурного института Петр Дмитриевич Барановский, хорошо знакомый Чуванову по «Старой Москве».

---

* Начало см.: Альманах библиофила, вып. 18.

Заседания секции Петр Дмитриевич посещал вместе с женой Марией Юрьевной — историком и искусствоведом. Михаил Иванович хранит как память о том времени книгу М. Ю. Барановской «Декабрист Николай Бестужев» с дарственной надписью: «Дорогому и чудесному Михаилу Ивановичу Чуванову с глубоким уважением и с воспоминаниями о чудесных людях (П. Н. Миллере, Н. П. Чулкове и др.). О моем любимом декабристе. Автор».

Есть в архиве Чуванова автограф еще одного активного члена «Старой Москвы» И. Я. Стеллецкого, единственного в своем роде специалиста — знатока Москвы подземной, много лет отдавшего поискам знаменитой библиотеки Ивана Грозного. Имеются там и автографы А. М. и В. М. Васнецовых.

Впоследствии библиотека Общества была передана Музею истории и реконструкции Москвы — прямому наследнику того Музея коммунального хозяйства, который в свое время был организован Петром Васильевичем Сытиным и размещался в Сухаревой башне.

Чуванов, знакомый с П. В. Сытиным по «Старой Москве», хранит в своем архиве и еще один документ от 22 декабря 1955 года: приглашение Музея истории и реконструкции Москвы принять участие в заседании, посвященном 70-летию со дня рождения и 50-летию педагогической, научной и общественной деятельности члена Ученого совета Музея и председателя его библиографической секции, доктора исторических наук П. В. Сытина.

На заседании Общества «Старая Москва» в январе 1929 года, посвященном памяти И. Е. Забелина — старейшего историка и знатока Москвы, отмечалась в числе прочего обширность его личной библиотеки, насчитывавшей 2 тыс. книг, 146 из которых — по истории Москвы.

В библиотеке М. И. Чуванова более тысячи книг связаны с историей Москвы — в их числе «История города Москвы», сочинение Ивана Забелина, написанное по поручению Московской городской думы, с приложением древнего плана Кремля (М., 1902), и многочисленные оттиски отдельных статей историка.

Постоянный член «Старой Москвы», член других краеведческих обществ, Михаил Иванович не выступал на их заседаниях с докладами. Зато он был внимательным слушателем, и сведения, почерпнутые из докладов и обсуждений, помогали ему при составлении его замечательного собрания книг о Москве.

Открывает это собрание книга огромной редкости — «Описание моровой язвы, бывшей в столичном граде Москве с 1770 по 1772 годы, с приложением всех для прекращения оной тогда установленных учреждений», напечатанная в 1775 году в

Москве в типографии университета. Труд содержит 645 страниц с приложением различных карт и схем. Это одна из первых печатных книг о Москве.

Среди наиболее редких книг коллекции — «Историческое описание первопрестольного в России храма московского большого Успенского собора и о возобновлении первых трех московских соборов Успенского, Благовещенского и Архангельского» А. Г. Левшина, отпечатанная в типографии Мейера в Москве в 1783 году, и «Историческое и топографическое описание первопрестольного града Москвы с приобщением генерального и частных ее планов», отпечатанное в Москве Т. Полежаевым в 1796 году.

В 1824 году в типографии Августа Семена вышел «Путеводитель по Москве, изданный Сергеем Глинкой сообразно французскому подлиннику г. Лекоента де Лаво с некоторыми пересочинениями и дополнительными статьями», а в 1822—1839 годах в Париже библиотекой Пале-Рояля издан путеводитель по Москве графа Ростопчина.

Еще два десятилетия спустя в Москве вышли «Достопамятности Москвы» Корнилия Тромонина, изданные автором в 1843—1845 годах.

Спустя еще два с небольшим десятилетия, в 1869 году, в типографии Московского университета отпечатано «Описание дворца царя Алексея Михайловича в селе Коломенском, с приложением вида Коломенского дворца, снятого с натуры в царствование императрицы Екатерины II Гильфердингом» Н. С. Чаева.

В коллекции Чуванова есть изданные И. Снегиревым совместно с издателем А. Мартыновым «Русская старина в памятниках церковного и гражданского зодчества» — 5 томов (1848—1857), «Москва. Подробное историческое и археологическое описание города» — 2 тома (1875), а также «Памятники Московской древности с присовокуплением очерка монументальной истории Москвы и древних видов и планов столицы. С 3 планами, 23 картинами по рисункам академика Солнцева, отпечатанными в красках, и 18 гравированными и литографированными рисунками».

Представляет интерес и «Старая Москва» М. И. Пыляева, отпечатанная в типографии А. С. Суворина в 1891 году,— очень хорошее издание, считающееся редкостью.

В 80—90-х годах прошлого века выходили прекрасные фотоальбомы с видами Москвы Н. Найденова, печатавшиеся в типолитографии Т-ва И. Н. Кушнерева и К°. В коллекции Чуванова имеются пять томов 1882—1883 годов, пять томов 1886 года, один — 1890 года.

В 1904—1911 годах в печатне А. И. Снегиревой вышли четыре тома издания «Московская церковная старина. Труды комиссии по осмотру и изучению памятников церковной старины Москвы и Московской епархии» под редакцией председателя комиссии А. И. Успенского. Вверху титульного листа первого тома мелким почерком — карандашная пометка рукой П. П. Шибанова: «Большая редкость».

Редкостью является и книга «12, 14 и 15 августа в Москве» (1917) — рисунки Ю. К. Арцыбушева на заседаниях Государственного совещания,— изданная в двухстах нумерованных экземплярах (у Чуванова — № 26), а также «Старая Москва» — сборник, изданный одноименным Обществом (экземпляр Чуванова, в отличие от других, включает статью художника А. А. Круглого о Красных воротах — это один из чувановских «уникóв»).

КНИГОЛЮБЫ И БИБЛИОМАНЫ

Издательство МТП имело на улице Горького свою Литературную книжную лавку. По желанию сотрудников издательства часть зарплаты они могли получать бонами, дававшими право на приобретение книг в этой лавке.

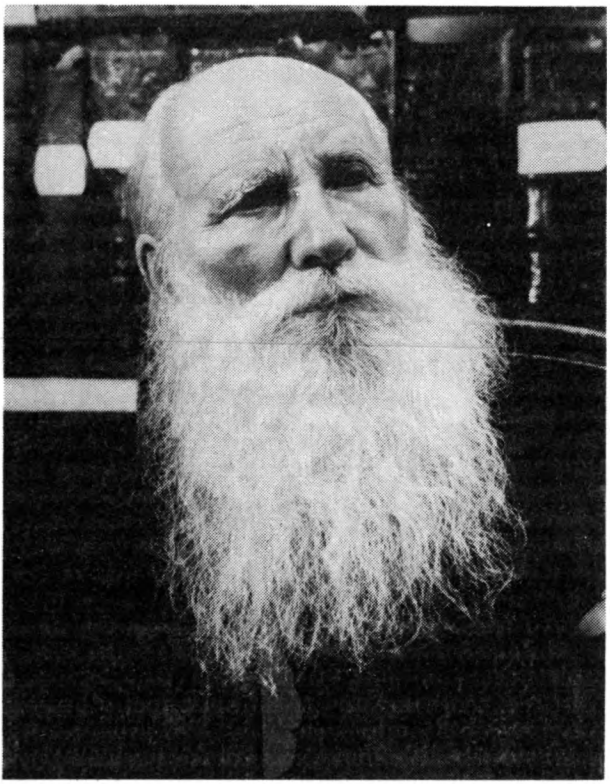
Там же принимались от литераторов заявки на нужные им книги, которые работники магазина старались для них разыскать. Конечно, это обходилось дороже, но экономило время.

Впрочем, Чуванов обычно не пользовался такого рода услугами. Он — неутомимый ходок, а сам процесс «охоты» за книгой доставлял ему такое же удовольствие, как и обладание ею. У него свои излюбленные маршруты, везде знакомые (что неудивительно, если учесть его солидный «стаж» книголюба). Он имел доступ к заветным шкафам, на полках которых дожидались будущих владельцев, истинных знатоков и ценителей, «альды» и «эльзевиры», первые издания классиков, альбомы гравюр, а также разнообразные книжные курьезы, высоко ценимые собирателями.

Был такой заветный шкаф и в Литературной книжной лавке, где работал товароведом прекрасный знаток книг М. И. Пузырев — давний знакомый Чуванова. Немало интересного помог он приобрести Михаилу Ивановичу.

Возле таких шкафов «посвященные» простаивали часами, листая книги и беседуя. Здесь приходилось Чуванову сталкиваться с такими признанными книголюбами, владельцами прославленных собраний, как поэт Демьян Бедный, актер Смирнов-Сокольский...

Среди московских библиофилов попадались фигуры весьма любопытные, память о которых Михаил Иванович хранит по сей день.



М. И. Чуванов. 1970-е годы

Первая запомнившаяся встреча произошла в те дни, когда он еще работал учеником наборщика.

Возвращаясь как-то с дядей Иваном Васильевичем Ильиным из очередного похода по книжным базарам, он издали увидал трусившую по пустынной улице лошадку, запряженную в простой тарантас.

— Гляди, сам Егоров,— кивнул дядя.

О Егоре Егоровиче Егорове, одном из знаменитых в то время в Москве старых собирателей, Михаил был уже достаточно наслышан.

Сидевший в тарантасе человек — невидный, сухощавый и рыжеватый — не был похож на знаменитого купца: поношенная поддевка поверх рубашки-косоворо́тки, старый картуз, на ногах — простые яловые сапоги...

Экипаж остановился у дома другого коллекционера, знаменитого Елпидифора Васильевича Барсова. Егоров выбрался из тарантаса, оправил поддевку, дал какое-то поручение сидевшему на козлах приказчику — и прихрамывая заковылял к подъезду.

— Неужели, правда, у него миллионы? — усомнился тогда Михаил. Миллионеров он представлял себе иначе.

Собственно, никаких миллионов к тому времени у Егорова не было — они давно ушли на покупку особняка в Салтыковском переулке и тех редкостей, которыми, по слухам, был заполнен этот особняк: икон византийского, московского, строгановского письма, старинных рукописей — их везли ему со всех концов страны, прослышав, что платит Егоров не скупясь.

Приходилось Чуванову видеть Егора Егоровича и позднее. А вернувшись в Москву после демобилизации, узнал о трагической гибели Егорова от рук грабителей, искавших давно истраченные миллионы. Узнал и о судьбе его сокровищ: они не исчезли, не распылились по букинистическим и антикварным магазинам — при содействии Московского уголовного розыска были переданы Румянцевскому музею.

Мог ли предположить начинающий собиратель, глядевший во все глаза на «самого Егорова», что со временем он окажется обладателем одной из «егоровских» книг — Евангелия в драгоценном окладе из медных позолоченных пластин, украшенных чеканными изображениями и узорами.

Книга не попала в Румянцевский музей, поскольку еще раньше была пожертвована Егоровым в один из храмов «за упокой души родительницы своей Феодоры», о чем свидетельствует гравированная надпись на нижней крышке оклада. К Чуванову книга попала в 40-х годах от Н. С. Березуцкого.

Давнее знакомство — еще с начала 20-х годов — связывало Чуванова с увлеченным книголюбом и коллекционером, своеобразным художником Александром Константиновичем Пожарским.

Когда они познакомились, Александр Константинович был уже немолодым человеком, но, неизменно бодрый и энергичный, он был полон новых планов. Для реализации этих планов он не жалел сил и привлекал к их осуществлению всех, кто, по его мнению, мог быть полезен.

В его квартире на 1-й Мещанской, кроме прекрасного собрания книг, имелись коллекции фарфора, часов, оружия. Но гордостью хозяина были старинные вышивки бисером. Пожарский никогда не прятал свои сокровища, охотно показывал их.

Слух о собирателе дошел до Московского отдела народного образования. Ему предложили устроить в квартире — в четырех комнатах из пяти — небольшой музей, предназначавшийся глав-

ным образом для посещения школьниками. Пожарский охотно согласился.

Музей просуществовал несколько лет, причем экскурсоводом был сам хозяин.

Впоследствии все коллекции Пожарского перешли в Государственный Исторический музей.

В 1922 году в издательстве «Светлана» вышла книга В. Дударова «Бисер в старинных рукоделиях». Иллюстрировал ее А. К. Пожарский. Иллюстрации к книге были черно-белыми. Но в одном экземпляре художник сам раскрасил их. На первом листе этого экземпляра его рукой сделана надпись: «С удовольствием иллюстрировал эту книжку для Михаила Ивановича, столь страстного ценителя и поклонника прекрасного. Искренне преданный и благодарный А. Пожарский».

Александр Константинович выполнил один из первых экслибрисов Чуванова — с изображением града Китежа, поднявшегося из озера в ореоле солнечных лучей.

Одним из первых, с кем познакомился Чуванов в Обществе друзей книги, был Иван Николаевич Жучков. Очень скоро он становится своим человеком в доме с васнецовскими богатырями, а Михаил Иванович в свою очередь нередко навещает приятеля на Татарской улице — между Большой Овчинниковской и Земляным валом.

Дом юриста Жучкова заполняли книги, оставляя хозяевам совсем немного места. Общим у Ивана Николаевича с Чувановым был интерес к старой Москве и литературе о ней, а также к книжной графике и экслибрису.

Собрание экслибрисов Жучкова было замечательно. Основу его составляли прекрасно подобранные геральдические знаки. А среди личных знаков владельца коллекции были работы таких видных художников, как И. Н. Павлов, В. Д. Фалилеев (кстати, работ последнего в коллекции Жучкова было очень много). Некоторое количество рисунков и книжных знаков Фалилеева Чуванов получил от самого собирателя и позже — от его родных.

После кончины Ивана Николаевича в 1963 году его семья обратилась с просьбой к Михаилу Ивановичу, как к старому другу и опытному книжнику, помочь разобраться в его наследии и сделать так, чтобы коллекция по возможности не распылилась. В результате при содействии Чуванова большая часть книг была передана в Музей истории и реконструкции Москвы, а коллекция экслибрисов почти полностью перешла к известному собирателю С. П. Фортинскому.

У Михаила Ивановича хранится силуэт Жучкова работы художника Якименко, а также полученные на память от его

родных несколько гравюр И. Павлова и альбом акварелей Ф. Булочкина с видами Москвы.

Одним из библиофилов-оригиналов, скорее даже библиоманов, был Николай Петрович Каменев.

Человек пожилой, прекрасный знаток библиографии, Каменев целые дни проводил в букинистических магазинах, книжных лавках, на толкучках. Найдя то, что искал, он возвращался к себе на Васильевскую улицу очень довольный, с аккуратно перевязанной пачкой под мышкой; не развязывая и не распаковывая книг, он присоединял пачку к принесенным ранее. Таких пачек было великое множество — они поднимались к потолку аккуратными штабелями, доставляя одним фактом своего существования огромное удовольствие собирателю.

Благодаря хорошей памяти, он знал все, что у него находится, но понятия не имел, где искать ту или другую книгу — в какой именно пачке и даже в каком углу комнаты. Благородная страсть приняла уродливые формы: книги в такой коллекции не служили людям, не служили даже своему хозяину.

Памятуя завет Шибанова, что крупицы золота могут отыскаться в любом «мусоре», Чуванов в своих поисках не обходил вниманием книжные склады, где скапливалось то, что не интересовало магазины.

К этим складам имели доступ лишь немногие. В полутемных помещениях, пропахших отсыревшей бумагой, увлеченно роясь в книжном хламе, проводили они долгие часы.

Чуванов вспоминает, как однажды во время таких поисков он заинтересовался небольшой брошюрой о Рязани и стал ее просматривать. Находившийся поблизости и занятый такими же поисками Демьян Бедный подошел посмотреть — и вдруг решил, что именно эта брошюра ему совершенно необходима, причем даже не сама брошюра, а один снимок из нее, на котором в большой луже посреди улицы нежится упитанная свинья.

Демьян Бедный так загорелся, довод, что брошюра нужна писателю для литературной работы — в качестве источника вдохновения — был так неотразим, что пришлось уступить.

В те времена библиотека Демьяна Бедного (Ефима Алексеевича Придворова), знаменитого писателя и не менее знаменитого библиофила, считалась самой большой и славилась обилием книжных редкостей и курьезов. Словно вознаграждая себя за то, что книга сравнительно поздно вошла в его жизнь, он невероятно много читал и за недолгий срок собрал колоссальную — тридцатитысячную — библиотеку.

Впоследствии он передал ее Литературному музею, который тогда возглавлял В. Д. Бонч-Бруевич, но жаловался, что так и не смог избавиться от привычки ходить по букинистическим магазинам и даже покупать книги — видно, эта страсть неизлечима.

Приходилось Чуванову встречаться и еще с одним азартным собирателем — Николаем Павловичем Смирновым-Сокольским. В 20-е годы Смирнов-Сокольский был широко известен как артист эстрады. Постепенно он приобрел известность как библиофил и, наконец, стал литератором, автором книг о книге.

Михаил Иванович помнит его еще начинающим книголюбом, не очень сведущим, но очень активным, объезжавшим книжные магазины на собственной «таратайке» — мотоцикле с коляской, что было необычно в среде степенных библиофилов, предпочитавших пешее хождение.

В 1960 году Николай Павлович подарил Чуванову свои только что вышедшие «Рассказы о книгах» с надписью: «Старейшему из книжников-знатоков от всей души», не предполагая, что благодаря этой книге «старейший из знатоков» сделает замечательное открытие в собственной библиотеке.

Михаил Иванович тут же принялся штудировать книгу, которая оказалась не только полезной, но и увлекательной. В главе, посвященной Пушкиниане Смирнова-Сокольского, его поразила обложка (в книге приводилась фотография) сборника произведений Пушкина, которые издатель А. И. Маслов решил выпустить в 1908 году. В него вошли не публиковавшиеся ранее по цензурным соображениям произведения поэта, в том числе стихи «Андрей Шенье», сказка «Царь Никита», отрывки из «Гавриилиады», некоторые эпиграммы. Предисловие издателя было вполне в духе собранных произведений. Сборник отпечатан в Москве, в типографии Поплавского. Но оказалось, что представления о допустимом и недопустимом мало изменились за прошедший век. Весь тираж книги был немедленно арестован еще в типографии и приговорен к уничтожению.

В подобных случаях, как пишет Смирнов-Сокольский, книги уничтожались двумя способами: либо сжигались, либо перерабатывались в бумажную массу. В последнем случае книга предварительно пускалась под нож типографской резальной машины, после чего запечатывалась в мешки и отправлялась на фабрику — все это под наблюдением полиции.

Как правило, несколько экземпляров от уничтоженного тиража все же оставалось в Главном управлении по делам печати. Некоторое количество экземпляров обычно удавалось припрятать типографским рабочим. «Грешили» и сами полицейские чины, зная, что на такой книге можно неплохо заработать.

Впрочем, книге «Стихотворения Пушкина, не изданные в России» в этом отношении не повезло. Н. П. Смирнов-Сокольский пишет, что ему не известно ни одного целого экземпляра. В его коллекции есть разрубленный на три части,

принадлежавший самому владельцу типографии Поплавскому, с его экслибрисом.

Фотография изуродованной книги производит гнетущее впечатление. Разглядывая ее, Чуванов неожиданно вспомнил, что в его библиотеке есть совершенно целый (!) экземпляр этой книги, переданный ему после смерти артиста М. И. Комарова его племянницей А. И. Рыбаковой в память об их долгой дружбе. Как попал сборник к Комарову, установить, конечно, невозможно.

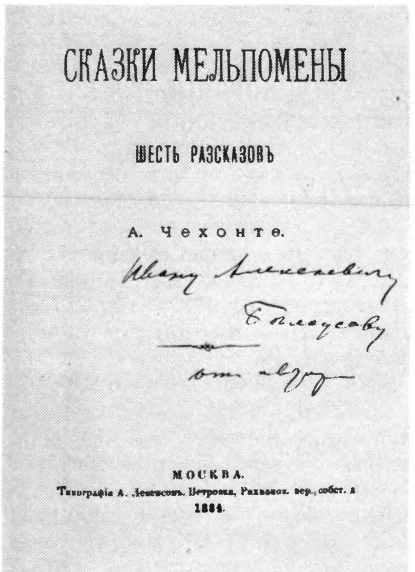
Книга с лешими и русалками на обложке, счастливо избегнувшая казни, украшает сейчас библиотеку Чуванова. Кстати, это не единственный такого рода «уник» в его собрании. Есть там и другие книги, сохранившиеся в единственном экземпляре, как, скажем, интереснейший сборник автобиографий художников с портретами и репродукциями картин. На сборнике автограф составителя — В. М. Лобанова, а также автографы ряда художников, чьи биографии вошли в сборник.

Знакомство с Соломоном Абрамовичем Вулем началось с 20-х годов. Вуль тогда только начинал свою деятельность в «производственных мастерских Академии наук СССР» и частенько заходил к Чуванову — уже опытному типографу — проконсультироваться по некоторым специальным вопросам. Экономист по образованию, Вуль всю жизнь работал в издательствах, был заядлым библиофилом, но главная его страсть — экслибрис. В течение многих лет Соломон Абрамович являлся бессменным председателем Московского клуба экслибрисистов.

Его эмоциональный характер требует постоянного общения с единомышленниками, которых при разнообразии его интересов великое множество. Он ведет обширную переписку с книголюбами и экслибрисистами — советскими и зарубежными. Коллекция экслибрисов Вуля представляет исключительный интерес. Для него делают экслибрисы известные художники — Калашников, Калита, Кравцов...

Наиболее интересными разделами библиотеки С. А. Вуля были Лениниана и Пушкиниана, а также замечательная подборка военных мемуаров. Собирая эти мемуары еще в период работы в Воениздате, Соломон Абрамович познакомился со многими их авторами и, в частности, с Алексеем Алексеевичем Игнатьевым, человеком необычной судьбы. Книга воспоминаний А. А. Игнатьева «50 лет в строю» собрала огромную читательскую аудиторию, несколько раз переиздавалась и каждый раз мгновенно расходилась. У Вуля эта книга имелась в разных изданиях. Один экземпляр, с автографом автора, он подарил Чуванову, зная, что доставит ему большую радость.

С Надеждой Александровной Павлович Михаила Ивановича



СКАЗКИ МЕЛЬПОМЕНЫ

ШЕСТЬ РАЗСКАЗОВЪ

А. Чехонте.

Ивану Алексеевичу Белоусову от автора

МОСКВА.
Типографія А. Левенсонъ. Петровка, Рахьевов. пер., собст. д.
1884.

Дарственная надпись А. П. Чехова И. А. Белоусову на книге из собрания М. И. Чуванова

Дорогому другу моему Михаилу Ивановичу Чуванову. Высоко ценя его любовь к книге и огромный труд собирателя, — на память об мне. Надежда Павлович

28/XI 64. 9/II 65.

Фотография Н. А. Павлович с дарственной надписью М. И. Чуванову

связывала многолетняя дружба. Она часто бывала и даже жила подолгу в гостеприимном доме собирателя.

Свою книгу «Думы и воспоминания», вышедшую в 1962 году, она подарила Михаилу Ивановичу со стихотворным автографом:

«У Вас есть двадцать тысяч книг,
Но вот еще одна.
Ее питал живой родник,
И не мутна она.
Пускай негромкий голос мой
Останется у Вас,—
В Ваш дом и я пришла „домой“
На русский наш Парнас.

Над. Павлович

В знак дружбы и уважения. Дек. 1962».

На другой книге, уже в 1966 году, Надежда Павлович пишет:

«Книголюбу и великому собирателю, до самой глубины своей русскому человеку. Дорогому другу моему Михаилу Ивановичу Чуванову на добрую память. Над. Павлович».

В числе других подаренных ею книг и сборник «Феникс», выпущенный в 1922 году в Москве, «художественно-литературный, научный и философский»:

«Михаилу Ивановичу Чуванову — великому любителю и собирателю книг — мои воспоминания об Александре Блоке и рецензии Михаила Павлова (это тоже я!). Над. Павлович».

Кроме того, в архиве Чуванова хранится значительное количество материалов, подаренных ему Н. А. Павлович (в рукописи и машинописи): «Невод памяти» — книга воспоминаний в 3-х частях, непубликовавшаяся (машинопись с авторской правкой), «Воспоминания об Александре Блоке» (машинопись), много стихов (в рукописи и машинописи), статьи, переводы, пьесы, рецензии и пр. — с сопроводительной запиской: «В „древлехранилище“ Михаила Ивановича Чуванова».

Давнее знакомство связывает Михаила Ивановича с Юрием Борисовичем Шмаровым. Еще в 1923 году, приблизительно в одно время, вступили они в Общество изучения русской усадьбы, организованное группой энтузиастов — историков, искусствоведов, краеведов.

Вместе со своими старыми друзьями и наставниками Н. П. Чулковым, А. Н. Гречем, В. В. Згурой и М. А. Ильиным Юрий Борисович проводит обследование Московского уезда, чтобы позднее, в 1928 году, издать за свой счет всего тысячным тиражом небольшую книжечку «Памятники усадебного искусства Московской области».

Последние годы Юрий Борисович Шмаров — бессменный ученый секретарь историко-краеведческого кружка Ленинского района Москвы, работающего при филиале библиотеки им. А. М. Горького. Исторические изыскания членов кружка отличаются широтой тематики, неизменно связанной с историей столицы, ее домов и улиц, ее культурной жизни.

Неудивительно, что Михаил Иванович Чуванов проявлял живейший интерес к деятельности кружка и его замечательного руководителя — старого приятеля по краеведческим обществам.

Знакомство их не прекращается и сейчас. Правда, теперь два «патриарха» москвоведения встречаются редко, чаще беседуют по телефону.

СРЕДИ КНИГ

До сих пор мы больше говорили о книгах в связи с биографией собирателя, и это естественно: рост и развитие такого книжного собрания — процесс долгий, непростой и неотделимый от жизни его хозяина. Знакомясь с собранием книг, можно много узнать о собирателе.

Многим товарищам-библиофилам Михаил Иванович Чуванов представлялся молчаливым человеком, погруженным исключительно в старую книгу,— таким его изобразил в своих воспоминаниях А. А. Сидоров. Конечно, на фоне блестящих ораторов РОДК он должен был казаться воплощением молчаливости. Что же касается якобы исключительного интереса к старой книге, то даже беглое знакомство с библиотекой Чуванова показывает, что это утверждение не соответствует действительности. В количественном отношении коллекции кириллических рукописей и старопечатных книг составляют не более одной пятой от общего числа книг. Некоторое количество «новопечатных» книг можно рассматривать как необходимое дополнение к ним: это книги по палеографии, библиографии, альбомы филиграней, различные справочные пособия, фототипические издания древних рукописей... Сюда же можно отнести книги по русской истории, философии, а также — в определенной степени — книги по древнерусскому искусству, альбомы, монографии... Все это вместе составит уже, вероятно, половину собрания. Можно сказать и иначе: все это вместе лишь половина собрания.

Раньше или позже каждый коллекционер приходит к необходимости разумного самоограничения, выбора своей стези. Одним это дается легче, другим — труднее, одни ставят себе более жесткие рамки, стремясь к полноте подбора книг в строго определенной области, других привлекает не столько полнота коллекции, сколько редкость отдельных «жемчужин». Четкость позиции можно в известной степени считать мерой профессионализма коллекционера.

Если рассматривать с этой точки зрения собрание Чуванова, то можно сказать: его владелец, старейший библиофил страны, в чем-то так и остался дилетантом. Разумное самоограничение было для него не столько законом, сколько недостижимым идеалом. Он слишком любит книгу, книгу вообще, даже если она не вписывается в тематику его коллекций. Тут коллекционер, читатель и полиграфист соединились в нем, так сказать, в едином порыве. Приглянувшуюся книгу, даже не «свою», он приобретает, чтобы она «пожила» у него, а там видно будет — поменять или оставить.

В четырех комнатах ухтомского дома даже после «переезда»

части библиотеки в хранилища ГБЛ тесновато: книги активно теснят быт, который застенчиво жмется на оставленном ему пространстве. Вот над диваном угрожающе нависла полка с энциклопедическим словарем Брокгауза и Ефрона, стол завален газетами, письмами, на которые нужно ответить, новыми книгами. И опять — стеллажи. Счет идет на квадратные сантиметры площади полок. Книги стоят в два ряда, плотно; с усилием вынешь с полки увесистый фолиант — полистать — остальные книги облегченно расправятся, сомкнут ряды, и уже непонятно, как теперь поставить на место вынутый том. Листать тоже надо с осторожностью: из иной книги веером разлетаются газетные вырезки, письма, имеющие отношение к автору,— это тоже характерная черта библиотеки Чуванова. Она не столько коллекция, над которой дрожат, сколько именно библиотека, которой пользуются, удобная для работы и с этой точки зрения как раз очень полная, то есть включающая все необходимое. И пользуется этой замечательной библиотекой не только хозяин, но и многие посетители ухтомского дома — ученые, издатели, художники.

В собрании Чуванова имеются и признанные библиографические редкости, вроде двухтомного собрания сочинений Радищева, изданного П. А. Ефремовым в 1872 году (весь тираж был отправлен на картонную фабрику на переработку, за исключением 25 экземпляров, представленных в Главное управление по делам печати, и еще 15 экземпляров, выкраденных из уже арестованного тиража букинистом-книгоношей «Гумбольдтом» и проданных издателю), или комедии Грибоедова «Молодые супруги», «представленной в первый раз на Санкт-петербургском театре Российскими придворными актерами в пользу актрисы г-жи Семеновой-младшей сентября 29 дня 1815 года», отпечатанной в типографии театра в 1815 году,— одной из двух книжек Грибоедова, вышедших при его жизни. Бессмертную пьесу «Горе от ума» автор так и не увидел напечатанной — она вышла в «исправленном» виде в Москве в типографии Августа Семена лишь в 1833 году; это издание также имеется у Чуванова.

Есть здесь и первое полное издание повести Герцена «Кто виноват?», вышедшее в Петербурге в 1847 году в издательстве «Праца» и подписанное псевдонимом «Искандер», и 5-я книжка журнала «Современник» за 1837 год — последний номер, подготовленный Пушкиным и выпущенный друзьями поэта уже после его гибели.

Большой интерес представляет ставшее посмертным издание басен Крылова с приглашением присутствовать на его похоронах — это издание распространял душеприказчик баснописца Я. И. Ростовцев. На экземпляре, хранящемся в собрании Чувано-

ва, имеется экслибрис «Библиотека барона Федора Романовича Остен-Сакена». Кроме того, на титульном листе рукой самого Остен-Сакена сделана запись:

«Плетнев писал Гроту 16 ноября 1844 года: „Энгельгардт подарил мне и тебе по экземпляру биографии Вольховского, писанной Малиновским, а себе выпросил через меня у Ростовцева экземпляр приглашения на похороны с книгой его басен“ (переписка Я. К. Грота и П. А. Плетнева, том II, стр. 360). Вот, следовательно, происхождение настоящего экземпляра! Насколько мне известно, дедушка Энгельгардт был знаком с Крыловым. 20 марта 1898 года».

Как видно, желающих получить траурный экземпляр с приглашением было немало, если бывшему директору Царскосельского лицея пришлось обращаться за помощью к издателю «Современника».

К этому надо добавить, что автор записи барон Ф. Р. Остен-Сакен — государственный деятель, путешественник, исследователь Средней Азии, автор трудов по географии и этнографии — приходился внуком Е. А. Энгельгардту и унаследовал, вместе с библиотекой, библиофильскую страсть деда.

Мы не останавливаемся специально на такого рода раритетах только потому, что сам хозяин никогда не уделял им особого внимания — его больше привлекали другие издания.

ГОЛОСА ИЗ ПРОШЛОГО

Есть в собрании Чуванова разделы, состоящие исключительно из уникумов. К ним относятся экземпляры, на которых имеются авторские пометы (в том числе и дарственные надписи), а также любые другие записи, позволяющие судить о судьбе данного экземпляра книги.

Интерес к книгам с автографами сейчас достаточно велик, они являются предметом специального библиофильского поиска. А в те годы, когда начинал собирать свою коллекцию М. И. Чуванов, дело обстояло совершенно иначе. Тогда, в 20-е годы, книги с любыми записями считались «бракованными» и не допускались к продаже. В некоторых случаях лист с записью вырезался — и после этого книга поступала на прилавок; значительная же часть книг просто списывалась в макулатуру.

Как вспоминает Михаил Иванович, в Фуркасовском переулке был книжный мол, куда книги отправляли на переработку (в период «бумажного голода» нужда во вторсырье была особенно острой). На книжный склад в Ветошном переулке для просмотра и отбора книг из числа бракованных приглашался товаровед. После того, как он отбирал годное к продаже, в книгах,

предназначенных для переработки, разрешалось порыться некоторым заядлым библиофилам. К ним принадлежал и Чуванов. Благодаря такой «утечке» макулатуры мы сегодня имеем немало интересного.

О книгах с дарственными записями, адресованными непосредственно М. И. Чуванову как полиграфисту, мы уже говорили. Рядом с ними, в той же коллекции,— множество книг, подаренных ему как книголюбу.

В другой коллекции автографов тоже немало интересного — и если мы уделили ей меньше внимания, то вовсе не потому, что она менее ценна, а, скорее, потому, что она до некоторой степени «случайна» для Чуванова, то есть не является плодом нацеленного поиска: книга просто попадалась собирателю, срабатывало сначала обычное его стремление — не дать пропасть, а потом уже любопытство — познакомиться ближе, оценить.

В этой коллекции около полутора тысяч книг, которые представляют интерес хотя бы потому, что имена дарителей (а иногда и адресатов) достаточно известны и занимают определенное место в истории русской культуры. Дарственные надписи — автографы — как рукопожатия, скрепившие какие-то отношения двоих: дружеские, деловые, родственные...

Их пишут поэты издателям — как, например, Языков — редактору юмористического журнала «Развлечение» Федору Богдановичу Миллеру на сборнике 1845 года «Новые стихотворения». Их пишут поэты прозаикам — как Я. П. Полонский на вышедшей в 1890 году в Петербурге книге стихов «Вечерний звон»: «И ровеснику, и соратнику на литературном поприще, старому приятелю моему Дмитрию Васильевичу Григоровичу отдаю на суд и расправу посильный труд свой». Пишут поэты поэтам: «Федору Сологубу с любовью. Георгий Чулков. 1907» (на листе, вложенном в сборник стихов Г. Чулкова «Весною на севере»).

Немало и других любопытных экземпляров.

Русский поэт и крупный политический деятель своего времени Иван Иванович Дмитриев писал изящные басни, стихи, иные из которых становились песнями, сатирические сказки. В. Г. Белинский отметил значение Дмитриева в русской литературе, его роль в формировании русского литературного языка, в сближении его с живой речью. Дмитриев был единомышленником и почитателем Карамзина. В собрании Чуванова есть книга издания 1827 года «Дух Карамзина, или Мысли и чувства избранные сего писателя», по сути дела, представляющая собой выборки из третьего тома «Истории Государства Российского». Зная о большой привязанности к Карамзину Дмитриева, тяжело переживавшего кончину своего учителя, издатель Н. Иванчин-Писарев

подготовил и выпустил этот сборник с таким посвящением на титульном листе: «Его превосходительству, милостивому государю Ивану Ивановичу Дмитриеву, действительному тайному советнику... Дружеская связь Ваша с незабвенным автором сих статей образует одну из важнейших эпох в истории нашей словесности». Экземпляр, хранящийся у Чуванова, был в свое время собственностью крупного историка Н. Костомарова, о чем свидетельствует его собственноручная запись от марта 1833 года.

Иной раз трудно определить адресата автографа — не всегда он бывает назван в тексте записи. Кому, например, пишет известный юрист Анатолий Федорович Кони на своей книге «Федор Петрович Гааз» (Спб., 1897):

«Надо любить, надо страдать, плакать, творить, надеяться, быть... падения, ошибки, раны, недочеты, тщетные упования — с этим считаться не надо. Следует встать, собрать на пути сокровенные обломки своего сердца... Жорж Санд. С подлинным верно. А. Кони». В самом автографе — ни намека на адресата. Правда, на титульном листе, в левом верхнем углу, стоит номер — 92 — 174 — и рядом написано мелким четким почерком: «Из книг Чехова». Быть может, книга принадлежала Антону Павловичу? И не к нему ли обращался Кони?..

А вот это уже, безусловно, Чехов. Вернее, пока еще Антоша Чехонте. На своей первой книге «Сказки Мельпомены» он делает лаконичную запись: «Ивану Алексеевичу Белоусову от автора». Фамилия адресата не принадлежит к разряду «громких имен». Однако в собрании Чуванова она встречается неоднократно. На книге «Листопад», вышедшей в издательстве «Скорпион» в 1901 году, Иван Бунин пишет:

«Моему сердечному другу старому Ивану Алексеевичу Белоусову —

Отошли закаты на далекий Север,
Но всю ночь проходит солнца алый след...
Тихо в темном поле, сладко пахнет клевер,
Над землею бродит слабый полусвет.
Это ночи робких молодых мечтаний,
Предрассветный сумрак в чутком полусне...
Это ночи грусти и воспоминаний,
Думы на закате о былой весне.

И. Бунин».

Свой сборник стихотворений для детей «В краю родном», выпущенный в свет в 1911 году, подарил «дивному другу сердечному Ивану Алексеевичу Белоусову автор неизменно любящий, Аполлон Коринфский».

Иван Алексеевич Белоусов был потомственным портным и, вероятно, неплохим — но достаточное ли это основание для того, чтобы поэты и писатели — и какие! — дарили ему свои книги? И

много ли было в Москве портных, на свадьбе которых гуляли бы Чехов и Куприн, Телешов и Гиляровский?

Секрет в том, что Иван Алексеевич был еще и поэтом. Его стараниями был возрожден существовавший прежде Суриковский кружок, который объединял таких же, как и он, поэтов-самоучек. Литературная и общественная деятельность участников кружка продолжалась и в советское время.

Интересна книга И. А. Белоусова «Писательские гнезда», вышедшая в 1930 году в издательстве МТП. Над этой книгой пришлось поработать и Чуванову. Он бывал у автора и с удовольствием описывает небольшой деревянный дом, садик, самовары в беседке, неспешные разговоры. В архиве Чуванова сохранились несколько писем И. А. Белоусова, а также авторские рукописи стихов.

Кстати, в коллекции автографов Чуванова можно встретить, пожалуй, все упомянутые в связи с Белоусовым имена. Об автографах Чехова, Бунина, а также многочисленных автографах Гиляровского уже говорилось выше. Что касается А. И. Куприна, то у Михаила Ивановича имеется один весьма интересный его автограф — на первой книге писателя, вышедшей в 1903 году (в том же году, месяцем раньше, у Куприна родилась дочь Лидия):

«Вере Дмитриевне Решимовой.

Дорогая тетя Вера! В свет вышли два новых произведения: Ваша внучка Лидочка и моя книга — последнее посылаю вместе с приветом от лучшего. Ваш А. Куприн».

Собственно, Вера Дмитриевна не приходилась ни тетей Куприну, ни бабушкой его дочери.

Жена Куприна, Мария Карловна, была приемной дочерью виолончелиста Карла Юльевича Давыдова и его жены Александры Аркадьевны — издательницы журнала «Мир божий», в котором сотрудничали М. Горький, И. Бунин, Д. Мамин-Сибиряк, а позже и Куприн.

Александра Аркадьевна, ее старшая дочь Лидия Карловна — переводчица и публицист, младшая, приемная, дочь Муся (будущий литературный секретарь журнала «Новый мир») — занимались делами журнала. Дом же вела «тетя Вера» — Вера Дмитриевна Решимова, вдова брата Александры Аркадьевны, Михаила Аркадьевича, артиста Малого театра. С новым членом семьи — застенчивым и неловким начинающим писателем — у Веры Дмитриевны сложились самые теплые, родственные отношения, о чем свидетельствует, в частности, приведенный автограф.

В примечании к своей книге «Годы молодости» Мария Карловна Куприна-Иорданская упоминает экземпляр книги, «по-

даренный В. Д. Решимовой-Бочечкаревой и купленный в 20-х годах у букиниста М. И. Чувановым со ст. Ухтомская Московской области».

Что же касается еще одного упомянутого лица — Н. Д. Телешова — известного литератора и общественного деятеля, устроителя знаменитых «сред», то у Михаила Ивановича есть несколько его автографов, в том числе и лично ему, Чуванову, адресованных.

...Подпав — однажды и на всю жизнь — под обаяние личности протопопа Аввакума, Михаил Иванович Чуванов собрал у себя значительное количество книг, связанных с ним и его сподвижниками.

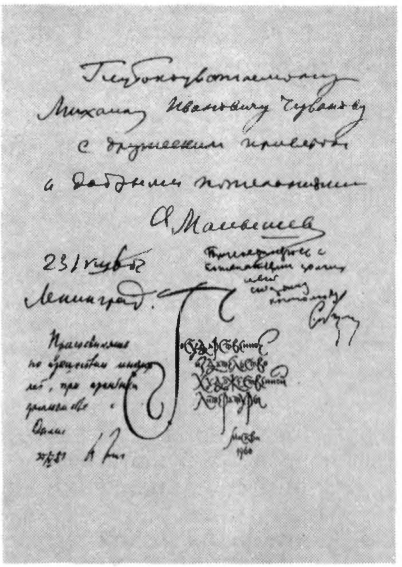
Именно Аввакум «свел» Чуванова с Владимиром Ивановичем Малышевым — главным «аввакумоведом» и удивительным человеком, «очарованным странником» советской археографии, собравшим для рукописного отдела Пушкинского Дома семь тысяч древних рукописей.

Одним из направлений неутомимой деятельности Владимира Ивановича была работа с коллекционерами-любителями старинной книги. Этих людей он рассматривал как своих соратников в деле сохранения русской культуры. Малышев сам разыскивал собирателей, знакомился, осматривал коллекции; им составлен список с указанием их «профиля» и особенно ценных книг, имеющихся у каждого. В своей статье «Москвичи — собиратели письменной и печатной старины» В. И. Малышев называет собрание рукописей и старопечатных книг Чуванова в числе наиболее интересных.

Из старинных рукописей Чуванова им отмечены в статье «Книга бесед протопопа Аввакума» 1773 года, сборники сочинений сподвижников Аввакума — попа Лазаря и дьякона Федора, а также Великое Зерцало XVII века, Степенная книга XVII века, Сборник житий XVIII века, Хронограф XVII века, Уложение 1649 года с дополнениями XVIII века, несколько списков «Поморских ответов» XVIII века, «Пандекты» XIX века — сочинение С. Гнусина и И. Федотова, Устав Соловецкого монастыря, принадлежащий известному выговцу Петру Прокопьеву.

Из лицевых рукописей отмечен Апокалипсис XVII века и Евангелие XVI века, принадлежавшее митрополиту Филиппу Колычеву.

Один из ранних списков «Жития протопопа Аввакума», заинтересовавший Малышева, Михаил Иванович подарил рукописному отделу Пушкинского Дома. Память об этом хранит автограф в собрании Чуванова. В 1962 году Владимир Иванович прислал ему свою книгу «История первого издания „Жития



Дарственная надпись В. И. Малышева на книге «Житие протопопа Аввакума»

протопопа Аввакума“» с надписью: «Глубокоуважаемому Михаилу Ивановичу Чуванову с благодарностью за помощь. Ваш „список“, Михаил Иванович, оказался, действительно, копией с этой рукописи и помог мне установить это. 12. III. 62. В. Малышев».

С собирателем Иваном Никифоровичем Заволоко Чуванов дружил много лет, переписывался, изредка встречался.

Живя в Риге, Иван Никифорович еще в 30-х годах создал «Кружок ревнителей старины», организовывал выставки старинных костюмов, предметов быта, икон, старопечатных и рукописных книг, издавал и редактировал журнал «Русская старина».

Впоследствии, после знакомства с Малышевым и по его настоянию, он вновь вернулся к собирательской деятельности — уже в контакте с ИРЛИ,— много ездил. При его активном содействии было составлено Причудское собрание рукописей Древлехранилища ИРЛИ.

Подлинник «Жития» (один из трех, написанных Аввакумом в заточении) был приобретен известным собирателем В. Г. Дру-

жининым в 1912 году при содействии Ф. А. Каликина, его постоянного «агента». В 1914 году Дружинин опубликовал описание книги.

Несколько слов о Федоре Антоновиче Каликине, поскольку он связан так или иначе со всеми героями повествования.

Родившийся в 1876 году в Вологодской губернии в семье иконописца, он подростком зарабатывал переписыванием и разрисовыванием «лицевых» рукописей, которые продавались затем в лавке Большакова у Ильинских ворот. Приехав в 1906 году в Петербург, он некоторое время работал в мастерской иконописца, затем зарабатывал реставрацией икон, в качестве реставратора попал к Дружинину. В 1909 году отправился по заданию Дружинина в первую поездку за рукописями; в последующие годы ездил постоянно — по два раза в год, приобретая для Дружинина не только рукописи, но и иконы, и замечательные образцы поморского литья.

После революции Каликин работал реставратором в Псковском музее, в Казанском соборе Ленинграда, в Русском музее, в Эрмитаже.

В 50-х годах Каликин ездил с В. И. Малышевым на Печору, в Усть-Цильму; таким образом, его первую поездку отделяет от последней почти полвека.

Каликин был дружен с Заволоко, состоял с ним в переписке. Они во многом были близки, эти два удивительных человека, нашедших с интервалом в пятьдесят с лишним лет два подлинных «Жития» Аввакума. (Где третья рукопись? Погибла? Может быть, ждет где-нибудь своего часа?)

Федор Антонович Каликин умер в 1971 году, прожив долгую и необычную жизнь. Некоторые его инструменты, а также руководство по реставрации, написанное им, хранятся у Михаила Ивановича Чуванова.

Одна из жемчужин коллекции рукописей — Евангелие XVI века, принадлежавшее в свое время, судя по записи, Филиппу Колычеву — будущему митрополиту — в бытность его соловецким игуменом. Рукопись очень хороша: небольшая, примерно 15×10 см, переплетенная в бархат, с наугольниками из позолоченного серебра, с чеканом по обрезу и шелковыми прокладками перед миниатюрами, она представляет собою не только большую историческую ценность, но, бесспорно, и художественную.

Впоследствии именно Соловецкий монастырь, не принявший никонианских новшеств, стал оплотом старой веры. Соловецкие монахи совместно со сторонниками Степана Разина, бежавшими после разгрома восстания под защиту неприступных стен монастыря, около восьми лет выдерживали осаду царских войск. В

1646 году соловецкое восстание было жестоко подавлено, почти все защитники монастыря казнены.

Старообрядческая среда выдвинула своих писателей, теоретиков. Наиболее заметными были, пожалуй, Симеон и Андрей Денисовы.

В коллекции Чуванова есть в списках основные произведения Симеона Денисова «История об отцах и страдальцах наших Соловецких» и «Вертоград Российский». Первое из них рассказывает об основании Соловецкой обители, ее процветании, о наиболее прославленных «отцах» соловецких и, наконец, о восстании иноков против церковных новшеств Никона и жестоком подавлении этого восстания.

«Вертоград Российский» повествует о начале раскола и дает биографические сведения об основных его деятелях, а также о главном противнике, патриархе Никоне, с жизнеописания которого начинается книга.

Эти две книги вкупе с «Историей Выговской пустыни» Ивана Филиппова являются не только самыми популярными старообрядческими сочинениями, но и важнейшими источниками по истории раскола. Их, в частности, использовал М. М. Пришвин, рассказывая о «стране непуганых птиц».

Из других рукописей, связанных с именами братьев Денисовых, следует рассказать о «Поморских ответах».

В начале 20-х годов XVIII столетия епископ Нижегородский Питирим прислал старообрядцам Керженца 130 вопросов, касающихся их вероисповедания. Те не решились ответить сами и обратились за помощью на Выг, к Андрею Денисову, слава об учености которого широко распространилась. Андрей, разумеется, не отказал. Ответы были отосланы Питириму и получили название «дьяконовых» (так как вопросы были адресованы керженскому дьякону Александру). Но вскоре уже сам Андрей получает (по указанию Петра I) аналогичные вопросы от иеромонаха Неофита. Ответы составлялись, как сказали бы теперь, «группой авторов» во главе с Андреем и Симеоном в течение нескольких месяцев и потребовали огромной эрудиции и изощренности ума.

Неизвестно, сохранился ли подлинник «Поморских ответов», написанный рукой самого Андрея (может быть, со временем будет обнаружен, как был обнаружен два с лишним столетия спустя после написания подлинник «Жития» Аввакума). Два списка «Ответов», сделанные для Петра I и иеромонаха Неофита, в свое время были приобретены Е. Е. Егоровым и вместе с его собранием поступили в Отдел редких книг ГБЛ.

Вместе с коллекцией рукописей Чуванова в ту же библиотеку поступил один из ранних списков «Поморских ответов», сделан-

ный в самой Выго-Лексинской пустыни и датируемый началом 20-х годов XVIII века, то есть, примерно, временем составления «Ответов».

В коллекции Чуванова имеются и другие сочинения братьев Денисовых — в составе различных сборников. В их числе — надгробное слово Андрея Денисова, посвященное «клеврету своему Петру экклесиарху» — Петру Прокопьеву, одному из основателей пустыни.

С именем Петра Прокопьева связана одна из интересных рукописей собрания Чуванова — «Устав Иерусалимский» («Устав Петра Прокопьевича»), маленькая пухлая книжка в 16-ю долю листа в переплете XVIII века, написанная от руки мелким четким поморским полууставом и заключенная в специально сделанный футляр. В рукопись вложен портрет Петра Прокопьева.

Судя по записи, книга одно время принадлежала купцу Тимофею Петровичу Москвину — одному из основателей Покровской обители в Москве (ему же принадлежал рукописный Устав XVI века с цветными заставками так называемого болгарского геометрического орнамента, находящийся в коллекции Чуванова). После смерти Москвина книжка перешла к настоятельнице обители. В 1922 году она досталась Ильину — дяде Чуванова — с дарственной надписью на внутренней стороне крышки футляра: «От м. Евфалии... на добрую и незабвенную память». Это — одна из немногих рукописей Михаила Ивановича, имеющая свою документированную историю.

Наибольший интерес для историка представляет часть рукописной коллекции Чуванова, связанная с Преображенским кладбищем,— полнотой собрания и уникальностью многих материалов, охватывающих всю историю кладбища со времени его основания, а также многочисленные сочинения последнего крупного старообрядческого писателя Сергея Гнусина, в том числе «Новая Пандекта» в девяти книгах, о которой уже рассказывалось в связи с докладом Михаила Ивановича в Библиографическом обществе в 1926 году.

Доклад назывался «К библиографии старопечатных изданий».

Текст доклада сохранился у Михаила Ивановича и представляется небезынтересным. Это — взгляд на старопечатную книгу полиграфиста, оценивающего достоинства литер и набора, общий вид полосы, красоту и добротность книги в целом, сравнивающего «дониконовскую» книгу с более поздней — и делающего отсюда свои выводы.

В то время численность собрания старопечатных книг и рукописей Чуванова была невелика — около полусотни единиц.

Экслибрис М. И. Чуванова. Худ. Л. Терехов

В последующие годы росло и собрание, и квалификация собирателя. Мы уже говорили о том, что дало ему знакомство с П. П. Шибановым. Здесь хотелось бы рассказать еще о двух встречах.

С Антониной Сергеевной Зерновой Михаил Иванович познакомился в 50-х годах, работая в типографии Библиотеки имени Ленина. Антонина Сергеевна стала сотрудником Библиотеки в 1923 году, была одним из организаторов Отдела редких книг. Степень кандидата наук она получила за оригинальное исследование «Начало книгопечатания в Москве и на Украине» — в 1944 году оно было выпущено отдельной книгой в типографии Библиотеки имени Ленина. В 1952 году выпущен альбом, составленный Зерновой, «Орнаментика книг Московской печати XVI—XVII веков» под редакцией и со вступительной статьей А. А. Сидорова.

Обе книги сразу после выхода из печати заняли достойное место на полках Михаила Ивановича Чуванова. А следующую книгу, вышедшую в 1958 году (сводный каталог «Книги кирилловской печати, изданные в Москве в XVI—XVII веках»), Антонина Сергеевна дарит ему со своим автографом: «Многоуважаемому Михаилу Ивановичу Чуванову на память. А. Зернова». Именно этот каталог помог собирателю определить некоторые книги его коллекции и, в частности, «анонимное» Евангелие — одну из первых печатных русских книг, вышедшую ранее знаменитого «первопечатного» «Апостола» Ивана Федорова.

Соприкоснувшись с последним словом книговедческой науки, Чуванов придал надлежащую стройность своей картотеке старопечатных книг.

Но научное описание его собрания выполнили специалисты. Вышедший в 1981 году каталог «Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова», составленный И. В. Поздеевой, показал, сколько интересного может рассказать частное собрание, если к нему приложен труд ученого.

Работа по сбору и изучению памятников письменности в археографических экспедициях привела Ирину Васильевну Поздееву, как ранее В. И. Малышева, к мысли о судьбах памятников, уже собранных отдельными лицами — коллекционерами,— находящихся где-то совсем рядом, под боком у исследователей, но столь же недосягаемых зачастую, как и те, что пылятся по сундукам и чердакам дальних деревень. Но главное то, что книги эти молчат. Чтобы они обрели голос, нужен ученый, специалист. И в этом отношении собранию старопечатных книг и рукописей Чуванова, можно сказать, повезло: вниманием ученых оно не обойдено. Здесь необходимо добавить, что, рассказывая об этой части собрания, авторы использовали упомянутый каталог, а также описание коллекции рукописей, составленное кандидатом филологических наук Е. М. Сморгуновой и Т. А. Брун.

ИВАН ФЕДОРОВ И ДРУГИЕ

Коллекция старопечатных книг Чуванова представляет едва ли не все этапы возникновения и развития книгопечатания на Руси.

Ко времени начала книгопечатания в стране образованные русские люди уже были знакомы с печатной книгой и вполне осознавали ее преимущества перед рукописной. Рукописные книги были дороги. В них постоянно ощущался недостаток, особенно на «украинах» государства. Кроме того, за сотни лет в канонические тексты вкралось при переписывании столько ошибок, что уже трудно было найти «добрый», исправный текст.

Все это вместе было причиной того, что в царствование Ивана Васильевича «начаша изыскивати мастерства печатных книг». Вскоре объявились и мастера: Иван Федоров, дьякон церкви Николы Гостунского, и «клеврет его», то есть помощник, Петр Тимофеев Мстиславец.

По приказу царя был поставлен дом «идеже печатному делу строитися». В апреле 1563 года был начат печатанием, а в марте 1564 года закончен Апостол, четыре века носивший звание «первопечатного». Сейчас доказано, что в десятилетие, предшествовавшее его выходу, в Москве было отпечатано еще по крайней мере семь книг (относительно точной даты и порядка их выхода мнения ученых расходятся).

...В коллекции старопечатных книг Чуванова имеется одна

из таких «дофедоровских» книг — Евангелие, вышедшее в первой половине 50-х годов XVI века, так называемое среднешрифтное — это одна из первых печатных русских книг.

После Апостола Иваном Федоровым и Петром Мстиславцем был отпечатан в Москве Часовник (1565) — после этого сведений о работе их в Москве не появляется, зато в 1568 году они объявляются в Литве, в имении гетмана Ходкевича, где печатают в 1568—1569 годах Евангелие Учительное,— теми же шрифтами, что и московский Апостол.

На некоторые причины, вынудившие его оставить Москву, Иван Федоров ссылается в большом послесловии к львовскому Апостолу 1574 года (имеется в собрании Чуванова).

В Остроге, куда он переехал, Иван Федоров создает типографию, отливает новые мелкие шрифты, которыми печатает знаменитую Острожскую библию — первую полную библию на славянском языке. Книга напечатана шестью разными шрифтами и представляет собой фолиант в 628 листов, по 50 строк в каждом, в два столбца. По красоте и четкости печати она может поспорить с лучшими европейскими изданиями того времени. Этот шедевр был последней работой Ивана Федорова.

После его смерти типография была приобретена Львовским православным братством. Так было положено начало известной Братской типографии, просуществовавшей до нынешнего века. (В собрании Чуванова имеется, в частности, Евангелие 1636 года, отпечатанное во Львове в типографии Братства печатником Михаилом Слезкой.)

На экземпляре Острожской библии 1581 года в собрании Чуванова есть запись о том, что уже в 1590 году некто Кирило Евтихиев вложил эту книгу в Ферапонтов монастырь «при игумене Кирилле».

Петр Мстиславец, переехав из Заблудова в Вильно, создает типографию для купцов Кузьмы и Луки Мамоничей и печатает в 1575 году Евангелие, а в 1576-м — Псалтырь, отлив для них новые, крупные и четкие шрифты (экземпляр виленской Псалтыри Петра Мстиславца имеется в собрании Чуванова). Есть там также несколько книг, отпечатанных в Вильно в типографии Мамоничей уже после Петра Мстиславца. На одной из таких книг — Евангелии Учительном 1595 года — близкая по времени запись 1598 года: «Сию книгу положил иноземец из Литвы поляк Станислав Скулскы во имя божие у престола Илии пророка на Прозвуче...»

Между тем после отъезда первопечатника издание книг в Москве продолжается. В 1568 году выходит Псалтырь, отпечатанная мастерами Невежей Тимофеевым и Никифором Тарасиевым. Позже оборудование типографии было перенесено в Алек-

сандровскую слободу — новую резиденцию Грозного, где вновь была отпечатана Псалтырь — книга наиболее читаемая, служившая, в частности, учебником для детей. После этого — до учреждения патриаршества (1589) — ни одного московского издания не известно.

В 1589 году Андроником Тимофеевым Невежей была издана в Москве Триодь Постная, двумя годами позже — Триодь Цветная: обе они есть в собрании Чуванова, как и Октоих в двух частях 1594 года, Апостол 1597 года, Псалтырь 1602 года, а также Триодь Цветная 1604 года, отпечатанная уже Иваном Андрониковым Невежиным — новая профессия, едва появившись, становится семейной. Есть у Чуванова еще две книги Ивана Невежина — Минеи 1609 и 1610 годов, а также две книги того же времени московской печати — Евангелие 1606 года и Устав 1610-го — печатника Анисима Михайловича Радишевского. Три книги собрания связаны с представителями рода «именитых людей» Строгановых. В частности, декабрьская Минея 1645 года имеет две записи: первая рассказывает о том, что в 1651 году «...сия книга глаголемая минея месяць декабрь казенная домовая Преображения Спасова Пыскорского монастыря, что над Камою рекою ниже великие Перми, куплена на монастырьские на казенные денги», а вторая — о том, что в 1653 году «продал сию книгу... тоя же Преображенския обители архимандрит Евфимий имянитому человеку Дмитрию Андреевичу Строганову, а денги взяты в монастырьскую казну...»

Богатейшие купцы и промышленники Строгановы в XVII веке за особые заслуги получили титул «именитых людей». Строгановы имели обширные владения по рекам Каме, Чусовой, Тоболу, Иртышу, Оби, соляные, рыбные и рудные промыслы.

Сказочно богатые, они сосредоточили в своих руках огромное количество произведений искусства, книг. Они стали главными заказчиками московских иконописцев, так что даже манера письма этих мастеров на рубеже XVI—XVII веков получила название «строгановской школы» (иконы этой школы есть в коллекции Чуванова).

Для специалистов очень интересны старопечатные книги, сохранившие первоначальную ширину полей (в течение своей жизни книга не раз меняет переплет и каждый раз при этом обрезается). Широкие поля могли сохранить парадные («подносные») экземпляры, которые берегли и ни разу не обрезали: по ним мы можем судить о том, как представляли себе наши предки красивую книгу. Некоторые книги из коллекции Чуванова имеют поля 70, 80 и даже 90 мм.

Иногда книга с самого начала выходила двух форматов: часть тиража печаталась на более широких листах и имела

вследствие этого широкие поля (это отмечает и А. С. Зернова в своем каталоге). На одной из книг Чуванова — Евангелии 1644 года (том самом, «егоровском»), есть интересная запись, подтверждающая этот факт: «Лета 7153 (1645) марта в 1 день сию книгу глаголемую Евангелие напрестольное большой бумаги с евангелисты серебреными оболока бархатная дал вкладу в Суздале на посаде к Ризположению во обители преподобныя и благоверные княжны Еуфросинии московской ловчеи Иван Левонтьив...»

Очень широкие поля — до 90 мм — имеет книга «Службы и жития Сергия и Никона» (1646). На первых четырех листах эти поля использованы для миниатюр, иллюстрирующих стихиры вечерней службы Сергию Радонежскому, основателю Троице-Сергиевой лавры. Келарь Симон Азарьин, готовивший книгу к изданию, собрал дополнительно материалы о «чудесах», связанных с именем Сергия. Далеко не все из них признавались церковью. Например, «чудо о кладезе» было отпечатано отдельно по настоянию царя Алексея и вкладывалось в книгу в качестве дополнительного листа.

Экземпляр из коллекции Чуванова представляет чрезвычайный интерес не только благодаря миниатюрам на полях, современным изданию: он имеет, кроме того, большое рукописное дополнение на 96 листах, содержащее произведения того же Симона Азарьина, связанные с Сергием, как вошедшие в печатный текст, так и написанные позже.

Целый ряд книг коллекции связан с Троице-Сергиевой лаврой: в частности, многие имеют на кожаных переплетах характерный суперэкслибрис.

Иногда приходится слышать мнение: нельзя, мол, чтобы ценные произведения искусства, редкие и тем более уникальные, находились в руках частных лиц и подвергались разного рода превратностям судьбы. Они должны находиться в государственных хранилищах, под наблюдением специалистов; к ним должен быть облегчен доступ исследователей... Этот взгляд распространен достаточно широко.

Существует и иная позиция: если все наиболее ценные коллекции и отдельные произведения будут постепенно сосредоточены в государственных хранилищах, коллекционирование как род занятия просто потеряет смысл, ибо все стоящее будет изъято из оборота. Нужно, чтобы каждый увлеченный коллекционер имел, по крайней мере, шанс стать обладателем желанной редкости.

Михаил Иванович если и не разделяет такую точку зрения, то, во всяком случае, прислушивается к ней, признавая и за этим мнением право на существование.

Собственно говоря, эти положения не исключают друг друга. И быть может, судьба собрания Чуванова — удачный пример решения проблемы. В фонды Ленинской библиотеки поступили те коллекции, которые представляют интерес именно как коллекции, как некие сложные единства, ценность которых превышает сумму ценностей составляющих единиц, и потому разрознивать их неразумно: собрание кириллических рукописей, собрание книг старой печати, вошедших в каталог И. В. Поздеевой, коллекция книг о Москве, книги с автографами — как безусловно уникальные...

После передачи всего вышеназванного у собирателя осталась весьма внушительная библиотека, включающая немало ценного. Книги эти у него «в ходу», он обменивает их, иногда дарит, приобретает новые — так что приверженцы второй концепции могут быть удовлетворены.

На полках в ухтомском доме снова тесно.

ЛИТЕРАТУРА О М. И. ЧУВАНОВЕ

1. Большаков А., Турган Е. ...Живое, говорящее, чудесное.— Москва, 1964, № 3, с. 157—159.
2. Малышев В. Москвичи — собиратели письменности и печатной старины.— Тр. отд. древнерус. лит./Ин-т рус. лит., 1965, т. 21, с. 388—389.
3. Магидсон С. Замечательный пленник книги.— Мол. гвардия, 1966, № 5, с. 228—230.
4. Ласунский О. Двадцать тысяч друзей.— Подъем, 1967, № 4, с. 159—163.
5. Льянов Б. Кто в тереме живет.— Сов. Россия, 1970, 4 окт.
6. Осокин В. Волшебник книги.— Кн. торговля, 1972, № 4, с. 58—59.
7. Кузнецова Н. Твой берег, книга...— Сов. культура, 1974, 1 нояб.
8. Ерохин В. Вселенная Михаила Чуванова.— Лит. Россия, 1976, 12 нояб., с. 13.
9. Иващенко Н. История одного собрания: О библиотеке М. И. Чуванова.— Альманах библиофила, 1977, вып. 4, с. 93—100.
10. Сидоров А. Московские книголюбы.— Альманах библиофила, 1977, вып. 4, с. 77, 81.
11. Киселева Е. Г. Московские друзья книги. М., 1978, с. 101—114.
12. Медведев Ф. Находки библиофила.— Огонек, 1978, № 37, с. 30.
13. Сигрист А. Старейший книголюб.— Читатель (однодневная газета ЦП ВОК), 1979, 19 нояб.
14. Зеленогорский М., Шатин М. Напишите мне в альбом...— В мире книг, 1980, № 12, с. 74—76.
15. Гринберг М. Сокровища Михаила Чуванова.— Москва, 1981, № 9, с. 173—179.
16. Поздеева И. В. Коллекция старопечатных книг XVI—XVII вв. из собрания М. И. Чуванова: Каталог. М., 1981. 162 с., 19 л. ил.
17. Якович Е. «Типограф опытный, московский...».— Лит. газета, 1981, 16 дек., с. 3.
18. Гриненко В. Старейший библиофил.— Кн. обозрение, 1984, № 3, с. 14.
19. Медведев Ф. Открытие книги.— Сов. Россия, 1984, 25 авг.
20. Осетров Е. Записки старого книжника. М.: Правда, 1984, с. 18—19.

Иннокентий Анненский

ТРЕТИЙ МУЧИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ

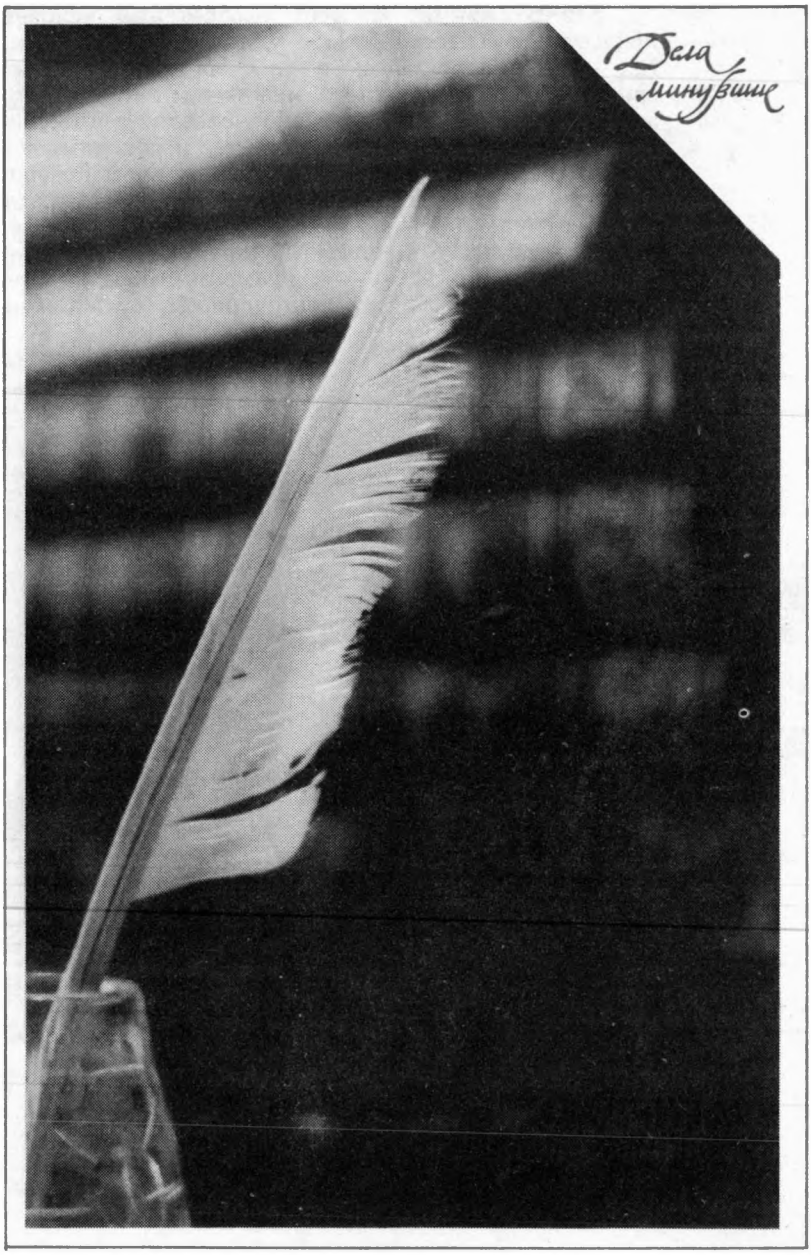
Строфы

Нет, им не суждены краса и просветленье;
Я повторяю их на память в полусне,
Они — минуты праздного томленья,
Перегоревшие на медленном огне.

Но все мне дорого — туман их появленья,
Их нарастание в тревожной тишине,
Без плана, вспышками идущее сцепленье:
Мое мучение и мой восторг оне.

Кто знает, сколько раз без этого запоя,
Труда кошмарного над грудою листов,
Я духом пасть, увы! я плакать был готов,

Среди неравного изнемогая боя;
Но я люблю стихи — и чувства нет святей:
Так любит только мать, и лишь больных детей.


Дела минувшие

Без сомнения, из всех изобретений человека искусство писателя — самое удивительное.... В книгах — душа Прошлого; в них звучит отчетливо слышный глас минувшего, между тем как его тело и материальная сущность давно исчезли, точно сон... С искусством писания (простым, необходимым и сравнительно несущественным следствием которого является печать) для человечества открылась истинная эра чудес. С изумительной, небывалой сноровкой искусство это плотно пригнало Прошлое и Далекое к настоящему — во времени и пространстве; все эпохи и все области благодаря ему суть для нас Здесь и Теперь.

ТОМАС КАРЛЕЙЛЬ

Олег Мишин

КАК СОЗДАВАЛАСЬ «КАЛЕВАЛА»

Пятьсот экземпляров первого издания «Калевалы» (1835) расходились в течение десяти лет. Современные ее издания раскупаются в нашей стране в считанные дни. О ней много пишут, о ней спорят, заново прочитывают ее текст, создают новые редакции и переводы. Творческий подход к этому произведению способствует как его углубленному пониманию, так и росту популярности. Достаточно в этом смысле привести такой пример: редакция «Калевалы» Отто Куусинена, видного государственного деятеля, знатока карельского и финского фольклора, внесла значительный вклад в изучение эпоса.

Предлагаемая вниманию читателей статья литературоведа, поэта и переводчика О. И. Мишина свидетельствует о том, что в изучении богатейшей поэтической сокровищницы двух северных народов открываются новые, еще неизведанные страницы.

Время показало, что созданная Элиасом Лённротом на материале народных песен «Калевала» — одно из величайших произведений мирового словесного искусства. Первым в России по достоинству оценил работу Лённрота Я. Грот. «Лённрот совершил дело, которое не даст умереть его имени»,— писал он.

А. М. Горький ставил «Калевалу» рядом с «Илиадой». И он же нашел точные и глубокие слова о роли Лённрота в создании «Калевалы». В беседе с Корнеем Чуковским о недопустимости переделок классических произведений, особенно таких, как «Одиссея» и «Калевала», Горький на возражение о том, что Лённрот сам переделывал народные руны, ответил: «Но Лённрот гениальный народный поэт... Он не переделывал народных легенд, а воссоздавал их, потому что и сам был народ». Народ творит свой эпос. Народный поэт создал эпопею...

К идее создания эпопеи Лённрот пришел, когда предпринимал ряд практических шагов по сбору и сохранению устного народного творчества финнов и карелов. Но эти шаги вряд ли привели бы к такому весомому результату, если бы у самого народа не возникло потребности, как пишет советский литературовед Э. Карху, «осознать свое прошлое и свой путь», «поверить в свое национальное будущее».

Как же родилась «Калевала»? Об этом науке хорошо известно. Да и сам Лённрот оставил огромный материал (дневниковые записи, опубликованные книги, заметки и статьи в газетах, рукописи сборников и т. д.). Совершим еще раз экскурс в прошлое...

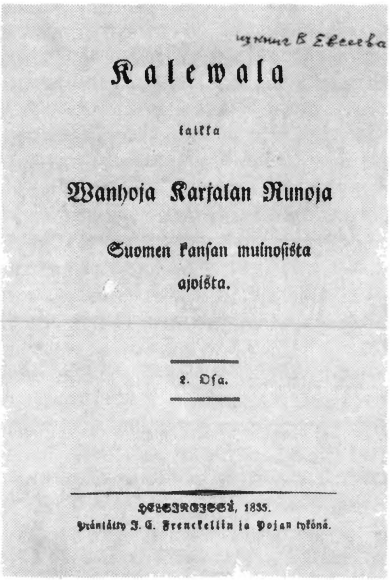
Элиас Лённрот совершил одиннадцать поездок по Финляндии, Карелии и Эстонии. Он записал эпические, свадебно-обрядовые, лирические песни, заклинания от десятков народных певцов.

Из собранного материала и записей своих предшественников будущий автор «Калевалы» составил три сборника народных песен: «Лемминкяйнен», «Вяйнямёйнен», «Свадебные песни» (1833). Они не были опубликованы, потому что именно в это время Лённрот задумал объединить записанные руны в один свод. Мысль о такой возможности родилась у него после встречи с рунопевцем Киелевяйненом, который исполнял свои руны циклами. Так составился «Сборник песен о Вяйнямёйнене», который в науке принято называть «Первокалевалой», поскольку в ней уже обозначились главные узлы и сюжеты и расположены они были в том же порядке, что и в первой опубликованной версии «Калевалы». В 1834 году сборник должен был выйти в свет.

Но во время пятой поездки Лённрот встретился с рунопевцем Архиппой Перттуненом, и это дало работе новый поворот. Он поспешил остановить издание «Сборника песен о Вяйнямёйнене». Хотя Архиппа Перттунен и не передал Лённроту неизвестных ему ранее рун, спетые им варианты отличались большей полнотой, высокими поэтическими качествами. Ученый стал пересматривать свою работу, производить замену менее совершенных строк и фрагментов лучшими.

6 февраля 1835 года Лённрот завершил работу над рукописью, к 28 февраля написал предисловие. Книге было дано название «Калевала». Исследователь использовал слово, взятое из пастушьей песни, записанной им в Вуоккиниэми в 1834 году. В песне он обнаружил строки, мастерски аллитерированные, которые и дали толчок к выбору названия — «Калевала». Это название увязывалось с мифом о Калеве — первопредке сказочных героев. В народных песнях Вяйнямёйнена иногда так и называли — «сыном Калевы». Калевала у Лённрота — это поэтическая страна, где живут Вяйнямёйнен, Илмаринен, Лемминкяйнен. Ей противостоит Похъёла — северная страна, где живет род Лоухи, с которым и враждуют, и у которого в то же время сватают невест калевальцы. Названию «Калевала» в рукописи Лённрота предшествовали «Вяйнёла и Похъёла», «Вяйнёла».

Первая часть «Калевалы» вышла в 1835-м, вторая — в 1836 году. Ленрот записал около 40 000 строк. Из них около 19 000 собрано в Финляндии, около 21 000 — в Беломорской


из книг В. Евсеева

Kalewala

taikka

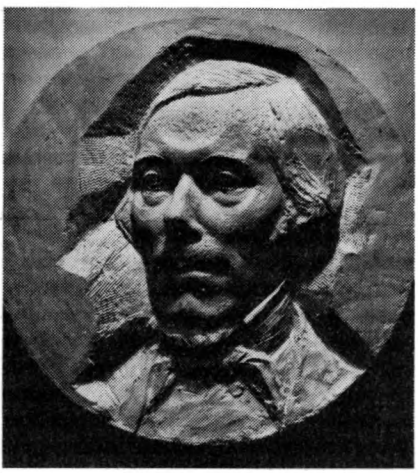
Wanhoja Karjalan Runoja

Suomen kansan muinosista ajoista.

2. Osa.

Helsingissä, 1835.
Painettu J. C. Frenckellin ja Pojan tyköä.

Титульный лист первого издания «Калевалы». 1835



Элиас Лённрот. Барельеф работы Э. Акулова. 1984

Карелии. В «Калевалу» 1835 года вошло из них около 13 000. В полный текст эпопеи Лённрота вошли также строки из песен, записанных от финско-ижорского населения России (территория нынешней Ленинградской области). Эти данные еще раз подчеркивают тот факт, что «Калевала» по своему материалу является памятником одновременно и карельского, и финского фольклора, то есть памятником интернациональным, соединяющим народы крепкими узами братства. В этом ее современное значение. В нашу тревожную эпоху «Калевала» взывает к народам жить в мире и дружбе и взаимном доверии друг к другу.

После опубликования первой композиции группа фольклористов — Эвропеус, Каян, Алквист, Сирелиус, Кастрен — продолжила поиск и запись новых рун. Собирал их и Лённрот. Он снова едет в Беломорскую Карелию. Записывает песни от Симаны Мийхкалайнена, Варахвонты Сиркейнена, от сестры Архиппы Перттунена — Моарие.

Значительно расширилась на картах фольклористов и территория, на которой собирались древние песни. Так, Эвропеус побывал в Олонии, южной Карелии и Ингерманландии, где он

М. Мечев. Вяйнямёйнен. Заставка в книге «Калевала», изданной в 1956 г.

услышал финско-ижорские эпические песни о Куллерво. Когда Лённрот взялся в конце 40-х годов за работу над пополнением своей «Калевалы», Эвропеус предлагал отложить работу еще на год, чтобы собрать дополнительные материалы. Лённрот успел использовать только сюжеты о Куллерво. И теперь вместо небольшого эпизода о нем в рукописи появляется целых шесть глав-песен самых трагических по содержанию и, пожалуй, самых прекрасных.

Лённрот все более убеждался, что к собранному материалу надо относиться творчески: ведь и народные певцы, перенимавшие песни от своих отцов, подходили к ним с известной свободой, вставляли свои строки, пели свои варианты. Лённрот, располагавший огромным фольклорным материалом (таким материалом,

конечно же, не обладал ни один рунопевец), именно в работе над второй композицией решил предстать в качестве народного певца: он «исполнял» свою «Калевалу», не изустно (хотя он помнил сотни строк), а письменно, каждую строку выверяя своим прекрасным вкусом. Пользуясь лучшими народными образцами, он создавал стихотворный текст с богатыми рядами параллелизмов и аллитераций. Это был оригинальный текст. Простое сопоставление показывает, что многие записанные от рунопевцев фрагменты претерпели большие изменения.

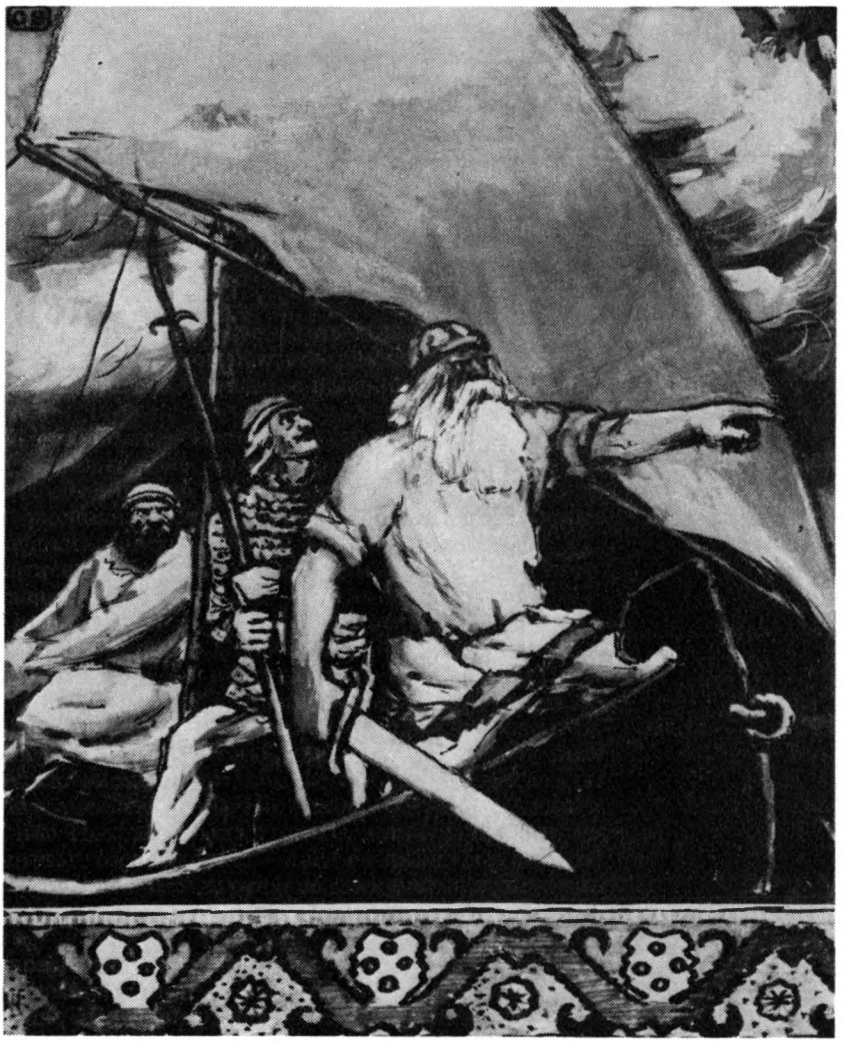
Хорошо ли мы, кстати, знаем тех сказителей, от которых Лёнрот, его предшественники и современники записали песни, давшие материал для «Калевалы»? Лучше других известен Архиппа Перттунен. О нем написано немало. Избранные руны «короля рунопевцев» издал в 1948 году на русском языке известный филолог В. Я. Евсеев. Влияние Перттунена на структуру «Калевалы» трудно переоценить. Мотивы и сюжеты его рун, как уже было сказано, оказали воздействие на калевальский сюжет, а многие его строки органически вошли в «Калевалу» почти в том виде, как их спел народный поэт.

Рядом с Архиппой Перттуненом называются имена Онтрея Малинена и Ваасилы Киелевяйнена. О первом упоминают в связи с его исполнением в 1825 году для А. Ю. Шегрена контаминированной руны о Сампо, которая стала своего рода основой для сюжета эпопеи. Она «прощупывается» во многих эпизодах «Калевалы». Эта руна — одна из самых мощных народных творений, и хорошо, что она недавно была напечатана на русском языке в книге В. Я. Евсеева «Карельское народное поэтическое творчество» (1981).

Что касается Киелевяйнена, то он подсказал Лёнроту саму идею возможности создания единой эпопеи из народных песен, поскольку исполнял руны (а точнее сказать, отрывки рун) в определенной последовательности. Киелевяйнен был стар и многое уже не помнил, поэтому многие сюжеты пересказывал своими словами, но Лёнрот увидел в его фрагментах «осколки» единого целого. В пору встречи с ним создатель «Калевалы» еще верил, что когда-то существовала огромная народная эпическая поэма, рассыпавшаяся затем на отдельные куски.

Малинен и Киелевяйнен дали Лёнроту основные сюжеты будущей «Калевалы». Они спели ему циклы рун о Сампо, о рождении мира, о состязании рунопевцев, о сватовстве Вяйнямёйнена, о путешествии в Похъёлу, о Лемминкяйнене, а также варианты многих других песен. Киелевяйнен даже спел руны о похищении Сампо и рождении огня.

Из рунопевцев называют иногда Юхана Кайнулайнена. Именно после встречи с ним и некоторыми другими певцами



О. Бородкин. Композиция по мотивам «Калевалы»

Лёнрот составил сборник «Кантеле». Многие строки из этого сборника вошли в «Калевалу», а руна о Лемминкяйнене повлияла на калевальские сюжеты о нем.

Вот, пожалуй, и все имена, о которых обычно говорят. Но к ним мы хотим добавить еще несколько. И, наверное, первым надо назвать Юрки Кеттунена (деревня Чена). От него записывал песни до Лёнрота Топелиус-старший в 1821 году. Они произвели в Финляндии огромное впечатление. Назовем их: «Начало мира — из яйца», «Вяйнямёйнен делает лодку», «Морское путешествие», «Пир в Пяйвеле», «Деяния Вяйнямёйнена»... Лёнрот встретился с Кеттуненом в 1834 году и записал еще 14 песен.

Тексты Кеттунена отличаются отточенностью строк. Вот как в его варианте готовились к пиршеству в Пяйвеле (в «Калевале» — Похъёла):

Месяц камни нагревали,
Лето воду кипятили,
Целый лес сожгли деревьев,
Целый лес и целый остров.

(Здесь и далее перевод мой.— О. М.)

Нетрудно заметить, что эти строки найдут продолжение в «Калевале». Лемминкяйнен у Кеттунена умеет не только владеть мечом, он (в «Калевале» — Илмаринен) «вспахал гадючье поле», «перевернул змеиные борозды», «обуздал землю». Все, кто сравнивает «Калевалу» с народной эпической поэзией, упоминают песни Кеттунена как источник, из которого черпал Лёнрот.

По свидетельству известного финского ученого А. Р. Ниеми, внесшего большой вклад в изучение «Калевалы», «богатую добычу» приобрел Лёнрот, встретившись во время своей первой поездки в Беломорье с Соавой Трохкимайненом из деревни Аконлахти (его называют еще Самули Нюкютти). От него записаны, например, песни о Сампо, о золотой деве. Интересны его песни о Каукомиели, идущем без приглашения в Пяйвелю, и о Лемминкяйнене, которого спасает от смерти мать.

В 1835 году Лёнрот встретился с Мартином (Мартиской) Карьялайненом, о котором был уже наслышан. Вначале он несколько недооценивал его. Между тем, работая над «Калевалой», многое перенял у певца. Карьялайнен не только пел старые песни, но и сочинял свои. Одна даже приведена в дневнике Лёнрота. Песня о похитителе оленей автобиографична. Сочиненная в калевальском размере, она повествует о том, как ее герой, Мартти, за кражу оленей попадает в финскую тюрьму. Целый ряд строк из песни Карьялайнена Лёнрот вставил в эпизод о ловле Лемминкяйненом лося Хийси. Образы, поэтические при-

емы этого певца очень оригинальны. Вот как, например, Карьялайнен говорит о Большом быке (фрагмент о нем есть и в «Калевале»):

Ласточка летела день
меж рогов того быка,
ночевала посередке.
Месяц белка пробегала
лишь по репице быка,
до конца не достигала,
ночевала посередке.

Жил певец в глухой деревушке. «Мартиска из Лонкки» — любовно называли его в народе.

Нельзя не упомянуть здесь и двух сказительниц. Одна из них, как говорилось, сестра Архиппы Перттунена — Моарие. Она исполнила Лённроту песни о Лемминкяйнене. Другая — по имени Матро (фамилия ее неизвестна). Эта «нищая женщина» знала песни о Сампо, о Лемминкяйнене и другие.

Создавая «Калевалу», Лённрот брал от рунопевцев то, что двигало сюжет в нужном направлении, обогащало образы героев, углубляло их психологию, усиливало поэтическую мощь произведения.

Как показал финский ученый Вяйнё Кауконен, в 363 строках фрагмента заклинаний лося Хийси есть доля текстов А. Перттунена, С. Трохкимайнена, М. Карьялайнена, Ю. Кайнулайнена и других карельских и финских певцов. Кроме того, Лённрот использовал многие строки из сборников Топелиуса-старшего.

О многих сказителях у нас есть лишь косвенные сведения. Рунопевец из Ухты, давший Лённроту многие строки о том, как Вяйнямёйнен делал лодку и искал заветные «три слова», известен под именем «Отец Лари Теппинена». От него Лённрот взял в «Калевалу» мотив «Ахти и Кюллики».

А кто может назвать имя рунопевца, чья прекрасная песня о кантеле, всего в несколько строк, попала в исследование К. Ганандера «Финская мифология», вышедшее в конце XVIII века? Вот фрагмент этой песни:

Тут сам старый Вяйнямёйнен
кантеле на камне строил.
Из чего он делал короб?
Из березы свилеватой.
Из чего он делал гвозди?
Из дубовых веток ровных.
Из чего он делал струны?
Конский волос шел на струны,
волос жеребенка Лемпо.

Г. Стронк. Айно. Рисунок из цикла «Калевала»

Эта песня послужила Лёнроту толчком для создания собственной 44-й руны «Калевалы» о кантеле из березы. Точно так же мы не знаем имени рунопевца из Суоярви, давшего «Калевале» мотив похищения солнца и луны.

Их много, народных певцов, которые внесли свой вклад в создание «Калевалы». Чудесные образы их поэзии переплавлялись в творческом тигле выдающегося поэта и разностороннейшего ученого Э. Лёнрота.

Стоит сказать подробнее об Элиасе Лёнроте. Имя ученого было бы известно, если бы даже он не создал «Калевалу», не издал свои знаменитые сборники «Кантеле», «Кантелетар» (1840—1841), «Пословицы финского народа» (1842), «Загадки финского народа» (1844).

Чем же иным был бы известен Лёнрот?

Элиаса Лёнрота всегда влекла история человечества. Его перу принадлежит книга «Воспоминания о жизни людской во все времена». Вместе с Я.-Ф. Каяном он написал «Историю Финляндии», вместе с К. Тикленом — «Историю России». Э. Лёнрот создал ставший широко известным капитальный справочник «Флора Финляндии». Он же подготовил «Юридический справочник для всеобщего просвещения». Издание этих справочников было делом непростым. Ученый должен был на базе финского языка разработать специальную терминологию. Многие термины, которые навсегда остались в финском языке,— заслуга ученого.

Лёнрот составил шведско-финско-немецкий толкователь (1847). Никто лучше него не знал диалекты финского языка. Яркими и точными народными словами и оборотами он обогащал формировавшийся литературный язык. К концу жизни ученый закончил публикацию огромного (более 200 000 слов) финско-шведского словаря, который и сегодня представляет большую ценность (его словарь переиздавался в 1930, 1958 годах). Здесь уместно сказать, что в 1876 году ученый был избран почетным членом Петербургской Академии наук.

Элиас Лёнрот известен и как публицист. Он издавал журнал «Мехиляйнен» («Пчела») и «Оулуский еженедельник». А сколько брошюр, статей написал Лёнрот-врач!

И главное — создатель «Калевалы» был истинным поэтом. Лёнрот с равным успехом переводил русскую и шведскую поэзию на финский язык, а финскую — на шведский. На финский им переведены многие песни «Илиады». Заслуга привнесения гекзаметра в финское стихосложение принадлежит именно ему.

Все эти разносторонние интересы накладывали отпечаток на главный труд Лёнрота — «Калевалу».

К той «Калевале», которую знает весь мир, Лёнрот, как видим, подходил постепенно, этап за этапом. Совершенствуя

А. Галлен-Каллела. Мать Ёукохайнена запрещает стрелять сыну

рукопись, он оставлял лучшие народные строки, редактировал их. Окончательный вариант «Калевалы» сложился только к 1849 году.

К первому изданию «Калевалы» еще вполне подходило слово «состав». Второе же требовало иной оценки сделанного Лённротом. Если первое издание могло быть и «безымянным», второе уже нуждалось в указании имени автора.

Прогрессивный финский ученый Вяйнё Кауконен пришел к выводу, что «Калевала» — это плод творчества Лённрота.

С момента первой публикации лённротовской эпопеи прошло

150 лет. За это время «Калевала» стала всемирно известным произведением.

Но далеко не все сразу приняли ее.

Так, известный ученый К. Готлунд, который понял, что «Калевала» не эпос, а поэма, не принял ее именно потому, что Лённрот обрабатывал народные песни, приспосабливая их к своим задачам. Он хотел читать текст, составленный из оригинальных народных песен.

По-иному оценил Лённротово детище М. Кастрен, первый переводчик «Калевалы» на шведский язык (1841). Он был уверен, что во всей «Калевале» нет «ни одной сочиненной доктором Лённротом строки». Кастрен настолько доверял лённротовскому тексту, что, встретившись с рунопевцами Перттуненом и Киелевяйненом, записывал все, что слышал от них, поскольку был убежден, что все их песни включены в «Калевалу».

Долгое время ученые круги считали, что некогда существовало огромное эпическое произведение древних финнов и карелов, которое со временем распалось, а Лённрот, соединив «осколки», тем самым воссоздал народную эпопею. Как мы говорили, Лённрот и сам одно время верил в это, однако вскоре вынужден был отказаться от этой идеи, романтической в основе, но научно несостоятельной. Если предположить, что такая эпопея когда-то и была, то ее «осколки» в течение времени должны были измениться, как изменяется любая древняя народная песня, переходя от поколения к поколению. Едва ли после этого был бы возможен возврат к «первоначальной» эпопее, многие тысячи строк которой не сохранились в народной памяти. Архиппа Перттунен помнил 4100 строк, Симона Сиссоненн — 4000, но все-таки это были лишь разрозненные песни, пусть даже тяготеющие к циклизации. Ничего похожего на огромную сюжетную поэму народные певцы не создали.

Отказавшись от идеи первичного эпоса, Лённрот предугадал открытие, которое сделал в XX веке крупнейший советский фольклорист В. Пропп. «Народ никогда не создает эпопей... Причины, почему народ не стремится к созданию единства, очень сложны. Одна из них состоит в том, что это нарушило бы творческую свободу и подвижность фольклора. Превращение отдельных песен в огромную эпопею как бы останавливает эпос...» — писал ученый. В. Пропп в 1949 году высказал очень верное, хотя на первый взгляд парадоксальное, суждение и о Лённроте: «Старая наука утверждала, что, изменяя, перерабатывая, переставляя народный материал, Лённрот поступал как народный певец... следовал народным образцам... Лённрот не следовал народной традиции, а ломал ее; он нарушал фольклорные законы и нормы и подчинял народный эпос литературным

А. Галлен-Каллела. Лемминкяйнен перед чудесным пробуждением

нормам и требованиям своего времени». Кто, как не Пропп, до мельчайших подробностей знал законы фольклора! Но, если многие фольклористы до Проппа не принимали «Калевалу» именно потому, что она постоянно нарушала фольклорные традиции, то Пропп сделал совершенно не фольклористский вывод: «Именно этим он создал ей величайшую популярность, угадав вкусы и эстетические потребности образованных читателей своего времени».

Между тем, почувствовав литературное происхождение «Калевалы», переводчики начали менять к ней отношение. В предисловии ко второму изданию своего широко известного перевода Л. Бельский писал, что ученые «разрушили взгляд на нее как на цельное произведение финского народа и выяснили, что

«Калевала» представляет искусственно связанный в эпопею Лённротом ряд отдельных былин и других видов финской поэзии»; «Лённрот связал органически несвязуемое, прибегая к очень наивному способу, сам от себя сочиняя несколько вводных стихов в начале руны и ряда рун, где говорится о совсем новом предмете». И это пишет Бельский, который в предисловии к первому изданию «Калевалы» так восхищался ею. Но тогда он еще не мог знать, что Лённрот шел дальше частичных добавлений и правок и сочинял целые эпизоды, и даже главы, например, о кантеле из березы, о похищении луны и солнца и их возвращении. Бельский был так разочарован, что даже изменил подзаголовок к «Калевале». Если раньше он называл ее «народной эпопеей», то теперь окрестил ее «народным эпосом», подчеркивая этим ее разрозненность, фрагментарность. Для него «Калевала» превратилась в собрание народных эпических рун. Он даже жалел, что свадебные песни и заклинания не составили в ней самостоятельного раздела.

Любопытно, что другой русский переводчик «Калевалы» Э. Гранстрем оставался верным ее почитателем и в 1910 году при переиздании своего перевода продолжал видеть в ней «одно стройное целое». Он, думается, ценил в «Калевале» именно стройность литературного произведения.

О «стройном целом» мечтал и сам Лённрот задолго до работы над текстом «Калевалы». Всю жизнь Лённрота сопровождал Гомер и его поэмы. Неоднократно в письмах, дневниках, газетных статьях упоминал он «Илиаду», «Одиссею», самого Гомера. Поэмы великого «слепца» были для него образцами. Он прекрасно знал их и даже «критиковал». Двадцатишестилетний Лённрот в одном из писем 1828 года писал: «Я... не доверяю никаким снам и оставляю на совести дедушки Гомера его суждения о них. Гомер, говаривавший, что „и сны от бога“, несомненно, ошибался. Нет никакого божественного провидения в том, что престарелая тетушка из-за своих беспокойных снов предрекает беды какому-нибудь путнику или иному христианину». Кстати, от этого рассуждения тянется ниточка к тем отношениям между языческими богами и людьми, которые он выстроит в «Калевале».

3 декабря 1833 года Лённрот написал о своих планах Каяндеру: «Намереваюсь снова заглянуть в Архангельскую губернию и буду собирать песни до тех пор, пока не составлю сборника, равного половине Гомера». Иными словами — Гомер был образцом для Лённрота. Исследователь многое усвоил от него и прежде всего — принцип ведения сюжета. Гомеровские тексты убедили в том, что можно замедлять действие, останавливать его, прибегать к длинным описаниям обрядов, церемоний (в «Калевале» целые

главы посвящены свадьбе). Думается, что и фигура повествователя подсказана гомеровскими поэмами.

Лённрот был скромным человеком и ученым. Полностью его книга называлась так: «Калевала, или Древние карельские песни о былых временах финского народа». А ниже не было даже имени «составителя». По праву же народного поэта, автора нового текста, имя Лённрота должно стоять над заглавием книги.

Василий Вашенцев

НАДЕЖДА

Скучают недописанные строки
И темы незаконченные ждут...
А заново намеченные сроки
Навстречу мне стремительно бегут!

Скользят, как уплывающие тени,
Тускнеют, словно запыленный луч.
И хочется, чтоб ветер вдохновений
Примчался и развеял сумрак туч.

И вольный свет волной золотогривой
Нахлынул бы и душу озарил,
И звонкий стих легко и торопливо
Заветною строкой заговорил!

Тамара Юфа

КРАСКИ «КАЛЕВАЛЫ»

Беседу вел А. Кузнецов

Как всякое высокохудожественное творение «Калевала» вызвала к жизни параллельные интерпретации в драматическом искусстве, музыке, живописи, скульптуре и, разумеется, в книжной графике. Художники иллюстрируют это замечательное произведение с таким мастерством и с такой любовью, что каждое новое его издание превращается в праздник для читателя. Многократно издавалась «Калевала» с иллюстрациями лауреата Государственной премии Карельской АССР Тамары Григорьевны Юфы. Именно этой художницей оформлено большинство изданий, выходивших на русском и финском языках за последние годы в петрозаводском издательстве «Карелия».

Но Тамара Григорьевна относится к тем художникам, интерес которых к карело-финскому эпосу не ограничивается рамками книжной графики. Художник-станковист, она на свои полотна переносит фольклорные образы, решая самостоятельные художественные задачи. (Отметим попутно, что работы Тамары Юфы на темы «Калевалы» украшают картинные галереи Петрозаводска и других городов страны.) Художник-декоратор, она оформляет спектакли по мотивам эпоса, пользующиеся у зрителей неизменным успехом. «Калевала» прочно вошла в художественный мир Тамары Юфы, имевшей, разумеется, предшественников — замечательных мастеров, внесших большой вклад в советское искусство книжной графики. Поэтому первый вопрос в этой беседе задается о тех, кто создал традицию изобразительной «Калевалы».

— Тамара Григорьевна, карело-финский эпос иллюстрировали превосходные мастера — О. Бородкин, М. Мечев, А. Порет, Г. Стронк, В. Курдов, Н. Кочергин и другие художники. Каждый из них по-своему создавал «Калевалу». Чем объяснить, что столь разные художники испытывали интерес к этому произведению?

— Вернее было бы сказать: «Калевала» сама создавала

К 150-ЛЕТИЮ ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ «КАЛЕВАЛЫ»

Образы эпоса в творчестве советских художников

Вяйнямёйнен делает лодку. Худ. Г. Стронк

Иллюстрации Г. Стронка к «Калевале». Вяйнямёйнен играет на кантеле.

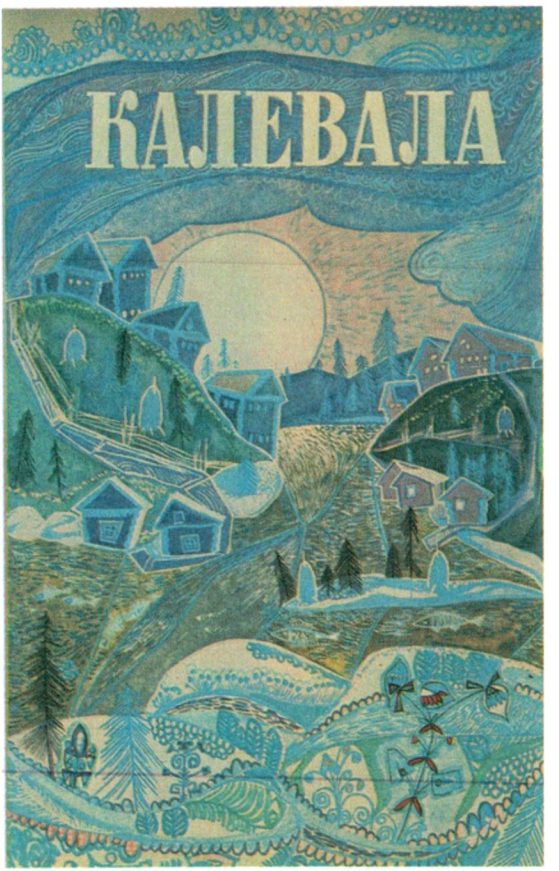
Лоухи

Куллервойнен. Худ. О. Бородкин

Лямминкяйнен с матерью. Худ. В. Таубер

Месть. Худ. Н. Брюханов

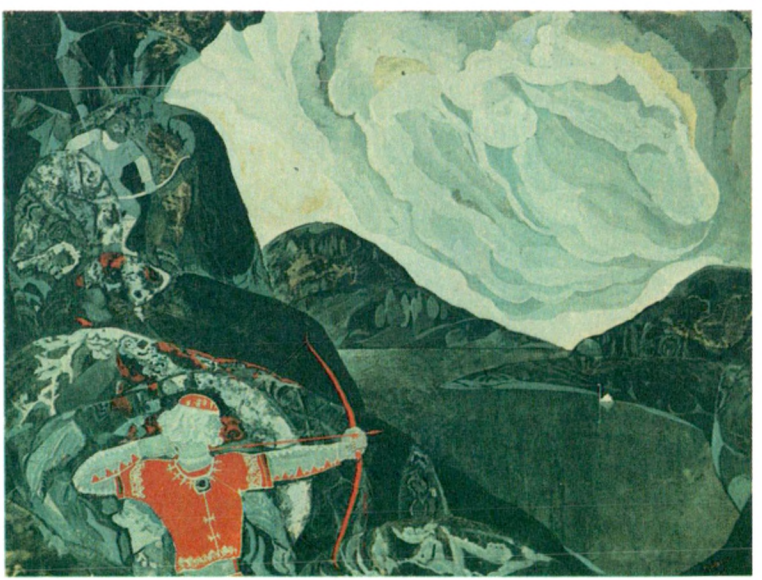
К БЕСЕДЕ «КРАСКИ „КАЛЕВАЛЫ“»
(Иллюстрации Тамары Юфы)



Суперобложка «Калевалы». Петрозаводск, 1970

Иллюстрации к изданию «Калевала. Избранные руны». Петрозаводск, 1967

Айно и дева озера. 1974



За лебедем смерти. 1975

Кантелист. 1978

Невеста. 1983

Обложка и иллюстрации к «Сказкам» С. Топелиуса. Петрозаводск, 1980

Обложка и иллюстрации к «Снежной королеве» Г. Х. Андерсена. Петрозаводск, 1980

Иллюстрации к сказкам В. Жуковского. Петрозаводск, 1983

Портрет. Ранняя живописная работа В. Маяковского. 1911

В. Маяковский. Ковчег. Эскиз декорации второго действия «Мистерии-буфф». 1919

В. Маяковский. Семь пар нечистых. Эскизы костюмов к «Мистерии-буфф». 1919

Реклама Госиздата, выполненная В. Маяковским и А. Левиным. 1924

Т. Г. Юфа

художников, создавала и создает. Благодаря ей каждый из них открывал весьма важные вещи в собственном искусстве. Любят «Калевалу», думаю, оттого, что она современна прежде всего и удивительно музыкальна. Это — кладезь, из которого черпать можно без конца. Даже если подходить к «Калевале» строго научно, обнаруживаешь столько подробностей реальной народной жизни, сколько не всегда встретишь и в этнографических трудах. «Калевала» — энциклопедия жизни финнов и карелов, книга, в которой можно найти все: и мифологию, и обычаи, и сведения о природе края, и школу разных ремесел... И еще замечу: «Калевалу» не иллюстрировали великие художники. Случись это, возникли бы эталоны, с которыми было бы трудно соперничать. Процесс в искусстве хорошо известный. После того, как сказки Пушкина оформил Билибин, а лермонтовского «Демона» — Врубель, художникам, мне кажется, стало труднее работать над этими произведениями. По крайней мере, достичь их волшебного уровня очень трудно.

— А, скажем, такой блестящий финский художник, как Аксели Галлен-Каллела, своими иллюстрациями к «Калевале» мог оказать «гипнотическое» воздействие на других художников?

— Галлен-Каллела, известен у нас давно, это, безусловно, крупный живописец и график, но заметьте, что каждый из художников, которых вы назвали, шел своим путем и каждый создал удачные иллюстрации. Никакого влияния Галлен-Каллелы не чувствуется. Это мастер большой, но мне, например, не все у него нравится. Сильное впечатление производит карти-

на: мать Лемминкяйнена у тела убитого сына — и некоторые другие, но есть у него работы менее выразительные.

— Можно ли назвать художника, который ближе других передал дух «Калевалы»? Когда смотришь, например, работы Георгия Адамовича Стронка, изображающие Вяйнямёйнена, ощущаешь эпическую силу их...

— Каждый талантливый художник может приблизиться к духу первоисточника, потому что у каждого свое видение. От «Калевалы» может быть столько же впечатлений, сколько есть читателей, ведь мы имеем дело с бессмертным творением... Чем привлекателен Вяйнямёйнен художника Стронка? Тем же, чем он привлекателен в эпосе,— мудростью и прочими добродетелями. Его Вяйнямёйнен — само достоинство. Обратите внимание, что он не воин, он кантелист, музыкант и певец, к тому же хороший мастеровой. Помните, как он строит лодку? С каким вдохновением это описано... А как мастерит кантеле? Об этом рассказывается так замечательно подробно: корпус делает из рыбьих костей, струны сучит из волос красавицы и так далее...

— Кто же из иллюстраторов «Калевалы» нравится вам больше всего?

— Я уже сказала: у каждого одаренного художника — свое видение, поэтому мне нравятся работы многих мастеров. В первую очередь — Г. Стронка. Интересны иллюстрации О. Бородкина, первого карельского художника, обратившегося к эпосу. Особенно выразительными представляются иллюстрации к «Калевале» П. Филонова и его учеников, прежде всего — М. Цыбасова, А. Порет. Люблю работы М. Мечева и ленинградца В. Курдова, интереснейшего художника и человека, с которым имела радость познакомиться... И все же случись так, что мне предложили бы надолго уединиться и предложили на выбор несколько книг, я бы взяла «Калевалу» с иллюстрациями... Филонова и Курдова. Филонова люблю за то, что он создает в своих работах огромное напряжение, в них — музыкальный ритм, близкий ритму «Калевалы». Филонов его хорошо передал, создав вместе с тем современное прочтение эпоса. Курдов работает по-другому, он идет от карельской природы и быта, его «Калевала» — народная, окрашенная юмором,— одновременно и сказочная, и реальная.

— А когда вы сами впервые начали рисовать на темы «Калевалы»?

— Еще студенткой я прочитала эти дивные руны и буквально заболела ими. Они меня заворожили, мне все в них нравилось, и я стала из «Калевалы» рисовать самое близкое. Поставила перед собой большую задачу — написать к каждой руне, а их в «Калевале» пятьдесят, по две-три работы большого формата.

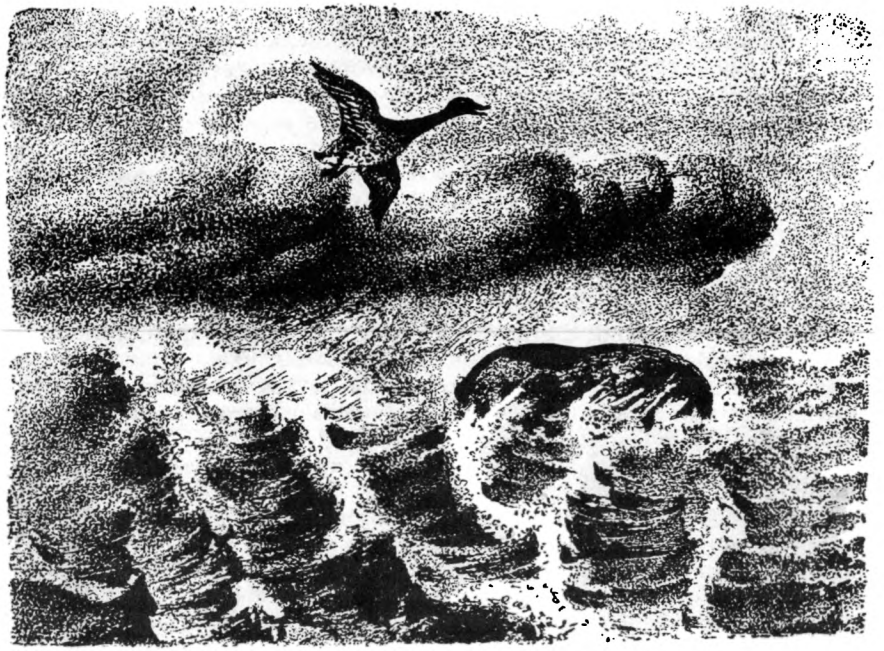


Иллюстрация В. Курдова к руне «Сотворение мира»

Грандиозный замысел, в конце концов, исполнен был в весьма скромных масштабах, был закончен лишь триптих «Рунопевцы».

— *Тогда вас увлекли события, происходящие в эпосе?*

— Увлекли образы, напевность, красота языка. Поразили меня не столько события, хотя в «Калевале» они иногда фантастичны до невероятности. Меня и сейчас сюжет не в такой степени волнует, как ритм и музыкальность стиха, которые и дают стимул для начала работы.

— *Как отнеслись к вашим первым работам художники-коллеги?*

— Одним из первых, кто увидел мои работы, был старейший карельский художник, ныне покойный, Суло Юнтунен. Он внимательно посмотрел их и неожиданно сказал: «Вам надо делать „Калевалу“». Я перепугалась: как подступиться к такому материалу! Потом мои работы по мотивам эпоса увидел М. Мечев. Он благосклонно отнесся к ним, сказал, что понимает «Калевалу» по-своему, но и моя интерпретация эпоса ему нравится. Его

поддержка имела для меня большое значение... Но особо я хотела бы отметить человека, который в моей судьбе сыграл большую роль,— моего художественного редактора в издательстве «Карелия» Римму Серафимовну Киселеву. Рождение моих книг — во многом заслуга ее, человека тонкого вкуса и большого профессионального опыта. Советы ее ценны, она хорошо чувствует индивидуальность художника и потому никогда не навязывает художественных идей, которые ему чужды.

— *Расскажите, пожалуйста, о вашей первой книге.*

— В самом начале 60-х годов я показала Римме Серафимовне рисунки, сделанные по мотивам финских мелодий, которые я услышала по радио. Рисунки ей понравились, и она предложила мне оформить сказки финского писателя Пентти Лахти, попросив сохранить в иллюстрациях манеру «музыкальных» картинок. За неделю сделала книгу, хотя с обложкой мучилась месяца два. В 1961 году книга вышла... Она получила диплом I степени на конкурсе «25 лучших книг года».

Была огромная радость: первая книга и отмечена столь высоко!

В 1967 году вышла моя первая «Калевала», это было сувенирное издание, сделала я ее очень быстро, за десять дней. В основу книги легли композиции моих станковых листов по мотивам эпоса.

— *Судя по вашим иллюстрациям, интерес к женским образам эпоса у вас преобладает. Чем это объяснить?*

— Этот интерес преобладал довольно долго, сейчас я обращаюсь ко многим образам, и женским и мужским... В первых мне всегда хотелось передать удивительную северную красоту карельских и финских девушек, поэтому я так часто рисовала Айно. Воссоздать этих девушек в традиционной одежде, такими, какими они описаны в «Калевале», это просто мечта!.. Лемминкяйнен, Куллерво, Вяйнямёйнен меня тоже интересуют. Последний, наверное, труднее всего для изображения, потому что он мудр и одновременно прост. Другие герои психологически гораздо сложнее, поэтому у художника больше простора для изображения их внутреннего мира. Вяйнямёйнена показать труднее, как все простое в искусстве, ведь можно легко впасть в схематизм. Вяйнямёйнена мне хочется все-таки видеть менее патриархальным, более героическим, а потому более молодым, чем у других художников.

— *Ваши работы на темы «Калевалы» полны внутреннего драматизма. Ритм эпоса, вами воссозданного, я чувствую, сугубо современен. Могли бы вы сами объяснить — в чем секрет этой созвучности нашему времени?*

— Мы говорили с вами о героях эпоса как реальных

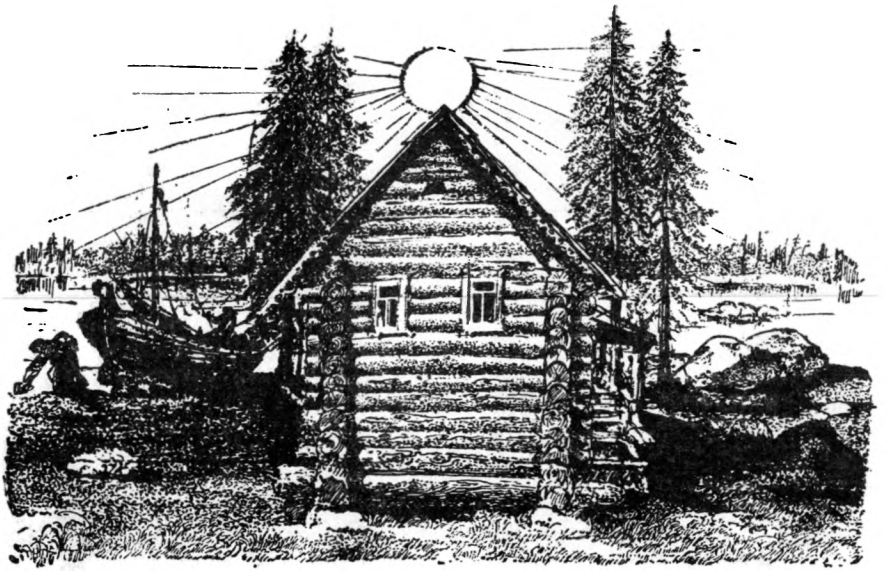


Иллюстрация В. Курдова к руне «Рассказ старой нищенки о доме мужа»

участниках событий, но есть еще образы обобщенные, ключевые для художника,— красота и зло, их взаимная борьба. Когда я рисую, мне в процессе работы бывает трудно предугадать результат. Побеждает красота, но победа эта нелегкая, это «трагическое» торжество, как часто бывает в жизни.

Замечаю — в последнее время все чаще рисую Похъёлу — суровый мир, не знающий солнца, которое похитила свирепая Лоухи. Это — мир, порождающий зло, беспокойный, суровый, связанный с природой Севера. Однажды, путешествуя с друзьями по Карелии, мы заблудились, и неожиданно я увидела совершенно новый для меня пейзаж, изменившийся на глазах, невероятно притягательный, но и тревожный одновременно. С той поры я стала иначе видеть и природу, и саму «Калевалу», которую конечно же нельзя изображать чисто этнографически, прямолинейно-описательно, а только драматически, потому что речь в ней идет о человеческих трагедиях, больше того — о подлинной «вселенской драме»... Удивительные метаморфозы происходят в процессе творчества. Могу начать рисовать Айно, и не заметить, как постепенно она превращается в Лоухи. Я ведь

М. Цыбасов. Иллюстрации к «Калевале»

не делаю эскизов, картина как бы сама живет под кистью, все время изменяясь.

— Над какими темами «Калевалы» вы собираетесь еще работать?

— Задумала два картона: первый — «Калевала», второй — «Похъёла». «Калевала» — свет, радость с оттенком грусти, «Похъёла» — мрак, зло... Наверное, буду рисовать Лемминкяйнена и Куллерво. Обязательно будут девы леса, девы озера, сцены заклинаний, Лоухи, борьба за Сампо...

— Мне не приходилось видеть мельницу Сампо, вами изображенную. Как бы вы нарисовали ее, этот символ благоденствия и счастья народа?

— Я бы прежде всего нарисовала очень светлый пейзаж: цветы на лугу, птиц на деревьях, рыб в озерах, хоровод девушек и парней... А в центре картины — мужчину, женщину и ребенка. Чувствую, что иначе поэтически не смогу изобразить Сампо. В моей работе над «Калевалой» главное — передать состояние, то самое состояние, какое переживают герои эпоса. Передать внутреннее состояние героя, настроение целой сцены — вот к чему я стремлюсь. Конечно, сам эпос подсказывает это, потому что в нем многое построено как раз на передаче состояния, настроения. Возьмите, к примеру, сцену свадьбы Ильмаринена. Она ключевая в сюжете, но, знакомясь с ней, вы забываете о ее воздействии на последующие события и ее связь с предыдущими. Вы захвачены грандиозной картиной свадьбы, красочной, подробно описанной. Все переживания героев, их состояние имеют здесь не меньшее значение для содержания эпоса, чем непосредственно сам сюжет. Мельница Сампо — это тоже состояние, состояние человеческого счастья.

— А как бы вы изобразили Лоухи?

— В «Калевале» она превращается в орла, для того чтобы нагнать корабль Вяйнямёйнена. Я же не стала бы изображать ее орлом, я бы нарисовала человека с орлиным лицом, вместо крыльев — развевающиеся одежды. Сама Лоухи никакое не чудовище, просто главное в ней — злость; вспыхнувшая ненависть — состояние, в котором она находится, и художник должен его передать.

— Я заметил, что художники, иллюстрируя «Калевалу», не касаются темы любви...

— А в «Калевале» она почти отсутствует, по крайней мере, не выявлена так, как в восточных поэмах. Это — суровый эпос, он дает много пищи для размышлений о современности. В «Калевале» есть и осуждение войны. Обязательно разработаю тему войны в связи с эпизодом, когда Ёукохайнен хочет убить Вяйнямёйнена, а мать мешает ему. Кстати, Галлен-Каллела

неплохо изобразил эту сцену. «Калевала», как видите, для меня, кроме всего прочего,— способ выражения тех чувств, которые волнуют меня в современной жизни. В этом эпосе, например, часто повторяется мотив ожидания. Герой ждет, что с ним что-то должно случиться, или сам долго готовится совершить какое-то действие, оставляя нас в состоянии ожидания. Затянувшееся ожидание входит и в мою жизнь. В сцене с черным лебедем я хотела передать это состояние. В картоне «Невеста» — то же самое. Невеста Ильмаринена — состояние уходящей юности, ожидание новой жизни.

— Проезжая по Карелии, любуясь ее пейзажами, я невольно вспоминал ваши работы и ваше отношение к природе этого края, которая так близка вам...

— Природа играет огромную роль в «Калевале», значит и в иллюстрациях она крайне важна, без нее просто не обойтись.

— А народные мотивы в одежде, предметах быта — откуда вы их заимствуете?

— Из «Калевалы». Я уже сказала, что это настоящая энциклопедия народной жизни. Моя настольная «Калевала» — издание 1956 года с иллюстрациями Мечева, художника, который прекрасно знает этнографический материал. В начале моего знакомства с эпосом иллюстрации Мюда Мариевича мне очень помогли. Это было первое знакомство с карело-финским костюмом. Естественно, я все интерпретировала по-своему... Народное творчество традиционно, но оно многообразно и в каждом случае неповторимо. Это именно *творчество*. Не найти у народа и двух одинаковых прялок, каждый мастер вносит в них свое. Да и прялки одного умельца всегда разные. Я думаю, что фольклор прежде всего дает мотив. Я очень люблю народное прикладное искусство, но, однако, делаю все по-своему. Делаю, я бы сказала, всякий раз «по поводу», не хочу оказаться в плену фольклорного буквализма. Студентки-текстильщицы как-то меня спрашивали: «Вы — знаток Севера, расскажите, откуда вы берете орнамент, узор?» — Я им отвечала: «У меня все придумано». В любой орнамент обязательно вношу свое.

Кстати, я считаю себя книжным художником, книжным по природе своей. Литературный текст — всегда импульс для моего творчества.

— Вы назвали себя книжным художником. Когда вы осознали это свое качество?

— Наверное, в детстве. Будучи маленькой девочкой я любила рисовать то, что увидела в книге. Когда начала учиться, была убеждена, что стану баталистом, так нравились описания военных сцен в книгах. Но потом привязалась к фольклору, к сказкам, к тем жанрам, где присутствует поэтическое, романти-

ческое, фантастическое. Может быть, это связано с тем, что в детстве мне мало читали сказок, и вот компенсирую неутоленную жажду.

— *А какие сказки вам нравятся больше всего?*

— Очень люблю обработанные и литературные волшебные сказки всех народов. Избегаю сатирических или бытовых. Опять скажу: для меня главное — поэтический язык сказки со всеми его признаками, таинственностью, иносказанием... Язык сказки, ее музыкальность и связь с прошлым — вот что меня увлекает. Работая над книгой, я перемещаюсь в вымышленный мир и чувствую себя там, как дома.

— *А еще чем вы руководствуетесь, иллюстрируя сказки?*

— Желанием доставить детям радость! Они так хорошо чувствуют красоту во всех ее проявлениях.

— *Расскажите, пожалуйста, как вы работаете над иллюстрациями к сказкам?*

— Меня и моих подруг еще в детстве огорчало, когда мы видели сказочных принцев и принцесс приземленными. Образы моих героев часто идут от костюма. А костюм ведь тоже — грань моего творчества. Наряд в сказке — дело первостепенное. Наряд, как и убранство покоев, должен соответствовать исторической правде, поэтому книгу, над которой я начинаю работать, я изучаю как документальное произведение. Вхожу в эпоху, изучаю изобразительные источники, книги того времени. Когда я рисовала, например, гномов в «Белоснежке», то старалась изобразить их в духе средневековья, глазами современницы Парацельса, ученого, якобы доказавшего их существование.

— *Тамара Григорьевна, расскажите, как создавалась вами книга стихотворных сказок Жуковского, изданная в 1984 году?*

— Я была горда, что юбилейное издание, приуроченное к 200-летию со дня рождения Жуковского, издательство «Карелия» поручило оформить мне. Работала над ней, как всегда быстро, работала легко, с радостью. А принцип был все тот же — близость к эпохе, которую воссоздавал автор. Цветовая гамма иллюстраций построена на сочетании белого листа с черным и красным цветом рисунка.

— *Вы говорили, что вас прежде всего вдохновляет поэтическое начало в книге. Какие книги наших современников привлекали вас как иллюстратора?*

— Мне нравятся книги Юрия Куранова, две из них вышли с моими рисунками. Иллюстрировала «Лесную сказку», пьесу Василия Белова, писателя, очень хорошо знающего Север, а потому близкого мне. Журнальный вариант романа «Привычное дело», впервые печатавшегося в «Севере», предложили иллюстрировать мне. Это была трудная работа, но, в конце концов, автор

Т. Юфа. В Похъёле

обрадовал меня тем, что рисунок «Сон Ивана Африканыча» понравился ему. Оформила я и спектакль по пьесе Белова в Ленинградском театре имени Пушкина «Над светлой водой».

— *Работа в театре далеко не похожа на книжную графику, но какие-то соприкосновения могут быть?.. Расскажите, пожалуйста, о некоторых своих театральных работах.*

— Декорационное искусство и живопись или графика, конечно, пересекаются у одного и того же художника. Зрители, знакомые с моим творчеством по книгам и станковым листам, безошибочно узнают меня и в моих театральных работах. В Петрозаводске меня довольно часто приглашают оформлять спектакли в Государственном финском драматическом театре. Последние постановки, в которых я принимала участие,— «Гедда Габлер» Ибсена, «Кантелетар» и «Стрела девы Похъёлы». Последняя — по мотивам «Калевалы», а «Кантелетар» — очень близка ей по духу. Оформляла детские спектакли, обязательно — сказки. В театре латышского города Лиепая я оформляла

постановки пьес Ю. О'Нила, Г. Гауптмана, А. Володина. Удачной считаю инсценировку произведения Бориса Васильева «А зори здесь тихие». Здесь я нашла образное решение. Нарисовала карельский пейзаж, а на его фоне шесть берез по числу героинь. Березы обугливались по мере того, как гибла каждая из девушек.

— *Расскажите о ваших любимых художниках.*

— Это очень большая тема. Скажу только, что я очень люблю японских художников, так же как поэзию, сказки, литературу этого народа. Карельский пейзаж, нежный, изысканный, порой напоминает мне японский... Как, оказывается, бывает много сходного у народов, разделенных тысячами километров! Я недавно, например, узнала, что в Японии строились храмы без гвоздей, как и в Кижах. Один популярный японский певец, увидев на фотографиях пейзаж Карелии, был так поражен ее красотой, нашел столько общего в природе своей страны и Карелии, что написал «Песню о голубой стране» — о Карелии, ставшую одной из популярных песен в Японии... Стоит только начать искать связи — их откроется больше, чем предполагаем.

— *Что дает вам, художнику, плодотворные импульсы для работы?*

— Дает все, что таит в себе красоту и поэзию: хорошая книга, музыка Моцарта, Вивальди или Сибелиуса, деревянные, похожие на елочки, храмы, старые избы, цветок иван-чая, галка, сидящая на балконе,— все это соучастники творчества, то, что вызывает изумление перед немеркнущими красками жизни.

Петрозаводск

П. Мутанен

НАРОДНАЯ КНИГА ЛАРИН ПАРАСКЕ

Гордость Финского литературного общества в Хельсинки (основано оно в 1831 году) — «Древние песни финского народа» — издание, включающее в себя 33 солидных крупноформатных тома. В этой своеобразной библиотеке собрано свыше 85 тысяч произведений, многие мотивы и сюжеты которых претворены в «Калевале». Это грандиозное собрание еще раз подтверждает, что творение Лённрота многими нитями связано с удивительно богатым миром поэзии карелов и финнов. «Древние песни...» выходили в течение 40 лет — с 1908-го по 1948 год. Составителями и комментаторами были выдающиеся филологи и фольклористы Финляндии В. Салминен, А. Ниеми, М. Хаавио, Ю. Тойвонен и М. Рапола.

В 5-й том этого издания вошли песни сказительницы Ларин Параске. Только от нее одной записан огромный том! Явление, признаемся, исключительное.

Кто же такая Ларин Параске?

Более 150-ти лет назад, 27 декабря 1833 года (по другим данным — 1834-го), в деревушке Мишкула Санкт-Петербургской губернии, в семье крепостного крестьянина-ижорца Никиты Игнатьева родилась девочка, которую нарекли Парасковьей. Ее отец был известным в округе кузнецом. Кузнечное дело он освоил подростком в Петербурге, куда учиться его отправил хозяин-помещик И. Кузов.

Когда девочке исполнилось 14 лет, умерла мать, через несколько лет умер и отец. Парасковье рано пришлось выполнять работу взрослых: была и нянькой, и прислугой, и пастушкой. Деревня Мишкула была расположена недалеко от Финляндии, где не знали крепостного права, и потому русские девушки мечтали найти себе жениха именно там. В 1853 году и 20-летняя Парасковья вышла замуж за 40-летнего Гаврилу Степанова из финской деревни Васкелово. По финскому обычаю каждый дом имел свое имя. Дом Гаврилы Степанова назывался домом

Ларина, и молодая хозяйка стала именоваться Парасковьей дома Лариных или по-фински — Ларин Параске. С этим именем она и осталась в истории литературы.

На новом месте жизнь Ларин Параске оставалась тяжелой. Муж оказался человеком болезненным. От работы и от хозяйских дел он отстранился, как только женился на Ларин Параске. Более 30 лет она ходила за беспомощным супругом.

Земельный участок Лариных был невелик, своего хлеба не хватало, поэтому приходилось прибегать к побочным заработкам. Ларин Параске даже бурлачила на местных реках, брала на воспитание приютских детей из Петербурга. Жила так скудно, что за детьми в Петербург ходила пешком, выпрашивая по пути подаяние. В сущности, она совершила подвиг доброты: вырастила пятьдесят приютских детей. Были у нее и свои дети, девятеро. Но только трое выжили, остальные умерли в раннем детстве.

Невероятно тяжелой была жизнь Ларин Параске, но дух ее был так стоек, что она всегда оставалась жизнерадостной женщиной. Помогла сохранить оптимизм творческая натура этой простой женщины.

Почти всю жизнь Ларин Параске оставалась неграмотной — читать научилась незадолго до смерти, а писать так и не обучилась. В детстве у нее проявилась способность к пению. Пела родные деревенские песни, состязалась в этом искусстве с другими пастухами. Без нее не обходились ни свадьбы, ни проводы парней в рекруты, ни похороны. Репертуар был в основном традиционным: переходящие из поколения в поколение песни и плачи, в том числе ее собственные, которые постепенно вытеснили чужие сочинения.

Ларин Параске «нашел» Адольф Неовиус (1858—1913) — известный финский историограф и фольклорист, в 1885—1889 годах бывший пастором в приходе Саккола. Летом 1887 года он случайно встретил Ларин Параске и записал от нее несколько десятков песен. Совместная работа Неовиуса и Ларин Параске продолжалась и после того, как он переехал в город Порво, куда пригласил сказительницу. От Ларин Параске записано несколько сот лирических, свадебных, эпических и многих других песен. Всего 32 676 стихов. Это очень много. Для сравнения скажем, что в Лёнротовой «Калевале» содержится их 22 795. Кроме того, от нее записано более трех тысяч пословиц, поговорок и загадок, 25 причитаний и т. д. Она обладала исключительной памятью, поэтому ее и прозвали «Маленький архив народной поэзии».

Как видим, Ларин Параске была универсальным творцом, ей оказались доступны многие жанры устного народного творчества — от эпической поэзии до пословиц и поговорок. Она пела

по-своему о том, о чем пели многие певцы «Калевалы» — о рабе-мстителе Куллерво, о батраке из Виро, о драконе и деве, о кантеле... — тех событиях, о которых повествует и «Калевала». Даже о происхождении мира у нее есть удивительные строки:

Ласточка, дневная птица,
мышь летучая, касатка,
ищет место для ночевки,
ищет ветку — отдохнуть бы,
гнездышко — снести яичко.
Не нашла она местечка,
гнездышка — снести яичко.
Вот яичко золотое
в медное гнездо снесла
на военном корабле.
Юмала* затеял бурю,
сильный ветер, подоливень,
повалил гнездо на волны,
покатились яйца в море.
Раздобыл кусок железа,
щепку малую рябины.
Кузнецу отнес все это,
сделать грабли попросил,
к ним рябиновые гвозди,
зубья медные к колодке.
Море стал грести граблями,
травы все загреб морские,
половину он желтка
высоко забросил в небо,
половину же белка
тоже в небеса забросил,
чтобы там луной сверкало...

(Перевод Олега Мишина)

Многие песни Ларин Параске отражают социальные темы — направлены против помещиков и царских чиновников, обличают богатых. И все же лирические песни составляют основу творчества Ларин Параске. В них наиболее развернулся талант сказительницы. Это — песни о радостях или печалях влюбленных, о невесте, потерявшей жениха на войне, о матерях, о героях.

Пребывание Ларин Параске в Порво, ее приезд в Хельсинки стали событиями в культурной жизни тогдашней Финляндии. Она привлекла всеобщее внимание. Художники А. Эдельфельт и Э. Ярнефельт создали широко известные портреты Ларин Параске. Композитор Я. Сибелиус после знакомства с искусством сказительницы написал симфоническую поэму «Куллерво». Ларин Параске выступала и в Финском литературном обществе. О ней писали газеты и журналы.

Уже тогда книгоиздатели решили издать песни Ларин

* Юмала — бог *(финск.)*.

Ларин Параске. Худ. А. Эдельфельт. 1893

Параске в массовой серии, состоящей из 15-ти небольших книг. В мае 1893 года вышла первая. Ларин Параске увидела свои песни напечатанными, хотя прочитать их ей удалось с трудом.

Но первая книга оказалась и последней. Издание песен Ларин Параске прекратилось из-за финансовых затруднений. Записи Адольфа Неовиуса перешли в архив Финского литературного общества.

Несколько лет прожила Ларин Параске вдали от родного дома. Тоска по нему погнала ее обратно, в Васкелово, где ждала ее только нужда. В 1899 году ее полуразвалившийся дом и земельный участок были проданы за неуплату налогов, Ларин Параске была вынуждена поселиться у соседей в бане.

Получив признание в культурных центрах, Ларин Параске после возвращения в родные места постепенно была забыта. Последние годы ее жизни прошли в полной нищете рядом с дочерью Надеждой.

Умерла Ларин Параске 3 января 1904 года. Ее похоронили в

местечке Палкеала (нынешнее Замостье Приозерского района Ленинградской области).

Настоящее признание пришло к сказительнице только после смерти. Финский ученый Вяйнё Салминен извлек из архива записи Адольфа Неовиуса и в 1931 году издал полностью все записанное творчество Ларин Параске в уже названном многотомном собрании.

В 1937 году известный финский скульптор Алпо Сайло увековечил ее в бронзе. Эта скульптура стоит в Хельсинки, в скверике Дворца «Финляндия», где в 1975 году был подписан Заключительный акт совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. В 1979 году писательница Ану Кайпайнен написала биографический роман о Ларин Параске «Собрала бы я яркие песчинки»; название книги заимствовано из раннего создания сказительницы — из причитания над гробом матери. По книге Кайпайнен был снят телевизионный фильм, тепло встреченный финскими телезрителями.

Ларин Параске воспевала то, что воспевали многие певцы «Калевалы» до нее — красоту земли карелов и финнов. Но ее поэзия столь совершенна, так богата, что равной ей найти трудно даже среди известных рунопевцев.

Творчество Ларин Параске остается до сих пор почти неизвестным русскому читателю, поэтому некоторые образцы ее поэзии, столь близкой поэтической стихии «Калевалы», думается, привлекут внимание читателей «Альманаха библиофила». Стихи даются в переводе Олега Мишина.

Я КУПИЛА БОЧКУ ПИВА

Я купила бочку пива,
я купила бочку меда,
солнце я пошла искать,
стала солнце нагонять.

Вот реку я повстречала.
Переправиться нельзя,
птицам не перелететь,
змеям не переползти.
Капнула немного пива,
меду я чуть-чуть плеснула:
надвое река распалась.

Я купила бочку пива,
я купила бочку меда,
солнце я пошла искать,
стала солнце нагонять.
На пути колода встала,
перебраться невозможно,
птицам не перелететь,

змеям не переползти.
Капнула немного пива,
меду я чуть-чуть плеснула:
развалилась та колода.

Вот я гору повстречала,
перебраться невозможно,
птицам не перелететь,
змеям не переползти.
Капнула немного пива,
меду я чуть-чуть плеснула:
надвое гора распалась,
чтобы птицы пролетели,
чтобы змеи проползли,
перебрались через гору.

У ВОДЫ ДЕВИЦА ПЛАЧЕТ

У воды девица плачет,
на тропинке причитает,
жалуется у колодца.
Так спросила мать девицу:
«Ты пошто, родная, плачешь?
Иль свекровка обижает?»
«Не поэтому я плачу,
не поэтому рыдаю.
Для меня моя свекровка,
словно матушка родная».
У воды девица плачет,
на тропинке причитает,
жалуется у колодца.
Так спросил отец девицу,
так расспрашивать он начал:
«Почему, родная, плачешь,
младшая, о чем рыдаешь?
Или свекор обижает?»
«Не поэтому я плачу,
не поэтому рыдаю.
Для меня в дому мой свекор,
словно батюшка родимый».
У воды девица плачет,
на тропинке причитает.
Спрашивает брат сестрицу:
«Ты о чем, сестрица, плачешь?
Или деверь обижает?»
«Не поэтому я плачу,
не поэтому рыдаю.
Для меня в дому мой деверь,
словно братец мой родимый».
У воды девица плачет.
Так сестра ее спросила:
«Ты о чем, сестрица, плачешь?
Иль золовка обижает?»
«Не поэтому я плачу,
не поэтому рыдаю.

Для меня моя золовка,
как родимая сестрица.
Муж меня мой обижает.
Волчьи зубы у него,
у него медвежье сердце».

СВАТЫ ИЗ МОРЯ

Дева Саари, дочь из Турку,
Турку ладная невеста.
Дева, с бусами на шее,
на краю моста сидела,
то смеялась, то грустила,
то расчесывала пряди,
то завязывала обувь,
то подвязки поправляла,
суженого ожидала,
нареченного ждала.

Показался он из моря,
золотой, золотогубый,
вышел в шапке золотой,
в рукавицах золотых,
два кольца в его кармане.

Стал упрашивать девицу,
уговаривать невесту:
«За меня пойдешь ли замуж?
Сто коров ты будешь холить,
тысячу доить ты будешь
и привязывать десяток!»

Отвечала так девица:
«Что за это дашь в награду?»

Отвечал жених девице:
«Радость в первую неделю,
слезы горькие — навеки!»

Так девица отвечала:
«Мать того мне не желала,
чтобы в бане я спала
на соломенной подстилке,
на полове, на мякине».

Показался он из моря,
земляной, землеголовый,
вышел в шапке земляной,
два кольца в его кармане.

Стал упрашивать невесту,
стал упрашивать девицу:
«За меня пойдешь ли замуж,
чтоб одну доить корову?»

Отвечала так девица:
«Что за это дашь в награду?»

Отвечал жених невесте:
«Слезы в первую неделю,
радости потом навеки!»

«Мать мне этого желала,
чтобы в бане я спала,
на соломенной подстилке,
на полове, на мякине».

Я ПРОШЛА СОВСЕМ НЕМНОГО

Я прошла совсем немного,
прошагала я чуточек,
стадо в вереске нашла,
стадо в церковь обратила.
Пастухи попами стали,
дьяками — собаки стада.
Поднялась сама на церковь,
вижу горы, вижу топи,
море Ладогу я вижу,
вижу половину Похьи,
лодка там плывет по морю,
движется корабль военный,
строить начала катки,
пристань строить принялась:
«Новый челн, сюда плыви,
правь сюда, корабль военный,
на готовые катки,
на построенную пристань!»
Новый челн сюда приплыл,
тут пристал корабль военный,
на готовые катки,
на построенную пристань.

Говорит из лодки парень,
предлагает из челна:
«Ты сойди, девица, в лодку,
на корабль, что мной построен!»

Так ему в ответ сказала:
«Я ношу из камня кенги,
я ношу стальную обувь,
проломлю у лодки днище,
дно осиновой ладьи».

Так мне парень отвечает:
«Их немало, дней у лета,
их у осени в достатке,
чтобы дыры залатать,
чтобы наложить заплаты».

МУЖ НА РЫБНОЙ ЛОВЛЕ

Дорогого шлю за рыбой,
милого за окунями.
Дорогой пришел без рыбы,
суженый без окуней.
На плечо взяла я сети,
в лодке поплыла к мысочкам,
всюду рыбы наловила,
у мысков гольцов поймала.

Рыбу кинула в котел,
рыбы той сама поела,
старому отцу дала.
Кости я в кошель сложила,
корку хлеба в горсти сжала,
мужу отнесла поесть.
Суженый мой ест и хвалит:
«Хорошо поесть и это
неудачливому мужу,
невезучему мужчине».

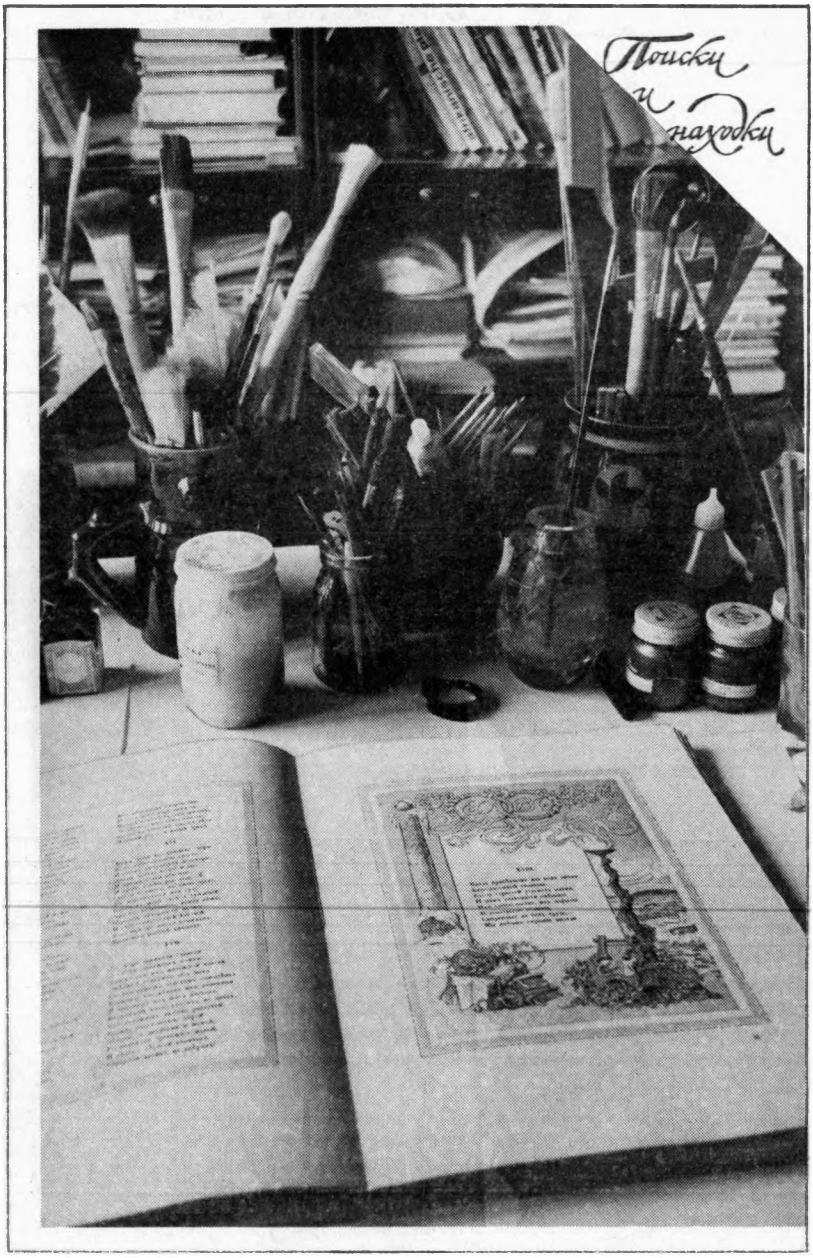
Для медвяной сладкой бани
наносила дров медовых,
нанесла воды медвяной
из медвяных родников,
наготовила медвяных
веников с берез медовых,
там попарилась досыта,
вдоволь полила водицы,
старого отца помыла.

Дымно баню натопила
очень едкими дровами,
едкий веничек связала
из ветвей из самых едких.
Суженого пригласила.

Посмотреть потом явилась,
что ж там делает мой милый:
он сидит, ботинки шьет.
«Для кого ж ты шьешь ботинки?»
«Ну, кому ж как не тебе,
не тебе, моей хорошей!»

МАТУШКА МОЯ КОГДА-ТО

Матушка моя когда-то
делала три дела сразу:
руки пряли или ткали,
ноги колыбель качали,
нежно песню пели губы.


Поиски
и
находки

Одно заметил я давно,
Что, как зазубрина на плуге,
На книге — каждое пятно —
Немой свидетель о заслуге.

Н. А. НЕКРАСОВ

А. Чистяков

«БИБЛИОТЕКА „ОГОНЬКА“»

Вписываю в каталожную карточку и ставлю на полку небольшого шкафа очередную букинистическую находку — миниатюрную книжку в белой мягкой обложке. Это — последнее прижизненное издание стихотворений Сергея Есенина, библиографическая редкость. Удовлетворенно констатирую: наконец, у меня *тысяча трехсотый* «огонечек»...

1300 выпусков литературного приложения к журналу «Огонек» — коллекция полная и, пожалуй, единственная в своем роде, если учесть, что именно столько книжек читатели получили всего за 17 лет, с 1925-го по 1942 год. В конце 1942 года издание приложений временно, до окончания Великой Отечественной войны, было приостановлено. Огоньковские книжки именно за этот семнадцатилетний период и заинтересовали меня как собирателя.

Чем же примечательны эти скромные с виду, но, на мой взгляд, весьма весомые по значению книжки? Прежде всего тем, что создатели приложения к самому массовому в стране журналу поставили перед собой благородную цель — приобщить самого широкого читателя к шедеврам мировой классики. Трудно назвать писателя, величайшие творения которого или же фрагменты из них не были бы представлены в «огонечках». Гомер и Эсхил, Вольтер и Гёте, Бальзак и Шекспир, Пушкин и Л. Толстой, Тургенев и Салтыков-Щедрин, Герцен и Некрасов, Маяковский и Симонов...

Причем представлены они иногда очень полно. Вот один из примеров. В 1937 году отмечалось столетие со дня гибели А. С. Пушкина. К этой дате в приложении к «Огоньку» вышли «Борис Годунов», «Повести Белкина», «Маленькие трагедии», «Пиковая дама», другие произведения великого поэта; было опубликовано несколько интересных литературоведческих работ: «Родственники Пушкина» В. Вересаева, «Ссылочный невольник» М. Марич, «Рассказ о Пушкине» В. Шкловского, «Карьера д'Антеса» Л. Гроссмана... Эта своеобразная «мини-пушкиниана» имела большой читательский успех.

Но вернемся к самым первым книжкам. Под № 1 в библиотеке вышло публицистическое произведение французского журналиста А. Лондра «Кайена» — обвинение бесчеловечной колониальной политики правителей Третьей республики. Читаешь этот проникнутый страстью и гневом очерк и невольно обращаешься к нашим дням, когда империалистические круги США и их союзников пытаются отстаивать неоколониалистские порядки в различных регионах мира... Напечатанные во втором выпуске записи прогрессивного немецкого писателя А. Рифлинга «Война будущего» имели острую антимилитаристскую направленность.

Удивительно разнообразны жанры огоньковской библиотеки: отрывки из романов, повести, рассказы, пьесы, стихи, мемуары, эпические произведения, сказки, песни, публицистика... Нередко читатель тех лет сталкивался с приятными неожиданностями: хорошо известный ему автор выступал в новом для себя жанре. Например, Анатолий Васильевич Луначарский наряду с такими работами, как «Спиноза», «Самгин», «А. Франс», неожиданно издал в библиотеке «Огонька» любопытные «Мысли о спорте» (1930, № 513). Талантливый соратник Маяковского Николай Асеев («Этот может, хватка у него моя»,— говорил о нем великий поэт), отложив на время стихи, создал увлекательную прозаическую повесть «Расстрелянная земля» (1926, № 87).

Публиковали в огоньковской серии свои рассказы Максим Горький и А. Серафимович; В. Маяковский напечатал «Облако в штанах», «Избранное из избранного», «Как делать стихи». Горячий отклик нашли у читателя произведения К. Федина, М. Пришвина, А. Новикова-Прибоя, И. Бабеля, В. Лидина и других ведущих литераторов. Были изданы популярные книги о Владимире Ильиче Ленине: «Рассказы рабочих о Ленине», «Ленин — студент», «Ленин в художественной литературе», «Ленин в поэзии народов Востока»... И вот снова В. Маяковский — на этот раз публикуется его поэма «Владимир Ильич Ленин».

Печатая произведения классиков, известных современных писателей, редакторы библиотеки охотно давали зеленый свет в большую литературу и молодым прозаикам, поэтам, драматургам, очеркистам. В библиотеке «Огонька», например, в 1936 году вышла одна из первых книжек Сергея Михалкова, включавшая «Дядю Степу» и другие полюбившиеся детворе стихи.

В 20—30-е годы «страна-подросток» превратилась в гигантскую стройку. Коммунистическая партия призвала писателей активно участвовать в созидательном труде советского народа. И не случайно в этот период самыми боевыми жанрами нашей литературы становятся очерк, репортаж — непосредственными участниками героических свершений на Магнитке и Турксибе, на Днепрогэсе и на строительстве первых тракторных заводов

Выпуск «Библиотеки „Огонька“», оформленный В. А. Фаворским

СЛОВО
О ПОЛКУ ИГОРЕВЕ

БИБЛИОТЕКА „ОГОНЕК“
№ 41 — 42 (1100 — 1101)
ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВКП(б)
„ПРАВДА“
МОСКВА — 1938

стали наши литераторы. Пример оперативности и широты охвата событий показывал энергичный редактор «Огонька» и его приложений Михаил Кольцов.

Талантливые журналисты и литераторы (а их-то Кольцов умел находить!) отправляются на важнейшие стройки: Б. Галин едет на Урал, где создаются первые мощные турбины для гидроэлектростанций. Возводится крупная Балахнинская бумажная фабрика — и на ударную стройку получает командировку бригада писателей (пять человек). И вот уже печатаются живо написанные книжки с отчетами об этих поездках — «Балахна», «Турбина № 108»... Популярностью у читателей пользовались репортажи Мариэтты Шагинян «Три станка», «Нагорный Карабах»...

Злободневность, глубина проникновения в жизнь, общедоступность — отличительные особенности большинства «огоньков». Они выходили часто — один, а нередко и два раза в неделю. Непритязательные с виду, скромно оформленные, они несли большой идейно-художественный заряд, выполняли серьезные общественно-политические и социальные задачи. Кстати, авторами их были не только профессиональные литераторы и журналисты, но и ученые, крупные специалисты в области промышленно-

сти и сельского хозяйства, деятели культуры, ветераны революционного движения и гражданской войны.

...Успешно завершился беспримерный перелет В. Чкалова, Г. Байдукова и А. Белякова по маршруту Москва — Дальний Восток — Москва, и сами герои этого уникального беспосадочного перелета написали и издали приложением к «Огоньку» интересную книжку «Наш полет на АНТ-25» (1936, № 974). Помню, как трудно было найти ее в газетных киосках уже на следующий день после выхода.

В середине 20-х годов развивается массовое рабселькоровское движение. Мимо этого важного явления не могла, конечно, пройти редколлегия «Огонька». И вот уже отдельным изданием выходит обстоятельный очерк «Рабкоры и селькоры» с фрагментом из резолюции XIII съезда РКП(б), призывающий оказывать всестороннее содействие рабочим и сельским корреспондентам. Позже, развивая тему, публикуется интересная книжка «По следам селькора» (1929, № 249).

Прославляя героев труда первых пятилеток, авторы рассказов, очерков, репортажей в то же время остро критиковали пережитки прошлого, выступали против бюрократизма и мещанства. Кому как не сатирикам в первую очередь пришлось взяться за это нелегкое дело? В издательстве «Земля и фабрика», в приложениях к журналам «Бегемот», «Лапоть», а затем и к «Крокодилу» в двадцатые годы выходили специальные библиотечки сатиры и юмора, издавалась даже сатирическая газета «Пушка». Не остался в стороне и «Огонек». Для его приложения писали А. Бухов, В. Ардов, Г. Рыклин и многие другие представители «сатирического цеха». Здесь же заявил о себе будущий соавтор «Двенадцати стульев» и «Золотого теленка» Евгений Петров. А вышедшие в 1925—1926 годах сборники М. Зощенко «Тяжелые времена», «Обезьяний язык», «Избранные юмористические рассказы» сделали имя молодого сатирика известным всей стране.

Еще задолго до начала Великой Отечественной войны оборонная тема заняла свое достойное место в огоньковской библиотеке. Например, Степан Щипачев, тонкий лирик, выступил со стихами, предупреждающими о военной опасности. Один из своих сборников он так и назвал: «Война — войне» (1931, № 595). Откроем любую его страницу:

...Закончить пойдем
незаконченный бой мы,
чтоб ружья в музей
отдать навсегда...
Ложатся стихи,
как патроны в обоймы.
Кровинкой на шлеме моем
звезда.

Перед войной один за другим выходили в свет сборники рассказов И. Рахилло «Смелое сердце» — о военных летчиках, А. Новикова-Прибоя «Во имя Родины» — о защитниках морских рубежей, Г. Фиша «Первая винтовка», «Стихи о Красной Армии» — сборник произведений семнадцати лучших советских поэтов, «Песни о Красной Армии»...

В феврале 1941 года Александр Твардовский, участник военного конфликта с белофиннами, опубликовал в огоньковской книге «Фронтовые стихи» веселое стихотворение «Гармонь», сразу полюбившееся читателям. Как известно, это сравнительно небольшое произведение предварило работу поэта над «Василием Теркиным»...

С первых дней Великой Отечественной войны советские писатели участвовали в жестокой борьбе и приближении победы над фашистскими ордами. Одной из первых книг, изданных в ту пору, был гневный очерк А. Чаковского «Кого фашисты сжигают» (1941, № 40; сквозной порядок номеров не сохранялся) — о том, как в гитлеровской Германии пылали костры из книг Пушкина и Толстого, Шекспира и Диккенса, творений великих немецких писателей-гуманистов Гёте, Шиллера, Гейне... Книга Чаковского вышла большим по тем временам тиражом — 150 тысяч экземпляров, и весь тираж был отправлен на фронт. «Наглый фашистский сапог придавил все живое не только на земле, давшей некогда миру Генриха Гейне, но и на огромных пространствах Европы,— писал автор.— Многомиллионная армия свободного народа подняла свой карающий меч на насильников, и меч этот разит беспощадно. С этой армией — Гейне, Гёте, Шиллер, с этой армией — лучшие умы человечества, эта армия непобедима».

Мужеству и героизму советских людей в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками были посвящены последующие выпуски. Уже в июле сорок первого года фронтовики читали очерки о подвигах летчиков, танкистов, артиллеристов, пехотинцев. Одна из книжек так и называлась: «Герои Великой Отечественной войны» (1941, № 44). В ней, в частности, впервые после газетной публикации рассказывалось о подвиге капитана Н. Гастелло.

В те огненные годы каждую книжку, вышедшую приложением к «Огоньку», без преувеличения можно было уподобить снаряду, выпущенному по врагу. Одним из самых «дальнобойных», пожалуй, стал рассказ Михаила Шолохова «Наука ненависти» (1942, № 45). Каждому из нас, тогдашних ратников, пришлись по сердцу слова лейтенанта Герасимова, персонажа этой удивительной книжки: «И воевать научились по-настоящему, и ненавидеть, и любить. Казалось бы, любовь и ненависть никак

нельзя поставить рядом; знаете, как это говорится, „в одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань", а вот у нас они впряжены и здорово тянут!.. И если любовь к Родине хранится у нас в сердцах и будет храниться до тех пор, пока эти сердца бьются, то ненависть всегда мы носим на кончиках штыков!»

Коллекцию «огонечков» я начал собирать именно тогда, на фронте. Вместе с письмами-треугольниками нам доставляли их регулярно в окопы и землянки. Стопку огоньковских книжек я носил в вещевом мешке, в короткие часы досуга читал их солдатам. Имена авторов, названия их книг многое говорили солдатской душе. Константин Симонов опубликовал тогда пьесу «Русские люди», Леонид Соболев — рассказы, написанные по горячим следам событий о героях-фронтовиках; помню, зачитывались пьесой А. Корнейчука «Фронт» (прежде чем выйти в «Огоньке», она публиковалась на страницах «Правды»). Преданность Отчизне, ненависть к врагу вселяли очерки П. Павленко «Путь отваги», Е. Петрова «На войне» и «Москва за нами». Последний сборник автор уже не увидел — он погиб 2 июля 1942 года.

Бережно храню книги, имеющие необычную судьбу,— те, что побывали в партизанских отрядах. Вот как они мне достались. После войны я решил пополнить собрание «огонечков», дал объявление в газету. И вскоре пришла бандероль с Украины из шахтерского города Красногоровка. На мое объявление откликнулся преподаватель сельскохозяйственного техникума В. И. Москаленко, бывший партизан. Он прислал с дюжину различных изданий, вышедших еще до войны: произведения В. И. Ленина, В. Маяковского, М. Горького, повести и рассказы о гражданской войне... И, к радости моей, в бандероли было несколько «огонечков». Ко многим из них пристала земля: перед тем как уйти в партизанский отряд, пятнадцатилетний Володя Москаленко прятал книги на огороде, по ночам извлекал их из тайника, читал друзьям. Когда ушел к партизанам, книжки захватил с собой...

Интересны надписи, которые фронтовики порой делали на «огонечках». На странице поэмы О. Лысогорского «Песнь матери», опубликованной в дни Сталинградской битвы и оказавшейся у одного из защитников города, можно прочесть лаконичную надпись: «Помни, как холодно было...» Да, сталинградская зима 42-го была студеной, и «огоньки», как верные друзья, согревали воинов, ковавших победу.

Фронтовые и партизанские книжные реликвии... С интересом знакомились с ними посетители всесоюзной выставки «Сражающаяся книга», их часто берут и читают школьники и допризывники, ветераны войны и любители редких изданий. На правах

активиста Всесоюзного общества любителей книги я демонстрировал их во время лекций в Усть-Илимске и Братске, в Уренгое и на БАМе, перед хлопкоробами Узбекистана и лесозаготовителями Карелии.

Огоньковские книжки поистине интернациональны. Как видим, в них широко представлена литература народов СССР. Среди огоньковских антологий — сборники произведений поэтов Украины, Белоруссии, Грузии, Татарии, Коми АССР, армянский эпос «Давид Сасунский», киргизский «Манас», калмыцкий «Джангар»...

Держу в руках сборник произведений дагестанского писателя Эффенди Капиева. Первый рассказ в нем, «Кремль», помню, впервые прочитал еще в юности. Но и сегодня с тем же наслаждением, что и тогда, перечитываю исповедь крестьянина из глухого горного аула. Земляки избрали старика делегатом Всесоюзного съезда колхозников. Впервые в жизни он покидает родные места и отправляется в столицу. Вместе с представителями других братских народов Сулейман прибыл в Кремль, чтобы принять участие в решении насущных дел крестьянских. Забитый батрак, теперь он стал полноправным хозяином земли, хозяином своей судьбы. И хотя гнетут его воспоминания о прошлом, да и старость напоминает о себе, счастье переполняет его. Рассказы Э. Капиева увидели свет в 1940 году, но не утратили своей свежести и сегодня.

Один из огоньковских выпусков познакомил читателей с наследием основоположника башкирской советской литературы Мажита Гафури, который еще в 1923 году был удостоен звания Народного поэта. Начав свой творческий путь накануне первой русской революции, Гафури выступил как писатель-гуманист, глашатай дружбы народов. Его стихи «Я — патриот», «Дни свободы», «Правда» и другие — подлинные жемчужины советской поэзии.

Успех издававшейся «Огоньком» прозы и поэзии писателей братских республик был обеспечен также переводами. Переводчиками же были М. Светлов и Б. Пастернак, Н. Ушаков и Н. Асеев, В. Державин и Н. Браун, многие другие видные литераторы.

Огоньковская серия здравствует и поныне, пользуясь неизменным успехом у читателей. В этом году ей исполнилось шестьдесят лет. Высок идейный и художественный уровень публикуемых произведений, неизмеримо выросли тиражи. Библиотека «Огонька» выражает собой все лучшее, что свойственно нашей литературе,— партийность, народность, демократичность, интернационализм.

Виктор Утков

ЖИВОЕ И МИНУВШЕЕ

Расхожей стала истина — книги имеют свою судьбу. Если слепо следовать ей, то миллионы книг, вышедших со времен Гутенберга, не имеют никакой судьбы, потому что они забыты, их хранят на полках книгохранилищ, библиотек, музеев, десятилетиями к ним не прикасаются руки человека.

Каждая из таких книг несет в себе приметы того времени, когда она создавалась, прежде чем осесть на пыльных полках книгохранилищ.

Чтобы узнать судьбу такой книги, надо уметь слышать и понимать шелест старых, забытых страниц. Книга сама по себе безмолвна и беззащитна, только человек может вернуть ее из небытия, возвратить людям мысли, волновавшие некогда автора.

ГОЛОС ПОЭТА-РЕВОЛЮЦИОНЕРА

В начале 20-х годов, живя в Сибири, мальчиком я часто слышал песню, в которой речь шла о человеке сильном, не смирившемся с бедой, бежавшем из тюрьмы и погибшем на воле, вне мрачных стен темницы.

С первых же строк вставали в ней картины недавних времен:

Как дело измены, как совесть тирана,
Осенняя ночка черна.
Чернее той ночи встает из тумана
Видением мрачным тюрьма.
Кругом часовые шагают лениво;
В ночной тишине, то и знай,
Как стон, раздается протяжно, тоскливо:
— Слу-шай!..

Песня бытовала как народная, она отвечала настроениям людей, боровшихся с царским произволом, с интервентами, с колчаковцами, за Советскую власть, за новую жизнь. Чувство

благодарности к героям этой борьбы, погибавшим в сибирских острогах и тюрьмах, живо — ведь подвиг их был для современников совсем недавней действительностью.

В начале 30-х годов в Омске, в книжном магазине на улице Ленина, тогда единственном в городе, мне попалась в руки тоненькая книжка, изданная Всесоюзным обществом политкаторжан и ссыльнопоселенцев, «Поэт-революционер И. И. Гольц-Миллер», где на 27-й странице я нашел эту песню. Был там и портрет автора, молодого человека с решительным разлетом бровей, острым взглядом и волевым ртом.

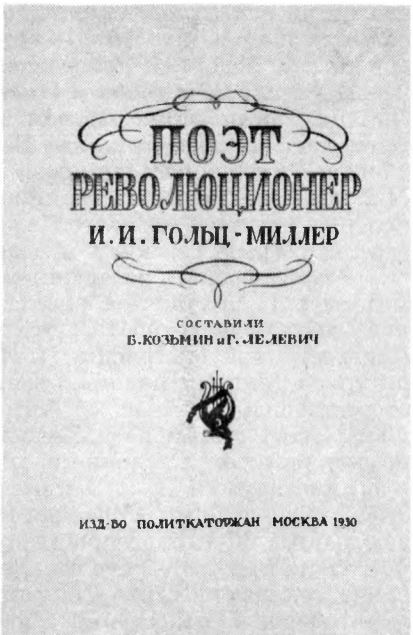
В предисловии, написанном составителями сборника Б. Козьминым и Г. Лелевичем, рассказывалось о жизни и революционной деятельности поэта. Это была в то время единственная общедоступная биография И. И. Гольц-Миллера. Даже в «Литературной энциклопедии», выпущенной в те годы, его имя отсутствовало. Сейчас об авторе революционной песни «Слушай!..» есть статьи в энциклопедиях, он упоминается в работах по истории революционного движения в России как активный участник кружка П. Г. Зайчневского, а также как соавтор известной прокламации «Молодая Россия» и других революционных документов 60-х годов прошлого столетия. Но об Иване Ивановиче Гольц-Миллере — революционном поэте все-таки знают мало, а единственная книжка его стихов выпущена тиражом 5 тысяч экземпляров и недоступна сейчас широкому читателю.

Коротка была жизнь поэта. Он родился в 1842 году в Паневежисском уезде, ныне Литовской ССР, в семье чиновника. Затем семья переехала в Минск, где отец оставил службу и ушел на пенсию. В Минске поэт с отличием окончил гимназию и в 1860 году поступил на юридический факультет Московского университета. В августе 1861 года юноша был арестован как активный участник революционного кружка, и с тех пор до смерти, наступившей в конце 1871 года от туберкулеза, полученного в тюрьме, он жил, подвергаясь гонениям, мытарствам и нужде.

После смерти сына отец писал в редакцию «Вестника Европы», где изредка печатались стихи рано ушедшего поэта: «Природа наделила его характером честным и восприимчивым, светлым умом и, что важнее, сердцем благородным и любящим. Он любил людей...»

Высланный под надзор полиции в город Карсун Симбирской губернии, И. И. Гольц-Миллер свое арестантское содержание — 6 рублей в месяц — отдавал другим ссыльным, которых считал беднее себя. Сам жил впроголодь, довольствуясь редкими и случайными заработками. «Он положительно был убит преследованиями властей...» — свидетельствовал его отец[1].

Редкое издание книги И. И. Гольц-Миллера


ПОЭТ
РЕВОЛЮЦИОНЕР
И. И. ГОЛЬЦ-МИЛЛЕР
СОСТАВИЛИ
Б. КОЗЬМИН и Г. ЛЕЛЕВИЧ
ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН МОСКВА 1930

Несмотря на тяжелейшие условия жизни, юноша все время учится. Ему не дали возможности завершить образование — И. И. Гольц-Миллер продолжает его сам, читая книги, черпая в них силы для борьбы. Он переводит европейских поэтов, рассылает стихи в журналы. Печатают мало.

Поэт писал в одном из своих писем незадолго до смерти: «Еще в прошлом году я посылал его (стихотворение Барбье.— *В. У.*) в одну из петербургских редакций, которая нашла его настолько щекотливым в цензурном отношении, что не решилась поместить его в своем журнале» [2]. Однако неудачи не останавливают поэта.

Юноша мечтал издать книжку стихов. Он вел переговоры об этом с Н. А. Некрасовым, с прогрессивным издателем и книготорговцем А. А. Черкесовым — людьми, ценившими талант И. И. Гольц-Миллера. Имеются и сообщения в воспоминаниях о жизни поэта в Одессе (1866—1867 и 1869), свидетельствующие, что он хотел написать книгу, а может быть, и уже начал «повесть из современной жизни», в которой намеревался разоблачить и

осмеять «рыцарей нового суда»[3]. В «Одесском вестнике», редактор которого, Н. П. Сокольский, был его приятелем, он печатал еженедельные фельетоны. Брат редактора П. П. Сокольский написал музыку к стихотворению «Слу-шай!..».

Книжка так и не вышла, творческое наследие И. И. Гольц-Миллера — не собрано. Первый и единственный сборник его стихов увидел свет спустя 60 лет после кончины поэта.

Невелика эта книжка, не в каждой, даже большой, библиотеке она есть. Она доносит к нам образ молодого человека 60-х годов прошлого века, полного безграничной веры в разум и силы народа. В стихотворении «XIX век» он писал:

Духом свободный, хотя бы в цепях были руки,
Я никого о спасенье своем не молю;
Верую в Разум, надеюсь на силу Науки,
И Человека, откуда б он ни был, люблю.

ТОБОЛЬСКИЙ САМОРОДОК

В 1843 году в Московской губернской типографии вышел сборник стихотворений Евгения Лукича Милькеева.

Милькеев возник из небытия в Тобольске при встрече с В. А. Жуковским в 1837 г., когда тот приехал на берега Иртыша, сопровождая наследника российского престола Александра в его путешествии по России. Канцелярист, коллежский регистратор, т. е. самый низший в табели о рангах чин, Милькеев пришел к Жуковскому никем не рекомендованный, с тетрадкой своих произведений.

Жуковский обладал чувствительным и добрым сердцем и умел ценить таланты. Стихи юного канцеляриста поразили его, он принял горячее участие в его судьбе, помог расстаться с канцелярией и приехать в столицу.

Кто же был обладателем этого поэтического дара, так пленившего самого Жуковского?..

В Омском областном государственном архиве мне удалось найти некоторые сведения о Милькееве. Родился он в 1815 году и уже в 1826 году стал работать младшим писцом в канцелярии губернского правления в Тобольске. Через три года его переводят в канцелярию Главного правления, а еще через два года, т. е. в возрасте 17 лет, он уже значится в списках «чиновников для письма высшего разряда». В 1833 году его утверждают помощником столоначальника с окладом 750 рублей в год, весьма высоким для того времени[4].

Таков служебный путь Милькеева. И конечно, не чиновничьи успехи юноши возбудили в Жуковском симпатию к тобольскому канцеляристу. В рекомендательном письме профес-

сору Московского университета, писателю С. П. Шевыреву Жуковский писал:

«Посылаю Вам это письмо с Евгением Лукичом Милькеевым, которого я узнал в Тобольске и который дал мне прочитать несколько стихотворений, означающих много таланта. Нигде ничему не учась, он приобрел замечательное искусство писать»[5].

В судьбе тобольского самородка приняли участие московские писатели С. П. Шевырев, М. П. Погодин, Н. Ф. и К. К. Павловы, А. С. Хомяков. Стихи Милькеева начинают появляться в журналах. К ним сочувственно относятся литераторы. П. А. Плетнев пишет, что Е. Л. Милькеева «по справедливости надобно назвать замечательным между современными нашими талантами»[6]. Хомяков в письме к поэту Языкову сообщает, что Милькеев «растет не по дням, а по часам и пишет славные вещи»[7].

Московские друзья помогают Милькееву выпустить книгу, в лучших стихах которой уже слышится самостоятельный голос талантливого поэта. Милькеев стремится к простоте и ясности, он тонко чувствует природу, пытается осмыслить ее законы, проникнуть во внутренний мир человека. Милькеев много читает, увлечен книгами по философии, и отсюда — тяготение к познанию законов природы и общества, желание решать коренные вопросы философии средствами поэзии. Поэт остро чувствует неблагополучие окружающей его среды, не может примириться с этим, но выхода не видит. Он следует гегелевской формуле о разумности всего действительного, формуле, которая во второй половине 30-х годов господствовала даже над такими сильными умами, как Белинский, Герцен, Бакунин. Логика развития поэтического дарования Милькеева неизбежно привела бы его в демократический лагерь, если бы его жизненный путь не пресекся трагически...

Недавно были найдены новые архивные материалы о жизни Милькеева. В журнале «Русская литература» появилась статья Е. П. Горбенко, в которой приводится много неизвестных ранее сведений о трагических событиях в жизни поэта, публикуются его письма...[8] К ним мы и отсылаем читателей, а сами обратимся к письму, которое Милькеев написал Жуковскому, рассказывая о себе. Письмо это нельзя и сейчас читать без душевного волнения. Это поразительный документ, с предельной искренностью раскрывающий душу и сердце талантливого юноши, его горестная исповедь...[9]

Мы узнаем из него, что Милькеев рос без отца, в атмосфере ужасающей бедности, полной унижений и бесправия. Едва закончив трехклассное уездное училище, мальчик становится канцеляристом, трудится, «доучиваясь почерку и грамоте, перебеляя черновые сочинения канцелярских писателей». Единствен-

ная отрада у него — книги... Но где взять хорошие книги? Ему попадаются лишь лубочные произведения и жития святых... «Я бы мог и чаще доставать книги, если бы одарен был некоторой ловкостью и умением снискивать расположение людей, более или менее обращающихся с ними, если бы не имел той неодолимой робости, которая составляет роковую черту в моем характере»,— признается он Жуковскому.

Но вот однажды ему в руки попадает томик басен Крылова.

Поэтическая речь потрясает его. Он видит в ней воплощение той гармонии, к которой безотчетно стремился. Кто поможет ему раскрыть ее, овладеть ею? Он робок и одинок...

И Милькеев совершает подвиг — самостоятельно познает законы стихосложения. Вот как он описывает свое открытие:

«Я воспламенился и с величайшим усердием ломал голову над рифмами; не разумея ни стоп, ни размера, утешался только созвучиями: необузданный стих мой содержал тогда слогов двадцать, ударение прыгало и садилось произвольно. Хотя я приметил нестройность в этой отчаянной музыке, однако долго не отгадывал, отчего у меня выходила такая нескладица, и это доставляло мне порядочную пытку... Целые ночи были проведены в усилии открыть тайну. Наконец, сосчитал я гласные буквы в печатном стихе, прислушался к ударению, и завеса приподнялась. Я начал составлять стихи, более или менее правильные, и приводить их в разные размеры по образцу немногих стихотворений, которые удалось читать впоследствии».

Он несчастен — канцелярист, обнаруживший в себе поэта. Окружающие смеются над ним, «из лучших никто не чувствовал охоты заняться мальчиком безмолвным и скучным, а я по врожденной боязливости не смел спрашивать: малейшей нескромностью страшился обнаружить свою привязанность, как преступление, и старался закрыть от сведения всех эту заветную страсть».

Служба становится Милькееву ненавистной, канцелярская братия — невыносимой. Он в отчаянии и не видит выхода. И если бы не приезд Жуковского в Тобольск, он, наверное, так бы и погиб в глуши...

Его литературные друзья, поначалу всячески поощряя поэта хвалебными отзывами, вдоволь «наигравшись» с тобольским самородком, охладели к нему. И только добрейший П. А. Плетнев помогал некоторое время деньгами и советами... А Милькеев с гордостью робкого, но самолюбивого бедняка замкнулся в своем одиночестве...

Каролина Павлова в стихотворении-эпитафии писала, что Милькеев „дик был и странен, был горд и нелеп“:

Возиться с нуждой и тоской дикаря
Нам некогда было...

Как-то И. И. Панаев рассказывал В. Г. Белинскому о шумном споре, который затеяли вокруг имени Милькеева его московские друзья. Белинский выслушал его и сказал: «Вот чудаки-то! Вместо того, чтобы спорить о нем, лучше бы просто помогли бедняку... Павлов хочет сделать его светским человеком, Хомяков — мыслителем, а ему прежде всего нужен кусок хлеба и средства, чтобы добыть его...» [10]

Белинский знал цену нужде и был прав...

Милькеев остается одиноким, забытым мимолетными друзьями, которым он поверил. Добиться устойчивого положения в тогдашнем обществе ему, не чиновному, не богатому, выходцу из самых низов, не по силам. Книжка его, наряду с похвальными откликами в печати, получает и отрицательные отзывы, среди которых была и рецензия О. Сенковского в «Библиотеке для чтения», написанная в обычной для барона Брамбеуса хлесткой издевательской манере...[11]

В один из дней середины 40-х годов Милькеев кончает жизнь самоубийством:

Стоял той порой он в своем чердаке,
Души разбивалася сила;
Стоял он, безумный, с веревкой в руке...
В тот вечер спросить о больном бедняке
Нам некогда было...

Так писала Каролина Павлова в своем стихотворении-эпитафии Евгению Милькееву...

Такова судьба этой небольшой книжки, раскрывающей жизнь талантливого самородка, погибшего в нужде и одиночестве. Его поэзия не забыта, стихи публикуются в специальных изданиях, посвященных творчеству русских поэтов прошлого...

И хотя невелико место Е. Л. Милькеева в отечественной поэзии, но без него она была бы беднее.

«МАЛОИЗВЕСТНЫЙ ТРУЖЕНИК И ЛИТЕРАТОР»

Пожалуй, только дотошные историки русской литературы знают о художественном творчестве Андрея Константиновича Ярославцова. Его толстенный роман «Любовь музыканта», выпущенный в 1842 году книгопродавцем Ф. Б. Базуновым, сейчас совершенно забыт. Другой участи он и не заслуживал — В. Г. Белинский в рецензии, напечатанной в 25 томе «Отечественных записок», не нашел для него иного определения, как

«изнанка литературы»...[12] И все же небезынтересно вызвать из небытия это безвестное произведение. Есть в нем страницы, мимо которых пройти нельзя. Близким знакомым Ярославцова в Петербурге был Петр Павлович Ершов, автор «Конька-Горбунка» и других произведений, выведенный в романе под прозрачным псевдонимом Платон Павлович Е.

Один из персонажей романа, Эдуард Славенов, в котором нетрудно узнать самого автора романа, едет с Васильевского острова на окраину Петербурга — Пески:

«К деревянному одноэтажному дому подъехал Эдуард. Здесь жил знакомый ему и родной по мечтам молодой русский поэт Платон Павлович Е. Он недавно кончил курс в Санкт-Петербургском университете и совершенно отдался своим прекрасным планам и мечтам. Эдуард учился у него когда-то русскому языку и приобрел его любовь как музыкант и поэт...»
Далее Ярославцов описывает комнату Платона Павловича:

«Комната была бедно убранная и небольшая; на диване, за круглым столом сидел поэт со своим приятелем, молодым художником. На столе, у простенка между окон и на некоторых стульях лежали в беспорядке книги, тетради, листы и лоскутки бумаги; на окнах стояли цветники: с геранью, миртою, лимонным и алоевым деревьями...»

Эдуард рассказывает о своей неудачной любви и просит написать либретто на эту тему, поэт обещает выполнить просьбу.

В другом месте романа Эдуард встречает Платона Е. в компании с автором водевилей.

В письмах Ершова мы находим подтверждение, что жил он в Петербурге в скромном деревянном домике на Песках, туда к нему часто приходили приятели — писатели, музыканты, художники. После окончания столичного университета Ершов жил литературным трудом, небогато, и обстановка, описанная в романе Ярославцова, скорее всего, соответствовала действительности. К этому времени относится и работа Ершова над водевилями и либретто опер, и дружба с известным в то время автором водевилей Константином Бахтуриным.

Эпиграфом к тринадцатой главе третьей части романа Ярославцов берет отрывок из стихотворения Ершова «Зимний вечер»:

...Что же, други?
Соберемся на досуге,
Укоротить под рассказ
Зимней скуки долгий час...

Стихотворение это было написано Ершовым в Тобольске в 1839 году и появилось в печати в 44 томе «Библиотеки для чтения» в 1841 году.

В этой главе Славенов осуждает Платона Е. за преувеличения в поэзии, особенно в излияниях горестного чувства:

— К чему ты говоришь, что сам готов был пасть в ту же могилу, в которую положили брата твоего?

— Да помилуй! Я и в самом деле себя не помнил тогда: я бы мог с тоски зачахнуть и умереть, меня спасла только привязанность к матери!

— Хвалю такую любовь в обыкновенном человеке, но и там не хотел бы излишеств. А ты — поэт! Разве для тебя в мире существуют только брат и мать? Разве твое существование не принадлежит мне, тому, другому, третьему — всему человечеству?..

— Ну, уж это слишком!..

— Как слишком?.. Я говорю свое мнение! Посмотри у Шиллера — он и терзает и исцеляет, разит и утешает... Посмотри у Шекспира!.. Мне странно, как люди, которых судьба выводит из круга обыкновенных людей, как они привязываются к семейным временным предметам!..

В основе беседы — действительные события, происшедшие с Ершовым в августе 1834 года: его брат Николай, талантливый математик, студент университета, скончался. В стихотворении «Послание к другу», написанном в 1836 году, Ершов писал о горе, которое охватило его с утратой брата,— с ним Ершов был очень близок:

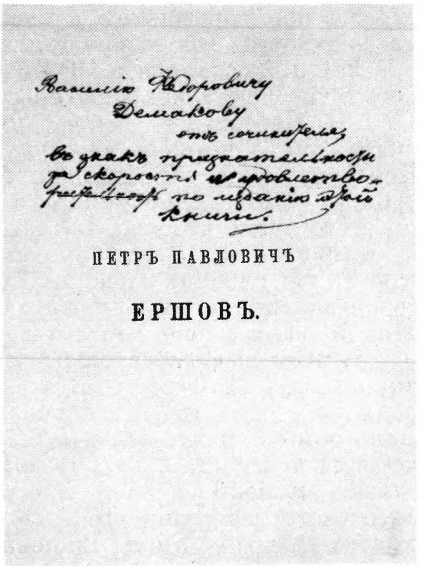
Моя измученная грудь
Жила еще одним желаньем —
Скорее с братом отдохнуть.

Но преувеличил здесь не Ершов, а Ярославцов — стихотворение это Ершов заканчивал так:

Но прочь укор на жизнь, на веру!
Правдив всевышнего закон!
Я за любовь, мой друг, чрез меру
Твоею дружбой награжден.
Я буду жить...

Стихотворение «Послание к другу» отправлено самому близкому другу юного Ершова — Константину Тимковскому, будущему петрашевцу, с которым автор «Конька-Горбунка» задумал осуществить широкие планы изучения зауральских территорий. Ершову было чуждо ходульно-романтическое отношение к творчеству, это был живой, остро чувствующий и горе, и радость человек... Ярославцов — только знакомый, но не близкий друг Ершова — не понимал этого и пытался в романе изобразить его в ложном свете — как романтика, далекого от жизни. Однако крупицы сведений о Ершове, чья петербургская жизнь освещена

Дарственная надпись А. Ярославцова, автора книги о П. Ершове, В. Демакову


Василію Федоровичу
Демакову
отъ сочинителя,
въ знакъ признательности
за скорость и радушіе
при выходѣ по изданію этой
книги.

ПЕТРЪ ПАВЛОВИЧЪ

ЕРШОВЪ.

очень скупо, представляют для нас ценность. Ради этого и приходится вспоминать забытую книгу.

Однако Ярославцов оставил и другой след в истории отечественной литературы...

Он служил в цензурном комитете в Петербурге, медленно продвигаясь по чиновничьим ступеням. Когда, казалось, он достиг служебных высот, стал цензором, его ожидало крушение — в сентябрьской книжке журнала «Русское слово» за 1860 год появилась статья о седьмом томе сочинений В. Г. Белинского. В статье говорилось, что Гоголь, издав «Выбранные места из переписки с друзьями», «растоптал свою собственную славу из рабской готовности подкурить через край царю земному и небесному»[14]. Это место почти точно передавало слова Белинского из его запрещенного царским правительством письма к Гоголю.

О статье немедленно донесли Александру II, и тот ханжески заявил: «Что обо мне говорят, я на то не обращаю внимания... Но о царе небесном нельзя так отзываться...» Кроме того, в статье говорилось и о «ленивом барстве и привилегированной ничтожности», о доносах и «ябедах», которым подвергался Белинский и т. п. Редактор журнала, известный публицист Г. Благосветлов (он же автор статьи, скрывшийся под инициалами Р. Р.), получил

строгое предупреждение, а цензор — А. Ярославцов — был удален от должности. Так и закончилась его служебная карьера...

Умер Ярославцов в 1884 году. О его смерти в «Историческом вестнике» появилась коротенькая заметка:

«В Петербурге, 59 лет, умер малоизвестный труженик и литератор, о котором не упомянул ни один некролог — Андрей Константинович Ярославцов, бывший секретарь здешнего цензурного комитета, получивший затем место цензора, но занимавший его очень недолго, так как его прямая натура не подходила к этому званию... Близко знакомый с автором „Конька-Горбунка", такой же сибиряк, как и Ершов, Ярославцов издал полное собрание сочинений Ершова с обширной биографией, характеристикой поэта и оценкой его произведений».

В этом доброжелательно-печальном отклике на смерть Ярославцова две неточности. В год смерти ему исполнилось 69 лет, он родился в один год с Ершовым, в 1815 году; никакого собрания сочинений Ершова он не издавал. Он выпустил книгу о Ершове, которая не забыта и в наши дни,— «Петр Павлович Ершов, автор сказки „Конек-Горбунок". Биографические воспоминания университетского товарища его А. К. Ярославцова». Главным образом это выдержки из писем Ершова к петербургским знакомым... Вот уже более ста лет книга служит одним из важнейших источников биографии Ершова. Тираж ее был всего 600 экземпляров, и в настоящее время издание является редкостью...

Экземпляр этой книги есть в моей библиотеке. Он по-своему примечателен — на нем имеется подлинная дарственная надпись А. Ярославцова, адресованная издателю В. Демакову. Подарена книга была мне профессором И. М. Саркизовым-Серазини, добрым моим знакомым, оставившим на ней владельческую подпись.

Воспоминания А. Ярославцова о П. Ершове пробудили во мне интерес и к их издателю. Оказалось, что Василий Федорович Демаков не только издавал книгу А. Ярославцова о Ершове, но и дважды выпускал «Конька-Горбунка» — в 1883 и 1886 годах, а также был связан с Д. И. Менделеевым. В 1880 году он опубликовал важную и оригинальную работу ученого: «О сопротивлении жидкостей и о воздухоплавании», а в 1900 году издал другую книгу, которую составил Д. И. Менделеев в удивительно короткий срок, вернувшись из своей урало-сибирской поездки,— «Уральская железная промышленность в 1899 году». Это огромный том, в котором содержится множество научных сведений, практических данных и прогнозов ученого, сбывающихся в наши дни...

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Письмо Гольц-Миллера И. И. (отца) в редакцию «Вестн. Европы» 16 августа 1871 г. из Минска.— Цит. по кн.: М. М. Стасюлевич и его современники в их переписке. Спб., 1913, т. 5, с. 164.
[2] Письмо в редакцию журнала «Вестн. Европы» из Курска 22 апреля 1871 г.— Там же, с. 162.
[3] Авдиев Р. В. Ив. Ив. Гольц-Миллер в Одессе.— Там же, с. 185.
[4] Подлинные определения Сибирского генерал-губернатора, с приложением описи дел. Гос. архив Омской области, ф. 3, № 34, л. 358, 562, 583.
[5] Из неизданных писем В. А. Жуковского. Письмо от 9 марта 1838 г.— Рус. старина, 1901, т. 107, с. 98.
[6] Плетнев П. А. Соч. и переписка. Спб., 1885, т. 2, с. 368.
[7] Хомяков А. С. Полн. собр. соч. М., 1900, т. 8, с. 95.
[8] Горбенко Е. П. К биографии Е. Л. Милькеева.— Рус. лит., 1983, № 1, с. 197—208.
[9] Письмо Е. Л. Милькеева публиковалось П. А. Плетневым в «Современнике» в № 4 за 1838 год, а затем вошло в книгу стихов поэта.
[10] Панаев И. И. Литературные воспоминания. Л., 1950, с. 162—163.
[11] Библиотека для чтения, 1843, т. 62, разд. 6, с. 2—4.
[12] Белинский В. Г. Полн. собр. соч. М., 1955, т. 6, с. 535.
[13] Рус. слово, 1860, № 9, с. 30.
[14] Скабичевский А. М. Очерки истории русской цензуры (1700—1863). Спб., 1892, с. 465.

Валентин Лавров

«В МИРЕ КРУГА ЗЕМНОГО»

За строкой автографов И. А. Бунина

В этот поздний неурочный час телефонный звонок зазвенел особенно громко. Поэт Владимир Лазарев сказал, что хотят расстаться с письмами Бунина. Бунинские автографы находились... в соседнем доме. Так в мою папку с материалами замечательного русского писателя легли новые ценные документы.

Несколько дарственных слов на книге. Письмо к друзьям. Дневниковая запись, не предназначенная для постороннего глаза... Сколько ценных сведений могут дать они, сколько могут рассказать об их авторе! Если суметь заглянуть, что скрывается за этими строками.

«ПОЗДРАВЛЯЮ С БЕРЛИНОМ»

Раскроем папку. Вот открытка, которую Иван Алексеевич отправил из Граса в Париж журналисту Я. Б. Полонскому. Радуясь победе советского народа над фашистской Германией, он пишет: «23.4.45. Милые друзья, надеемся быть в Париже 1-го мая. Поздравляю с Берлином. „Mein Kampf...“ Повоевал, так его так! Ах, если бы поймали да провезли по всей Европе в железной клетке! Сердечно обнимаю. Ваш Ив. Б<унин>».

21 июня 1941 года он взволнованно записывает в дневник: «Везде тревога: Германия хочет напасть на Россию?.. Фронт против России от Мурманска до Черного моря? Не верю, чтобы Германия пошла на такую страшную авантюру. Хотя черт его знает...

В городе купили швейц<арские> газеты: „...отношения между Германией и Россией вступили в *особенно острую* фазу“. Неужели дело идет всерьез?

С некоторых пор каждый день где-то в Грасе ревет корова. Вспоминается Россия, ярмарки».

Редакция выражает благодарность доктору филологических наук С. А. Макашину за консультацию и помощь, оказанную при подготовке статьи к печати.

На следующий день: «22.VI.41. 2 часа дня. С новой страницы пишу продолжение этого дня — великое событие — *Германия нынче утром объявила войну России...*

После завтрака (голый суп из протертого гороха и салат) лег продолжать читать письма Флобера (письмо из Рима к матери от 8 апр. 1851 г.), как вдруг крик Зурова: „И<ван> А<лексеевич>, Германия объявила войну России!" Думал, шутит, но то же закричал снизу и Бахрах. Побежал в столовую к радио — да! Взволнованы мы ужасно...

Да, теперь действительно так: или пан или пропал» *.

Бунин до сердечной боли переживает за судьбу родной земли. Он внимательно следит за ходом военных действий. Бранит союзников, которые медлят с открытием второго фронта. Фашистов ненавидит люто.

Чтобы лучше следить за ходом событий, развесил на стене большую карту. Не доверяя газетам, выходившим под контролем оккупантов, подолгу просиживал за «Дюкретом» — большим радиоприемником, который приобрел после получения Нобелевской премии. Сквозь многочисленные помехи настраивался на Лондон или московскую волну. Жадно прислушивался к последним сводкам Совинформбюро.

К этому часу на нижний этаж, в столовую, где находился приемник, собирались все обитатели виллы Жаннет. Кроме Буниных было их четверо. Один — Леонид Зуров (1902—1971). Когда-то, осенью двадцать девятого года, его, незнакомого человека, «на недельку» пригласил погостить Бунин. Но он остался в семье Ивана Алексеевича навсегда, став впоследствии кошмаром его жизни.

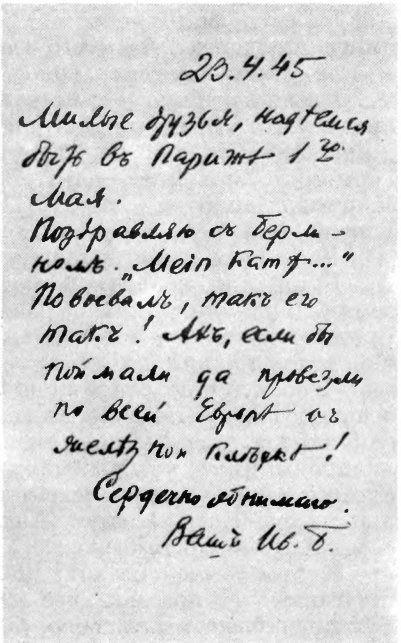
Наверху виллы, в «светелке», жили две гостьи — поэтесса Галина Кузнецова, привлекательная, небольшого роста женщина, и Марга Степун, в прошлом профессиональная певица. Обе прежде были замужем. Но уже давно стали близкими подругами, составляя в доме отдельную колонию (воспоминания Г. Н. Кузнецовой — «Грасский дневник» — в сокращенном виде напечатан в 84 томе «Литературного наследства»).

Еще один обитатель дома — литератор А. В. Бахрах (р. 1902). Духовно он был близок Бунину. Четыре трудных военных года Бахрах провел рядом с Иваном Алексеевичем. Автор этой статьи признателен ему за многие ценные сведения, а также за некоторые автографы И. А. Бунина, полученные от него.

...Старый русский писатель переставлял на карте флажки. Радовался каждому успеху Красной Армии. 10 августа сорок первого года с удовольствием отмечает в дневнике: «Русские уже

* Копии цитируемых материалов находятся у автора статьи.— *Ред.*

Письмо И. А. Бунина Я. Б. Полонскому от 23 апреля 1945 г.


23.4.45
Милые друзья, надеемся быть въ Парижѣ 1 го мая.
Поздравляю съ берлиномъ. „Mein Kampf..." Повоевалъ, такъ его такъ! Ахъ, если бы поймали да провезли по всей Европѣ въ желѣзномъ гробѣ!
Сердечно обнимаю.
Вашъ Ив. Б.

второй раз бомбардировали Берлин». Через день: «Вести с русских фронтов продолжаю вырезывать и собирать».

Но вести были неутешительные. Огорченный Иван Алексеевич перестал двигать на восток флажки, а затем и вовсе снял со стены карту. «Взято то, взято другое... Но à quoi bon?* Что дальше? Россия будет завоевана? Это довольно трудно себе представить!» (Запись 19 сентября 1941 года.)

22 сентября записывает: «Потери немцев, вероятно, чудовищны. Что-то дальше?» Но вот горькая запись 17 октября: «Вчера вечером радио: взяты (немцами.— *В. Л.*) Калуга, Тверь... и Одесса».

Вера Николаевна так описала в дневнике переживания своего мужа: «Вошел Ян (так она называла Ивана Алексеевича.— *В. Л.*) ко мне: „Слушали радио?" Молчание. „И вот — взяты Одесса, Калуга, Тверь". Помолчал, вышел.

Через четверть часа я вышла из комнаты и пошла к нему. Там в полумраке сидел у него Леня, стоял Аля (Зуров, Бахрах.—

* Для чего? *(фр.)*.

В. Л.), он сам лежал. „Из Одессы еще вчера вывозили войска... Она не сожжена“».

Бунин подсчитывает дни войны с Россией. С презрением упоминает «Хитрела», «Паулиса». И вот полные радости записи: «5.XII.41. Русские бьют немцев на юге». «8.XII.41. В России 35 гр. мороза (по Ц.) Рус<ские> атакуют и здорово бьют». 23 декабря вновь упоминает о том, что «русские бьют немцев». И дальше: «...немцы все отступают, теряя оч<ень> много людьми и воен<ным> материалом.

19-го Хитрел сместил главноком<андующего> на рус<ском> фронте маршала von Brauchitsch* и взял на себя все верховное командование, обратившись к армии и Германии: *откладываю наступление на Россию до весны*».

28 декабря с удовлетворением отмечает: «Русские взяли Калугу и Белев». И тут же идет полное горечи признание: «Каждое утро просыпаюсь с чем-то вроде горькой тоски, конченности (для меня) всего. Чего еще ждать мне, господи? Дни мои на исходе. Если бы знать, что еще хоть 10 лет впереди! Но: какие же будут эти годы? Всяческое бессилие, возможная смерть всех близких, одиночество ужасающее... На случай внезапной смерти неохотно, вяло привожу в некоторый порядок свои записи, напечатанное в разное время... И все с мыслью: а зачем все это? Буду забыт почти тотчас после смерти».

Ненависть писателя к фашистам, Гитлеру беспредельна. Четвертого марта 1942 года он записывает:

«Озверелые люди продолжают свое дьяволово дело — убийства и разрушение всего, всего!

И все это началось по воле одного человека — разрушение жизни всего земного шара...

Нищета, дикое одиночество, безвыходность, голод, холод, грязь — вот последние дни моей жизни. И что впереди? Сколько мне осталось? И чего? Битвы в России. Что-то будет? Это главное, главное — судьба всего мира зависит от этого».

Но даже в трудные минуты не покидало Ивана Алексеевича чувство иронии: «Нынче в газетах: „Le Japon veut la destruction complète de l'Angleterre et des Etas-Unis“*. Ни более, ни менее. Бедные! Сколько работы впереди! А ведь надо еще уничтожить Россию и Китай». (Запись 31 марта 1942 года.)

На следующий день: «...очень страдал весь день от воспоминаний своей протекшей жизни».

Вот знаменательная запись 3 июня 1942 года: «Май был необыкновенный — совершенно чудовищные битвы из-за Керчи

* Фон Браухича *(нем.)*.

* «Япония хочет полного разоружения Англии и Америки» *(фр.)*.

и вокруг Харькова. Сейчас затишье — немцы, кажется, потерпели нечто небывалое. А из радио (сейчас почти одиннадцать вечера), как всегда, они заливаются. Удивительно — сколько гнусного (здесь у Бунина непечатное слово.— *В. Л.*) — в этом пении!.. Думаю все время: что же это впереди! Если немцы не победят, полная погибель их. Если победят — как может существовать страна, ненавидимая почти всем миром? Но и в том, и в другом случае — что будет со страной, у которой погибло все самое сильное чуть ли не с 15 лет до 50! А уже погибли миллионы и еще погибнут.

Франц<узское> радио — нечто поразительное. Тонем во лжи и холопстве».

И вновь о фашистских зверствах: «1.IX.42. Вторник. Сухое лето, сгоревшие цветы олеандра. Еврейские дни дошли и до нас. В Париже, говорят, взяли 40.000. Хватают по ночам, 10 минут на сборы. И мужчинам и женщинам бреют головы — и затем человек исчезает без следа. Детей отнимают, рвут их документы, номеруют — будут без роду-племени, где-то воспитают по-своему. Молодых евреек — в бардаки, для солдат. У нас взяли, говорят, уже человек 700—800...»

Старый писатель отмечает каждый успех советских войск и не перестает иронизировать над лживыми сообщениями гитлеровской пропаганды: «16.IX.42. Среда... Немцы к Цар<ицыну> все „продвигаются", и все атаки русских неизменно „отбиты". День и ночь идут уже с полмесяца чудовищные бои — и, конечно, чудовищные потери у немцев. К концу войны в Германии останутся только мальчишки и старики. Полное сумасшествие! Ну, Царицын — а дальше? Только сумасш<едший> кретин может думать, что он будет царствовать над... Россией...»

Даже самочувствие старого писателя, как выясняется, зависит от положения на фронте: «23.IX.42. Среда... День был прекрасный, чувствовал себя все время бодро и легко...

И с Цар<ицыным> и с Кавказом немцы все-таки жестоко нарвались. Последние дни им просто нечего сказать: „Берем дом за домом..." Перебили их русские, конечно, в ужасающем количестве».

«ДОЖИТЬ, ПОПАСТЬ В РОССИЮ!»

Все эти трудные годы старого писателя преследовала крайняя нужда. Своему другу, писателю М. А. Алданову, Иван Алексеевич писал (машинописные копии я получил от племянника Алданова, А. Я. Полонского):

10 апреля 1941 года: «...Новость у нас одна — все страшно

растущая наша нищета (а нас ведь шесть человек) — форменная погибель...»

11 апреля: «Вера Николаевна так стала худа и бела, суха, что смотреть страшно. Я тоже хорош — руки, ноги — палки...».

Очень интересно следующее письмо. Оно датировано 6 мая того же 1941 года. Алданов, перебравшийся из Франции в США, приглашал туда и Бунина, обещая всяческое содействие как свое личное, так и других почитателей таланта писателя. Иван Алексеевич отвечал (приводимые здесь письма Бунина Алданову публикуются впервые):

«Дорогой Марк Александрович, получил Ваше письмо от 15 апреля, очень благодарю Вас за его сердечность. Телеграфного перевода от Александры Львовны (Толстой, 1884—1979.— *В. Л.*), о котором Вы сообщаете, еще до сих пор нет. Живем мы все хуже и хуже, истинно на пище Св. Антония, но и эта пища становится до смешного дорога. Кроме того, пропадаю от налогов — плачу taxe de séjour* за всех своих домочадцев,— не выгнать же их на улицу без гроша в кармане! — выплачиваю квартирный налог (почти две тысячи) и должен, оказывается, заплатить еще около *четырех* тысяч налога, причитающегося с хозяйки нашей виллы, уехавшей из Граса еще 30 сентября 1939 года: раз, говорят, она уехала и не может платить, платите вы, Monsieur Bunin**, из той суммы, которую вы должны заплатить за виллу; я отвечаю, что я ей за первый год уже все заплатил и имею на это расписки, а за второй не плачу и не буду платить до окончания войны, не имея на это никакой возможности; но меня не слушают,— мы, говорят, ничего этого знать не хотим, и, если не заплатите, будем вас „преследовать". Написал в Виши министру финансов, но навряд ли он меня помилует...»

И далее, по поводу приглашения жить в США: «Но — как решиться ехать? Доехать, как Вы говорите, мы можем. Но опять, опять: что дальше? Вы пишете: „...погибнуть с голоду Вам не дадут". Да, в буквальном смысле слова „погибнуть с голода", может быть, не дадут. Но от нищеты, всяческого мизера, унижений, вечной неопределенности? *Месяца два-три* будут помогать, заботиться, *а дальше бросят, забудут* — в этом я твердо уверен. Что же до заработков, то Вы сами говорите: „...будут случайные и небольшие — чтение, продажа книги, рассказа..." Но сколько же раз буду я читать? В первый год один раз... может быть, и во второй еще раз... а дальше конец. И рассказы, книги я не могу печь без конца — главное же продавать их. И самое главное: очень уж не молод я, дорогой друг, и Вера

* Налог *(фр.)*.

** Господин Бунин *(фр.)*.

И. А. Бунин. 1930-е годы

Николаевна тоже, *очень больная и слабая В. Н.* Вот даже частность: Вы пишете, что „...на первое время предоставят нам комнаты в имении, в 45 м. (милях? — *В. Л.*) от Нью-Йорка". А каково в наши годы жить даже „первое время" где-то у чужих людей, из милости, подлаживаясь к чужой жизни — и т. д.!

Короче сказать — ни на что сейчас не могу решиться... Вчера в газетах: „Secrétaire d'Etat au ravitaillement déclare: Pour mai et juin, la situation sera tragique* даже насчет хлеба".

Да, требуют еще за парижскую квартиру 2900 франков!»

Письма настолько красноречивы, что комментарии не требу-

* «Министр продовольствия заявляет: „В мае и июне положение станет трагичным"» *(фр.)*.

ются. Не удержусь, приведу отрывок еще из одного. Оно написано 19 декабря 1944 года:

«...Очень благодарю Вас за устройство продовольственных посылок — погибаем от голода (и холода). Жили все эти годы ужасно, теперь еще хуже. Я продал почти дотла все, что мог продать,— даже из белья. (А как мы жили в других отношениях до бегства отсюда немцев, Вы теперь, конечно, уж знаете от Полонских.) Здоровье мое очень ухудшилось (не говоря уже о слабости от вечного голода) — главное, что-то скверно в печени. Сидим все еще в Грасе — в Париже уж *совсем* замерзнешь. А, вообще, куда нам придется деваться — и ума не приложишь: Вы представляете себе, конечно, что будет в Европе почти повсюду!»

Бунин понимал, что послевоенная Европа — не райский уголок. И все же он не польстился на заокеанские блага. Среди других причин была одна, о которой он не говорил, но мечта о которой теплилась в его сердце. Это мечта о покинутой Родине, о возвращении на которую не переставал думать. И эту мысль доверял лишь дневнику.

20 января 1944 года Бунин записывает в дневнике знаменательные слова: «Просмотрел свои заметки о прежней России. Все думаю, если бы дожить, попасть в Р<оссию>!»

Правда, тут же, не удержавшись, добавляет про «кладбище всего, чем жил когда-то». Но это не снижает искренности вдруг вырвавшегося признания.

Победу Советского Союза Бунин приветствовал радостно. Об этом напомнила, в частности, открытка Я. Б. Полонскому, с которой мы начали наш рассказ.

КАК ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ!

В 1937 году вышел в свет фундаментальный, во многом автобиографический труд Бунина «Освобождение Толстого». Долгие годы он активно собирает для этого труда материалы. Среди них была и книга журналиста Тихона Полнера (1864—1935) «Лев Толстой и его жена. История одной любви».

Она была издана в 1928 году в Париже. В собрании автора хранится экземпляр, с которым работал Иван Алексеевич. Верный привычке, он многие страницы испещрил пометами. Они многое объясняют в характере самого Бунина, в его отношении к Толстому. Об этом — чуть позже.

...20 октября 1894 года. Молодой император Николай II на террасе Ливадийского дворца подписал манифест о вступлении на престол. По случаю «восшествия» была объявлена амнистия. Среди амнистированных оказался и библиотекарь Полтавской

земской управы Бунин. «От страданий был насильственно избавлен»,— так не без иронии вспоминал об этом Иван Алексеевич в «Освобождении Толстого». Сам Петр Данилович Шкларевич, статский советник, председатель управы, пожал ему руку и посоветовал молодому библиотекарю впредь не участвовать «в криминальных историях».

Все началось с чтения книг Л. Н. Толстого. Девятнадцатилетний юноша отправил 19 июня 1890 года писателю восторженное письмо. Он сообщал, что с глубоким интересом следит за всем, что тот пишет. Прочел «Послесловие» к «Крейцеровой сонате» и поражен мыслями Льва Николаевича. Просит разрешения приехать в Ясную Поляну.

В феврале 1893 года Иван Алексеевич в очередном письме предлагает свои услуги в помощи голодающим, а в июле вновь пишет о сильном влиянии на него Толстого и получает на свои послания ответы.

Увлечение это было семейным. Отец Бунина участвовал в Севастопольской обороне. Там он познакомился с молодым писателем Львом Толстым. Уже спустя годы в доме Буниных нередко вспоминали об этом знакомстве, с гордостью произносили имя Толстого.

Такие разговоры на юного Бунина производили сильное впечатление, усиливавшееся чтением не только художественных, но и философских произведений писателя.

«В ранней молодости я был совершенно влюблен в него, в тот мной самим созданный образ, который томил меня мечтой увидеть его наяву,— так позже писал Иван Алексеевич.— Мечта эта была неотступная, но как я мог тогда осуществить ее? Поехать в Ясную Поляну? Но с какой стати, с какими глазами?» [1]

Этот восторг Бунин пронес через всю жизнь. Для него не существовало авторитетов. Но всегда был лишь один кумир — Лев Николаевич. В молодые годы он стремился непременно выразить свою приверженность «к учителю» на деле. В январе 1894 года Бунин побывал в Хамовниках, был ласково принят Толстым, который вспомнил его отца.

Иван Алексеевич вернулся в Полтаву, решил от слов перейти к делу. Вскоре на одной из улиц появилась лавочка. Ее вход украсила вывеска: «Книжный магазин Бунина». Торговля велась книгами и брошюрами организованного в 1884 году по инициативе Толстого издательства «Посредник».

Рассказы Льва Николаевича и его единомышленников, предназначенные для простого народа, раскупались неважно. Вот и пришлось владельцу «заведения» распространять их по базарам и ярмаркам. За торговлю «без законного на то разрешения» был задержан урядником. Приговор суда — три месяца тюремного

заключения. К огорчению Бунина — так хотелось пострадать за Толстого! — от наказания он был освобожден.

...Бунинская слава с годами росла. По словам А. М. Горького, его стихи хвалил сам Лев Николаевич. Еще при жизни Толстого, в 1909 году, Бунин становится почетным академиком.

Время не стерло тот высокий идеал, который видел Бунин в облике Толстого. Он без конца — до самой смерти — перечитывает его книги, возвращается памятью к нему. Об этом говорят дневниковые записи Ивана Алексеевича. 22 января 1922 года записывает:

«„Я как-то физически чувствую людей“ (Толстой). Я *все* физически чувствую».

На следующий день, 23 января, Бунин записывает: «По ночам читаю биограф<ию> Толстого, долго не засыпаю. Эти часы тяжелы и жутки. Все мысль: „А я вот пропадаю, ничего не делаю“». И потом: «А зачем? Все равно — смерть всех любимых и одиночество великое — и моя смерть!»

17 сентября 1933 года Иван Алексеевич записывает: «За последнее время опять — в который раз! — перечитал „Анну К<аренину>“ и „Войну и м<ир>“. Нынче кончил почти четвертый том — осталась последняя часть „Эпилога“. Про Наполеона неотразимо. Испытал просто ужас, и *до сих пор* обожествлен!»

1 октября 1933 года вносит в дневник: «Прочел 2/3 „Воскресения“ (вероятно, в десятый раз). Никогда так не ценил его достоинства (просто сверхъестественные, в общем, несмотря на множество каких-то ожесточенных парадоксов, что ли)». Кстати, по свидетельству А. В. Бахраха, в последний день жизни ослабевший Бунин держал в руках том «Воскресения». Он собирался перечитывать его.

...Тем временем продолжалась работа над «Освобождением Толстого». Бунин читает мемуары и исследования о великом писателе.

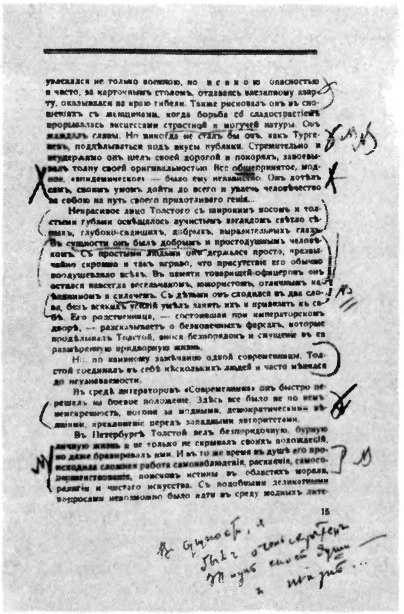
В собрании автора находится письмо Ивана Алексеевича в Тургеневскую библиотеку Парижа. Оно датировано 24 июня 1935 года и отчасти раскрывает круг чтения в момент работы над «Освобождением Толстого».

На листе большого формата четким, крупным почерком Бунин пишет: «Очень прошу правление Тургеневской библиотеки выслать мне недели на две:

1. Биографию Толстого, составленную Бирюковым.
2. Книгу Мережковского: „Достоевский и Толстой“.
3. „Исповедь“ Толстого.
4. „Жизнь Будды“ Ольденбурга.

Заранее благодарю за исполнение этой просьбы и очень

Пометки и автограф И. А. Бунина на странице книги Т. Полнера



прошу сообщить, сколько я должен буду выслать библиотеке за расходы по пересылке и пр.

Ив. Бунин

Monsieur Ivan Bounine, Villa Belvédère, Grass, A<lpes> M<aritimes>» *.

Когда читаешь «Освобождение Толстого», на многих страницах обнаруживаешь плоды работы писателя с этими книгами. Что касается труда Т. Полнера, то о нем Бунин упоминает лишь однажды:

«Он (Толстой.— *В. Л.*) спрашивал:

„Машины, чтобы делать что? Телеграфы, чтобы передавать что? Школы, университеты,, академии, чтобы обучать чему? Собрания, чтобы обсуждать что? Книги, газеты, чтобы распространять сведения о чем? Железные дороги, чтобы ездить кому и куда? Собранные вместе и подчиненные одной власти миллионы людей — чтобы делать что?“

В биографии Полнера эта знаменитая цитата сопровождается наивным разъяснением: „В условиях социального неравенства

* Иван Бунин. Вилла Бельведер, Грас, Приморские Альпы *(фр.)*.

Толстой не мог найти удовлетворительных ответов на эти вопросы". Ну, а если бы не социальное неравенство? Полнер не обращает никакого внимания на последний из толстовских вопросов: „Больницы, врачи, аптеки для того, чтобы продолжать жизнь, а *продолжать жизнь зачем?*"» [2]

В мемуарной книге «Грасский дневник» Г. Н. Кузнецова отметила 28 декабря 1928 года: «Зашла перед обедом в кабинет. И<ван> А<лексеевич> лежит и читает статью Полнера о дневниках С. А. Толстой. Прочел мне кое-какие выписки (о ревности С. А., о том, что она ревновала ко всему: к книгам, к народу, к прошлому, к будущему, к московским дамам, к той женщине, которую Толстой когда-то еще непременно должен был встретить), потом отложил книгу и стал восхищаться:

— Нет, это отлично! Надо непременно воспользоваться этим как литературным материалом... „К народу, к прошлому, к будущему..." Замечательно! И как хорошо сказано, что она была „промокаема для всяких неприятностей!"» [3]

Счастливая возможность — раскрыть труд Полнера с маргиналиями Ивана Алексеевича. Пометы Бунина на полях книг носят обычно резкий, критический характер. На этот раз он тоже не везде соглашается с автором, хоть и не блестящим, но вполне добросовестным. Ивану Алексеевичу импонировала объективность Полнера в изображении сложных отношений Льва Николаевича с его незаурядной женой.

Теперь же маргиналии Бунина носят другой, неожиданный характер. Он словно примеривает свою жизнь к жизни своего кумира, сравнивает свою жизнь с толстовской, и его утешает, когда он обнаруживает схожести. То и дело повторяются начертанные на полях — «И я!», «А я?».

Следить за мыслью Бунина-читателя — увлекательнейшее дело. В предисловии (с. 8) он подчеркивает синим карандашом характеристику Толстому: «Переходя от одних решений к другим, он сам беспощадно „сжигал все, чему поклонялся" ранее. И на смертном одре в Астапове уже холодеющими устами он шептал: „Искать, всегда искать"...» И далее (с. 15): «Никогда не стал бы он, как Тургенев, подделываться под вкусы публики. Стремительно и неудержимо он шел своей дорогой и покорял, завоевывал толпу своей оригинальностью. Все общепринятое, модное, „эпидемическое" — было ему ненавистно. Он хотел сам, своим умом дойти до всего и увлечь человечество за собою на путь своего прихотливого гения...»

Последнюю фразу Бунин подчеркивает несколько раз и ставит дважды «нотабене». Этот знак и подчеркивания простым и синим карандашами — против последнего абзаца на этой же странице: «В Петербурге Толстой вел беспорядочную, бурную

личную жизнь и не только не скрывал своих похождений, но даже бравировал ими. И в то же время в душе его происходила сложная работа самонаблюдения, раскаяния, самосовершенствования, поисков истины в областях морали, религии и чистого искусства. С подобными деликатными вопросами невозможно было идти в среду модных литераторов. Он жаждал интимного, *личного* сближения, дружбы».

Словно чуткое эхо, вторит Иван Алексеевич: «В сущности, я был очень скрытен. Жизнь моей души — и жизнь...» Целый мир своей страстной натуры Бунин скрыл за этим многоточием!

Бунин отметил несколькими подчеркиваниями следующую мысль: «Некрасивое лицо Толстого с широким носом и толстыми губами освещалось лучистым взглядом светло-серых, глубоко сидящих, добрых, выразительных глаз. В сущности, он был добрым и простодушным человеком. С простыми людьми он держался просто, чрезвычайно скромно и так игриво, что присутствие его обычно воодушевляло всех. В памяти товарищей-офицеров он остался навсегда весельчаком, юмористом, отличным наездником и силачом».

Последнее качество Бунину, видимо, особенно пришлось по душе. Это слово — «силачом» — он подчеркнул, и на полях вновь появилось «нотабене». А вот об этом — легко предположить — он не однажды слыхал от своего отца: «На Кавказе, в Турции, в Севастополе он усиленно испытывал себя, жадно вглядывался в проблемы войны и смерти, которые, как загадка сфинкса, тянули его к себе. Он увлекался не только военною, но *всякою* опасностью, и часто, за карточным столом отдаваясь внезапному азарту, оказывался на краю гибели». Эту фразу Иван Алексеевич подчеркнул особо: синим и простым карандашами.

Прочитав, что девятнадцатилетний Толстой бросил университет и уехал в деревню, где рассчитывал подготовиться к выпускному экзамену, Бунин отмечает на полях: «Я уже ни к чему учебному не готовился» (с. 21). Вчерашний студент стал устраивать «счастье» крепостных крестьян, впрочем, весьма неудачно. Этот опыт позже он описал в рассказе «Утро помещика».

«Размашистая натура» (определение Льва Николаевича) «не могла довольствоваться ролью писателя повестей и романов, Толстой жаждал и искал более полной жизни». Иван Алексеевич отмечает эти строки и задает вопрос: «А я?»

Осенью 1847 года молодой Толстой «бежал из деревни и всем существом погрузился в соблазны Москвы. Он вел жизнь,— обычную для „золоченой молодежи“ того времени: выезжал в свет, танцевал, ухаживал, занимался фехтованием и гимнастикой, ездил верхом в манеже, участвовал в кутежах, часто бывал

у цыган, пением которых увлекался, играл в карты и много проигрывал...» (с. 21—22). Но Толстой тяготился такой жизнью и «ехал на исправление в деревню».

Иван Алексеевич записывает на полях: «И я возвращался». Далее, на странице 25, отмечает на полях: «А мои отношения с мужиками? Попытки с братом Евгением». Это примечания к полнеровскому рассказу о попытках Толстого заботиться о благосостоянии своих крестьян и о полном провале этой деятельности.

Полнер приводит письмо Льва Николаевича родственнице Александре Андреевне Толстой, двоюродной тетке, которую он шутливо называл «бабушкой», ибо для тетки она «слишком молода»: «Вечная тревога, труд, борьба, лишения — это необходимые условия, из которых не должен сметь думать выйти хоть на секунду ни один человек. Только честная тревога, борьба и труд, основанные на любви, есть то, что называют счастьем... Бесчестная тревога, основанная на любви к себе,— это несчастье» (с. 30). Бунин несколько раз подчеркивает эти фразы и далее отмечает: «...спокойствие — душевная подлость. От этого-то дурная сторона нашей души и желает спокойствия, не предчувствуя, что достижение его сопряжено с потерей всего, что есть в нас прекрасного...» Бунин жирным росчерком ставит год написания послания — 1857-й. И тут же, без сомнения, с восхищением отмечает возраст не по годам мудрого кумира: «Ему 29!»

А вот страницы о сердечных привязанностях молодого Толстого. Он стремился иметь крепкую семью, много детей. Но его ухаживания не всегда находили отклик. Полнер пишет: «Девушки, за которыми он ухаживал, находили, что общение с ним „интересно, но тяжело". Очевидно, его исключительно сложная духовная организация и редкая проницательность постоянно держали собеседниц в напряженном состоянии...»

Бунину это состояние знакомо. Он с двух сторон ставит «нотабене» и подчеркивает синим карандашом, особо выделяя «интересно, но тяжело». В интервью «Одесским новостям» 28 декабря 1902 года Иван Алексеевич признался: «Я не люблю бывать у Толстого».

Недоуменному корреспонденту объяснил это следующим: «Мне жутко бывать у Толстого, потому что он такой громадный, такой требовательный к человеку. Смотрит на него и будто чего-то требует. И в каждом слове у него заметна эта давящая сторона характера. Как-то в прошлом году прохожу я по Арбату, смотрю — в темноте Толстой.— Здравствуйте, Иван Алексеевич. Почему вас не видать? — Я растерялся, как школьник. Просто не знаю, куда шапку свою девать.— Боюсь я бывать у вас,— признаюсь ему чистосердечно...— Нельзя людей бояться, нельзя,— повторил настойчиво и убежденно Л. Н. и торопливо исчез в

потемках, оставив во мне подавленное и робкое ощущение»[4]. (Заметим, что это интервью брал 20-летний Корней Чуковский.)

А вот как сам Бунин описал свою последнюю встречу с великим писателем в «Освобождении Толстого»: «Не помню, в каком именно году видел я его в этот зимний вечер в Москве на Арбате. О чем мы говорили, тоже не помню. Помню только, что во время этого короткого разговора он спросил меня, пишу ли я что-нибудь? Я ответил:

— Нет, Лев Николаевич, почти не пишу. И все, что прежде писал, кажется теперь таким, что лучше и не вспоминать.

Он оживился:

— Ах, да, да, прекрасно знаю это!

— Да и нечего писать,— прибавил я.

Он посмотрел на меня как-то нерешительно, потом точно вспомнил что-то.

— Как же так, нечего? — спросил он.— Если нечего, напишите тогда, что вам нечего писать и почему нечего. Подумайте, почему именно нечего, и напишите. Да, да, попробуйте сделать так,— сказал он твердо».

И далее: «Часто потом говорил себе: непременно надо хоть однажды увидать еще, ведь, того гляди, это станет невозможно,— и все не решался искать новой встречи. Все думал: зачем я ему?»[5]

Эта черта характера — неназойливость — была свойственна обоим писателям. Впрочем, пометы Бунина на книге Полнера помогают обнаружить немало других схожестей. Толстой и Иван Алексеевич принадлежали к деревенскому помещичьему кругу. Оба пытались проникнуть в тайну смысла жизни. Горевали о ее суетности. В разные периоды испытывали жуткий страх перед смертью. Недоумевали и страдали при виде глупости или жестокости. В равной степени сильно любили русскую деревню, старинный уклад жизни. Случалось, употребляли «простонародные» выражения.

Много общего было и во взглядах на литературу и искусство. Оба восхищались Пушкиным и Герценом. Высоко ставили Державина. «Не воспринимали» Достоевского. Отрицали модернистские течения. Не видели смысла в государственной службе, карьере и наживе. Не боялись идти против сложившихся мнений и авторитетов. (Именно это свойство характера позволило Бунину резко оценить знаменитый толстовский трактат «Что такое искусство». Впрочем, сделано это было «негласно» — в дневниковой записи (17 марта 1940 г.). Любили окружать себя людьми. Оба отличались страстными натурами.

«Вот с каким сложным и столько пережившим человеком мне пришлось 4 ноября 1906 года по-настоящему познакомиться

и потом прожить сорок шесть с половиной лет, с человеком, ни на кого не похожим»,— так заключала свою книгу «Жизнь Бунина» Вера Николаевна. В письме Н. П. Смирнову она писала 8 июня 1959 года: «Я прожила 46, даже 47 лет, в близком общении с творческим человеком и пришла к заключению, что творчество — тайна. И объяснить его — попытка с негодными средствами». (Автограф находится в собрании автора.)

«Отзывы ее (Софьи Андреевны.— *В. Л.*) о последних десятилетиях жизни ее гениального мужа не всегда отличались доброжелательством.

Помолчав, она неизменно прибавляла:

— Да, сорок восемь лет прожила я со Львом Николаевичем, а так и не узнала, что он за человек...» — этой затаенной мыслью, вырвавшейся однажды из уст Софьи Андреевны, кончается книга Полнера.

Иван Алексеевич обвел последнюю фразу синим карандашом и поставил нотабене. Он словно предвидел слова, которые после его ухода скажет самый преданный ему друг — жена Вера Николаевна: «Человек, ни на кого не похожий».

И как когда-то после смерти Толстого опустел его родовой дом, так опустел и разрушился на чужбине семейный очаг Бунина...

ЗАГАДОЧНЫЙ СПИСОК

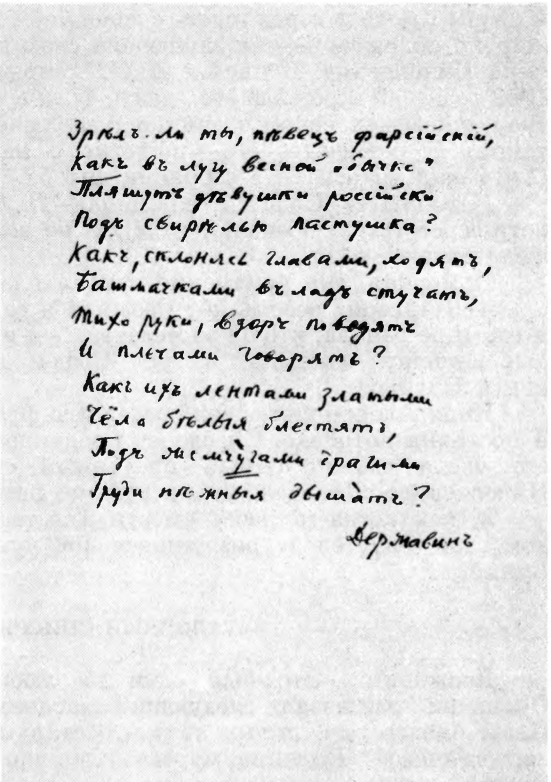
Державин... Это был один из любимых поэтов Бунина. Очевидец рассказал следующий забавный эпизод. Однажды Иван Алексеевич листал какую-то старую книгу. Наткнулся на державинское «Видение мурзы». Оно привело его в восторг. В течение нескольких недель он не переставал восхищаться им, повторял полюбившиеся стихи.

Очередного гостя вместо приветствия встречал строкой из Державина. И если гость мог продолжить, он становился самым желанным в доме.

Эту историю напомнил мне любопытный автограф, хранящийся в моем собрании: список стихотворения Державина «Русские девушки» (1799). Этот список сделан рукой Ивана Алексеевича. Аккуратно, словно подчеркивая свое почтение к великому поэту, строка за строкой он выводит:

Зрел ли ты, певец фарсийский,
Как в лугу весной «бычка»
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмачками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят

Стихотворение Г. Державина «Русские девушки», переписанное рукой И. Бунина


Зрелъ ли ты, певецъ фарсійскій,
Какъ въ лугу весной обычно
Пляшутъ дѣвушки россійскі
Подъ свирѣлью пастушка?
Какъ, склонясь главами, ходятъ,
Башмачками въ ладъ стучатъ,
Тихо руки, взоръ поводятъ
И плечами говорятъ?
Какъ ихъ лентами златыми
Чёла бѣлыя блестятъ,
Подъ жемчугами драгими
Груди нѣжныя дышатъ?
Державинъ

И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Чёла белые блестят,
Под жемчу́гами драгими
Груди нежные дыша́т?

Державин

Знаток заметит некоторые разночтения с оригиналом. У Державина, к примеру, «певец тииский», т. е. Анакреон. А говорит это о том, что Бунин записывал стихотворение по памяти.

Сколько гордости за «российску девушку» звучит в вопросе, обращенном к самому Анакреону! Эти милые создания — Параши, Насти, Луши — верх красоты и изящества. Они — венец «творенья божья».

Эти чувства вполне разделяет Бунин. Ивана Алексеевича, без сомнения, привело бы в восторг указание Державина художнику, который иллюстрировал одну из его книг: изобразить многокрылого Эрота, привязанного к простой русской пряслице, на коей видна кудель. Подобное смешение стилей нимало не конфузило поэта. Наоборот, сей «русский анакреонтизм» он ставил себе в заслугу.

Критика слишком часто отождествляла Бунина с персонажами его произведений. «Виновата» в этом, думается, особая сила художественного изображения, которая заставляет принимать полет писательской фантазии за реально пережитое самим автором. Бунин неоднократно печатно и устно открещивался от поступков своих героев. Когда в 1946 году вышли в Париже его знаменитые «Темные аллеи», которые Иван Алексеевич называл своей лучшей книгой, писателю вновь пришлось просить критиков «не путать автора с его героями».

Впрочем, восхищение женской красотой — факт общеизвестный в творческой биографии Бунина. Любопытна дневниковая запись 3 февраля 1941 года: «Часто думаю с удивлением и горем, даже ужасом (ибо — не воротишь!) о той тупости, невнимательности, что была у меня в первые годы жизни во Франции (да и раньше) к женщинам.

То дивное, несказанно-прекрасное, нечто совершенно особенное во всем земном, что есть тело женщины, *никогда* не написано *никем*. Да и не только тело. Надо, надо попытаться. Пытался — выходит гадость, пошлость. Надо найти какие-то другие слова».

Ранее, 13 сентября 1940 года, заносит в дневник: «Из писем Флобера: „Женщины кажутся мне чем-то загадочным. Чем более изучаю их, тем менее понимаю“».

Можно предположить, что эту мысль Бунин готов разделить с ее автором.

Все биографы Бунина дружно утверждают: иностранных увлечений у писателя никогда не было. Как тут не вспомнить державинских «Русских девушек»!..

Только одна верная подруга сопровождала его без малого полвека. Тяжело заболев, Иван Алексеевич тревожится за судьбу Веры Николаевны. Каково ей будет одной на чужбине? 26 мая 1942 года он записывает в дневнике: «Чувствую себя ужасно... Тоска, страх за Веру! Какая трогательная! Завтра едет в Ниццу к доктору, собирает свой чемоданчик... Мучительная нежность к ней до слез».

Плечом к плечу они свершили вместе круг земной, полный житейских тревог и творческих радостей.

ПЕРЕГОВОРЫ НА РЮ ЖАК ОФФЕНБАХ

...Декабрь 1970 года. На улицах Парижа — огни реклам и предпраздничное оживление. Скоро католическое рождество.

В доме под номером один по улице Жака Оффенбаха, где жил знаменитый «иностранец» Иван Бунин, в одной из комнат его бывшей квартиры, что на пятом этаже, проживает Леонид Зуров.

Сегодня гости из Москвы — советский писатель, доктор филологических наук Сергей Макашин и его жена. Цель визита — переговоры относительно бунинского архива.

Гости долго нажимали на кнопку звонка. За дверями слышался легкий шорох, но они оставались закрытыми.

Консьержка, заученно улыбаясь, объясняла:

— Месье Зуров дома. Это очень странный господин. Сколько от него хлопот! Порой по неделе не показывается на глаза. А что я должна думать? Вот и хожу к нему, проверяю. Вдруг уже нужна какая-нибудь помощь. А господа русские по какому делу? Что-нибудь серьезное? Так вы еще раз позвоните месье Зурову!

Дверь, наконец, медленно открылась. На пороге стоял худощавый и прямой, прямо-таки гвардейской выправки, человек. Лицо узкое, с длинным носом. Одежда изрядно обветшала, но сидела хорошо.

— Проходите, пожалуйста,— сказал Леонид Федорович.— Я вас ожидаю. Только, простите, чувствую себя не очень важно. Испания виновата. Был в этой стране, простудился. Все еще недужится.

Гости оказались в небольшой продолговатой комнате. Два-три стула, простой стол да полки с книгами. Вот и все, даже непонятно, на чем он спит. И повсюду следы запустения, нетронутые слои пыли и табачной копоти. Зато на столе — «по случаю визитеров» — бутылка. Нет, не вина. Дешевого сидра.

Один из редакторов бунинского тома «Литературного наследства», вышедшего под номером 84, Сергей Александрович Макашин уже давно переписывался с Зуровым. Теперь он прибыл в Париж с важным поручением от Союза советских писателей. Он должен был убедить Зурова передать на Родину материалы бунинского архива, доставшегося ему после смерти Веры Николаевны. К. А. Федин принял самое горячее участие в этой истории. Он высоко ценил талант прекрасного русского писателя. (Письмо Бунина Федину от 15 марта 1946 года, оригинал которого хранится у меня, я опубликовал в журнале: В мире книг, 1983, № 6, с. 60.)

Константин Александрович встречался по поводу бунинского архива с тогдашним министром культуры СССР Е. А. Фурцевой.

Было решено: составить опись и согласно ей произвести материальную оценку архива Ивана Алексеевича. Только при этом можно было говорить о денежной компенсации Зурову (в той валюте, в какой он пожелает). Или, опять же по его желанию, ему мог быть установлен пожизненный пенсион в достойном размере (как это было у Веры Николаевны в последние годы жизни).

После того как сидр был разлит по бокалам и были произнесены фразы, «приличествующие моменту», хозяин пригласил гостей из Москвы пройти за ним. Он провел их в коридор. В стене они заметили дверцы встроенного шкафа. Зуров распахнул их. Перед ними предстал архив Бунина: папки, туго набитые, как выяснилось, рукописями, письмами, газетными вырезками, фотографиями, дневниковыми записями. Ни одна рука давным-давно не касалась этих сокровищ. Об этом говорил густой слой пыли, все покрывавший.

Зуров вытащил один из томов Собрания сочинений И. А. Бунина. Это было издание «Петрополиса», которое автор считал лучшим. Затем последовали другие тома. На обложке каждого крупным, четким почерком черным фломастером автор начертал завещательные указания будущим публикаторам. Он настаивал, чтобы впредь эти сочинения печатались с соблюдением всех поправок, внесенных в тексты. Авторские корректуры, разного рода и характера, хранила каждая страница каждого тома. Какой бесценный материал!

— Только никого не пущу делать какие-либо описи! — категорически возразил Зуров.— У меня был американец, наличными заплатил двести пятьдесят долларов за пять писем Марины Цветаевой Вере Николаевне. Это вот деловой подход. А опись — нет! К тому же, прежде чем вести какие-то разговоры об архиве, надо выкупить из ломбарда мебель Ивана Алексеевича...

Глаза его болезненно блестели. Невольно вспоминалось, что Зуров несколько раз бывал пациентом психиатрических клиник.

Здесь следует сделать небольшое отступление. В Отделе рукописей Государственной библиотеки им. В. И. Ленина находится письмо Бунина к его знакомому издателю В. Ф. Зеелеру (ф. 429.4.3). Вот что писал он о Зурове 29 декабря 1943 года: «Вы даже и вообразить не можете, что это за человек! Да и никто этого вообразить не может — ведь всюду и со всеми он ковром под ноги стелется,— кому ж придет в голову, каков он со мной и с Верой Ник<олаевной>,— со мной, который всю жизнь его создал, вытащил из безвестности, привез... во Францию, написал о нем первую хвалебную статейку, у которого он 14 лет на шее сидит,— и с В<ерой> Н<иколаевной>, которая не надышется на него, как на любимейшего сына, а он то и дело орет на нее как последний солдафон!.. Зная, что я *ради нее* без конца терпелив и

терплю его, он дошел до такой наглости, такого дикого, невообразимого хамства, которому имени нет!» (Публикуется впервые.)

Вот на совесть такого человека пытался воздействовать Макашин, когда убеждал его, что бунинский архив должен вернуться на Родину, которую так любил Иван Алексеевич. И добавил: «У вас нет ни наследников, ни даже просто близких, все может пропасть!»

— Ошибаетесь,— возразил тот.— Такой человек есть! Ему все достанется.

Тут Зуров оказался прав. Через несколько месяцев после этих событий, в начале сентября 1971 года, сотрудница Эдинбургского университета М. Грин упаковывала в Париже архив русского писателя. Так пожелал Зуров.

Жить ему оставалось недолго. 10 сентября он скончался. Так закончилась эта грустная история. И началась другая...

«МГА? ТАКОГО СЛОВА НЕТ!»

23 августа 1947 года Иван Алексеевич писал Марку Алданову (у нас это письмо публикуется впервые): «Я сейчас, благодаря вам, стал перечитывать свое „собрание“ (изд. Петрополиса), кое-что правлю (чуть-чуть) и, поправив книжку, надписываю по-дурацки на ней: „Для нового издания“ — потому по-дурацки, что не видать мне как своих ушей этого нового издания при жизни (да и после смерти-то будет ли оно такое, какое мне было бы нужно: ведь где же издадут, кроме Москвы)».

Дальше идут обычные бунинские оговорки. Но это признание говорит о многом: писатель понимал, что он нужен Родине и ему самому без нее не обойтись.

Итак, архив уплыл в прямом смысле к берегам Северного моря. Могла его здесь ждать счастливая судьба? Конечно, нет. Хотя отдадим должное оперативности новой владетельницы архива. Уже в 1972 году в «Новом журнале» (№ 108), выходящем на русском языке в Нью-Йорке, появилась первая публикация дневников И. А. Бунина. Затем последовали другие. Но качество их оказалось, к сожалению, ниже всякой критики.

Много лет знавший близко Ивана Алексеевича, исполнявший у него секретарские обязанности, А. Бахрах резко отзывается о публикациях М. Грин, в частности о трехтомнике «Устами Буниных», в котором она соединила дневниковые записи Ивана Алексеевича и его жены.

Удивляет количество купюр. В каждом трехсотстраничном томе их где-то около двух с половиной тысяч (!). Факт невероятный! Сама Грин объясняет просто: «Печатать дневники полно-

стью не было возможности — это увеличило бы издание на много томов». Таким сокращениям подверглись записи самого Бунина, хотя этих записей не так уж много (во втором томе, к примеру, их едва ли десятая часть от общего объема публикуемого).

Публикатор не может совладать ни с языком, ни с фактами. В записи Бунина 1 февраля 1934 года встречается слово «мга» (сырой туман). Указав на «ошибку», Грин исправляет на «мглу». Получается: «Ночь была сырая, с мглой». Писатель раз за разом презрительно называет Гитлера «Хитрелом», Паулюса — «Паулисом» и т. д. Грин с удивительным простодушием выделяет это как «описку». (И сама тут же ошибается — «Паулус»). Ученого К. А. Тимирязева именует «князем Темирязевым». Врача из Одессы И. С. Назарова путает с поэтом Е. И. Назаровым, а автора первой биографической книги «И. А. Бунин. Жизнь и творчество» (Парабола, 1934) Кирилла Зайцева — с однофамильцем, писателем Борисом Зайцевым. Старый переводчик русских классиков И. Д. Гальперин-Каминский становится под рукой Грин «адвокатом Гальперн».

Публикатор утверждает, что Бунины прибыли в Париж «весной 1922 года», хотя это произошло двумя годами раньше. Зато Бунин «скончался 14 октября 1953 года», а не 8 ноября, как было в действительности. Список этот можно продолжать до бесконечности. Да, печальна судьба бунинского архива...

Что касается «мебели из ломбарда», то ее выкупила писательница Н. В. Кодрянская. Летом 1973 года от нее пришла посылка в город юности Бунина — в Орел, в Государственный музей И. С. Тургенева. Здесь есть постоянная экспозиция, посвященная Ивану Алексеевичу. Благодаря посылке из Парижа она пополнилась личными вещами писателя: письменным столом, креслом, столиком для пишущей машинки, полочкой для книг, секретером. Знакомая Ивана Алексеевича, известная художница Т. Д. Муравьева-Логинова писала:

«И кажется мне порой, что самое „исключительное произведение Бунина“ — это его собственная жизнь: горячая, бурная, страстная, как грохочущий весенний поток, вся проникнутая и движимая „стихийными силами“ и верою в „конечную победу добра“» (Лит. наследство, т. 84, с. 329).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Бунин И. А. Собр. соч., М., 1967, т. 9, с. 51.
[2] Там же, с. 126.
[3] Лит. наследство. М., 1973, т. 84, кн. 2, с. 262.
[4] Там же, 1973, кн. 1, с. 360—361.
[5] Бунин И. А. Указ. соч., с. 62.

А. Р. Палей

* * *

Я у себя. Здесь разнородность встреч.
Здесь вместо голосов и лиц —
Безмолвная, но слышимая речь,
Звучащее молчание страниц.

Людская радость и людские слезы
Ко мне доходят четко из шкафов —
Беззвучный различаю шепот прозы,
Беззвучную мелодию стихов.

Я слышу вас, герои и бойцы.
Здесь ваш навек запечатленный гений —
Рассказчики, поэты, мудрецы
Из дальних стран и дальних поколений.

И рядом — современники мои,
Чье творчество впрессовано в бумагу,
Чтоб не исчезла память о любви,
Чтоб помнить взлет, падение, отвагу.
Чтоб укрепить, продолжить, сохранить
Сквозь все века протянутую нить.

Резцом
и
кистью

«Книга есть река премудрости», «художество изображения есть высшее художество», «книга есть дар высокого духа», «мастер изделия превыше рыцаря меча». Так мыслили старые мастера. На этом здоровом понимании, полные сознания ответственности, росли цехи, иконные дружины и все те многообразные творческие проявления, которые поражают нас и своим «добрым изделием» и благородством устремления.

Н. К. РЕРИХ

Каждому писателю свойственно чувство чести столяра. Ничего позорного в этом нет. Каждому столяру свойственно чувство чести писателя.

АКУТАГАВА РЮНОСКЭ

Александра Пистунова

«В ТИШИНЕ ГРОХОТА»

Заметки о Маяковском-художнике

Последний декабрь прошлого века... Володе Маяковскому, сыну лесничего из грузинского села Багдади, шесть с половиной лет. Это шумный, веселый парнишка, который хорошо держится в седле, не боится ни волка, ни коршуна, ни, конечно, собак. Он знает, как набирает силу виноградная лоза и как приближается непогода, различает голоса птиц и помнит имена трав и цветов на двух языках. Он отважен. Всегда в движении: то скачет на коне, то лазает по деревьям и скалам.

Накануне нового века в Багдади долго шел снег, сильно похолодало. Отец запретил Володе появляться во дворе среди лесных объездчиков, а мама — на всякий случай! — спрятала его сапожки. Пока старшие сестры наряжали елку, Володя, примостившись у обеденного стола, притихнув, рисовал акварелью... С тех пор в семье Маяковских нашлось средство унять шалуна: с цветными карандашами, красками и листом бумаги его «не слышно».

Мы находим эти сведения о детстве Владимира Владимировича Маяковского в переписке членов его семьи, хранящейся в музейных фондах. В переписке старинной, спокойной, интеллигентной, в письмах обыкновенных, добрых, озабоченных людей, ведать не ведающих, что среди них живет будущий великий художник, великий поэт, великий бунтарь.

Когда читаешь эти письма, вспоминается гордая формула Цветаевой про «обратную генетику» гадкого утенка: я обладаю тем, чего нет, чего быть не может у моих родственников; я — стану тем, что не должно быть, не должно быть на них похоже... И, однако, Марина Ивановна гордилась отцом, матерью, сестрами. Любила их. Да и Маяковский, чей безвременный уход никто не оплакал так, как Цветаева, горевал без отца, был предан матери и сестрам. Но в переписке его родственников не могла бы появиться фраза: «Выбрать день самый синий, и чтобы на улицах улыбающиеся милиционеры всем в этот день

раздавали апельсины». Фраза не только другой эпохи и другого социального мира, в ней — детская цветная мечта Маяковского: милиционеры в белоснежной форме, синий воздух, оранжевые апельсины. Так рисуют дети, притом нынешние. Здесь мечта шестилетнего мальчишки, которого «не слышно» только возле красок, мальчишки особого — провидца.

«Если тебе посчастливилось родиться на рубеже двух столетий, ты переживешь второе детство — детство нового мира. Там, где-то далеко, в середине земли, подымается пятиугольная скала Кремля. От нее отступает океан старого мира. Земля вокруг Кремля все растет. По той земле ходят иные — родные — люди. На той земле появляются новые стихи. Земля та говорит про Ленина голосом Маяковского. Ты его увидишь: он высокий, широкоплечий и внимательный-внимательный, как ребенок, потому что он гений». Виктор Шкловский напишет это для нас, приближающихся к новому столетию, новому тысячелетию, напишет, вспоминая великого друга.

Каким счастьем было бы отыскать рисованье Володи Маяковского в Багдади, в Кутаиси... Его карандашных листов, акварелей, выжиганий по дереву не сохранилось. Хотя — так много раз бывало в музеях,— быть может, еще принесет какая-нибудь старушка высохшую дощечку или желтый лист бумаги. Есть свидетельство, что художнический талант находил у Володи не кто-нибудь, а сам живописец Краснухо, ученик Репина по Петербургской академии художеств, ставший учителем рисования в кутаисской гимназии, где Маяковский проходил первые классы. Однако мало ли детей, замечательно рисующих лет до десяти и даже до двенадцати? Мало ли шалунов, которых можно успокоить, усадив за краски? Страсть к цвету и линии обычно просыпается почти в каждом человеке, притом рано, много раньше, чем мука стихотворчества. Но эта страсть скорей и уходит. За малым исключением все дети рисуют, пока не вступят в отрочество. В отрочестве рисуют те, кто навсегда остается художником, какую бы жизненную профессию для себя не выбрал. Сохранилась фотография кутаисского гимназиста Володи Маяковского: бархатный карий взгляд, лицо чертами напоминает детские лица Рафаэля — оно будто бы обращено к тебе, а смотрит в себя, в таинственные глубины своего существа. Чем дольше глядишь на этот снимок, тем более уверяешься, что к кутаисскому фотографу Володю привели от художника Краснухо, напевавшего за работой песню, с гневом и сарказмом петую передвижниками:

Ах ты, воля, моя воля,
Золотая ты моя.
Воля — сокол поднебесный,
Воля — светлая заря.

В. В. Маяковский. 1910

Вот оно, слово дорогое — воля. Оно прошьет, как игла с суровой нитью, отрочество и юность Маяковского, оставаясь в памяти и сознании великого художника революции от первого учителя. Того, кто в чиновничье-мундирном купеческом Кутаиси носил бархатную кофту с бантом и читал стихи навсегда обожаемого Маяковским Некрасова:

Добрый папаша! К чему в обаянии
Умного Ваню держать?
Вы мне позвольте при лунном сиянии
Правду ему показать.

Биография Маяковского общеизвестна. Мы хорошо помним, что после смерти отца, Владимира Константиновича, семья покинула Грузию, перебравшись в Москву; тогда Маяковский только становился подростком.

От Москвы в биографии замечательного художника сохранилось для потомков побольше. Потом — Петроград, множество советских городов, Куба, Мексика, Америка, Франция... Но мы должны представить внутреннюю жизнь этой богатой души и в детские годы. Что же было в ней, как она жила, росла, при каком «лунном сиянии» видела правду, о чем мечтала, если обладающий ею человек, выйдя на волю из одиночной камеры № 103 Бутырской тюрьмы, скажет матери, что теперь он намерен «заняться живописью и делать социалистическое искусство»? Александра Алексеевна Маяковская пишет об этом в воспоминаниях о своем сыне, добавляя фразу, которая кажется удивительной ей самой: «Ему было тогда 16 лет».

«Существует непримиримое несоответствие между временем человека и временем Истории. Коротки дни человеческой жизни, но долго, очень долго тянутся годы Истории». Вот ты и пробуешь — точно в глубокий колодец — заглянуть в годы Истории, ведь из них состоит всегда жизнь замечательного человека. «...Ты рассматриваешь стены, запачканные пятнами, или камни из разной смеси. Если тебе нужно изобразить какую-нибудь местность, ты сможешь там увидеть подобие различных пейзажей, украшенных горами, реками, скалами, деревьями, обширными равнинами... Кроме того, ты можешь там увидеть разные битвы, быстрые движения странных фигур... и бесконечно много таких вещей».

Как вы думаете, чьи строки цитирую я, стремясь заглянуть в годы Истории Маяковского? Это фрагменты «Книги о живописи» Леонардо да Винчи.

Давно пришла пора поставить Маяковского-художника в ряд титанов мирового искусства: его разнообразнейшее, охватывающее, кажется, все жанры и формы изобразительное творчество, гениальная свобода и мастерство в каждом из его произведений,

В. В. Хлебников. Рис. В. Маяковского. 1916

его понимание вершин и ненависть к пошлости тусклоглазого псевдоискусства делают бесспорным право Маяковского быть в этом ряду. Строки Леонардо о пятнах на стене мог бы написать и сам Владимир Владимирович. Это его отрочество, первые годы юности, время, когда занимался в Московском училище живописи, носил почти такую же, как у Краснухо, блузу с бантом и писал дивные портреты. Их малая, малейшая часть сохранилась в Музее Маяковского. Эти портреты заставляют вспомнить Врубеля, Сомова, «голубого» Пикассо. Да, да, здесь сумеречная серо-сиреневая гамма, мерцающий из темноты лик человека.

Маяковский поступил в училище живописи, прозанимавшись перед этим в течение года у художника Келина. Примечательно, что у Келина несколькими годами ранее брал уроки Дмитрий Стахиевич Орлов — тот, который в годы революции стал знаменитым мастером советского плаката — Моором. В училище Маяковский посещает фигурный класс, учится со страстью, его замечают. Именно ему поручено произнести прощальное слово над гробом профессора Валентина Александровича Серова. Речь не сохранилась — и в юности и позже Маяковский не писал заранее своих выступлений. Однако присутствовавшие свиде-

тельствуют, что Маяковский говорил о классике и новаторстве. Отчет о похоронах Серова сообщает — цитирую одну из тогдашних газет: «...от имени учеников фигурного класса говорил живописец Маяковский. И, указав на тяжелые потери, которые понесло русское искусство за последние пять лет в лице Мусатова, Врубеля и, наконец, Серова, высказался в том смысле, что лучшее чествование светлой памяти покойного — следование его заветам». Может, репортер «Русских ведомостей», как говорится, малость ошибся? Это у Маяковского — слово «заветы»?! Но тогда все газеты 1911 года сговорились, ибо о заветах в речи ученика фигурного класса Маяковского пишут они одинаково. Да ведь, и в самом деле, «заветы» великого художника не пустой вопрос для юноши, который знал его, даже если этот юноша когда-нибудь будет (на словах!) от них отказываться. Вот что имела в виду Цветаева, формулируя свою «обратную генетику».

И Краснухо, и Серов были учениками Репина. Первый — одним из многих, второй — любимейшим. Автор «Бурлаков», «Ареста пропагандиста», «Не ждали» был близок душе подростка, отсидевшего в Бутырках.

«Входя душою в героическую стезю бескорыстнейших мечтаний молодежи,— писал Илья Ефимович,— и я полезен в сумме общего движения в пользу революции». И вот уже не мальчик, не подросток, а юноша, перешагнувший за двадцать, Маяковский, будто бы расставшийся с изобразительным творчеством ради поэзии, встречается с Репиным на даче у Корнея Чуковского. Маяковский близок с теми, кого Репин именовал «футурней», и Чуковский боится, что это свидание кончится скандалом.

Корней Иванович оставил об этом подробнейшие воспоминания, написанные скорее драматургом, нежели мемуаристом. Диалог Репин — Маяковский напряжен, неожидан, исполнен искренности и... восхищения. Да, да, титаны сразу полюбили и поняли друг друга. Я приведу фрагмент:

«Маяковский начинает своего „Тринадцатого апостола“ (так называлось тогда „Облако в штанах“) с первой строки. На лице у него вызов и боевая готовность.

Это опять расстреливать мятежников
грядет генерал Галифе!..

Я жду от Репина грома и молнии, но вдруг он произносит влюбленно:

— Браво, браво!

И начинает глядеть на Маяковского с возрастающей нежностью. И после каждой строфы повторяет:

— Вот так так! Вот так так!

„Тринадцатый апостол“ дочитан до последней строки. Репин

просит: „Еще“. Маяковский читает и „Кофту фата“, и отрывки из трагедии, и свое любимое „Нате!“:

Через час отсюда в чистый переулок
вытечет по человеку ваш обрюзгший жир,
а я вам открыл столько стихов шкатулок,
я — бесценных слов мот и транжир.

Репин восхищается все жарче. „Темперамент! — кричит он.— Какой темперамент!“ И, к недоумению многих присутствующих, сравнивает Маяковского с Гоголем, с Мусоргским... На прощание Репин сказал Маяковскому:

— Уж вы на меня не сердитесь, но, честное слово, какой же вы, к чертям, футурист!

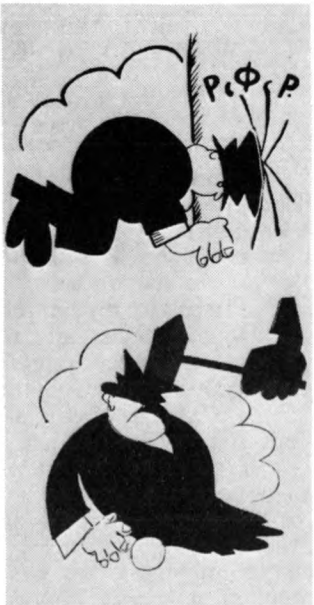
Через несколько дней, когда Репин пришел ко мне снова и увидел у меня рисунки Маяковского, он еще настойчивее высказал то же суждение:

— Самый матерый реалист. От натуры ни на шаг, и... чертовски уловлен характер».

Я прервала воспоминания Корнея Ивановича, хотя дальше он повествует о взаимном портретировании Репина и Маяковского. Прервала, чтобы заметить одно интереснейшее обстоятельство: принято считать, что, так же как Пушкин предвосхитил в своих рисунках то, что называется темпом линии, Маяковский первый наметил некоторые новые техники: он любил использовать обмокнутую в краску или чернила спичку, хвостик от папиросы, как сейчас рисуют широкими или узенькими фломастерами. И, однако, темп линии, возможность высказать в наброске очень многое найдем мы в первой трети XIX века в рисовании не только одного Пушкина. Так рисовали и Брюллов, и Кипренский, и Венецианов. Другое дело, что Пушкин — великий поэт, который был в то же время и незаурядным художником. Вот это — истина. То же и с Маяковским. Техники, которыми он пользовался новаторски вольно, метко, не во всем его собственные. Очень может быть, что Маяковский видел что-то подобное у Серова, но уж у Репина — наверняка. Вот что пишет Чуковский:

«Доктора запретили ему (Репину) работать без отдыха и потребовали, чтобы хоть по воскресеньям он не брал в руки ни карандашей, ни кистей. Он приходил каждое воскресенье ко мне... и с тоской оглядывался, нет ли где карандаша или пера. И, не найдя ничего, хватал из пепельницы папиросный окурок, макал его в чернильницу и на первой же попавшейся бумажке начинал рисовать... Он действовал окурком, как кистью, и чернильные пятна создавали впечатление живописи».

Не стоит «присваивать» Пушкину и Маяковскому принадлежащее не только им. Оба они обладают таким количеством



Рисунки В. Маяковского для Окон РОСТА. 1920-е

собственного, что «покушаться» на общее здесь не имеет смысла. Это собственное прежде всего в том, что слово Пушкина и Маяковского конгениально линии Пушкина и Маяковского.

Я поняла уже давно: задача размышляющего о культуре, о титанах искусства состоит не в противопоставлении их, не в похвале одному за счет прочих, но в понимании их связи. Даже такой, как неприятие. Скажем, неприятие Толстым Шекспира. Распространим и на этот факт широкую формулу — «обратная генетика». Ведь генетика же! Вот что важно.

Сегодняшнее литературоведение справедливо находит корни стиха Маяковского в русской поэзии XVIII столетия: ритмически и синтаксически сложной, архаической словарно, торжественной и сатирической одновременно. Поразительно: в произведениях изобразительного искусства, созданных Маяковским, мы тоже найдем корни XVIII столетия. Все помнят Окна РОСТА. С чем же и сравнить их, как не с лубком? Лубок часто состоял из картинок-«диапозитивов», происходящее в них описывалось яркой поэтической строкой. Маяковский именовал дерзкие строки «словоновшеством». Он соединял в Окнах РОСТА свои дарования,

могучие средства, которыми владел: будил в зрителе и читателе свежесть восприятия, обращал человека к первоначальности ощущений, к истоку. «Воспаленной губой припади и попей из реки по имени — Факт».

Маяковский обладал цветным слухом — это общеизвестно. Шум дерева он воспринимал зеленым, детское пение — белым, музыка иногда мучила его багрово-коричневыми тонами. Слышал цветно, видел — объемно. Любимая из форм — шар: земной шар («шарик»), солнце, мяч («Взяла, отобрала сердце и просто пошла играть, как девочка мячиком»; «Гнев скругли в огромный бомбы мяч»). В «Приказе № 2 по армии искусств» он пишет: «Мастера... они нужны, чтоб форму дать вещам». А рассказывая о РОСТА, уточняет одну из форм, в которую облек великие идеи Октября он сам: «Это — протокольная запись труднейшего трехлетия революционной борьбы, переданная пятнами красок».

Ему посчастливилось родиться на рубеже столетий... Да, он переживал «второе детство», детство родившегося нового мира. Переживал его как поэт и как художник — как творец. В нем он был таким же отважным, смелым, бархатноглазым. Та же любовь и ясная память обо всем, что есть прекрасного в мире; пусть вдумаются в бесстрашную искренность строк: «Враспашку — сердце почти что снаружи — себя открываю солнцу и луже». Те, кто считает, что его не трогала краса старины, пусть перечтут «Нотр-Дам». Образ Собора восхитил бы и Гюго. «Прошедшего возвышенный корабль, о время зацепившийся и севший на мель».

Но я не буду отвлекаться. Мы ведь говорим о Маяковском-живописце...

И все же как разделить в этом гении поэта и художника?

Репин был, разумеется, прав, говоря о реализме Маяковского. Да и встретились они как раз тогда, когда снявший желтую кофту юноша заявил от своего и своих товарищей имени: «...Не удивляйтесь, если сегодня в наших руках вместо погремушки шута вы увидите чертеж зодчего».

Был ли Маяковский и архитектором? На практике как будто нет. Однако он был конструктором книги, сценографом, живописцем-портретистом и графиком-пейзажистом, мастером рекламы, рисовальщиком и костюмером, карикатуристом и художником кино. Он был аккумулятором зрительных впечатлений, вбирая их жадно, как ребенок, чья восприимчивость всегда гениальна.

Владимир Владимирович переплавлял в слово то, что вобрал глазом художника. Иногда слова было мало. Тогда он рисовал. Разглядывая в Музее Маяковского его путевые блокноты, записные книжки, я поняла, как именно он переживал свое «второе детство». Он учился, бесконечно учился. Его интересовал живой

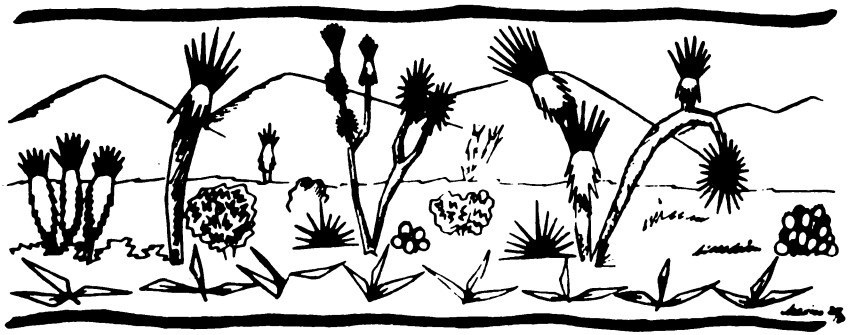


Рисунок В. Маяковского к стихотворению «Тропики»

мир новой для него природы (на Кубе, в Мексике) — он хотел знать названия кактусов, деревьев, цветущих кустов. На этих страницах с заготовками рифм и тем, записями дел и забот часто появляется один и тот же сюжет: человек, несущий пальму. «Пальму? Что это, откуда? — думала я.— Где я это уже видела?»

И вдруг в памяти всплыл знаменитый коллаж Маяковского, его плакат к «Мистерии-Буфф». Все знают эти два листа, они воспроизводятся большинством изданий Маяковского: «Семь пар чистых» и «Семь пар нечистых». Те, кто видел выставку «Москва — Париж» 1981 года в Музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина, помнят оригиналы. Они принадлежат московскому музею великого поэта и находятся в его постоянной экспозиции. Среди «семи пар нечистых» — фигура маляра в фартуке с метлой. С метлой? А может, с пальмой? Вот же в американских блокнотах — с пальмой. От долгого взгляда фигура маляра выросла до гигантских размеров и стало ясно: ведь это автопортрет. Да, да. Почти все фотографии выступающего на эстраде Маяковского дают этот же ракурс могучей, откинувшей широкие плечи фигуры. Рука поднята вверх... Нет, в ней не кисть и уж тем более не пальма. Маяковский несет факел, как бегун нескончаемой эстафеты...

Если моя догадка справедлива, тогда мы можем в коллаже к «Мистерии-Буфф» увидеть автопортрет Маяковского. Он привлекателен, хоть и чуть тяжеловат, однако экстатическая мощь напора, остановленного движения превращает тяжесть в прочность. Он напомнит вам движение «Рабочего и колхозницы». Но абрис, сюжет, динамика этой фигуры появились почти на двадцать лет раньше замечательного творения Веры Мухиной.

Значит ли, что Вера Игнатьевна заимствовала у Маяковского? В такой же мере, как заимствовала вся художественная эпоха, отмеченная его короткой жизнью.

Берет у него и наше время. Станет брать следующее тысячелетие. Позаимствовать у Маяковского главное не получится — не унесешь. А учиться у него может всякий.

Через двадцать с лишним лет после 14 апреля 1930 года французский художник Фернан Леже создал свой знаменитый графический лист «Памяти Маяковского». Лист изрисован изображениями рук — сжимающий кулаки «атакующий класс», руки влюбленного юноши, руки отдыхающего от тяжкой работы, руки прощающиеся... «Почему ушел?» — введена в рисунок шрифтовая запись, силуэтом близкая как бы не имеющему композиции рисунку. Принято считать, что, обратившись к рукам — этому труднейшему для художника предмету изображения, Фернан Леже выразил скорбь людей нашего «шарика» о Маяковском. Но можно читать этот лист иначе, обращаясь к истории жизни Маяковского, истории его любви, труда, искусства, его борьбы. Можно читать этот лист как историю благородных заветов Маяковского. Леже допускает и такое толкование, ибо ввел в рисунок еще один текст: «Он — на дороге. Он — идет».

Маяковский — на дороге. Он — идет. Это подтверждает жизнь. И, вспоминая его путь, повторяешь с отрочества любимые тобой строки, написанные бархатноглазым мальчиком-художником, вышедшим из одиночной камеры в Бутырках делать социалистическое искусство:

Глядят ежедневное солнце — зазнаются:
чего, мол, стоят лученышки эти!
А я за стенного, за желтого зайца
отдал бы все на свете.

Лев Озеров

ПОСЛЕДНИЙ АВГУСТ, ИЛИ ЩЕПКИН В КРЫМУ

Повесть в стихах

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Писатель оставляет по себе книги, художник — картины, композитор — музыку. Но актер... Актер прошлого века, когда не было кино, не было звукозаписи... Что делать? Как воссоздать образ давно жившего артиста, о котором — по традиции — говорят «великий»? Доверяя его современникам — нашим предшественникам, мы все же в глубине души остаемся перед тайной. Ведь наяву (а не в воображении) мы не услышим ни Мочалова, ни Каратыгина, ни Щепкина, не увидим их жестов, не насладимся их декламацией и теми образами, которые они создавали на сцене,— вот сейчас, сию минуту, в присутствии зрителей.

Но, думается, во власти поэзии создать эффект присутствия, заставить наших современников перенестись в те времена, которые давным-давно стали историей. Поэтический образ способен хотя бы на мгновенье вернуть утраченное время и воспроизвести картину в приближенном к реальности виде.

У поэта в руках записки современников — воспоминания об актере. В их строках выражен восторг зрителей. Этот восторг передается от сердца к сердцу. Обстановка на театре, жизнь актера, его окружение постепенно проясняют облик и того, о ком ведется речь,— Михайло Семеновича Щепкина.

Но куда сильней воспоминаний современников впечатляют «Записки крепостного актера», книга начатая, продолженная, но, увы, не законченная Щепкиным. По литературным достоинствам, по духу и стилю ее можно смело поставить рядом с мемуарной прозой С. Т. Аксакова. Какой слог! Какое богатство речевых красок! Какая достоверность описаний! Автор замечает, что его записки будут иметь одно достоинство — истину. Он записывает только то, что было в действительности.

У книги своя славная история. Она известна. Но здесь имеет смысл вернуться к ней, поскольку эта история связывает Щепкина с Пушкиным.

М. С. Щепкин в последние годы жизни. Гравюра К. Эргота с рисунка А. Скино

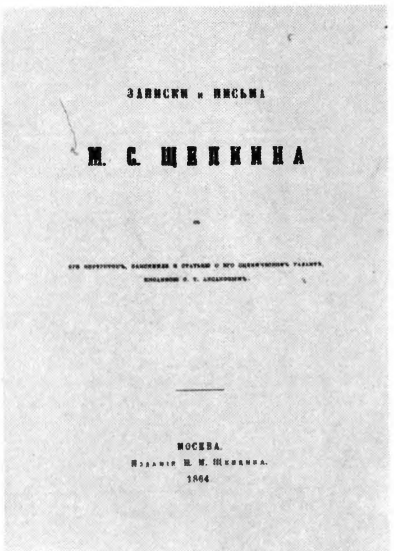
Пушкинская душевная щедрость проявлялась многообразно. Между прочим, проявлялась она и в подсказке тем для новых книг другим, родственным авторам. От Гоголя до Щепкина.

В 1836 году Пушкин убеждает Щепкина взяться за свое жизнеописание. Михайло Семенович долго отказывался: имеет ли он право на внимание читающей публики? Ведь он не государственный деятель, не вельможа, не дипломат.

Тогда Пушкин дарит Щепкину тетрадь и открывает ее своей записью: «17 мая 1836, Москва. Записки Актера Щепкина». Первая строка — начало жизнеописания — тоже рукой Пушкина: «Я родился в Курской губернии Обоянского уезда в селе Красном, что на речке Пенке...»

Написал и передал Щепкину перо. Тот начал писать книгу воспоминаний. Написанное представляет огромный интерес не только как записки актера, но и как литературное произведение, воспроизводящее эпоху. Его место рядом с лучшими нашими книгами мемуаров. «Отрывок из записок Михайло Семеновича — вещь драгоценная»,— писал Белинский Герцену в 1846 году.

Книга издана через год после смерти великого артиста его сыном Н. М. Щепкиным. В 1914 году вышла она в издательстве


ЗАПИСКИ и ПИСЬМА

М. С. ЩЕПКИНА

МОСКВА.
Издание М. М. Щепкина.
1864

М.С.ЩЕПКИНЪ

1788—1863

ИЗД. Т-ВА А.С.СУВОРИНА

Первые издания «Записок» М. С. Щепкина

А. Суворина под редакцией внука — М. А. Щепкина. Третье издание вышло в 1928 году в издательстве «Современные проблемы» с предисловием, приложением и комментариями А. Б. Дермана.

Я не театровед, но должен отметить неубывающий интерес к личности одного из зачинателей нового русского театра.

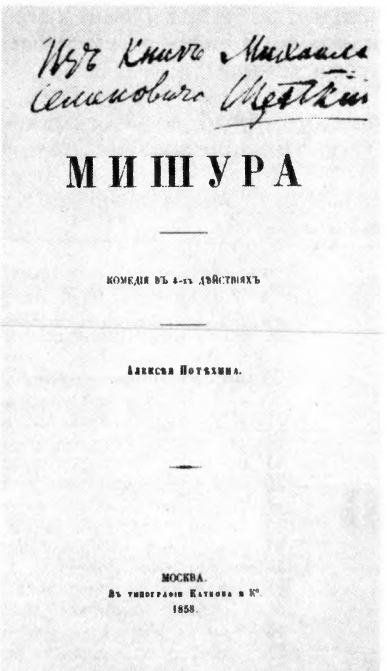
Щепкинские традиции жили (и живут) в поколениях актеров Малого театра. Я застал представителей династии Садовских и Рыжовых. Много щепкинского находил я в игре актеров других театров. В потомках я искал предшественника. И мне помогало это дорисовывать образ Щепкина (воображение не покидало меня).

И я неизменно возвращался к книге.

«Записки крепостного актера» многое проясняют в облике и складе мыслей Щепкина. Можно пожалеть, что книга осталась незавершенной. Трудно сказать, какая часть задуманного осуществлена. В известной мере недописанное восполняют воспоминания современников Щепкина. В разные годы я пополнял свое знание жизни и деятельности этой глубоко привлекательной личности все новыми и новыми материалами. Их, к сожалению, не так уж много.

Великий актер и деятель русского театра Щепкин был

Автограф М. С. Щепкина на книге А. Потехина


Изъ Книгъ Михаила Семеновича Щепкина

МИШУРА

КОМЕДІЯ ВЪ 4-хъ ДѢЙСТВІЯХЪ

Алексѣя Потѣхина.

МОСКВА.
Въ типографіи Каткова и К°.
1858.

одним из зачинателей искусства художественного чтения. Он — предтеча наших современных «говорящих книг».

Много дало мне разглядывание портретов Щепкина. Это, прежде всего, акварели А. Козлова и академика А. Добровольского.

В моей душе образ Щепкина живет с юношеских лет. Его доброта, понимание людей, общительность, трудолюбие, беспощадность к себе, святое отношение к своему труду не отвлеченные категории, а черты живого характера. По случаю 50-летия театрального поприща Щепкина Сергей Тимофеевич Аксаков писал: «В эпоху блистательного торжества, когда Петровский театр, наполненный восхищенными зрителями, дрожал от восторженных рукоплесканий, был в театре один человек, постоянно недовольный Щепкиным; этот человек был сам Щепкин...» И тот же Аксаков добавлял: «...смех над собой — те же слезы, и равно благодетельны они душе человека...»

Не скрою, такого рода люди — мои любимцы. Только что

названные Аксаковым черты характера представляются мне отвагой. Я вижу этих людей в действии. Они привлекают к себе необычайно.

Так и не приметил я, как от записок актера, от воспоминаний современников, от разглядывания иконографических материалов, от алупкинских и ялтинских впечатлений, от раздумий о судьбах русского театра, еще шире — русского слова я перешел к поэме, лежащей перед вами, дорогой читатель.

Чем старше мы, тем нам трудней менять
Свои привычки, свой порядок жизни.
Душа еще бодра и рвется в путь,
А тело встало поперек дороги.
Уже, как было прежде, по ночам
Старик не перечитывает роли.
Чудно! Откуда, право, эта хворь?
Не к месту. Да, болезнь всегда не к месту.
Сказал актрисе-другу, выйдя в сад:
— Ты видишь развернувшиеся листья?
До той поры, как упадут они,
Предчувствую, меня уже не будет.
— Зачем, голубчик, безнадежно так,
Тоскливо так! — Обманываться поздно,
Я говорю, что чувствую, прости.—
Он умолкал и слышалось, как дышит,
Как тяжело и хрипло дышит он.
Не только эскулапы — домочадцы
Ему твердили: отдых и леченье.
Друзья советовали: нет и нет,
Не надо дом бросать в такую пору.
Остался бы в Москве иль, может быть,
В деревню — воду пить — поехал к сыну.
Нет, он не зря взял в долг пятьсот рублей,
Что для него исхлопотал граф Борх.
— Поеду! Так и быть,— сказал,— поеду!
И он, отец своей большой семьи,
Оставил мысль об отдыхе, отправясь
На новые гастроли. В добрый путь!

Нельзя артисту дня прожить без сцены,
Без сцены день артистом прожит зря.
Он по дороге в Крым играл в театрах
Провинциальных,— он их так любил
По старой памяти. Актер российский —
Скиталец, коробейник и офеня.
Он любит веселить простой народ,
Не только веселить, а просвещать.
Смех над собой — достаточно вглядеться —
Все те же слезы. Быстро уставал,
Но надо было заработать деньги
Семье, а он любил свою семью.
Не только женушку с детьми, семьею
Считал он всех, кто жил в его дому,

Десятка два с лихвою человек.
Вот скоро Крым, и он свою усталость
Избудет там, на южном берегу.
В Ливадии ему с императрицей
Обещано свиданье. Может быть,
Императрица Щепкина уважит
И театральных школ выпускники
Не будут отданы на произвол
Судьбы, что к ним неласкова. Быть может...

Предчувствие морской стихии и крымской сини — сколько раз
Я это видел, как впервые, впивал и не насытил глаз.
И эта зелень, эта охра, и эта кипень белизны,
Когда волна как бы оглохла и рвется к берегу весны —
Впивать с людьми пьянящий запах. И, радуясь (пришла весна!),
Приподымается на лапах и падает к ногам волна.
Волна ему с утра махала смятенной лапой, подобрев,
И рад услышать был Михайло Семенович ее напев.

Он пароходом прибыл в Ялту. Хвор
И стар он был. Когда сошел по сходням
На берег, оглянулся: сколько лиц!
Толпа его ждала — приехал Щепкин.
Посланец графа молвил: — Поскорей!
Не велено задерживаться в Ялте.
Но Щепкин отвечал вполне спокойно
И строго: — Торопить меня не след,
Я знаю счет часам, а эти люди
Давно меня здесь ждут, я их хочу
Приветить...— Щепкин к людям обернулся
И просиял, и поклонился низко,
Хотя он это сделал, простонав.
Посланец графа подсобить ему
Хотел.— Не надо! — отказался Щепкин.—
Сам не прислуживал я никому
И мне прислуживать не надо, сударь!
К тому ж есть у меня надежный друг,
Вот Сашка мой, нет, Александр Алмазов.—
И подошел к коляске щегольской,
И сел в нее на редкость лихо, будто
Не Фамусов он был, а тот Шельменко-
Денщик* или Симон**,— не сел — сыграл
Того, кто мог бы в эту сесть коляску.
Поехала коляска. Воронцов
Семен Михайлович позвал актера
На отдых в свой алупкинский дворец.
Со всех сторон к нему съезжались гости.

Где мы находимся? Аллеи парка
Сбегают к морю, этакий каскад
Листвы и хвои, на террасах прочно
Оберегают мраморные львы

---

* Герой пьесы Г. Квитко-Основьяненко.
** Герой водевиля Соважа и Делюрье.

Покой и счастье дома Воронцова.
За кипарисами седой простор,
Какая-то неведомая бездна,
Влекущая, манящая — куда?
За волнами деревьев волны моря.
Захочешь-не захочешь, а вздохнешь.
Здесь музыка звучала. Синь небес
Певцам внимала. В голубой гостиной,
Отмеченной высокой красотой,
Где мастер крепостной Роман Фуртунов
Пустил самозабвенно по стене
Орнамент из цветов и листьев — диво! —
Повсюду синева и тишина.
На дело рук Фуртунова глядел
С несдерживаемым восторгом Щепкин,
Парашу Жемчугову вспоминал,
Отец, Семен Григорьевич, ему
Припомнился, как взял с собой в дорогу
И сына потерял и как потом
Искал его так долго — трое суток,
Затем спасение нашел в Ракитной,
И как взбодрился.— Стало быть, о чем
Скажу императрице?..
Здесь, в Алупке,
Не вредно задержаться. Сущий рай!
Ему обещан отдых.— Побродя,
Старик, среди дерев и давних статуй,
На это небо погляди, старик,
Послушай, как внизу рокочет море.
Ты приглашен — здесь любят знаменитых,
Гостеприимен воронцовский дом.
Граф в кабинет свой гостя ввел и сел
И спрашивает Щепкина: — Ответь мне,
Почто актер французский столь блестящ,
Свободен, а у нас он неподвижен?
— Затем, мой граф, что я — больной старик —
Стою пред вами, ну а вы сидите...
Я говорю вам «вы», а вы мне «ты».
Ваш батюшка, мой полный тезка, кстати,
Говаривал мне дельно Михаил
Семенович, покойник, о театре,
О Греции, о Риме, о Париже.
Ах, до чего начитан был отец
И до чего был точен и изыскан
Во Франции, сказали? Мы ж в России.
Ее-то, от лакейской до дворца,
Я знаю...— Граф мгновенно встал и молвил:
— Присядьте, не сердитесь, милый друг.
— Не о себе я, дело не во мне...

Съезжались гости. И покуда гости,
Шепча приветы, платьями шурша,
Не съехались, дадим портрет героя.
Он грузным был, почти что угловат,
Сказать по правде, мешковат, не слишком.
В припухлости его сквозила детскость,

Растерянность, короче,— доброта.
Но до тех пор он мог казаться грузным,
Пока уста не раскрывал. Тогда
Весь груз его весомостью казался:
Не тяжесть — основательность была
В его повадке. Тучность? Ни следа.
Изящество — оно такого свойства,
Что может тощий им не обладать,
А полный обладает в полной мере.
Улыбчив был. Улыбка начиналась
Не с губ, а где-то в глубине души.
Плыла. Как только достигала щек,—
Шла в зал теплынь душевности его.
Сперва легко подрагивали щеки,
Потом улыбка достигала губ
И зал не мог в ответ не улыбнуться.
Подчас улыбка уплывала в смех,
Соскальзывала, как с перил мальчишка,
Актер, не сдерживаясь, хохотал —
Все сотрясалось существо актера,
Оно рвалось из плотного мундира,
Трещали швы камзола, а кафтан,
Тот попросту вот-вот и расползется.
Пред вами Фамусов и городничий.
Смешно? Смеяться, право, не грешно.
Тем более, что смех так помогает
В себе убить раба, хоть был рабом
И выкуплен из крепостной неволи.
Но рабство есть не только в крепостном.
Не унижаешься? — тебя унизят.
Ведь люди норовят тебя поставить
Ступенькой ниже, а не то — двумя.
Кого в актере видел граф? Шута!
Поденщика! Говоруна! Кривляку!
Чем потчевать гостей? Французской кухней?
Не только. Музыкантами? К тому ж
Актерами? Пусть гости насладятся
И пищей для души. Блаженный час.
О, высокопоставленные гости!
Вам не о чем, бедняги, говорить,—
Мешают глупость, сытость, и презренье
Друг к другу, судари, хоть лесть в ходу
И лицемерие всегда на страже.
Пока один пьет розовый мускат,
Другой ест трюфель, третий — бланманже,
«Какие устрицы!» — визжит четвертый,
Смеши их, приглашенный к ним актер.
— Повесели нас, Щепкин!..— И Михайло
Семенович недолго заставлял
Просить себя. Ведь он готов всегда
Служить не графу — своему искусству.

Он вышел. Помолчал. И начал так,
Как будто бы возобновил недавно
Самим же прерванное слово. Гоголь
Был на устах его, как, впрочем, часто.

Непроизвольно Гоголя читал он
Так, словно сочиненное вчера
Да им самим... Клонилось к слову слово
Свободно, плотно, тесно, в естестве
Художества слова слагались дружно.
И это были вовсе не слова,
А полотно в движении, картина
В натуре, в характерности своей.
Что он хотел, то делал он со словом,
Со слушателем; полагал старик,
Что половина дела — за актером,
А половина — если поглядеть —
За слушателем... Было все трудней
Не с текстом совладать, с дыханьем,— стоном
Оно выкатывалось из груди,
С каким-то хрипом... Гоголь был суров,
Но заставлял смеяться, и за смехом
Сквозили слезы. Гоголь был суров,
Но — как смеялся, как он плакал, Гоголь!
Актер до Щепкина читал стихи
Чужим, парадным голосом, а Щепкин
Переходил так плавно от беседы
Житейской к сцене,— этот переход
Был очень мал, но золотник был дорог,
И далеко не всем давался он.
У Щепкина был несравненный дар,
Талант творить из быта — бытие,
Из черт весьма разрозненных — характер.
Потворствовали голосу движенья,
И лоб, и уголки подвижных губ,
Все существо его, сказать короче.

— Ну, что же, хорошо, читай, Михайло
Семенович! — И Щепкин им читал
До полночи. С душой читал отрывки
Из «Мертвых душ». Кто слушал? Боже мой,
Любой из слушателей очень просто
Мог счесть себя героем «Мертвых душ»,
Но так на свете водится, что люди
Уверенно считают: этот смех,
Издевка эта — вовсе не над ними,
Над кем-то там, кого здесь не найти.
Да полноте: такое непотребство
Нас не касается, подальше, прочь!..
Был Щепкин рад, как, впрочем, и всегда,
За Гоголя. Он всех развеселил:
Куда девалась чопорность? Куда
Девалась спесь? Воспитанные гости
Покачивались, разевали рты,
По ляжкам хлопали и хохотали.
Тряслись чепцы, затылки, подбородки,
И животы, и груди, и носы.
Один из тех гостей сползал со стула,
Другой с ресницы смахивал слезу,
На животе ослабил пояс — третий.
Все были заняты, увлечены,

И время короталось незаметно.
Какая ночь! Просили — он читал,
Но рвался стон из сердца и прорвался.
Прорвался стон, не стон, а некий хрип,
Не хрип, а вопль без просьбы о спасенье.
Ведь сколько раз на сцену выходил
Больной, да вот сходил с нее здоровым.
Но срок всему приходит в этом мире.
Душа еще послушна, телеса —
Они-то встали поперек дороги.
Известен вам такой зверек — одышка?
Ворчлив, капризен, вздорен,— он пришел
И долго отпускать тебя не хочет.
— Врача! Врача! — И вскоре прибыл врач:
— Он может умереть! — истошный шепот
Графини слышит побледневший граф.
— Я мертвецов боюсь! — графиня шепчет.
— Я жив покуда! — Щепкин говорит.
— Сударыня, мне только бы покоя!
— Ну да, милейший. Будет вам покой.
А в сторону, чтоб не услышал Щепкин:
— Скажу я вам, какая незадача —
Артист! Ему давно б уже пора
На печке дома с внуками валяться,
А он все продолжает потешать,
Болея, предаваться лицедейству.
Актеру умирать — где? Во дворце?
В каких дворцах он только ни бывал
И не такие видывал богатства.
Изысканно, но для души не то
Потребно. Нет, не то. Он это знает.
А что ж свидание с императрицей?
Как видно, этой встрече не бывать.
Не вовремя ты захворал, Михайло!..

Он маялся, стонал, кряхтел, и ночью
Коляска в Ялту увезла его.
Коляска, разрисованная лихо,
Тряслась по ненакатанной тропе,
По той дороге, что покойным графом
Проложена была,— счастливый путь!
Подальше от греха. Его увозят,
Как увозили одного в метель
При таинстве негласного надзора,
Другого — к бабушке, в деревню, прочь.
А третьего увозят на арбе...
И шах царю дарует ценный камень.
Как выдворяют тех, кому дано
Сиять в веках! И вот в ночную Ялту
Летит коляска Щепкина. Темно.
Уже и лето сходит — на излете.
Сквозь мглу, где мельтешили огоньки,
Как моль над сундуком богатой свахи,
Коляска Щепкинская вниз скользит.
Налево — горы, а направо — море.
Он думал: море — это тоже сцена,

Еще какая! Море — это зал,
Еще какой! Везде игра натуры,
А не кривлянье. Море — это глас,
Который внятен нам, он беспокоит.
А что ж игра актера, коль она
Не волны им самим пережитого?!
Отсюда и волненье зала. Гул
Все явственней пластался: Ялта! Ялта!
Кряхтя, он из коляски вышел. Стон
Невольно говорил о тяжкой боли.

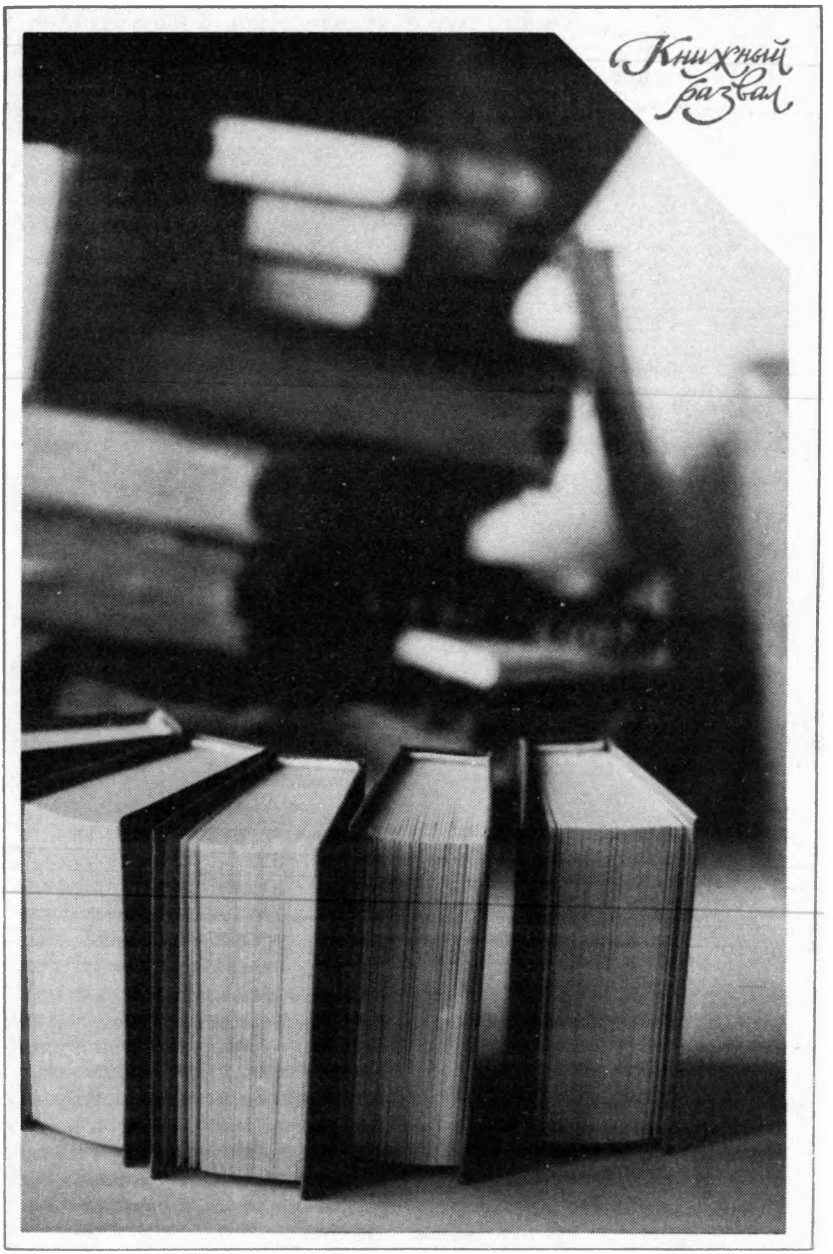
Артисту дали номер подешевле.
Дешевле солнечная сторона,
А тень на юге ценится дороже.
Улегся. Шумно. Наверху оркестр.
Оркестр военный, знатный, ливадийский,
На бал сегодняшний был приглашен.
О, своеволье духовых оркестров!
Ярится медь, пузырится, вскипает,
Литавры ударяют по мозгам,
Ликует барабан, для нежных душ
Все это — рашпилем по селезенке
И молотком по нервам.— Что же там?
Да что такое там? — спросил больной.
— Там знатный бал устроен по подписке.
— Здесь человек болеет...— Как не знать? —
Под музыку ему приятней будет.
— Что — умирать?..— Хотя бы умирать...
Он слег. А наверху всю ночь плясали.
Кадриль, мазурка, вальс. Гремел оркестр.
Особенно наяривали трубы.
О, как топочут. Дайте помереть
Спокойно. Не дадут. О, люди, люди,
А, может быть, я тоже топотал,
Мешал кому-то? Как я одинок!
В толпе я жил, а нынче — ни души
Вокруг не видно... Дама-патронесса
Сходила сверху, словно нисходила,
И жалостливо спрашивала: — Как
Здоровьице? Мешаем? — О, мой друг,
Благодарим покорно за заботу.—
Мадам склонилась над больным: — Пардон,
Вы нас не обессудьте...— Уходила,
И снова наверху гремел оркестр,
Особенно наяривали трубы.
И снова, снова, снова топотали.
Бывали паузы. Нечасто. В них
Вползала звонко модная певица:
Развейтесь, туманы,
Развейтесь, туманы,
Нам жизнь не навеки дана.
Налейте стаканы,
Налейте стаканы,
И выпьем до самого дна.
Певице лихо помогали гости:
Полнее стаканы,

Полнее стаканы,
И выпьем, и выпьем,
Эх, выпьем до самого дна.
Больной, не вслушиваясь, слышал это.
Да, ко всему привык он: и к нужде,
И к лести, и ко лжи, и к фарисейству,
Привык к укусам «Северной пчелы»,
Как все в России люди чести. Тяжко!
Мне не было спокойствия при жизни,
Так дайте же спокойно умереть!
Но это надо заслужить. Как видно,
И слава Щепкина, увы, мала
Для этакой прощально-скорбной чести...
Старик стонал: — Уеду! — А куда?
— Я к Гоголю поеду... — Что вы, — Гоголь?
Да нет его... — Ах, вот что! Все равно
Я к Гоголю поеду... Он в бреду
Видал, как едет под дождем коляска,
А в ней к нему спешит навстречу Гоголь,
А с ним — его заветный сундучок,
В нем рукописи — с них не сводит взгляда.
— Что сочинил ты, Николай Васильич?
— Так, повестушку, пустячок, прочти...
И Щепкин разворачивает повесть
И руку Гоголя он узнает,
И жизнь свою читает — как-то странно! —
Его года, текут его года
Не от начала до конца, а вроде б
С конца к началу... Занавес пошел.
— Ваш выход, Михаил Семеныч! — Мой ли?
Ужели мой... Чего же я ни с места?
Лежу колодой... Эдак можно выйти
И не вернуться... Что — пришел гонец?
Он вдруг ворвался в тихую беседу:
Императрица требует его
Сейчас, немедля, собственной персоной
Явиться... Погодите — отосплюсь,
Тогда приду... Отец, я здесь, послушай,
Меня тогда в Ракитной отыскал,
А где теперь я — вовсе знать не знаю,
Я затерялся в мире, не найти,
Прости-прощай!..
И лег лицом к стене,
И замолчал. И на рассвете гости
Редели, разъезжались, гром утих
И занялась заря...
Еще не все!
Скончался. В ящик мебельный уложен,
Он двое суток пролежал в Орле
С недвижимостью. Николай Васильич,
Где, Гоголь, ты?.. Ответь же! Вот конец
Недолгой повести...
Ах, Щепкин, Щепкин!
Как время, право, неуемно — не обуздать, не отогнать.
Оно лукаво и огромно, и уходить не хочет вспять.
Уходим мы. Конец столетья... Уже другое на виду.

К чему, спрошу вас, междометья? «Ушел и больше не приду...»
Как будто бы сказал печально, но так неточно он сказал.
«Михайло Щепкин» изначально звучит, и он вернулся в зал,
На театральные подмостки, вернулся в свой привычный круг,
С ним и погодки и подростки, среди друзей он лучший друг.

И каждый раз, когда в Крыму бываю,
Когда стою в Алупкинском дворце,
В той рукотворной голубой гостиной,
Я думаю о Щепкине. Прошло
Так много лет, прошло столетье с лишним,
А след его остался. Где он, след?
Тот след — восторг мой, трепет: здесь был Щепкин,
И эти стены слышали его.

1981—1984


Книжный
базар

Без книг пуста человеческая жизнь. Книга не только наш друг, но и наш постоянный вечный спутник. Без нее нет для меня нормального человеческого существования.

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

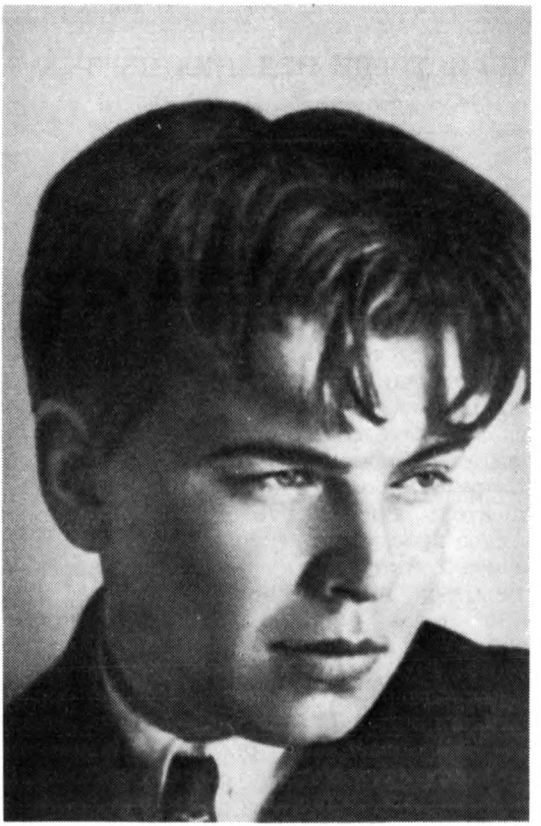
Л. Юниверг

ИЗ ИСТОРИИ ИЗДАНИЯ ПЕРВЫХ КНИГ Л. М. ЛЕОНОВА

В 1926 году на 35-летнем юбилее издательства М. и С. Сабашниковых известный критик и переводчик А. М. Эфрос справедливо отмечал, что издательская марка Сабашниковых — одна из самых высоких степеней отличия в литературной табели о рангах. «Когда у кого-нибудь на книге она появляется впервые,— говорил Эфрос,— мы испытываем особое чувство. Мы знаем, что писатель перешел рубеж. Мы говорим, что он получил академическое кресло в кругу «бессмертных» этой своеобразной Сабашниковской Академии» [1]. Насколько верны были эти слова, можно убедиться на примере выпуска М. В. Сабашниковым первых книг тогда еще начинающего писателя, а впоследствии — академика Леонида Максимовича Леонова.

Публикации ранних рассказов Л. М. Леонова, написанных в основном после возвращения в мае 1921 года в Москву из Красной Армии, предшествовала довольно активная изустная их популяризация. Этому способствовали, главным образом, авторские чтения в литературно-художественных кругах, на которые охотно соглашался писатель. Следует отметить, что успех, сопутствовавший этим чтениям, был поначалу единственной компенсацией автору за те труднейшие условия, в которых создавались его первые рассказы. Вспоминая об этом, во многом решающем, периоде своей жизни, Леонид Максимович писал: «С утра до пяти часов работал в редакции «Красного воина», с пяти до одиннадцати за обед и ужин, вследствие затянувшегося организационного периода газеты, продолжал работать в слесарной мастерской, а с одиннадцати до четырех утра на койке, в мастерской приютившего меня художника В. Д. Фалилеева, в углу, отгороженном холстом, писал, держа на коленях лист фанеры, служившей мне письменным столом» [2]. Именно там и застал его впервые писатель Александр Степанович Яковлев. В письме к литературоведу Валентину Архиповичу Ковалеву он

Л. М. Леонов. 1920-е годы



вспоминал: «...С Л. М. Леоновым я познакомился зимой 1921—1922 гг. Художник Вадим Дмитриевич Фалилеев однажды сказал мне, что у него живет интересный юноша Леня Леонов, только что демобилизовавшийся из Красной Армии.

— Талантливо рассказывает сказки, талантливо пишет, очень неплохо рисует, играет на гитаре... Он у меня живет в мастерской за шкапом. Ему некуда деться, и ничего у него нет...»[3]

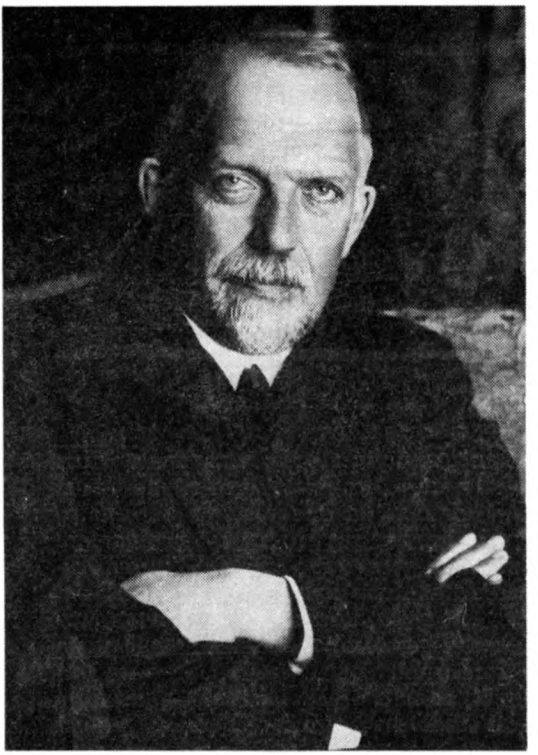
Познакомившись с Леоновым, «высоким, очень подвижным юношей с красивым лицом», Яковлев вскоре убедился в правоте характеристики Фалилеева. Более всего, однако, его поразило авторское чтение молодого писателя: «Леонов читал мастерски, с подъемом. Яркие образы, крепкое слово, вдохновенный голос—

все произвело очень сильное впечатление на слушателей. Посыпались похвалы. Леонов сидел красный, опустив глаза. Очень была хороша эта его молодая застенчивость»[4].

Нередко такие чтения устраивались и у гостеприимных москвичей — супругов Б. П. и Н. А. Григоровых, занимавших большую просторную квартиру, что по тому времени было редкостью. В обширной гостиной на такие вечера собирались люди, как правило, причастные к литературе и искусству. Среди них можно было встретить книгоиздателей — М. В. Сабашникова и С. Ю. Копельмана, художников — И. С. Остроухова, А. И. Кравченко, В. Д. Фалилеева, литератора Г. А. Рачинского и др.

Однажды, после очередного чтения, к Леонову подошел издатель альманаха «Шиповник» С. Ю. Копельман. «Он предложил мне издать книгу моих рассказов,— вспоминает Леонид Максимович,— отчего я, естественно, поначалу растерялся и не знал, что ответить. Тогда я еще не помышлял о публикации моих первых вещей в печати, но, естественно, был очень признателен Копельману за их высокую оценку. И хотя он не стал издателем моих книг, ему я обязан публикацией одного из моих самых первых рассказов»[5]. Леонид Максимович имеет в виду рассказ «Бурыга», напечатанный в альманахе «Шиповник» (1922, вып. 1) вместе с произведениями Б. Пастернака, А. Ахматовой, Ф. Сологуба, Г. Чулкова и др. Интересно отметить, что в первой же рецензии, опубликованной на этот альманах в журнале «Красная новь», рассказ Леонова был замечен, а он сам заслужил эпитет «талантливый»[6].

Издателем первых четырех книг Л. М. Леонова стал крупный московский книгоиздатель Михаил Васильевич Сабашников, к тому времени по праву занимавший одно из почетных мест в отечественном книжном деле. Благодаря большим заслугам перед русской наукой и культурой М. В. Сабашникову удалось сохранить издательство. По словам А. В. Луначарского, при обсуждении вопроса о частных издательствах В. И. Ленин заметил: «Наиболее культурным из них, вроде Сабашниковых, надо помогать, пока не будем в силах их заменить полностью»[7]. Эта высокая оценка не случайна: издательский стиль Сабашниковых определялся стремлением популяризировать ценнейшие произведения науки и литературы всех времен и народов. С издательством сотрудничали виднейшие деятели отечественной науки и литературы: К. А. Тимирязев, А. Ф. Иоффе, Ф. Ф. Зелинский, М. А. Цявловский, И. А. Бунин, В. Я. Брюсов, К. Д. Бальмонт и др. Заслуженной популярностью пользовались такие серийные издания Сабашниковых, как «Памятники мировой литературы»,

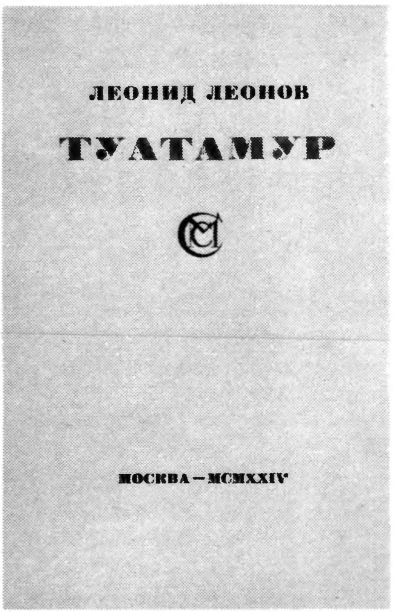


М. В. Сабашников. Фото Л. М. Леонова. 1920-е годы

«Страны, века и народы», «Пушкинская библиотека», сборники материалов по истории русской общественной мысли и литературы «Русские Пропилеи», и др. М. В. Сабашников считал свое посредничество между писателем и читателем «ролью творческой и нужной».

Знакомство М. В. Сабашникова с Л. М. Леоновым состоялось в 1922 году на вечере у Григоровых. В недавно опубликованных воспоминаниях Сабашникова есть небольшая главка, посвященная этому знаменательному событию в их жизни. Впервые Михаил Васильевич услышал о Леонове от своих сестер, побывавших на одном из чтений молодого писателя. Доверяя их вкусу и «тонкому чутью к изящному», Сабашников решил побывать с семьей на вечере у Григоровых. Повествуя о своих первых впечатлениях от знакомства с Леоновым, Сабашников писал: «Это был еще совсем юнец. Держался он очень мило. Не заставлял себя просить. Внимательно выслушивал замечания и

Одна из первых книг Л. М. Леонова, изданная М. В. Сабашниковым

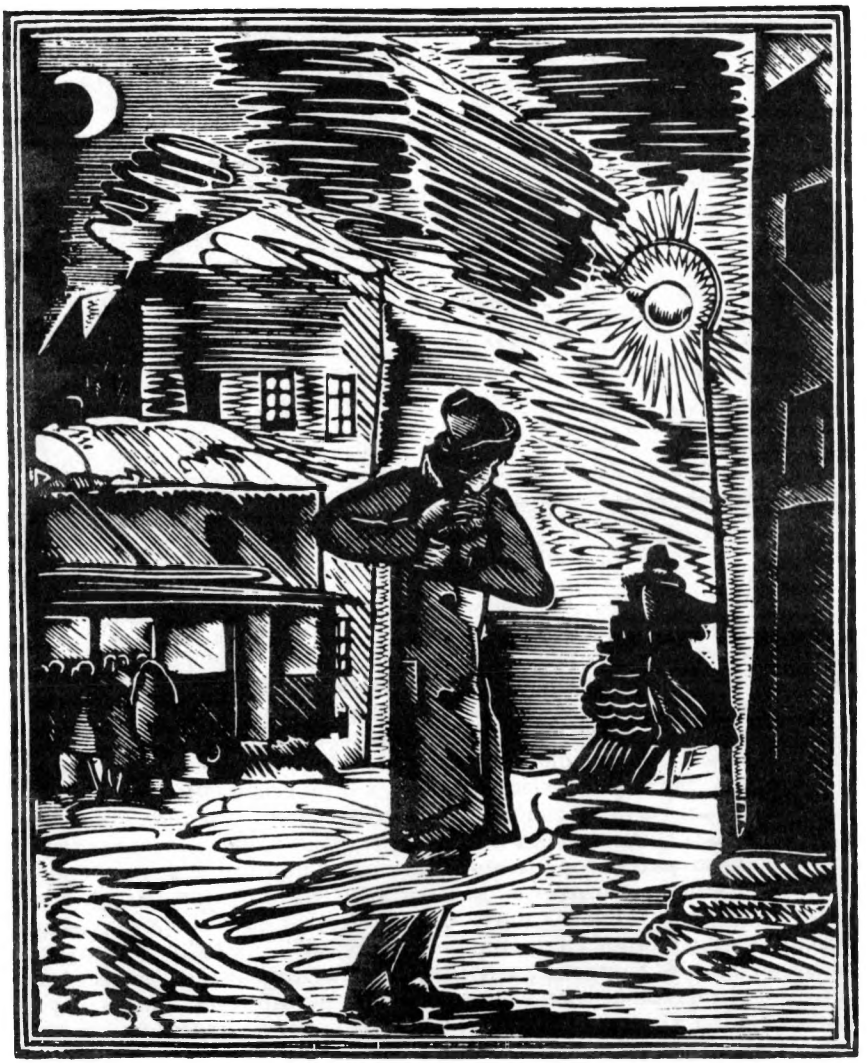

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

ТУАТАМУР

МОСКВА — MCMXXIV

соображения слушателей. Возражения свои излагал так, что сразу чувствовалась большая продуманность с его стороны и в общем построении рассказа и в отдельных выражениях, в нем употребленных. Читал Леонид Максимович хорошо, очень своеобразно, чрезвычайно быстро, иногда как бы выкрикивая отдельные слова. Молодой гибкий голос и приятное чисто русское, выразительное лицо содействовали в свою очередь общему впечатлению»[8]. Интересна и та литературоведческая характеристика первых рассказов Леонова, данная Сабашниковым в своих воспоминаниях: «Богатство вымысла, сочный, свежий русский язык, изобилие новых эпитетов, своеобразные обороты речи, меткие наблюдения душевных движений, чудные описания северной нашей природы, изумительная стилизация в восточном вкусе «Туатамура» — все это меня совершенно очаровало». Чуть позже Сабашников вновь возвращается к «Туатамуру» и, не склонный к комплиментам, высоко оценивает леоновское мастерство воплощения стиля чужой народности, «какого мы, пожалуй, не встречали со времен „Подражания Корану“ и „Песен западных славян“»[9].

На первом же вечере у Григоровых Сабашников пригласил Леонова побывать у него, прося прочесть «Туатамур». Леонов



А. Кравченко. Иллюстрация к рассказу Л. Леонова «Деревянная королева»

охотно согласился. Среди приглашенных к слушанию, как вспоминал Сабашников, были М. А. Цявловский, С. В. Бахрушин, Г. И. Чулков, М. В. Нестеров, И. С. Остроухов, М. О. Гершензон и др. Леонов также стал бывать в качестве слушателя на вечерах у Сабашниковых, когда выступали физик А. Ф. Иоффе, поэт М. А. Волошин и др.

Была еще одна серьезная причина, по которой посещения Леонида Максимовича становились раз от раза все чаще и чаще: ему понравилась старшая дочь М. В. Сабашникова — Таня. Прошло немного времени, и Татьяна Михайловна стала женой начинающего литератора. А. С. Яковлев, многие годы близко знавший семью Леонова, в упомянутом письме к В. А. Ковалеву отзывался о Т. М. Сабашниковой как о верном товарище, самоотверженном помощнике в работе писателя.

Первой книгой Л. Леонова, изданной М. В. Сабашниковым, стал сборник его небольших рассказов, включающий «Деревянную королеву», «Бубновый валет» и «Валину куклу». Книга была отпечатана в 1923 году тиражом 2000 экз. в Петрограде, в одном из лучших тогдашних полиграфических заведений — типографии им. Ивана Федорова (бывшей типографии Т-ва Р. Голике и А. Вильборг). Обращение к петроградской типографии объяснялось тем, что Сабашников был озабочен качеством воспроизведения ксилографий А. И. Кравченко, сделанных художником для иллюстрирования первой книги Леонова.

История знакомства А. И. Кравченко с Л. М. Леоновым также начинается с публичного выступления писателя. В тот вечер в доме Фалилеева Леонов читал рассказ «Деревянная королева», в котором повествование носило известную условность и реальный план нередко перебивался элементами фантастики. Рассказ понравился Кравченко, и, когда позже Сабашников предложил ему проиллюстрировать несколько рассказов Леонова, в том числе «Деревянную королеву», художник с радостью согласился. По мнению специалистов, цикл гравюр Кравченко к книге Леонова — одна из крупных удач начинающего ксилографа. «Каждая из гравюр, решенная своеобразными графическими средствами,— отмечает искусствовед С. В. Разумовская,— созвучна образному языку Леонова» [10]. (Позже Кравченко иллюстрировал и одно из изданий романа Леонова «Барсуки», которое вышло в 1933 году.)

Вслед за первой книгой Леонова Сабашников выпускает отдельным изданием его рассказ «Петушихинский пролом» (1923), напечатанный тиражом 3000 экз. в типографии ВХУТЕМАСа.

Книга была посвящена Илье Семеновичу Остроухову. Причиной тому, вероятно, послужила та взаимная симпатия,

которой были проникнуты их отношения в первый же период знакомства. Об Остроухове как о человеке «искренно и горячо полюбившем Леонида Максимовича» вспоминали и Сабашников, и А. С. Яковлев. Последний, например, писал: «С особенным восторгом о таланте Леонова говорил художник Илья Семенович Остроухов»[11]. Оформление этой и двух последующих книг Леонова в издании Сабашникова было гораздо скромнее и строже. При сохранении того же небольшого формата и хорошего качества набора их оформление ограничилось лишь двухцветной текстовой обложкой.

Третью книгу — «Туатамур» (1924) — Леонов посвятил С. Ю. Копельману в благодарность за первую публикацию его раннего рассказа.

Содержание последней выпущенной Сабашниковым книги Л. Леонова составила повесть «Конец мелкого человека» (1924), отпечатанная, как и «Туатамур», тиражом 2000 экз. в небольшой московской типографии (№ 39 Мосполиграфа).

Позднее книги Л. М. Леонова выходили в других советских издательствах: Госиздате, «Круге», «Федерации», так как из-за технических затруднений М. В. Сабашникову трудно было подготовить и выпустить издание большого объема.

...Полвека спустя усилиями московских книголюбов в Библиотеке имени В. И. Ленина была организована выставка изданий М. и С. Сабашниковых. На открытие в числе других гостей пришли Л. М. Леонов с Т. М. Леоновой. Внимательно осмотрев экспозицию, Леонид Максимович попросил «Книгу отзывов» и сделал следующую запись: «Надо сердечно поблагодарить организаторов этой замечательной выставки и всячески приветствовать популяризацию издательской деятельности братьев Сабашниковых!»

Через месяц на обсуждении выставки Л. М. Леонов выступил перед собравшимися с воспоминаниями о М. В. Сабашникове.

Характеризуя его как глубоко интеллигентного человека, сохранявшего на протяжении всей жизни чистоту душевных помыслов и верность идеалам просветителя, Леонид Максимович особо подчеркнул огромную культурную ценность его издательских начинаний, внесших заметный вклад в становление советского книжного дела.

Нам остается добавить, что выход первых четырех книг Л. М. Леонова в издательстве М. и С. Сабашниковых стал весьма значительной вехой в становлении и развитии всей советской литературы.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Эфрос А. М. Михаил Васильевич Сабашников.— В кн.: Издательству М. и С. Сабашниковых: К 35-летию издательской деятельности. 1891—1926. М., 1926, с. 18.
[2] Цит. по кн.: Богуславская З. Б. Леонид Леонов. М., 1960, с. 11.
[3] Цит. по кн.: Творчество Леонида Леонова: Исследования и сообщения. Встречи с Леоновым. Библиография. Л., 1969, с. 461.
[4] Там же.
[5] Из беседы Л. М. Леонова с автором настоящей статьи 22 апреля 1984 г.
[6] См.: А. А. [Обзор альманахов].— Красная новь, 1922, № 6, с. 349.
[7] См.: Панина А. Л. Архив издательства М. и С. Сабашниковых.— Зап. отд. рукописей/ГБЛ, 1972, вып. 33, с. 108.
[8] Сабашников М. В. Воспоминания. М., 1983, с. 384, 386.
[9] Там же, с. 388.
[10] Разумовская С. В. Алексей Ильич Кравченко. М., 1962, с. 156.
[11] Цит. по кн.: Творчество Леонида Леонова, с. 462.

Владимир Лазарев, Ольга Туганова

РУССКИЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ВИЛЬГЕЛЬМА ПОЛЕНЦА

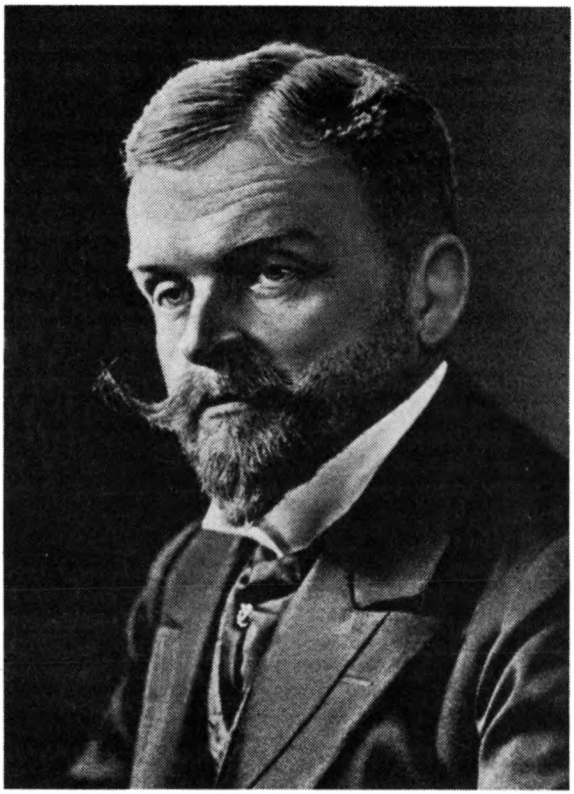
Сейчас среди нашей читающей публики мало кто отзовется на имя Вильгельма фон Поленца; редко кто читал, кто помнит его произведения — даже знаменитый роман «Крестьянин» (в оригинале «Der Büttnerbauer» — «Крестьянин Бютнер»). А между тем в начале XX века в России вышло сразу несколько книг немецкого писателя: в 1902 году — роман «Крестьянин» (семь изданий до революции), в 1903-м — роман «Деревенский священник» («Der Pfarrer von Breitendorf»), в 1910 году появились «Деревенские рассказы» («Luginsland. Dorfgeschichten»). В советское время были переизданы произведения В. Поленца. «Крестьянин» вышел семь раз после 1917 года, то есть всего этот роман выдержал четырнадцать изданий на русском языке. Рассказ «На заработках» был опубликован отдельными массовыми изданиями в 1928, 1929 и 1930 годах. С тех пор произведения Поленца у нас больше не выходили и стали библиографической редкостью. Роман «Крестьянин» в 1902 году вышел в переводе на русский язык с предисловием Льва Толстого. В Яснополянской библиотеке сохранилось несколько экземпляров книг Поленца как на русском, так и на немецком языках. На русском: «В стране свободы» (Спб., 1904); «Крестьянин» (М., 1902) — два экземпляра, один из них не разрезан. На немецком языке: «Der Grabenhäger» (1897), известный у нас как «Землевладелец» — в двух томах; «Junker und Fröhner. Dorftragedie» (1901) — «Дворянин и крепостной. Сельская Трагедия»; «Luginsland. Dorfgeschichten» (1901) — «Деревенские рассказы».

Л. Н. Толстой очень высоко ценил талант Поленца. «Это один из них не разрезан. На немецком языке: «Der Grabenhäger» «Крестьянин»,— которые, как Диккенс, Гюго, переживут несколько поколений и будут оценены не одними соотечественниками» [1]. Лев Николаевич, разумеется, привлек внимание многих читателей к роману Поленца, но значение романа и место его в сознании русской интеллигенции начала века определила сама

художественная сила произведения, необыкновенная проницательность авторского взгляда. Как и граф Л. Н. Толстой в России, принадлежавший к дворянскому сословию Поленц в Германии поднялся над сословными предрассудками, сумел искренне, непредвзято создать образ земледельца-немца и вместе с тем всечеловечески узнаваемого крестьянина. Роману, вышедшему в Германии в 1895 году, Поленц предпослал эпиграф: «Немецкому кормящему сословию». Судя по всему, этот выдающийся немецкий реалист, как и многие писатели в Европе, испытал толстовское «притяжение», но в своем взгляде на жизнь, в своем художественном видении он самостоятелен, независим от Толстого. Поленц хорошо знал немецкую деревню, где прожил значительную часть жизни, незамутненным взглядом видел отношения вкрадчивого городского хищника-буржуа и патриархального крепкого крестьянина-хозяина, самоотверженного в труде, сурового, как сама жизнь, и даже жестокого к себе и близким своим человека, сориентированного, однако, на дедовские, прадедовские установления и понятия. В его представлениях о жизни, в самом его поведении отразилось некое подобие патриархальных законов, по которым живет человек, зависящий от власти земли. Поленцу были хорошо известны социалистические идеи, он был в курсе духовных исканий современности. Отсюда — полнота нарисованной им картины. Отсюда и художественно-притягательное поле, возникшее вокруг романа «Крестьянин», в частности, в русской интеллигентской среде, обостренно чуткой к деревенским проблемам.

Книгу Поленца внимательнейшим образом прочли многие русские писатели и мыслители, чему есть немало подтверждений. Это произведение, думается, оказало определенное влияние (в разной степени, разумеется) на наших прозаиков, раздумывавших о жизни деревни. А. П. Чехов отзывался о Поленце, как о «чудном писателе»[2]. В. Г. Короленко свидетельствует: во время их беседы Антон Павлович «взял лежавшую на столе книгу, недавно рекомендованную русскому читателю Л. Н. Толстым,— Поленца, „Крестьянин“. Читали? Хорошая книга,— сказал он.— Вот если бы мне еще написать одну такую книгу... считал бы этого довольно. Можно умереть»[3]. В статье «История деревни» М. Горький ставит Поленца в один ряд с лучшими западноевропейскими писателями, правдиво изображающими деревенскую жизнь. Внимательно читая Поленца, видишь не только правдивую картину, сотканную из точных жизненных наблюдений, но и глубокое осмысление скрытой «подводной части» совершающегося. Постоянно присутствующая беспокойная авторская мысль придает особую интонацию этой прозе. Недаром «Крестьянин», по свидетельству Н. К. Крупской, нравился

Вильгельм Поленц



В. И. Ленину[4]. Г. В. Плеханов в статье, написанной в связи с этой книгой (издательство «Новая Москва» в 1922 году выпустило роман «Крестьянин» с предисловием Л. Н. Толстого и вводной статьей Г. В. Плеханова), говорил, что роман представляет «чрезвычайно интересную экскурсию в область аграрного вопроса» и что фабула послужила Поленцу «поводом для тонкого анализа психологии современных немецких крестьян средней руки»[5]. Плеханов также отметил и ту «дань справедливости», которую Поленц отдал новейшим общественным идеям, то есть идеям социал-демократии.

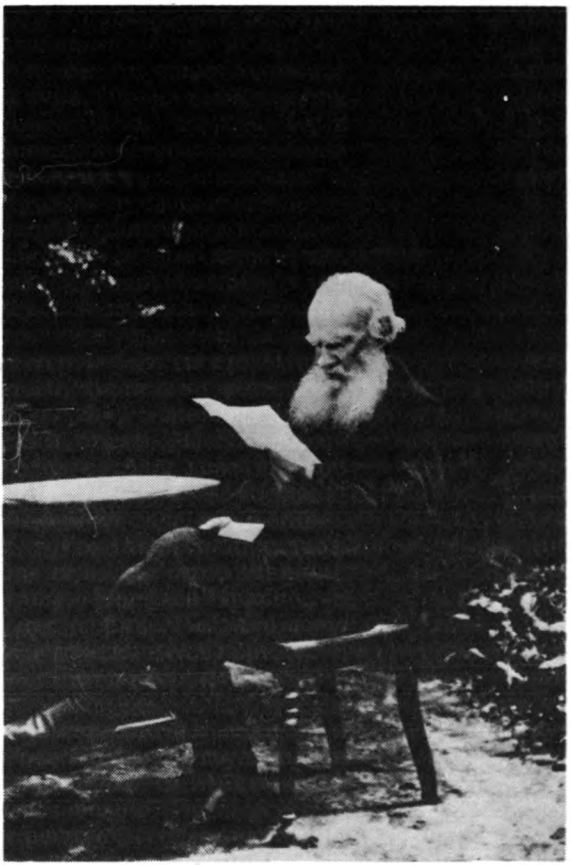
Реализм Поленца многообразен, обладает глубокой «вязкостью». Глубоко нравственное отношение к жизни не позволяет писателю приукрашивать близких его сердцу героев — крестьян и сельских батраков, городских рабочих. Он не отступает перед

тем, чтобы показать искривленность их душ,— не только их обездоленность (здесь определенное сходство Поленца с Иваном Буниным. Это отчетливо видно в «Деревне» Бунина, появившейся в 1910 г.).

В романе выведен крепкий, укорененный в хозяйстве, в сельском быте, в своем доме и семье и как будто процветающий крестьянин Траугот Бютнер. Трудолюбивый, энергичный, он оказывается вдруг каким-то образом, непонятным для него самого, разоренным. Почему наступило разорение?.. Упрямо не уступил требованиям соседа-помещика. Из-за хозяйской самонадеянности, неповоротливости попал в сети ростовщиков сельских и городских, подвижных, чутких на гибкую ситуацию (омерзительные образы Кошельэрнста — родственника Бютнера, и Гаррасовица — городского ростовщика, с пронзительной силой нарисованы Поленцем). И вот усадьбу его продают с торгов. А он и в этот миг не в силах оторваться от почвы, расстаться со своей землей. Вот как это рисует Поленц: «В то время как в городе шли торги... старый Бютнер пахал свое поле. Еще на самом рассвете вывел он из хлева своих быков, запряг их в плуг и выехал на то место, где поля граничили с лесом... Крестьянин хотел сегодня вспахать опушку. Этот заброшенный, точно пасынок имения, клочок земли он все-таки считал стоящим самой живой заботы. Мысль, что часть его владений остается запущенной без всякой пользы, не давала покоя старику и мучила его, как мучает больного открытая рана. Этот клин он должен этим же летом сделать опять плодородным». Читая эту сцену, невольно вспоминаешь очерки Глеба Успенского «Власть земли», напечатанные в журнале «Отечественные записки» в 1882 году. В крестьянском сознании, в котором всегда доминировала, властвовала «земля-хозяйка», логика социальной и логика внутренней жизни человека не всегда совпадают. Земля забрала крестьянина «в руки без остатка, всего целиком... А хозяйка-земля требует... работы, не ждет. Словом, если только он слушает того, что велит ему земля, он ни в чем не виновен; а главное, какое счастье не выдумывать себе жизни...» [6].

Земледельческий календарь для крестьянина самый древний, самый стойкий, самый неукоснительный. Бютнер живет по этому календарю до последнего часа: «Пахота подвигалась медленно в вязкой, глинистой почве, уже много лет не видавшей плуга. Ползучие ветви ежевики и другие сорные растения, растущие на запущенных полях, покрывали тощий плодородный слой и с трудом уступали плугу. Лемеха его то и дело задевали за камни... Но, несмотря на медленность быков, старый крестьянин не ругался. Упорство его было теперь безмолвно... Придерживая правою рукой плуг, с вожжой и бичом в левой, шел он тяжелым

Л. Н. Толстой



шагом по борозде... Он пахал еще, как молодой человек, руки его были сильны и глаз верен». И этот-то сильный, «корневой» человек земли обречен на гибель. Вот как он размышляет об этом: «Он не сделал никакого зла этим людям и только принял от них помощь, которую они ему навязали сами. А из этого какими-то непонятными ему оборотами и махинациями выросли права, которые беспомощно отдавали его в руки этих людей... Над ним совершалась такая несправедливость, для которой не было слов». Перед тем как покончить с собой, Траугот Бютнер остро ощутил родственную связь со всем живым миром, с которым сталкивала его повседневная необходимость. Он пошел в хлев, «задал коровам корму с излишком на две дачи, засыпал

свиньям барды и заправил ее снятым молоком, чтобы у них было настоящее праздничное угощение». Эта духовно-телесная нераздельность человека с землей написана Поленцем с потрясающей силой. Отрыв крестьянина от земли, с которой он составляет единое целое, неминуемо должен привести к его гибели. «Уста его были немы,— пишет Поленц,— и если бы он открыл их, то раздалась бы такая жалоба, которую не принял бы ни один судья этого мира».

Социальный механизм жизни Поленц, писатель большого мастерства, обнажает исчерпывающе. Поэтому роман не замыкается только в рамках трагедии старого Бютнера. В книге возникает и развивается еще одна линия, связанная с судьбой младшего сына старика Бютнера — Густава, образа такого же полнокровного, как и Траугот Бютнер. Он — сильный, коренного замеса работник; отслужил в армии, после разорения отца батрачил, потом отправляется в город и на себе испытывает болезненный переход из жизни деревенской в городскую. Густав соприкоснулся с рабочим движением, с представителями социал-демократии... Какая судьба ждет его в городе, неясно (роман не раскрывает ее), однако Густав уже вступил во внутренний диалог с самим собой, он понял правоту обездоленных, их силу, их надежду, их борьбу за социальную справедливость. Густав Бютнер обуреваем желанием «расширить свой умственный горизонт и участвовать в великой мировой жизни». Эта объемность показа исторического процесса и привлекла внимание Толстого, Чехова, Горького, Плеханова. Толстой увидел в романе Поленца соединение «в высокой степени» трех главных признаков настоящего произведения искусства.

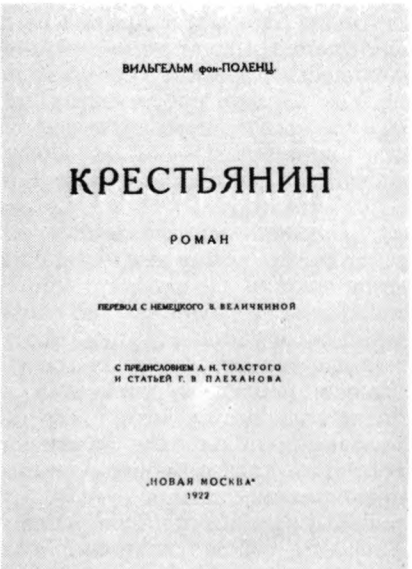
«Во-первых, содержание его важно, касаясь жизни крестьянства, т. е. большинства людей, стоящих в основе всякого общественного устройства и переживающих в наше время, не только в Германии, но и во всех европейских странах тяжелое изменение своего векового, древнего устройства...

Во-вторых, роман этот написан с большим мастерством и прекрасным немецким языком...

И, в-третьих, роман этот весь проникнут любовью к тем людям, которых автор заставляет действовать»[7].

Очевидно, Лев Николаевич придавал принципиально важное значение творчеству Поленца, стремился выявить полно и точно существо изображаемой писателем жизни. И так же полно и точно хотел выразить свои мысли по этому поводу. Именно этим можно объяснить то обстоятельство, что Толстой одиннадцать раз переписывал свое предисловие к роману Поленца «Крестьянин», а затем еще дважды возвращался к нему, вносил новые исправления. Общее количество рукописных страниц, из которых

№ 261. 10 коп.
УНИВЕРСАЛЬНАЯ БИБЛІОТЕКА
В. фонъ Поленцъ.
ДЕРЕВЕНСКІЕ РАЗСКАЗЫ.
Переводъ съ нѣмецкаго В. Готвальтъ.
Книгоиздательство „ПОЛЬЗА" В. АНТИКЪ и К°
МОСКВА.


ВИЛЬГЕЛЬМ фон-ПОЛЕНЦ.
КРЕСТЬЯНИН
РОМАН
ПЕРЕВОД С НЕМЕЦКОГО В. ВЕЛИЧКИНОЙ
С ПРЕДИСЛОВИЕМ Л. Н. ТОЛСТОГО И СТАТЬЕЙ Г. В. ПЛЕХАНОВА
„НОВАЯ МОСКВА"
1922

Книги В. Поленца, изданные на русском языке

в конце концов родилось предисловие, достигает 170. Характерно начало первого же варианта предисловия: «Я не читал за последние двадцать лет ни одного художественного произведения, которое бы близко подходило по своим достоинствам к предлагаемому роману „Бютнербауэр" фон Поленца. (Некоторые вещи Мопассана ближе всех по достоинству подходят к этой книге)»[8]. И далее — во многих черновых вариантах и в окончательном тексте статьи — повторяется мотив: «Это истинно художественное произведение».

Поленц широко и мощно охватил жизнь современной ему Германии. В романе «Деревенский священник», написанном еще до романа «Крестьянин» (1893), Поленц обращается к духовным исканиям современников; на последних страницах книги им излагаются философские взгляды героя, в которых явно чувствуется приверженность пантеизму Гёте и одновременно слышатся идеи, очень близкие идеям Л. Н. Толстого, находившегося в открытом конфликте с официальной церковью. В Германии роман вызвал нападки со стороны ортодоксально-протестантских кругов. В России был запрещен царской цензурой. Однако благодаря стараниям Л. Н. Толстого он все же в 1903 году вышел

в свет. В письмах Толстого «Деревенский священник» упоминается несколько раз, в одном из них он отмечает, что «роман этот прекрасен и по форме и по значительности содержания» [9]. Если в «Крестьянине» Поленц вспоминает о том, как еще во времена Лютера немецкий крестьянин взялся за цепи и дубины и пошел против своих властителей, в которых «воплотилась наиболее гнетущая его сила: феодализм», то в «Деревенском священнике» очерчен кризис веры у интеллигенции, в том числе и у духовенства. Точно показана и та роль, которую сыграли в этом кризисе веры великие научные открытия XIX века. В романе говорится об учении Дарвина, Геккеля, о книгах Фогта и Бюхнера. Молодой пастор Вильгельм Герланд берет скромный деревенский приход, надеясь найти здесь больше «подлинности» в самом укладе жизни, в поступках крестьян, обрести возможность тесного общения с природой. Но сталкивается он все с тем же безразличием и карьеризмом священников, с произволом помещика, с нищетой, забитостью, пьянством крестьян... Романы Поленца — это панорама жизни самых разных сословий немецкого общества конца XIX века. В них отразились тенденции общеевропейской жизни. Недаром каждая книга Поленца интересовала Л. Н. Толстого. В письме В. Г. Черткову от 30 ноября 1901 года он писал: «Читаю новый роман Поленца „Der Grabenhäger". Хуже „Büttnerbauer", но там есть нынче прочтенная мною глава, которая так и потянула меня к художественной работе» [10]. Это признание Толстого еще раз говорит о большой силе художественного воздействия таланта Поленца.

Но Поленц в своем творчестве не замыкался внутри чисто национальных проблем. Немалый интерес представляют его очерки, отразившие впечатления от поездки по Соединенным Штатам Америки. На русском языке книга Поленца «В стране свободы» вышла в сокращенном варианте («Страна будущего». Спб.: изд-ва «Энергия» и Попова, 1904); и в полном варианте («В стране свободы». Спб.: изд-во Битнер, 1904). В ней автор с той же беспощадной точностью, как и в романах, анализирует жизнь страны, которую он посетил. Поездка писателя в США не была случайной: она была вызвана его потребностью социального художника, его интересом к духовным ценностям других народов. Некоторые рассуждения главного героя в «Деревенском священнике» заставляют думать о том, что на Поленца оказывали определенное влияние взгляды американского философа Р. Эмерсона, который первостепенное значение придавал внутренней жизни человека, моральным самооценкам, призывая «доверять себе!». В очерках Поленца много точного, и даже прозорливого. Например, замечание о том, что прошлое Штатов «лежало на Востоке, все его настоящее — на Западе, а будущее —

несомненно, в Калифорнийском побережье»[11]. (Известно, какое большое значение приобрел Юго-Запад в экономической и политической жизни США второй половины XX века.) Сложен психологический портрет американца, нарисованный Поленцем в его книге. В американском народе, как и в своем собственном, Поленц рад подметить здоровое, имеющее будущее. Привлекательное и дурное в чертах нации так сбалансировано в очерках, что трудно сказать, что же берет верх; невольно говоришь себе: какая сложная действительность! При этом Поленц замечает об американском народе, что «достоинства его, точно так же, как и недостатки, сказываются в грандиозных размерах»[12]. Писателя особо интересует американское фермерство, способ организации сельского хозяйства. Так и кажется, что он, подобно нашему Г. И. Успенскому, всегда и всюду постоянно ищет, доискивается «источника всей этой хитроумной механики народной жизни». Немецкий писатель стремится к выявлению общих закономерностей изменения сельского уклада. Его и в США подспудно, как нам представляется, мучает судьба Траугота Бютнера. Поэтому и в американской жизни Поленца особенно привлекают реформы, направленные против плутократии, улучшающие условия землевладения. Поэтому-то и в литературе Нового Света Поленц принимает более всего тенденции, направленные против единообразия и монотонности глобального технического «прогресса», порабощающего живую человеческую душу. Характерно, что это направление примыкает к идеям Эмерсона, и девизом этой школы являются: природа, естественность, оригинальность, задушевность. На мировоззрение писателей этой школы, с одной стороны, сильно влиял философский индивидуализм Г. Спенсера, с другой стороны, они интересовались, находили духовное родство и с западноевропейской мыслью Метерлинка и с русской мыслью Л. Н. Толстого.

Вчитываясь в Поленца, все больше и больше убеждаешься, что далеко не случаен был интерес Толстого к романам Поленца! Немецкого писателя волновали те же вопросы, что и многих художников конца XIX — начала XX столетия. Приходится только сожалеть, что произведения Поленца не переиздаются, что писатель в нашем литературоведении забыт. По существу, можно назвать лишь одну работу о нем — диссертацию В. А. Федченко «Социально-психологические романы В. Поленца» (1969). Заслуживает большого внимания переписка Толстого и Поленца. В Государственном музее Л. Н. Толстого в Москве хранится письмо немецкого писателя Льву Николаевичу, которое мы здесь воспроизводим. Письмо не было точно датировано, в Тулу оно прибыло 4 марта, а в Кореиз, где в то время находился Толстой, 9 марта 1902 года. Остальные письма еще предстоит, очевидно, найти (в

юбилейном издании Толстого в т. 73–74 опубликовано письмо Л. Н. Толстого Поленцу от 10 марта 1902 года и его же письма автору книги о Поленце — Ильгенштейну).

Книги Поленца глубоко реалистические, великолепно написанные, оказались ныне, к сожалению, в тени. Они перешли в разряд редкодоступных, стерлись в сознании читателей. Это в высшей степени несправедливо. Пришла, кажется, пора в конце нашего века заново издать важнейшие произведения Поленца (романы «Крестьянин», «Деревенский священник», «Землевладелец»).

Представляют интерес и книги Поленца, посвященные женской доле, например, неизвестный у нас роман «Текла Людекинд». Полезно было бы предпринять издание собрания сочинений этого выдающегося писателя. Книги Поленца существенно обогатили бы наши представления о жизни немецкого общества конца XIX — начала XX века.

Ищущая, острая, реалистически точная мысль Поленца вполне современна. Художественная ткань его прозы и сейчас ничуть не потускнела.

ПИСЬМО ВИЛЬГЕЛЬМА ФОН ПОЛЕНЦА ЛЬВУ НИКОЛАЕВИЧУ ТОЛСТОМУ

(Публикуется впервые)

<Февраль 1902 г.>

Замок Оберлюневальде
Люневальде
Королевство Саксония

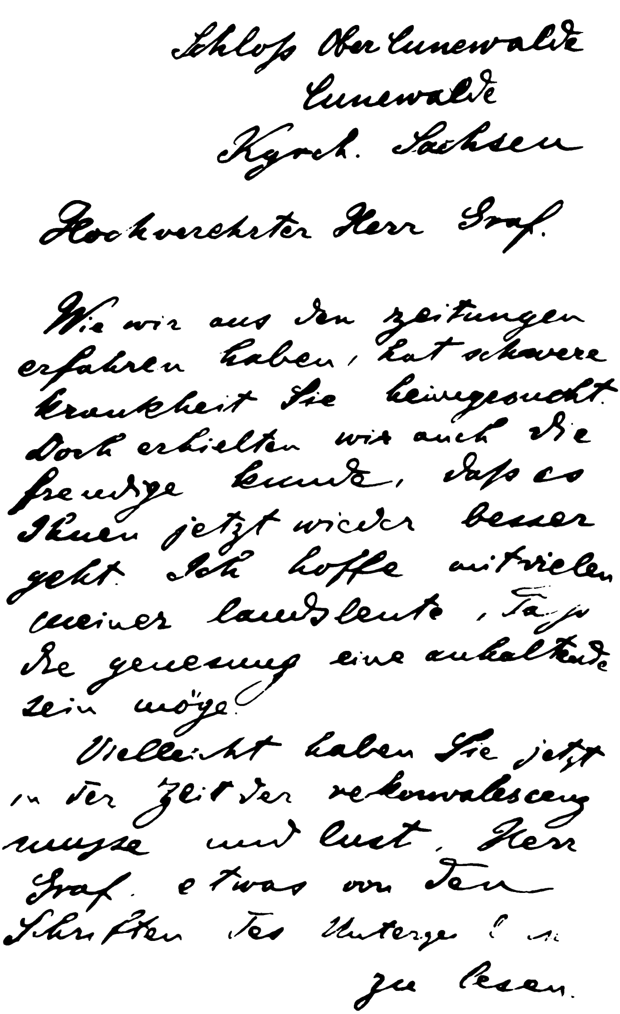
Глубокоуважаемый господин граф.

Как мы узнали из газет, Вас настигла тяжелая болезнь. Но мы получили также радостное известие, что сейчас Вам снова стало лучше. Я, как и многие мои соотечественники, надеемся, что это выздоровление будет прочным.

Быть может сейчас, во время Вашего выздоровления, у Вас, господин граф, есть досуг и желание прочесть что-нибудь из произведений нижеподписавшегося.

Я тем более на это надеюсь, что, как я это узнал через печать, Вы, господин граф, в высшей степени добро высказались о моем романе „Крестьянин Бютнер“ и дали ему высокую оценку.

Имея это в виду, я позволил себе поручить моему издателю в Берлине Ф. Фонтане послать Вам те из моих произведений, которые имеют отношение к *деревенскому люду,* к которому Вы проявляете такой большой интерес и который Вы так глубоко


Schloß Ober Cunewalde
Cunewalde
Kgrch. Sachsen

Hochverehrter Herr Graf.

Wie wir aus den Zeitungen erfahren haben, hat schwere Krankheit Sie heimgesucht. Doch erhielten wir auch die freudige Kunde, daß es Ihnen jetzt wieder besser geht. Ich hoffe mit vielen meiner Landsleute, daß die Genesung eine anhaltende sein möge.

Vielleicht haben Sie jetzt in der Zeit der Rekonvalescenz Muße und Lust, Herr Graf, etwas von den Schriften des Unterze[illegible] zu lesen.

Начало письма В. Поленца к Л. Н. Толстому

понимаете,— итак, мой роман „Землевладелец из Грабенхагена", собрание рассказов под общим названием „Лугинсланд" и драма „Дворянин и крепостной".

К сожалению, господин граф, *я не могу* послать Вам мой

религиозный роман „Деревенский священник“, так как русская цензура запретила эту книгу.

Я надеюсь, что вышепоименованные книги, которые тем временем издатель, вероятно, уже выслал, будут доставлены Вам без прохождения через какие-либо учреждения.

Если бы Вы, господин граф, пожелали коротко сообщить мне о надлежащем получении посланного, я был бы Вам за это очень благодарен.

Разрешите выразить Вам мое искреннее почтение.

Ваш

Вильгельм фон Поленц

(Перевод с немецкого авторов публикации)

ОТВЕТНОЕ ПИСЬМО Л. Н. ТОЛСТОГО
В. ФОН ПОЛЕНЦУ ОТ 10/23 МАРТА 1902 ГОДА

Дорогой господин Поленц,

сердечно благодарю вас за присылку ваших книг, которыми доставили мне большое удовольствие. Кроме вашего прекрасного романа «Крестьянин», для которого я не нахожу достаточно хвалебных слов, я знаю еще «Землевладельца», в котором я нашел тот же талант и ту же правду, хотя тенденция его не вполне меня удовлетворяет.

Все, что касается религии, меня живо интересует, и мне особенно хотелось бы узнать ваши взгляды, поэтому очень сожалею, что из-за русской цензуры вы не смогли прислать мне ваш религиозный роман «Деревенский священник».

Но вот что можно было бы сделать: если вы будете так добры послать эту книгу по прилагаемому адресу, то она наверное попадет мне в руки, так как господин Мальцов * получает из-за границы все печатное без цензуры.

Хотя я и нахожусь на пути к выздоровлению, но вследствие тяжелой болезни еще так слаб, что не могу водить пером и должен пользоваться посторонней помощью.

Желая вам наилучшего успеха в ваших дальнейших литературных замыслах, остаюсь с сердечным приветом глубоко уважающий вас

Лев Толстой

(Перевод с немецкого)

---

* В Полном собрании сочинений Л. Н. Толстого указывается, что, вероятно, имеется в виду Иван Сергеевич Мальцов, флигель-адъютант, который жил в Симеизе и имел право получать заграничные издания без цензурного просмотра. Толстой был знаком с Мальцовым.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Толстой Л. Н. Полн. собр. соч. М., 1954, т. 74, с. 235—236.
[2] Чехов А. П. Полн. собр. соч. и писем. Письма. В 12-ти т. М., 1982, т. 11, с. 300.
[3] Короленко В. Г. Собр. соч. В 6-ти т. М., 1971, т. 6, с. 395.
[4] См.: Крупская Н. К. О Ленине: Сб. статей и выступлений. 5-е изд. М., 1983, с. 98.
[5] Плеханов Г. В. О романе фон-Поленца «Крестьянин» —В кн.: Поленц В. Крестьянин. М., 1922, с. 5.
[6] Успенский Г. И. Теперь и прежде. М., 1977, с. 211.
[7] Толстой Л. Н. Указ. соч., 1952, т. 34, с. 271.
[8] Толстой Л. Н. Указ соч., т. 34, с. 520.
[9] Там же, т. 74, с. 236.
[10] Там же, т. 88, с. 252.
[11] Поленц В. Страна будущего: Очерк. Спб., 1904, с. 20.
[12] Там же, с. 42.

Борис Романов

ЛЕТОПИСЕЦ

Он расскажет, что слышал и видел,
не издерганной музе ночной,
а задумчивой Деве-Обиде,
жившей в каждой избенке курной.

И захочет понять, чья же воля,
на великую нашу беду,
насылала из дикого поля
запаленных кентавров орду.

Он забудет о щедром Бояне,
видя мертвые взгляды сирот,
о сожженной расскажет Рязани,
назовет незапамятный год.

На заре лишь из келейки выйдет.
Боже! Снег от зари кровянист!
И синицу на ветке увидит,
и услышит серебряный свист.

Над оградой березы огрузли,
облепила их стая ворон...
А синица не ведает грусти
и не знает прискорбных времен.

Снег скрипит под ногами тревожно.
И морозное солнце красно.
Из-за сосен глядит осторожно
на российские земли оно.

Светло-светлые близи и дали,
за холмами крутые холмы,

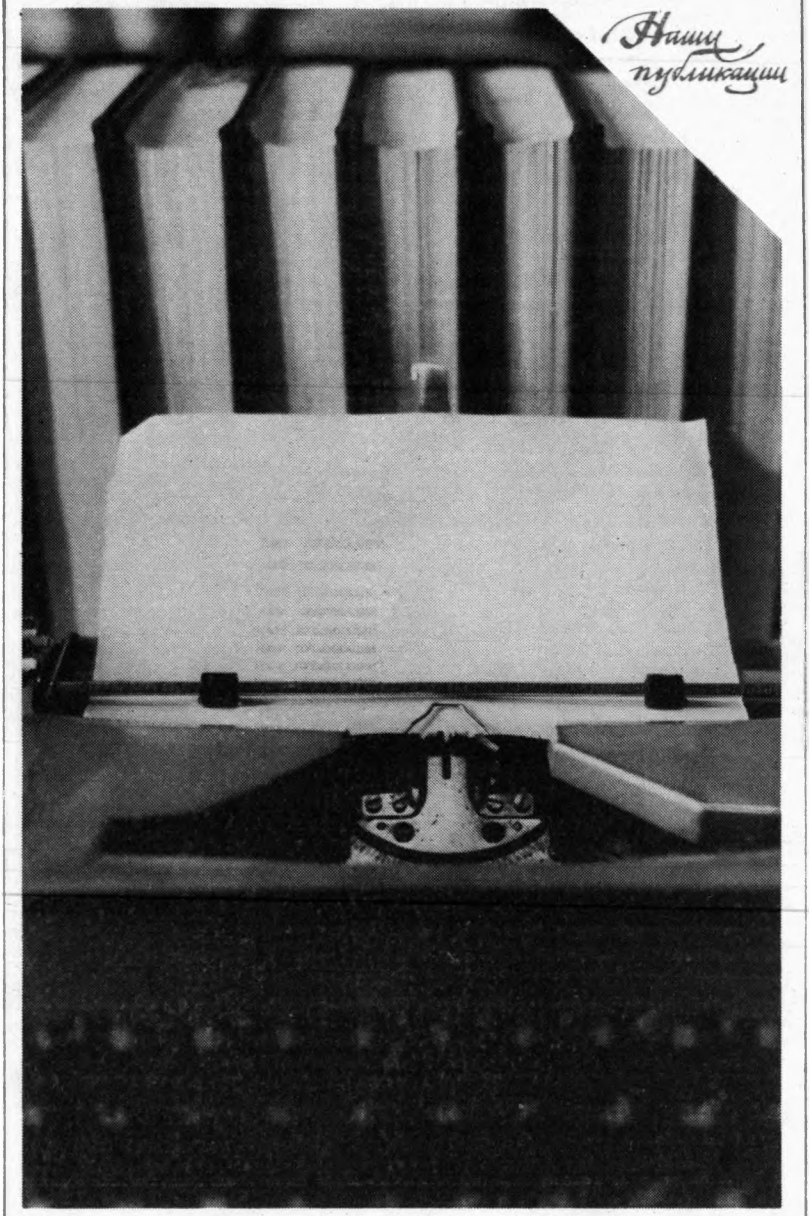
за дубравами поле устлали
пуховые пороши зимы,

чтоб родные прикрыть пепелища
и ведущий на Новгород путь,
чтоб сугробами метить кладбища —
по сугробу на каждую грудь.

Не вместить между строчек уставу
эту долгую боль, эту даль,
и князей отлетевшую славу,
и вдовиц уцелевших печаль.

Но простора великая сила
вещей ширью дохнет в старика,
чтоб короткая повесть вместила
эту боль, эту даль на века.

Горним духом ты жив еще, старче,
так скудельной свечою гори!
Только духа горение ярче
окровавленной, стылой зари.


Наши
публикации

Старшее поколение, вручая своей юной смене страну, мир и вечные идеи справедливости на земле, оставляет ей единственное, наиболее полное завещание — книгу. Поэтому любите книгу, храните ее выше всякого другого достояния... Пусть каждый образованный и знающий человек не пожалеет времени и досуга, чтобы разъяснить все это тем, кто не умеет пока пользоваться книгой.

ЛЕОНИД ЛЕОНОВ

Василий Казин

МОИ ДРУЗЬЯ И ПОМОЩНИКИ

Беседу вел Алексей Бархатов

Талантливый поэт, один из зачинателей пролетарской поэзии, о творчестве которого тепло отзывались еще Луначарский, Горький, Маяковский, Брюсов, Асеев, чуткий и требовательный редактор, заботливый воспитатель многих поколений советских поэтов — таким остался в истории нашей литературы Василий Васильевич Казин. Это интервью было одним из последних. Наш разговор начался с размышлений о судьбе книги, о ее взаимоотношениях с читателем.

— Получая из издательства свежий экземпляр новой книги, придирчиво рассматривая ее, грея и лаская родительскими руками обложку, невольно задумываешься над ее дальнейшей судьбой, даже пытаешься зримо представить себе ее читателей. Это чувство знакомо, наверное, каждому творцу. Вот мы с вами сейчас разговариваем, я могу видеть вашу реакцию на каждое слово. И, к примеру, если беседа перестанет быть интересной, то каждый из нас может ее прервать и посвятить это время общению с другим человеком. Книга, по сути, alter ego писателя. Она тоже беседует с читателем. Только, увы, в этом случае лишь у одного из собеседников есть возможность прервать общение. Хорошо, если книга взята из библиотеки. Тогда у нее появляется шанс поговорить с другим. Страшно, если книга обретает вечный покой на полке у человека, не оценившего ее. Книга должна жить не в покое, и не для покоя создавалась она.

— Василий Васильевич, можно ли вас понять так, что вы против собирательства книг, создания личных библиотек?

— Против собирательства ради самого собирательства — да. Простите, но придет ли кому-нибудь идея на свой день рождения собрать кого ни попадя, лишь бы побольше? Вряд ли. Человек позовет к себе домой лишь друзей или, допустим, товарищей по работе. Вы заметили, что у меня в квартире немного книг, но зато каждая — мой друг или помощник. Они живут у меня. Библиофил и собиратель книг — порой не одно и то же. Библи-

В. В. Казин и С. А. Есенин. 1924

офил любит книги, а собирателю подчас книги нужны скорее для демонстрации своего якобы высокого культурного уровня. Богатство такого книгочея сродни чичиковскому. Мне жалко его, но больше — книги, ставшие в его стеллажах «мертвыми душами».

Когда я вижу хорошую, настоящую книгу в красивом переплете, мне и радостно и тревожно за нее. Не ровен час купят не книгу, а именно переплет. Раньше такого все-таки не было. Вот, посмотрите, у меня сохранились некоторые издания двадцатых, тридцатых годов, томики разных авторов, сборники «Кузница», «Гудки». С виду маленькие, бедненькие, серенькие, да и тиражи не велики. Но как дорожили ими люди. Бумаги-то ведь мало было. Николай Ляшко во время гражданской войны свои рассказы на бересте писал, даже томик такой сделал. Впрочем, были и в те времена прекрасно оформленные книги. Здесь многое зависит от художника. Например, мою «Лисью шубу и любовь», вышедшую в 1926 году, иллюстрировал Б. Кустодиев. Так это же было сделано настоящим, прекрасным мастером!

Есть люди, которые собирают книги с автографами. Это,

конечно, очень ценно. У меня были книги с дарственными надписями Есенина, Маяковского, Тихонова, Федина... Жаль только, что не все они сохранились в годы Великой Отечественной войны.

— *Не собираетесь ли вы рассказать о времени, о людях, с которыми довелось встречаться, о событиях, участником и очевидцем которых были вы сами?*

— Подобные предложения я не раз получал от издательств. Но, оглядываясь в прошлое, героическое и славное, поэт ни на мгновенье не должен терять из виду день нынешний и завтрашний.

О сегодняшних темпах и масштабах развития народного хозяйства, о такой могучей многонациональной литературе поколение двадцатых могло лишь мечтать. Воспоминания — труд серьезный, требует много времени. А именно время-то с каждым днем начинаешь ценить дороже и дороже. Сейчас вот пишу поэму о современной Москве. Работается свободно и хорошо. Если успею, возьмусь и за воспоминания.

— *Не поделитесь ли вкратце ими в нашей беседе?*

— Давайте попробуем. С чего начнем?

— *Может быть, с ваших встреч с Лениным?*

— Назвать это встречами было бы нескромным. Хотя самая святая моя реликвия — фотография, сделанная 1 мая 1919 года на Красной площади. Я, в ту пору секретарь Бауманского райкома комсомола, оказался на ней рядом с Ильичем. Затем как-то я должен был на одном из выступлений читать свое стихотворение «Ленин» и вдруг за несколько минут до начала узнаю, что в зале сам Владимир Ильич. И как только представил себе, что вот я выхожу на сцену и читаю свои строки, испугался и поспешил уйти. Почему? Ленин был одновременно велик и человечен. И если первое мне как-то удалось передать, то второе — удивительную ленинскую простоту и человечность — воплотить в стихах не сумел.

Зато как безмерно горд и счастлив, что в личной библиотеке Владимира Ильича в Кремле хранится моя первая книжка «Рабочий май», изданная в 1922 году. Я недавно был там вместе с группой старых комсомольцев и держал этот бесценный экземпляр, почти физически ощущая тепло руки, «той самой, ленинской, какой писал декреты нам о мире». Скорее всего эта книга попала в кремлевскую библиотеку по рекомендации А. В. Луначарского, который дал ей высокую оценку. Имя Луначарского признательно хранили в сердце многие литераторы нашего поколения. При его содействии в 1920 году мы образовали объединение пролетарских писателей и стали выпускать журнал «Кузница».

— Василий Васильевич, расскажите поподробнее об этих годах, «когда Октябрь лишь зачинал стихи».

— Время было бурное. Строилось новое государство, новое общество. Нужна была и новая культура, новая литература. Какая? Ясно было одно — революционная. Она должна была заменить еще лежавшие в обилии на полках книжных магазинов «Приключения Тарзана», сборники декадентов и «космистов». Различные объединения и группы выступали со своими декларациями и манифестами, которые бесконечно менялись, дополнялись, уточнялись и так далее. Разгорались острые дискуссии. Борьба, задор, пафос. Однако назревала пора переходить от поисков, заявлений и надежд к конкретным делам. Группа прозаиков, критиков и поэтов, в числе которых был и я, в феврале 1920 года напечатала свое «заявление» в газете «Правда». Так появилось объединение и первый журнал пролетарских писателей «Кузница». Ядро составили: критик, теоретик литературы и поэт, коммунист с дооктябрьским стажем Г. В. Якубовский, С. А. Обрадович, бывший комиссар в годы гражданской войны Г. А. Санников, Н. Н. Ляшко, Ф. В. Гладков, А. С. Новиков-Прибой, А. С. Серафимович. В конце 1924 года в объединении было более сорока членов и около тридцати кандидатов. Собрания «Кузницы» чаще всего проходили в Староконюшенном, где вместе жили тогда Гладков, Ляшко, Новиков-Прибой. В общем, как говорится, в тесноте, да не в обиде. Читали свои произведения, а затем по кругу шло обсуждение. Спорили. В «Кузнице» было жарко. Но ведь только в пламени споров и закаляется новое.

В двадцатых годах я работал в «Комсомольской правде» и одновременно в «Красной нови», где основными сотрудниками были Владимир Маяковский и Сергей Есенин. С Есениным я познакомился еще в 1918 году в московском Пролеткульте. Близкое знакомство затем перешло в крепкую, сердечную дружбу. Дружить он умел. И теперь, с позиции своих восьмидесяти лет, я могу сказать, что дар это редкий.

Удивительно, что сейчас, например, пародия или эпиграмма подчас начисто прерывают всякие отношения между поэтами. А тогда писали друг на друга и никогда не обижались. Помню, Маяковский наградил меня таким шутливым автографом на своей книге — «Казину, хотя лучше казино». Я ответил эпиграммой, опубликовал ее в «Красной нови». Впору обидеться. А он восторженно отозвался о моем стихотворении «Гармонист».

— Многие наши поэты называют вас своим учителем. А кого считаете вы своим наставником в поэзии?

— Пожалуй, надо начать с прекрасного школьного преподавателя литературы Столярова. Он первым внушил мне любовь к

В. В. Казин с комсомольцами — первыми строителями БАМа

Пушкину, Некрасову. «Ах полным-полна моя коробушка» я и по сей день считаю удивительнейшей песней, истинно народной и всегда современной. Большое значение в моей поэзии сыграли стихи Уитмена в переводе Корнея Чуковского. Будто самую сердцевину поэзии почувствовал, прочтя великолепную статью В. Брюсова о Тютчеве.

Но настоящим наставником своим я назвал бы Андрея Белого. Он вел курс стихосложения в литературной студии Пролеткульта, где я учился в 1918—1920 годах. Человек высокой культуры, постоянного горения, обаятельный и энергичный оратор. Его энтузиазм вдохновлял, зажигал. Мы слушали его будто завороженные. Как он рассказывал о Пушкине! Заставлял вслушиваться в звукопись:

Шипенье пенистых бокалов
И пунша пламень голубой...

Ему, Андрею Белому, обязан я своим:

Живей, рубанок, шибче шаркай,
Шушукай, пой за верстаком,
Чеши тесину сталью жаркой,
Стальным и жарким гребешком.

— *Критика прочно закрепила за вами звание мастера темы труда. В чем, по-вашему, основа этого мастерства?*

— Наверное, это уместнее было бы узнать у критики. Может, в том, что я стремился описывать не сам процесс труда, а как он отражается в сознании, в характере труженика, не столько сам труд, сколько чувства, порождаемые им, стремился нащупать всевозможные связи труда с жизнью. Не в поэзии отражал труд, а в труде поэзию. Иначе и невозможно. Так я пишу сейчас и о тружениках сегодняшней Москвы.

— *Василий Васильевич, вы говорили, что с каждым днем все больше и больше начинаете ценить время. Порой же, в разговоре некоторые люди сетуют на то, что им не хватает времени именно на чтение, что очень трудно следить за новинками литературы, осваивать классику. Не могли бы вы с позиций своего опыта что-либо им посоветовать?*

— Если честно, я думаю, что таким людям не хватает времени не только на чтение. Основная причина здесь, пожалуй, одна — недостаток самодисциплины, неумение четко организовать свою жизнь, отбросить суету, которая, войдя в привычку, кажется неизбежной. Но только кажется. Человек, действительно любящий литературу, всегда найдет время для нее. Еще раз подчеркиваю, книга должна быть другом. Хотя теперь с друзьями чаще общаются по телефону, с книгой — по телевизору.

Читать все конечно же невозможно. Это стоит посоветовать разве что юному человеку, который еще только определяет свои интересы, вкусы и склонности. Взрослому человеку уже трудно советовать, что, как и когда ему читать. С годами у каждого складывается своя система. Это только кажется, что человек, подходя к книжной полке — домашней или библиотечной, берет первую попавшуюся книгу. На самом деле он выбирает то, что созвучно его интересам, настроению именно сегодня. Это может быть и классика, и современное произведение, и стихи, и проза — как говорится, о вкусах не спорят. Но, не освоив классику, трудно по достоинству оценить новинку. Начинать надо с произведений, проверенных временем, поколениями любителей и ценителей литературы. Тогда можно гарантировать дружбу с книгой на долгие годы.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Абашидзе И. В. 46
Абрамкин В. М. 76
Абрамов Ф. А. 72, 102
Аввакум (Петров), протопоп 70, 125, 143—146
Авгарский Г. 60
Авдиев Р. В. 213
Авксентьевская Е. И. 116
Адрианова-Перетц В. П. 81
Азадовский М. К. 70
Азарьин С. 152
Айзеншток И. Я. 79
Аксаков С. Т. 250, 253, 254
Акулов Э. 159
Акутагава Рюноскэ 238
Алданов М. А. 218, 219, 234
Александр Невский 111
Александровский М. И. 125
Алексеев А. И. 107
Алексеев П. А. 59
Алексей Михайлович 127, 152
Анакреонт 230
Андреев Л. Н. 79
Андреева Е. И. 53
Анненский И. 154
Антокольский П. Г. 108
Априлов В. 60
Аргунов И. П. 82
Ардаматский В. И. 46
Ардов В. Е. 198
Арина Родионовна, см. Яковлева А. Р.
Аристотель 59
Артамонов М. Д. 21, 22, 30—32, 34, 36, 37, 39
Арцыбушев Ю. К. 128
Асеев Н. Н. 196, 201, 291
Астафьев В. П. 102
Афанасьев А. Н. 69
Афанасьев Ф. А. 28
Ахматова А. А. 267

Бабель И. Э. 196
Багратион П. И. 111
Багрицкий Э. Г. 31
Бадалов А. Л. 93
Байдуков Г. Ф. 198
Бакунин М. А. 206
Балакирев М. А. 77
Балашов С. И. 28
Балашов Э. В. 60
Бальзак О. де 195
Бальмонт К. Д. 30, 267
Баранов А. А. 112
Барановская М. Ю. 126
Барановский П. Д. 125, 126
Барбье О. 204
Баркова А. А. 34, 36, 37
Барсов Е. В. 69, 130
Бартенев П. И. 74
Барто А. Л. 53
Бархатов А. А. 53
Бахрах А. А. 215, 216, 223, 234
Бахрушин С. В. 271
Бахтин В. С. 62, 63, 66, 80, 297, 300
Бахтурин К. А. 209
Бедный Д. 36, 76, 128, 132, 264
Белинский В. Г. 140, 206, 208, 211, 213, 251
Белов В. И. 102, 181, 182
Белозеров А. А. 23
Белоусов И. А. 135, 141, 142
Белоцветова Т. Ф. 86
Бельский Л. П. 169, 170
Бельчинов П. Ф. 36
Белый А. 295
Беляков А. В. 198
Бердников Э. П. 73
Бережной А. 39
Березуцкий Н. С. 130
Бестужев Н. А. 126
Билибин И. Я. 173
Бирюков П. И. 223
Благов А. Н. 30, 31
Благосветлов Г. Е. 211
Блок А. А. 30, 32, 36, 39, 136
Богданович И. 74
Богуславская З. Б. 273
Бодуэн де Куртенэ И. А. 55
Бондарев Ю. В. 102
Бонч-Бруевич В. Д. 132
Борисов-Мусатов В. Э. 244
Борисова М. И. 73
Боровиковский В. Л. 82
Бородкин О. П. 162, 172, 174
Ботев Х. 55, 56
Боцяновский В. Ф. 78, 79
Браун Н. Л. 73, 201
Бродская Д. Л. 73, 201
Брун Т. А. 149
Брюллов К. П. 245
Брюсов В. Я. 26, 36, 267, 291, 295
Бубнов А. С. 28
Букина Л. В. 104
Буковецкий П. М. 51, 297, 300
Булавин К. 70

Булдаков М. М. 111, 112, 114
Бунин И. А. 19, 28, 30, 141, 142, 214—236, 267, 277
Буслаев Ф. И. 74
Бухов А. С. 198
Бюхнер Л. 281
Быков В. В. 102

Вавилов С. И. 86
Вазов И. 55
Валиханов Ч. Ч. 107, 108
Ващаров Н. 53, 56, 57
Варенцова О. А. 33
Васильев Б. Л. 183
Васильев И. А. 102
Васнецов А. М. 125, 126
Васнецов В. М. 126
Вацуро В. Э. 84
Вашенцев В. Д. 171
Вежинов П. 57
Венгеров С. А. 79
Венецианов А. Г. 82, 245
Веревкин М. И. 120, 121
Вересаев В. В. 79, 195
Верн Ж. 19
Вивальди А. 183
Виголь К. 96
Вильборг А. 271
Вихрев Е. Ф. 37
Вобликов Ю. Н. 48
Вовчок М. 99
Войнич Э. Л. 12—14
Володин А. М. 183
Волошин М. А. 271
Волынец Е. Б. 46
Вольтер 195
Воронский А. К. 34—39
Воронцов М. С. 255, 256
Врубель М. А. 173, 243, 244
Вуль С. А. 134

Гааз Ф. П. 141
Галин Б. А. 197
Галлен-Каллела А. 167, 169, 173, 179
Гальперин-Каминский И. Д. 235
Гамбург И. К. 38
Ганандер К. 164
Гастелло Н. Ф. 199
Гауптман Г. 183
Гафури М. 201
Гейне Г. 199
Геккель Э. 281
Герасимов П. Ф. 81
Герцен А. И. 138, 195, 206, 228, 251
Гершензон М. О. 271
Гёте И. В. 195, 199, 280
Гильфердинг А. Ф. 69
Гиляровский В. А. 142
Гладков Ф. В. 294
Глинка С. Н. 127
Гнусин С. 143, 147
Гоголь Н. В. 37, 49, 72, 84, 98, 211, 245, 251, 258, 261
Голике Р. 271
Головацкий Я. Ф. 81
Голубева А. Г. 81
Гольц-Миллер И. И. 203—205, 213
Гомер 170, 195
Гончар А. Т. 100
Гончаров И. А. 103, 119
Горбатов М. 31
Горбенко Е. П. 206, 213
Горбунов-Посадов И. И. 31
Городецкий С. М. 36, 38, 39
Горький М. 2, 7, 8—10, 21, 30, 32, 33, 36, 37, 39, 51, 77, 79, 80, 93, 99, 142, 157, 196, 200, 223, 275, 279, 291
Готлунд К. 168
Гранстрем Э. 170
Греч А. Н. 136
Грибачев Н. М. 7, 8, 14, 15, 17—20, 297, 300
Грибоедов А. С. 79, 119, 138
Григоров Б. П. 267—269
Григорова Н. А. 267—269
Григорович Д. В. 140
Грин М. 234, 235
Гриненко В. Ф. 153
Гроссман Л. П. 195
Грот Я. К. 139, 157
Гулиа Д. И. 95
Гуссак Т. 96
Гутенберг И. 202
Гюго В. 247, 274

Давыдов К. Ю. 142
Давыдова А. А. 142
Давыдова Л. К. 142
Даль В. И. 55, 69, 74
Дарвин Ч. 281
Дарио Р. 51
Дежнев С. И. 107—109, 124
Делюрье Ж.-Ж.-Г. 255
Демаков В. Ф. 211, 212
Денисов А. 146, 147
Денисов С. 146, 147
Державин В. В. 201
Державин Г. Р. 110, 228—231

Державин Н. С. 55
Дерман Б. А. 252
Джагаров Г. 57
Джалиль М. 101
Диккенс Ч. 99, 199, 274
Дмитриев И. И. 140, 141
Добровольский А. С. 253
Добролюбов Н. А. 81, 103
Доколина Г. П. 60
Дорош Е. Я. 102
Достоевский Ф. М. 119, 223, 228
Дружинин В. Г. 145
Дунаев Е. А. 28
Дымшиц А. Л. 77
Дьюла Я. 96

Евсеев В. Я. 161
Евтимов Е. 57
Егоров Е. Е. 129, 130, 146
Еленков Л. 57
Ерохин В. П. 153
Ершов Н. П. 210
Ершов П. П. 209—212
Есенин С. А. 30, 36, 54, 195, 292—294
Ефремов П. А. 138

Жаров М. И. 94
Жемчугова П. И. 256
Жижин И. И. 21, 22, 30, 33, 34, 36, 37, 39
Жуков Ю. А. 115
Жуковский В. А. 25, 181, 205, 206, 213
Журавлев К. К. 76
Жучков И. Н. 131

Забелин И. Е. 126
Заволоко И. Н. 144, 145
Загоскин Л. А. 107, 124
Зайцев Б. К. 235
Зайцев К. И. 235
Зайчневский П. Г. 203
Зарин Е. Ф. 77
Захарова Е. З. 62
Захарова С. И. 95
Зверева М. В. 16—18
Згура В. В. 136
Зеелер В. Ф. 233
Зелинский Ф. Ф. 267
Зернова А. С. 148, 152
Зиновьев Г. 109
Злобин А. П. 102
Зощенко М. М. 198
Зуров Л. Ф. 215, 216, 232—234

Ибсен Г. 182
Иван Федоров 148—150
Иван IV Васильевич 126, 149, 151
Иванов Л. И. 102
Иванов С. А. 119, 120
Иванович В. И. 51
Иванчин-Писарев Н. 140
Иващенко Н. Ф. 125, 153
Ивнев Р. 36
Игнатьев А. А. 134
Идес Э. И. 120
Ильин И. В. 129, 147
Ильин М. А. 136
Ильинский Л. К. 86
Иогансон Ф. А. 95
Иоффе А. Ф. 267, 271
Исаев Е. А. 46
Исаков И. С. 117, 118
Исаковский М. В. 15, 73

Казакевич Э. Г. 29
Казин В. В. 36, 291—296, 299, 302
Кайнулайнен Ю. 161, 164
Кайпайнен А. 188
Калашников А. И. 134
Каликин Ф. А. 145
Калита Н. И. 134
Каменев Н. П. 132
Капиев Э. М. 201
Капланский Е. Ф. 86
Каравацкая В. М. 53, 54
Карамзин Н. М. 19, 106, 140
Караславов С. 57
Каратыгин В. А. 250
Каргальский А. И. 63, 73
Карлейль Т. 156
Карху Э. Г. 157
Карьялайнен М. 163, 164
Кастрен М. 159, 168
Кауконен В. 164, 167
Каченовский М. Т. 74
Каян Я.-Ф. 159, 166
Каяндер П. 170
Квитка-Основьяненко Г. Ф. 255
Кезля В. В. 101
Келин П. И. 243
Кеттунен Ю. 163
Киелевяйнен В. 158, 161, 168
Кипренский О. А. 245
Киреевский П. В. 69, 74, 81
Кирпичков В. Н. 49
Кирша Данилов 69, 74
Киселева Е. Г. 153
Киселева Р. С. 176
Клычков С. А. 30, 36

Клюнин В. Е. 31
Ковалев В. А. 265, 271
Кодрянская Н. В. 235
Козлов А. А. 253
Козьмин Б. П. 203
Коллонтай А. М. 78
Колоколов Н. И. 37
Колычев Ф. 143, 145
Кольцов М. Е. 197
Комаров М. И. 134
Комарова В. Д. 77
Комиссарова М. И. 73
Кони А. Ф. 141
Константинов А. 55
Копельман С. Ю. 267, 272
Коринфский А. А. 141
Корнейчук А. Е. 200
Короленко В. Г. 275, 286
Коршунова Н. Е. 125, 298, 301
Костомаров Н. И. 141
Коцюбинский М. М. 99
Кочергин Н. М. 172
Кочнев Н. Г. 112, 116
Кравченко А. И. 267, 270, 271, 273
Краснов П. 39
Крачковский И. Ю. 121
Круглый А. А. 128
Крупская Н. К. 275, 286
Крылов И. А. 95, 138, 207
Кузнецов А. М. 172
Кузнецова Г. Н. 215, 225
Кузнецова М. Н. 93
Куприн А. И. 142
Куприна Л. А. 142
Куприна-Иорданская М. К. 142
Куприяновский П. В. 21, 297, 300
Куранов Ю. Н. 181
Курдов В. И. 172, 174, 175, 177
Кустодиев Б. М. 292
Куусинен О. В. 157
Кушнарев И. Н. 127

Лаво Л. де 127
Лавров В. В. 214, 298, 302
Лазарев В. Я. 214, 274
Лакин М. И. 14
Ланг Л. фон 120
Ларин Параске 184—188
Ласунский О. Г. 153, 297, 300
Лахти П. 176
Лебеденко А. Г. 76
Левик В. В. 60
Левчев Л. 57
Левшин А. Г. 127
Леже Ф. 249
Лелевич Г. 203
Ленин В. И. 21, 23, 36—38, 44, 49, 57, 84, 103, 196, 200, 240, 267, 276, 286, 293
Лёнрот Э. 157—161, 163, 164, 166—168, 170, 171, 185
Леонардо да Винчи 242, 243
Леонов Л. М. 265—273, 290
Леонова (Сабашникова) Т. М. 271, 272
Лепилов Я. И. 31
Лермонтов М. Ю. 24, 30, 53, 77, 173
Лесков А. Н. 80
Лесков Н. С. 80, 119
Лесовой В. С. 98, 298, 301
Лидин В. Г. 196
Лихоносов В. И. 72
Лихтенштейн Е. С. 46, 88
Лобанов В. М. 134
Лондр А. 196
Луговской В. А. 60
Луначарский А. В. 36, 196, 267, 291, 293
Лысогорский О. 200
Львов-Рогачевский А. В. 38
Любимов И. Е. 33
Лютер М. 281
Ляшко Н. Н. 292, 294

Макашин С. А. 232
Маковский И. 82
Максимов В. М. 82
Максимов С. В. 119
Малинен О. 161
Малиновский В. Ф. 139
Малышев В. И. 143—145, 149, 153
Мальцов И. С. 285
Мамин-Сибиряк Д. Н. 142
Мамонич К. 150
Мамонич Л. 150
Марич М. 195
Марков С. Н. 107—124
Маркова Г. П. 107, 298, 301
Маркс К. 49, 65, 66
Маркушевич А. И. 91
Маршак С. Я. 53, 100
Маслов А. И. 133
Матев П. 57, 60
Матро, финская сказительница 164
Махов Н. И. 24
Маяковская А. А. 242
Маяковский В. В. 9, 36, 196, 200, 239—249, 291, 293, 294
Маяковский В. К. 242
Медведев В. 61
Медведев Ф. 153

Менделеев Д. И. 212
Менухов И. И. 117
Мережковский Д. С. 223
Метерлинк М. 282
Мечев М. М. 160, 172, 174, 175, 180
Мещеряков Н. Л. 36
Мийхкалайнен С. 159
Миклухо-Маклай Н. Н. 107, 110
Миллер П. Н. 125, 126
Миллер Ф. Б. 140
Милькеев Е. Л. 205—208, 213
Минин К. 111
Михалков С. В. 53, 60, 196
Мишин О. И. 157, 186, 188, 298, 301
Можаев Б. А. 102
Молдавский Д. М. 62, 71, 76
Мопассан Г. де 280
Москвин Т. П. 147
Моцарт В. А. 183
Мочалов П. С. 250
Мстиславец П. Т. 149, 150
Муравьева-Логинова Т. Д. 235
Муромцева (Бунина) В. Н. 216, 219, 231—233
Мусоргский М. П. 245
Мутанен П. А. 184, 298, 301
Мухина В. И. 248, 249

Нагаев А. И. 120
Назаров Е. И. 235
Назаров И. А. 29—31, 39
Найденов Н. А. 127
Нарбут В. И. 36
Невежа Тимофеев 150, 151
Неверов А. С. 36
Недогонов А. И. 100
Некрасов В. Ф. 93
Некрасов И. Ф. 70
Некрасов Н. А. 19, 24, 30, 77, 194, 195, 204, 242, 295
Немировский Е. Л. 90
Неовиус А. 185, 187, 188
Нестеров М. В. 271
Нечаев Е. Е. 23, 29
Ниеми А. Р. 163, 184
Низовой П. Г. 36
Никифор Тарасиев 150
Никон, патриарх 146, 152
Новиков-Прибой А. С. 196, 199, 294
Новикова-Зарина Е. И. 77
Ноздрин А. Е. 26—31, 34

Обрадович С. А. 294
Огурцов С. И. 37
Озеров Л. А. 250, 299, 302
Окладников А. П. 108
Ольденбург С. Ф. 223
О'Нил Ю. 183
Орлов Д. С. (Моор) 243
Осетров Е. И. 29, 46, 60, 114, 153
Осокин В. Н. 153
Остен-Сакен Ф. Р. 139
Остров С. 66
Остроухов И. С. 267, 271, 272

Павленко П. А. 200
Павлов И. Н. 131, 132
Павлов Н. Ф. 206, 208
Павлова К. К. 206—208
Павлович Н. А. 134—136
Палей А. Р. 236
Палкин М. А. 49
Панаев И. И. 208, 213
Панина А. Л. 273
Парацельс Ф. 181
Пастернак Б. Л. 54, 201, 267
Паустовский К. Г. 93
Пенев П. 57
Перетц В. Н. 81
Перттунен А. 158, 161, 164, 168
Перттунен М. 159, 164
Петр I 70, 73, 146
Петров Е. П. 198
Петров Ф. Н. 38
Петрянов-Соколов И. В. 46, 47
Пешель О. 111
Пикассо П. 243
Пименова Э. К. 78
Пирс Р. 114
Пистунова А. М. 239, 298, 302
Платов М. И. 73
Платон 59
Плетнев П. А. 139, 206, 207, 213
Плеханов Г. В. 276, 279, 286
По Э. 11
Погодин М. П. 206
Погодин Р. П. 72
Подвойский Н. И. 28
Пожарский А. К. 130, 131
Поздеева И. В. 149, 153
Полевой Н. А. 79
Полежаев Т. А. 127
Поленц В. фон 274—286
Полнер Т. 221, 225, 227—229
Полонский Я. Б. 214, 221
Полонский Я. П. 140
Поморский А. Н. 23
Попович П. Р. 46
Порет А. И. 172, 174

Постышев П. П. 25
Потехин А. А. 253
Почтовик П. Д. 83, 90—97, 298, 301
Прево А. Ф. 120, 121
Пржевальский Н. М. 107, 117
Притыкина К. И. 73
Пришвин М. М. 146, 196
Прокопьев П. 143, 147
Прокофьев А. А. 7, 73
Пропп В. Я. 168, 169
Проскурин С. М. 28
Пузырев М. И. 128
Пушкин А. С. 24, 30, 53, 54, 61, 74, 75, 78, 81, 84, 95, 99, 110, 119, 133, 134, 138, 173, 195, 199, 228, 245, 246, 250, 251, 295
Пыляев М. И. 127

Радичков Н. 57
Радищев А. Н. 102, 138
Радищевский А. М. 151
Радов Г. Г. 102
Разин С. Т. 73, 145
Разумовская С. В. 271, 273
Рапола М. 184
Рафаэль Санти 240
Рахилло И. С. 199
Рахманинов С. В. 78
Рачинский Г. А. 267
Резанов Н. П. 114, 115
Репин И. Е. 240, 244, 245
Рерих Н. К. 238
Решетников Л. 102
Решимова-Бочечкарева В. Д. 142, 143
Рифлинг А. 196
Рогожин Н. П. 38, 39
Рождественский Р. И. 60
Рокитянский Н. И. 121
Романов Б. Н. 287, 299, 302
Романова Р. А. 60
Рони-старший Ж. 100
Ростовцев Я. И. 138, 139
Ростопчин Ф. В. 127
Рыбакова А. И. 134
Рыбников П. Н. 69
Рыклин Г. Е. 198
Рылеев К. Ф. 110
Рыленков Н. И. 15
Рябинин А. Н. 38
Рязанов А. 31

Сабашников М. В. 265—273
Сабашников С. В. 265, 267, 272, 273
Савин М. К. 23
Садовников Д. Н. 69
Садовские, семья актеров 252
Садофьев И. И. 23
Сайло А. 188
Салминен В. 184, 188
Салтыков-Щедрин М. Е. 77, 81, 195
Санд Ж. 77, 141
Санников Г. А. 294
Санович Г. А. 38
Саркизов-Серазини И. М. 212
Сароян У. 98
Сафаров Н. С. 46
Сафонова Н. В. 93
Саянов В. М. 7
Светлов М. А. 201
Седов Г. Я. 117
Сельвинский И. Л. 108
Селянин С. А. 34, 39
Семён А. 127, 138
Семёновский Д. Н. 21, 22, 30, 32—34, 36, 37, 39
Семенчиков Р. М. 25, 26, 38
Сёмин С. А. 38
Сенека Л. А. 111
Сенковский О. И. 208
Серафимович А. С. 36, 196, 294
Сергий Радонежский 152
Серов В. А. 243—245
Сибелиус Я. 183, 186
Сигрист А. С. 153
Сидоров А. А. 6, 137, 148, 153
Симаков В. И. 69
Симонов К. М. 200
Симонов П. М. 25
Сиркейнен В. 159
Сиссоненн С. 168
Скабичевский А. М. 213
Скино А. 251
Скотт В. 99
Скулскы С. 150
Слезка М. 150
Смирненский Х. 56
Смирнов В. А. 37
Смирнов Н. П. 37
Смирнов П. Н. 229
Смирнов-Сокольский Н. П. 95, 128, 133
Сморгунова Е. М. 149
Снегирев И. М. 127
Снегирева А. И. 128
Соболев Л. С. 200
Соболевский А. И. 81
Соболевский С. А. 74
Соваж Т.-М.-Ф. 255
Сокольский Н. П. 205
Сокольский П. П. 205
Сократ 59

Солнцев Ф. Г. 127
Сологуб Ф. К. 140, 267
Сомов К. А. 243
Сорока Г. В. 82
Спектор У. М. 84
Спенсер Г. 282
Станчев Л. 60
Старцев О. 125
Стасов В. В. 77
Стасова Е. Д. 77
Стасюлевич М. М. 213
Стеллецкий И. Я. 126
Степун М. 215
Строганов Д. А. 151
Стронк Г. А. 165, 172, 174
Суворин А. С. 127, 251
Суворов А. В. 111
Сумароков А. Д. 33, 110
Суриков И. З. 142
Сытин П. В. 126
Сэлинджер Д. 101, 102

Тарасов Е. М. 23
Твардовский А. Т. 15, 199
Телешов Н. Д. 142, 143
Теппинен Л. 164
Тиклен К. 166
Тимирязев К. А. 235, 267
Тимковский К. И. 210
Тимм В. Ф. 95
Тимофеев П. К. 73
Тихонов Н. С. 7, 116, 293
Тихонова М. Н. 73, 75
Толстая А. А. 227
Толстая А. Л. 219
Толстая С. А. 225, 229
Толстой А. К. 19
Толстой А. Н. 7
Толстой Л. Н. 7, 19, 38, 81, 92, 195, 199, 221—229, 246, 274—286
Толстой М. В. 83
Топелиус-старший С. 163, 164
Тромонин К. 127
Трофимов А. 89
Трохкимайнен С. 163, 164
Туганова О. Э. 274, 299, 302
Тургенев И. С. 103, 195
Тюйвонен Ю. 184
Тюнеева А. Н. 83
Тютчев Ф. И. 295

Уитмен У. 295
Украинка Л. 99
Ульянский А. Г. (Свинцов В. Н.) 79
Успенский А. И. 128
Успенский Г. И. 102, 277, 282, 286
Утков В. Г. 202, 298, 301
Ушаков Н. Н. 201
Ушаков Ф. Ф. 73

Фаворский В. А. 197
Фадеев А. А. 10—12
Фалилеев В. Д. 131, 266, 267, 271
Федин К. А. 30, 79, 116, 196, 232, 293
Федченко В. А. 282
Фигнер Н. Н. 78
Филиппов И. 146
Филонов П. Н. 174
Фиш Г. С. 7, 199
Флобер Г. 215, 231
Флоренский П. А. 80, 81
Фогт К. 281
Фонтане Ф. 283
Фоняков И. О. 73
Фортинский С. П. 131
Фортунато Е. И. 78
Франс А. 196
Фридланд Л. С. 76
Фролов И. 23
Фрунзе М. В. 25, 28, 33, 38
Фурманов Д. А. 29, 33, 35
Фурцева Е. А. 232

Хаавио М. 184
Хабаров Е. П. 109
Хейердал Т. 64
Хлебников В. В. 243
Ходкевич Я. К. 150
Хомяков А. С. 206, 208, 213
Хорошилов П. Е. 38
Хромова К. И. 7

Цветаева М. И. 233, 239, 244
Цыбасов М. П. 174, 178
Цыбиков Г. Ц. 108
Цыкулин Д. И. 119
Цын Гуан 120
Цявловский М. А. 267, 271

Чаев Н. С. 127
Чайковский П. И. 78
Чаковский А. Б. 199
Чапыгин А. П. 76
Черкесов А. А. 204
Черненко М. Б. 121
Черниченко Ю. Д. 102

Черняев А. С. 33
Чертков В. Г. 281
Чехов А. П. 99, 119, 135, 141, 142, 275, 279, 286
Чистяков А. Ф. 195
Чистяков М. Б. 78, 298, 301
Чкалов В. П. 99, 100, 198
Чубарьян О. С. 90
Чуванов М. И. 125—153
Чуковский К. И. 157, 228, 244, 245, 295
Чулков Г. И. 140, 267, 271
Чулков М. Д. 74, 81
Чулков Н. П. 126, 136

Шагинян М. С. 197
Швиндин Ф. 101
Шевченко Т. Г. 79, 98
Шевырев С. П. 206
Шегрен А. Ю. 161
Шейн П. В. 69, 75, 81
Шекспир У. 195, 199, 210, 246
Шелехов Г. И. 111, 112, 119
Шестернин С. П. 23
Шестинский О. Н. 53, 54, 297, 300
Шибанов П. П. 128, 132, 148
Шикина Л. В. 60
Шиллер Ф. 81, 199, 210
Ширман Е. М. 101
Ширяева П. Г. 62
Шицгал А. Г. 90
Шкларевич П. Д. 222
Шкловский В. Б. 195, 240
Шкулев Ф. С. 23, 29
Шмаров Ю. Б. 136
Шолохов М. А. 99, 199
Шпак М. 101
Шувалов С. Г. 40, 297, 300
Шукшин В. М. 102

Щепкин М. А. 251
Щепкин М. С. 250—262
Щепкин Н. М. 251
Щербаков Д. И. 107
Щипачев С. П. 198

Эдельфельт А. 186, 187
Эллади О. О. 46
Эмерсон Р. 281, 282
Энгельгардт Е. А. 139
Энгельс Ф. 49
Эргот К. 251
Эренбург И. Г. 99
Эсхил 195
Эфрос А. М. 265, 273

Юниверг Л. И. 265, 299, 302
Юнтунен С. Х. 175
Юфа Т. Г. 172, 173, 182, 298, 301

Языков Н. М. 140, 206
Яковлев А. С. 265, 271, 272
Яковлева А. Р. 75
Якубовский Г. В. 294
Якушкин П. И. 69
Эрнефельт Э. 186
Ярославцов А. К. 208—212

КОРОТКО ОБ АВТОРАХ

НИКОЛАЙ МАТВЕЕВИЧ ГРИБАЧЕВ (р. 1910)

Писатель. Публицист. Кандидат в члены ЦК КПСС, Председатель Верховного Совета РСФСР, Герой Социалистического Труда, секретарь правления Союза писателей СССР, лауреат Ленинской и Государственных премий СССР, главный редактор журналов «Советский Союз» и «Советский спорт», а также детского журнала «Миша», издаваемого для зарубежного читателя. Автор многих сборников прозы, поэзии и публицистики.

ПАВЕЛ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ КУПРИЯНОВСКИЙ (р. 1919)

Доктор филологических наук, профессор. Заслуженный деятель науки РСФСР. Заведующий кафедрой советской литературы Ивановского государственного университета имени Первого в России Иваново-Вознесенского общегородского Совета рабочих депутатов. Автор книг «А. М. Горький в общении с ивановцами», «Горький, Фурманов, Серафимович, А. Толстой», «В широком потоке», «Художник революции», «Сквозь время», «Доверие к жизни» и других, а также статей, посвященных советской литературе.

СЕРГЕЙ ГАВРИЛОВИЧ ШУВАЛОВ (р. 1932)

Историк. Первый заместитель председателя Центрального правления ВОК. Автор многих статей по проблемам партийной пропаганды, роли книги в идейном воспитании трудящихся.

ПАВЕЛ МАРКОВИЧ БУКОВЕЦКИЙ (р. 1945)

Историк. Автор публикаций в периодической печати на темы советской культуры.

ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ ШЕСТИНСКИЙ (р. 1929)

Поэт. Переводчик. Секретарь правления Союза писателей СССР. Лауреат премии Ленинского комсомола.

ВЛАДИМИР СОЛОМОНОВИЧ БАХТИН (р. 1923)

Литературовед. Фольклорист. Критик. Им составлены сборники северного фольклора XIX—XX веков. Автор книги о русском лубке, работ по проблемам современного фольклора, библиографических справочников, посвященных писателям Ленинграда.

ОЛЕГ ГРИГОРЬЕВИЧ ЛАСУНСКИЙ (р. 1936)

Писатель. Книговед. Автор многих работ, посвященных теории и практике библиофильства.

ПАВЕЛ ДАВЫДОВИЧ ПОЧТОВИК (р. 1905)

Председатель Московского клуба любителей миниатюрных книг и научно-методической секции при Центральном правлении ВОК. Автор статей, посвященных миниатюрным изданиям.

ВЛАДИМИР СЕРГЕЕВИЧ ЛЕСОВОЙ (р. 1948)

Журналист. Критик. Автор статей по проблемам советской и зарубежной литературы.

ГАЛИНА ПЕТРОВНА МАРКОВА

Автор статей о С. Н. Маркове, публикатор творческого наследия известного советского писателя.

НАТАЛЬЯ ФЕДОРОВНА ИВАЩЕНКО

Автор статей и очерков по проблемам современной культуры.

НАТАЛЬЯ ЕВГЕНЬЕВНА КОРШУНОВА

Археограф и палеограф. Занимается изучением древнерусской книги.

ОЛЕГ ИОСИФОВИЧ МИШИН (р. 1935)

Поэт. Переводчик. Литературовед. Занимается проблемами финской литературы, а также вопросами перевода с финского языка на русский. Автор одиннадцати поэтических книг, сборника статей «Весомость слов простых», работ, опубликованных в научных изданиях и периодической печати. Лауреат премии Ленинского Комсомола Карельской АССР.

ТАМАРА ГРИГОРЬЕВНА ЮФА

Художница. Ею созданы иллюстрации к многим изданиям «Калевалы», живописные работы на темы карело-финского эпоса. Автор театральных декораций и костюмов, народных костюмов для самодеятельных коллективов.

ПЕТР АБРАМОВИЧ МУТАНЕН (р. 1935)

Прозаик. Очеркист. Автор книг «Бронзовая звезда», «Бой у Ристи-Салми» и других, а также статей, посвященных культуре Карелии.

АЛЕКСАНДР ФЕДОРОВИЧ ЧИСТЯКОВ (р. 1920)

Журналист. Автор статей по вопросам книгоиздательства, библиофильства и современной культуры.

ВИКТОР ГРИГОРЬЕВИЧ УТКОВ (р. 1912)

Писатель. Заслуженный работник культуры РСФСР. Автор повестей «Рожденные в недрах непогоды», «В поисках Беловодья», сборников рассказов, очерков, исследований по истории русской литературы, книговедения и книжной торговли.

ВАЛЕНТИН ВИКТОРОВИЧ ЛАВРОВ (р. 1935)

Журналист. Автор статей и публикаций, связанных с поисками и находками редких книг русских и советских писателей, а также посвященных жизни и деятельности И. А. Бунина.

АЛЕКСАНДРА МИХАЙЛОВНА ПИСТУНОВА

Критик. Искусствовед. Заведующий отделом искусства газеты «Литературная Россия». Ее перу принадлежат статьи, очерки, книги о русских и советских художниках.

ЛЕВ АДОЛЬФОВИЧ ОЗЕРОВ (р. 1914)

Поэт. Переводчик. Критик. Литературовед. Автор многих поэтических книг, сборников критических статей, исследований по русской и советской поэзии.

ЛЕОНИД ИОСИФОВИЧ ЮНИВЕРГ (р. 1945)

Историк книги. Старший научный сотрудник НИО истории книги (Музей книги) Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Автор статей по истории книжного дела конца XIX — начала XX века, опубликованных в научных и общественно-политических журналах, книговедческих изданиях, в том числе в энциклопедическом словаре «Книговедение».

ВЛАДИМИР ЯКОВЛЕВИЧ ЛАЗАРЕВ (р. 1936)

Поэт. Прозаик. Литературовед. Автор книг «Тульские истории», «Сокровенная жизнь», «Брат милосердия», «Уроки Василия Жуковского» и других, а также статей по истории отечественной культуры. Составитель поэтических антологий.

ОЛЬГА ЭДГАРОВНА ТУГАНОВА

Доктор исторических наук. Старший научный сотрудник Института всеобщей истории АН СССР. Автор книг и статей по истории международных отношений и истории мировой культуры.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ РОМАНОВ (р. 1947)

Поэт. Переводчик. Автор книг стихов «Музыка травы» и «Денница». Занимается изучением истории русского сонета (составил антологию «Русский сонет XVIII — начала XX в.»).

ВАСИЛИЙ ВАСИЛЬЕВИЧ КАЗИН (1898—1982)

Поэт. Переводчик. Автор сборников «Рабочий май», «Возвращение» и других, посмертно изданной книги «Лик любви», поэм «Лисья шуба и любовь», «Беломорская поэма», «Великий почин», «Москва».

SUMMARIES

NUKOLAI GRIBACHEV
Our basic values

The acclaimed writer, editor of three magazines, Lenin and the State Literary Prize winner describes people and events ranging from the First Writers' Congress (1934), M. Gorky and A. Fadeyev to the books he read as a boy, his home library and literary preferences.

PAVEL KUPRIANOVSKY
At the dawn of freedom

This year sees the eightieth anniversary of the first Council of Workers' Deputies set up in Ivanovo-Voznesensk in 1905. The article portrays some proletarian poets from Ivanovo-Voznesensk—Nozdrin, Semenovsky, Zhizhin and others, and gives a survey of their books acquired by V. I. Lenin for his library in the Kremlin.

SERGEI SHUVALOV
Book promoters' society

One of the leaders of the All-Union Bibliophile Society comprising about 16 million members, traces the history of the Society back to its origination and discusse ways and means of boosting fiction and books on science, economy and politics.

PAVEL BUKOBETSKY
USSR—Nicaragya: a chapter in the history of solidarity

A review of the first Soviet book on Nicaragua «Why the US Is At War With Nicaragua» (1927).

OLEG SHESTINSKY
In the world of Russian and Bulgarian books

The popular poet and translator interviewed by Yelena Andreyeva outlines Soviet and Bulgarian relations as far as publishing is concerned and observes on the popularity of Bulgarian books in the USSR.

VLADIMIR BAKHTIN
"Strong are the links between our past and future"

V. Bakhtin has been making records of Russian, Rumanian and Mongolian folklore for many years. His field expeditions have resulted in a number of collections of folk poetry. The way most of them were compiled is described here.

PAVEL POCHTOVIK
A new branch of bibliophily

A brief account of miniature books collecting in this country.

OLEG LASUNSKY
An indomitable collector

An ogranizer of Moscow Miniature Books Collectors' Club, Pavel Pochtovik is eighty this year. Many publishing houses in this country have produced unique miniature editions on his initiative.

VLADIMIR LESOVOY
Lodestar books

A journalist and bibliophile speaks on what idea of book collecting he has stuck to while selecting books for his home library.

GALINA MARKOVA
Sergei Markov's Pacific card-index

The late Sergei Markov, popular writer and poet kept a card-index on geography, history and culture of the Pacific region. As a member of Soviet and American Geographic societies, Markov made a significant contribution in the development of geography.

NATALIA IVASCHENKO, NATALIA KORSCHUNOVA
The collector

This publication concludes the biographic sketch on the patriarch of Moscow bibliophiles Michail Ivanovitch Tchuvanov (see "Bibliophile Almanac" No 18).

OLEG MISHIN
The origin of "Kalevala"

A poet, translator and literary researchist after a profound study of "Kalevala" shows that the epic is not a folklore poem—in fact, it is written by Ellis Loennrot.

TAMARA YUFA
Colours of "Kalevala"

The artist speak of her work at illustrations to "Kalevala" and other books and of the impact of Japanese art on her style.

PJOTR MUTANEN
Larin Paraske's folklore collection

L. Paraske, Russian-born bard from Finland is regarded as a most gifted and voluminous master of the genre. So far her name has been unknown to Russian readers. The article is supplemented with some of her songs translated by Oleg Mishin, their plots resembling episodes from "Kalevala".

ALEXANDER CHISTYAKOV
"Ogonek" library

A. Chistyakov's collection includes a complete set of booklets (1.300) issued as a supplement to the "Ogonek" popular magazine.

VICTOR UTKOV
The ways of forgotten books

Writing on books published in Siberia, V.Utkov presents some rare editions from his home library, including poems by Yershov and Goltz-Miller.

VALENTIN LAVROV
"Within the bounds of this world..."

A Moscow bibliophile describes his collection of I. Bunin's autographs, cites some unpublished letters by the great Russian writer and dwells upon his marginalia.

ALEXANDRA PISTUNOVA
"In the silence of thunder"

The acclaimed art critic traces the stylistic evolution of Mayakovsky's graphic works that establish his place in the front ranks of Post-Revolutionary artists.

LEV OZEROV
The last august, or Schepkin in the Crimea

The poem describes the last days of M. Schepkin, the great Russian actor of XIX century.

LEONID YUNIVERG
Publishing history of L. Leonov's early books

The article explores L. Leonov's contacts with M. Sobashnikov and other publishers.

VLADIMIR LAZAREV, OLGA TUGANOVA
Wielhelm von Polenz in Russia

Works by W. von Polenz were appreciated by Leo Tolstoi and A. Chekhov. During 1900—1920 his books went through dozens of editions. The authors attempt to revive general interest toward the forgotten writer and survey all Russian editions of his works. The publication includes the writer's letter to L.Tolstoi.

BORIS ROMANOV
A chronicher

The poem oitlines the figure of a typical Medieval chronicher.

VASILY KAZIN
My friends and aids

The last interview given by the poet shortly before his death.

СОДЕРЖАНИЕ

КНИГА И ЖИЗНЬ

Николай Грибачев. Наше жизненное кредо. *Беседу вела К. Хромова* 7
Павел Куприяновский. «Хвалит Горький» 21
С. Шувалов. Общество пропагандистов книги 40
П. Буковецкий. СССР — Никарагуа: страница дружбы 51
Олег Шестинский. В мире книги русской и болгарской. *Беседу вела Елена Андреева* 53
Владимир Бахтин. «И связь времен нерасторжима...» *Беседу вела Елизавета Захарова* 62

Из практики библиофильского движения

П. Почтовик. Новая отрасль библиофильства. О собирательстве миниатюрных книг 83
Олег Ласунский. Этот неугомонный Почтовик 90
Владимир Лесовой. Путеводные книги 98

БИБЛИОТЕКИ И БИБЛИОФИЛЫ

Г. Маркова. Тихоокеанская картотека Сергея Маркова 107
Н. Иващенко, Н. Коршунова. Собиратель (Окончание) 125

ДЕЛА МИНУВШИЕ

К 150-летию первого издания «Калевалы»

Олег Мишин. Как создавалась «Калевала» 157
Тамара Юфа. Краски «Калевалы». *Беседу вел А. Кузнецов* 172
П. Мутанен. Народная книга Ларин Параске 184

ПОИСКИ И НАХОДКИ

А. Чистяков. «Библиотека „Огонька“» 195
Виктор Утков. Живое и минувшее 202
Валентин Лавров. «В мире круга земного». За строкой автографов И. А. Бунина 214

РЕЗЦОМ И КИСТЬЮ

Александра Пистунова. «В тишине грохота». Заметки о Маяковском-художнике 239

КНИЖНЫЙ РАЗВАЛ

Л. Юниверг. Из истории издания первых книг Л. М. Леонова 265
Владимир Лазарев, Ольга Туганова. Русские издания сочинений Вильгельма Поленца 274

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

Василий Казин. Мои друзья и помощники. *Беседу вел Алексей Бархатов* 291

В ПОЭТИЧЕСКОЙ РУБРИКЕ

Александр Трофимов. «Смотрю душой внимательной вокруг...» 89
Людмила Букина. Восточная картина 104
Иннокентий Анненский. Третий мучительный сонет. Строфы 154
Василий Вашенцев. Надежда 171
А. Р. Палей. «Я у себя. Здесь разнородность встреч...» 236
Лев Озеров. Последний август, или Щепкин в Крыму. Повесть в стихах 250
Борис Романов. Летописец 287

Именной указатель 297
Коротко об авторах 305
Резюме на английском языке 308

АЛЬМАНАХ БИБЛИОФИЛА

Выпуск девятнадцатый

Редакторы ВОК *Л. В. Букина, А. М. Кузнецов*
Редактор издательства *М. Я. Фильштейн*
Художественный редактор *Н. Д. Карандашов*
Технический редактор *А. З. Коган*
Корректор *И. О. Савина*

НК

Сдано в набор 24.04.85. Подписано в печать 23.10.85. А01269. Формат 60×84/16. Бум. офсетная № 1-70 г., офсетная 120 г. Гарнитура школьная. Офсетная печать. Усл. печ. л. 18,14+0,93. Усл. кр.-отт. 44,64. Уч.-изд. л. 18,65+0,77. Тираж 75 000 (2-й завод 35 001—75 000) экз. Изд. № 4120. Заказ № 1085. Цена 1 р. 30 к.

Издательство «Книга», 125047, Москва, ул. Горького, 50. Ордена Октябрьской Революции и ордена Трудового Красного Знамени МПО «Первая Образцовая типография» имени А. А. Жданова Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 113054, Москва, Валовая, 28.